

НУРБЕЙ ГУЛИА

ЛЮБОВНАЯ

ИСПОВЕДЬ
ТАМАРОВЕДА

Москва
Глобус
2006

УДК 84(2Рос=Рус)6-4
ББК 82-312.6
Г94

Гулиа Н.
Г94 Любовная исповедь тамароведа / Худож. В. Е. Горин. —
М.: Глобулус, 2006. — 328 с.

ISBN 5-94851-167-7

Книга повествует о загадочном явлении, касающемся личной жизни автора. Еще в молодости он услышал Голос — ему было предсказано встретить ту единственную, что станет его судьбой, но для этого предстояло пройти долгий путь — длиною в целых тридцать лет. Все описанные события — реальные. Книга написана живым, разговорным языком; автор предельно откровенен в своей исповеди.

Для широкого круга читателей.

УДК 84(2Рос=Рус)6-4
ББК 82-312.6

Гулиа Нурбей Владимирович

ЛЮБОВНАЯ ИСПОВЕДЬ ТАМАРОВЕДА

Редактор *Г. И. Эрли*
Дизайн обложки *Е. Г. Земцовой*
Технический редактор *Ж. М. Голубева*
Компьютерная верстка *Е. Ю. Бобылевой*
Корректор *В. Д. Четверикова*

Подписано в печать 00.00.2006. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Балтика. Усл. печ. л. 00,0. Уч.-изд. л. 00,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 0000.

ООО «Глобулус».
107045, г. Москва, Пушкин пер., д. 16.
Круглосуточный многоканальный тел./факс (495) 221-19-51.
E-mail: globulus@enas.ru <http://www.enas.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010, г. Люберцы, Московская обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86.

ISBN 5-94851-167-7

© Н. В. Гулиа, 2006

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Автор этой книги — мой давний друг. Он — доктор наук, профессор, автор около тысячи научных трудов и изобретений, десятков научных, научно-популярных и научно-художественных книг. О нем и его удивительных приключениях писали газеты и журналы.

Перед вами второе и пока последнее художественное произведение Гулиа. Первая книга — «Русский Декамерон, или О событиях загадочных и невероятных» вышла в 2006 году и тесно перекликается с последней. Но если «Русский Декамерон» повествует о невероятных событиях, вообще часто происходивших с автором, то вторая — посвящена необычным историям его личной жизни, отношениям с противоположным полом. Дело в том, что имя Тамара играло судьбоносную роль в жизни героя книги, из-за чего он и получил прозвище «тамаровед».

Когда герой встретил свою первую Тамару, ему было предсказано, что обвенчается он с женщиной с таким именем, но не первой и не последней в его жизни. Этой избранницей должна была стать... Тамара предпоследняя. Последняя же должна лишь нести венец над ее головой! Отсюда и весь конфликт в любовной жизни автора-героя: попробуйте представить себя на его месте, когда кончаются отношения с одной Тамарой и возникает любовь к другой, в данном случае — последней. Которая всего-навсего должна нести венец над головой уже оставленной предпоследней Тамары! Да, трудную задачу задал герою Голос, сделавший ему столь каверзное предсказание!

Но в результате все получилось в точном соответствии с этим предсказанием. И этому свидетель не только я — друг автора, но и все люди, окружавшие его, а их было немало. Сколько сбывшихся предсказаний знает история — не счесть! Но научная подоплека этого таинственного явления до сих пор неясна. Может быть, эта книга, написанная ученым-исследователем, откровенная и правдивая, поможет нам, наконец, раскрыть эту тайну человеческого бытия?

Александр НИКОНОВ,
писатель

ОТ АВТОРА

Вначале я писал очень серьезные книги. Моя первая «толстая» книга появилась более тридцати лет назад и содержала более двухсот сложных формул. Эти формулы даже понять, не то что сочинить, без пол-литры, ну, никак было нельзя. И, чтобы не спиться, я начал писать все менее и менее серьезные книги. После первого десятка нудных научных книг пошли более веселые — научно-популярные. Эти хорошо шли даже под сухое вино, поэтому у них и тираж был побольше, и читатель помоложе. А там пошли и научно-художественные. Их можно было читать и под пепси. Тут тиражи измерялись уже сотнями тысяч, и эти книги начали издавать даже в зарубежных странах. В дальнейшем, как говорится, зарубежье.

Нет бы продолжать в том же духе и дальше, но автора потянуло на литературу чисто художественную, беллетристику, так сказать, лишенную всяких там научных основ. С присутствием скорее основ мистически-эротических. Конкуренцию, видите ли, хотел составить Ги де Мопассану! А то и самому Боккаччо — классику эпохи Ренессанса. Вот и разродился автор книжкой под названием «Русский Декамерон...». Декамерон итальянский, видите ли, устарел, и вот вам — новый. Национальный по духу и современный по исполнению. Для тех, кто «берет от жизни все»!

Что и говорить, намерения у автора были вполне благими. Да только такими, говорят, дорогу в какое-то нехорошее место мостят. Вот и вымостили они ему туда дорогу — клянет серьезный, особенно ученый, читатель автора и анафеме его предает. Дескать, не бывает так, как пишет автор. И нельзя доверять воспитание нашей молодежи такому эротоману! Пусть лучше «берут от жизни все», чем читать такое! А то будут брать от жизни не все, а только самое запретное!

Но не тут-то было — автора не запугаешь! Шалишь — не на того, как говорится, напали! И вот — «наш ответ Керзону» — новая книжка того же суперлегкого жанра, и так же основанная на реальных событиях. Событиях, можно сказать, не вполне монастырской нравственности, но правдивых, происшедших с автором в нашей родной стране. Как в старое время, когда сексом у нас и не пахло, так и в новое — время становления рус-

ской сексуальной революции. И события эти касаются не только «тамароведческой», но и другой его деятельности сексуальной направленности.

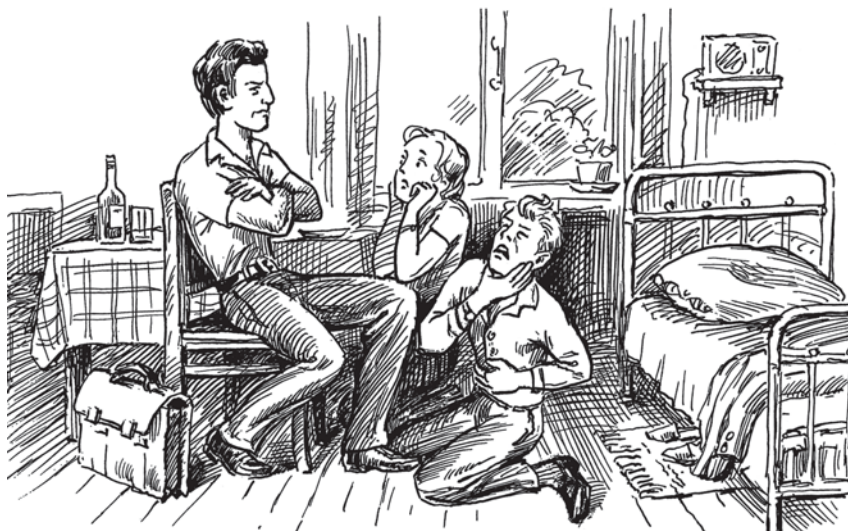
Для тех, кто не читал моего «Русского Декамерона...», сообщая, что в жизни автора действительно имел место феномен «тамароведения». В первую интимную его ночь с первой женщиной по имени Тамара Голос свыше поведал автору, что имя это будет судьбоносным в его жизни. Но окончательной избранницей его окажется Тамара, как это ни парадоксально, предпоследняя по счету. А как определить, какая из Тамар предпоследняя, — Голос, к сожалению, автора не научил.

Тридцать лет автор шел прямыми и извилистыми тропами в поисках именно своей — предпоследней Тамары. Он даже получил от своей первой жены прозвище «тамароведа», которое к нему так и «прилепилось». Автору везло не всегда — кроме Тамар на его жизненном пути попадались и другие имена, правда, тоже прекрасные. И как только он начинал сомневаться в предсказании, судьба его круто разворачивалась — он опять знакомился с Тамарой.

Сложность состояла и в том, что, согласно предсказанию, последняя Тамара должна была «нести венец над головой предпоследней». Можно представить себе ужас автора, когда на жизненном пути ему встретилась Тамара ростом свыше двух метров. Он не хотел, чтобы она оказалась последней, потому что не собиравшись жениться на ее предшественнице. А найти Тамару последнюю такого роста, чтобы она смогла поднять венец над головой гигантши-предпоследней, было просто невозможно. Но все в результате устаканилось, все пошло по пути, предсказанному Голосом. И при любой, вольной или невольной попытке свернуть с этого пути, автор получал «по ушам». От кого, от кого? — От Голоса, вестимо! Но все равно — больно!

Итак, читайте на здоровье мою «Любовную исповедь...» и учитесь на моих ошибках. Говорят, это намного полезнее, чем учиться на своих. Готов к вашей критике, ругани и даже анафемам. Как всегда — за то, что я рублю «правду-матку», в переносном, конечно, смысле. За откровенность, иногда вредную для репутации автора. А также за то, что некоторые эпизоды, по счастью немногие, из «Русского Декамерона...» встречаются и в «Любовной исповеди...». Ну, не стыкуется личная жизнь без них — и все тут!

Но хотелось бы и добрых слов — ведь столько лет, столько здоровья, столько чувств затрачено в этой полной любви и необыкновенных приключений жизни! Нет, конечно же, не зря! Но, в том числе и для того, чтобы вы получили от ознакомления с ней не только полезный опыт, но и приятное времяпрепровождение!

Глава первая ВРЕМЕНА ДОИСТОРИЧЕСКИЕ

ЛЮБОВНАЯ НЕВЕЗУХА

Начинаю свою исповедь со времен платонических, когда связи с противоположным, то бишь женским, полом были исключительно идеальными. Таковыми они были, может быть, только для прекрасных дам, потому что для меня эти отношения были горше горькой редьки. Натерпелся я тогда — на всю жизнь хватило! Так что, если кто и обвинит меня в последующей нелояльности к упомянутому полу, будет неправ. Ибо получил бяки я от его представительниц во времена платонические достаточно. Для появления стойкой нелояльности, по крайней мере.

Родился и пошел в школу я в городе Тбилиси, где жил в коммунальной квартире с мамой и бабушкой. Мой отец и муж бабушки (мой неродной дед) погибли на войне, в семье было тоскливо и бедно. Классе в третьем я впервые начал ощущать, по-культурному выражаясь, либидо, или сексуальное влечение к девчонкам. Примерно в это же время во мне возникла страсть (пока возвышенная) к противоположному полу, которую условно называют любовью.

Первое ее проявление я почувствовал поздней весной, а может быть, ранним летом 1949 года (помню, что это был год 70-летия Сталина), когда мне было 9 лет. Мама повела меня в цирк, если мне не изменяет память, на одно из первых представлений Юрия Никулина, которое проходило именно в Тбилиси. Цирк в Тбилиси расположен в очень живописном месте — на горке над Курой, очень напоминающей Владимирскую горку в Киеве над Днепром. А на склоне до самой Куры простирался Парк физкультурника, весь в извилистых дорожках и цветущих кустах. Этот парк пользовался дурной славой «парка влюбленных», и вечерами он прямо кишел парочками.

Но представление в цирке было утреннее, мы с мамой познакомились со своими соседями по местам — молодыми супругами с дочкой Сашей — моей ровесницей, и после представления вместе пошли гулять в парк. А в парке во всю цвели кусты, как мне помнится, диких роз с одуряюще сильным притягательным ароматом. Я как сейчас помню родителей Саши: отца — военного в форме с погонами, и его жену — в белой кофте и черной юбке. Оба супруга были улыбчивыми, стройными, голубоглазыми блондинами; их дочка Саша с двумя косичками белокурых волос, перевязанных белыми бантами, была одета в белое платьице и белые же туфельки. Вся группа представляла, по современным понятиям, прекрасную модель для рекламы бленд-а-меда, динола или здорового отдыха на курорте где-нибудь в Турции или в Египте. Родители наши сели на садовую скамейку, а мы с Сашей принялись бегать по тропинкам и срывать пахучие цветы. Набрав букеты, мы прибежали к родителям и оставляли цветы мамам, каждый своей.

На каком-то из «забегов» я оказался с Сашей под цветущим кустом, с которого мы уже успели кое-что оборвать. Я увидел вблизи лицо Саши, показавшееся мне таким совершенством, которого я раньше и представить себе не мог. Светлые, длинные, загнутые вверх ресницы вокруг голубых глаз-озер, персиковая детская кожа на пухлых щечках, чуть вздернутый носик и пухлые розовые полуоткрытые губки. В этом лице было что-то от красивой куклы Мальвины, но в отличие от «мертвой» куклы, Саша необыкновенно притягивала меня к себе своей живостью, со мной происходило что-то фантастическое. Я как во сне протянул ей мой букет, и она взяла его, не переставая пристально смотреть мне в глаза.

— Саша, я люблю тебя! — совершенно неожиданно, автоматически вырвалось у меня.

— Я тебя тоже! — видимо, так же автоматически отвечала Саша, не отрывая взгляда от моих глаз. Я заметил, как она часто и отрывисто задышала, и запах ее дыхания, отдающий почему-то молоком, вместе с запахом цветов окончательно вскружил мне голову.

— Саша, я хочу жениться на тебе, давай никогда-никогда не расставаться! — молот я на ухо девочке эту чепуху.

— Давай! — тихо ответила Саша, отвела глаза и как-то съежилась, повернувшись ко мне боком. Я нагнулся и быстро поцеловал ее в пухлую персиковую щечку, после чего она сорвалась с места и побежала. Я, разумеется, — за ней. Она носилась по извилистым тропинкам, пряталась от меня за деревья, выглядывая оттуда, как зверек, то справа, то слева, повизгивала, но поймать себя не давала.

Так мы и выбежали на поляну к скамейке, где сидели старшие. Тут они поднялись, заметили нам, что мы уж очень разбегались, и стали собираться домой. Мы спустились с цирковой горки по длинной и широкой лестнице и стали прощаться. Мама попрощалась с Сашиными родителями, как тогда было принято, за руку, и мы с Сашей повторили это. Мы разошлись в разные стороны.

Всю дорогу домой я забегал вперед, карабкался на платаны, которые росли по пути, а переходя через мост Челюскинцев над Курой, вдруг неожиданно забрался на перила. Подо мной в страшной пропасти текла мутная горная река. Испуганная мама бегом бросилась ко мне и сняла с опасного места.

— Что-то ты перевозбудился сегодня! — подозрительным голосом заметила она мне, — Саша, что ли, подействовала?

Я только потупил голову в ответ. А трагедия, первая моя детская трагедия подобного рода, произошла уже дома, когда я неожиданно спросил маму:

— Мама, а когда мы пойдём в гости к Саше?

— Никогда! — удивленно ответила мама, — а зачем нам ходить в гости к незнакомым людям? Да я и не знаю, где они живут!

Только после этих слов я представил себе весь ужас положения — я никогда больше не увижу Сашу!

— Как, — закричал я, — почему ты не спросила, где они живут, я ведь должен жениться на Саше, я ее люблю, я обещал!

Громкий хохот мамы отрезвил меня.

— Жениться, говоришь? А женилка у тебя для этого отросла?

— Цаца, не надо так с ребенком, видишь, он плачет, — укоризненно заметила ей бабушка.

«Цаца» — это было домашнее прозвище мамы, так называли ее друзья и родственники. На работе же сотрудники ее звали «Марго». А настоящее имя ее — Маргарита.

Я не только плакал, я ревел по-звериному и с разбегу бился головой о стену. Мысль о том, что я больше никогда-никогда в жизни не увижу Сашу, убивала меня, жизнь теперь казалась мне одной непрерывной мукой. Я продолжал биться головой о стену, хотя бабушка и пыталась подложить между стеной и головой подушку.

Дело закончилось тем, что в комнату заглянула наша соседка по коммунальной квартире — молодая еврейка Рива, обеспокоенная ударами в ее стенку. Увидев происходящее, она раскрыла рот от удивления, а потом громко и презрительно произнесла:

— Что ни день, то «новости дня»!

Через несколько дней тоска по Саше прошла. Конечно, я думал о ней, засыпая вечером в постели, грезы были одна сладостнее другой. Даже сейчас я иногда вспоминаю ее, и жалость, жалость о возможно утерянном счастье терзает меня...

К четырнадцати годам я снова влюбился, и эта любовь стала для меня настоящим несчастьем. Во всяком случае, я получил от любви совершенно негативное впечатление — одни разочарования и унижения. Конечно, может, я и сам виноват в этом.

Полюбил я мою соседку по дому — девочку Фаину. Ее родители — отец Эмиль (Миля) и мать Зина с дочкой и малолетним сыном поселились недавно в нашем доме этажом ниже нашего, и их комната была точно под моей. В 1954 году весной, Фаина, тогда 12-летняя девочка, нанесла свой первый визит к нам в квартиру.

Звонок, я открываю дверь и вижу на пороге ангелочка — толстая золотая коса с бантом, голубые глаза, брови вразлет, пухлые розовые губки, слегка смуглая атласная кожа.

— Я знакомлюсь со всеми соседями! — объявила девочка-ангелочек, — меня зовут Фаина, мы недавно поселились у вас в доме. — И она, не ожидая приглашения, вошла на веранду. Я стоял как истукан у дверей, не в силах пошевелиться — настолько порастил меня облик этой девочки. Она как будто вошла не в двери, а прямо в мой организм, захватив его сразу, как сонм болезнетворных микробов. Вот, оказывается, что называется «любовью с первого взгляда»! Болезнетворные микробы поразили в первую очередь мои ноги — я лишился возможности свободно передвигаться. Ноги не сгибались в коленях, одеревенели, и я отошел от двери, как на ходулях.

Из комнаты вышла бабушка, приветливо встретила Фаину:

— Нурик, смотри, какая красивая девочка пришла к нам в гости! Наверное, она станет твоей невестой! Да ты отойди от двери, встреть девочку, проводи ее в комнату!

Я весь зарделся, на непослушных ногах отошел от двери и вслед за Фаиной зашел в комнату. Бабушка поила Фаину чаем с вареньем, расспрашивая про ее родителей. Отец оказался рабочим-гальваником, мать — домохозяйкой. Заранее замечу, что довольно странно для еврея — рабочий вредного производства, вдобавок, как оказалось — пьяница и дебошир. Чуть ли не каждый день он приходил домой пьяным и бил жену Зину, которая кричала истошным голосом. И у таких родителей — царственной красоты дочь!

Фаина сразу же почувствовала мое смущение, правильно его поняла и теперь смотрела на меня взглядом победительницы, сквозь слегка опущенные ресницы.

Бабушка опытным взглядом оценила ситуацию и, как бы невзначай, спросила:

— Нурик, а Жанна сегодня должна к тебе прийти?

Жанна, дочь наших знакомых, уже не была у нас несколько лет, и я чуть было не спросил, о какой Жанне идет речь.

Но Фаина опередила меня:

— А она красивая? — тут же спросила она у бабушки.

— Да, конечно, — подначила она Фаину.

Фаина, громко вздохнув, перевела тему разговора. Эта девочка была прирожденной кокеткой! Она поинтересовалась, где я учусь — в какой школе, каком классе и так далее. Узнав, что я отличник, она деловито заметила:

— Значит, будешь помогать мне делать уроки!

В практической ей отказать было нельзя. Всю весну я решал за нее задачи, собирал гербарии, делал еще что-то. Она командовала мной со знанием дела. Например, сажала меня делать ее уроки, а сама заявляла:

— А я пойду играть во двор, и чтобы к моему приходу все было готово!

Я, как китайский болванчик, только кивал головой. К лету я уже был безнадежно в нее влюблен. Я видел ее в фантастических снах и нередко вечерами плакал в подушку. Рано плакал, слабак! До настоящих слез было, действительно, еще далеко.

Годам к пятнадцати я начал заниматься тяжелой атлетикой — ходил в зал штанги. Тренировался я довольно успешно, результаты не заставили себя ждать — я получил спортивный разряд. А довольный тренер подарил мне старую списанную штангу, которую я с помощью дворовых мальчишек с грохотом прикатил во двор. Запер ее в пустующей дворничкой и выкатывал во двор для тренировок.

Так я устроил во дворе филиал зала штанги. Моими постоянными зрителями были дворовые мальчишки, восхищенно наблюдавшие за упражнениями. Особенно преданным зрителем был мальчик лет двенадцати — Владик, житель «того двора». Так прозвали мы пустырь за нашим двором, где в «бидонвиях» жили бывшие бездомные, в основном, мигранты. Он жил в каморке вдвоем со своей мамой Любой — молодой красивой женщиной, вслед которой обычно смотрели все мужчины, пока она, покачивая бедрами, проходила через наш двор, следуя на свой «тот двор».

Владик для своих лет был достаточно крупным мальчиком, с красивой фигурой и смазливym лицом. Белокурые, почти белые волосы, голубые глаза, пухлые губы, нежная, слегка обвет-

ренная кожа. Мальчик стал, буквально, моей тенью, он провожал меня на стадион, сидел во время тренировки на полу в углу зала, наблюдая за спортсменами. Затем шел за мной домой и оставался во дворе до вечера. У себя в каморке он почти не сидел, все свободное время он играл во дворе. Надо сказать, что и Фаина, которая была чуть постарше Владика, тоже почти весь день пропадала во дворе, дружила с дворовыми мальчишками. Остальные девочки, живущие в нашем доме, появлялись во дворе редко.

Я, как и весной, продолжал помогать ей с уроками, но отношение ее ко мне становилось все безразличнее. Не помогало ни мое «руководящее» положение во дворе, ни всеобщее восхищение дворовых детей моей силой. Я стал подозревать, что она увлеклась мальчиком, живущим на первом этаже дома, — Томасом.

Она постоянно следила за Томасом, и стоило ему появиться во дворе, как Фаина начинала громко смеяться и вертеться вокруг него. Томас был ровесником Владика и, стало быть, моложе Фаины. Худенький, чернявый мальчик небольшого роста, разговаривающий, в основном, по-грузински. Чем он привлек внимание красавицы Фаины?

Я любил Фаину все сильнее, и ее безразличие просто убивало меня. Целые дни я думал о ней и о том, как привлечь к себе ее внимание. Бабушка видела мои страдания, но не знала, как помочь. Мама же считала все мои увлечения «блажью» — и Фаину, и штангу; она как-то не воспринимала меня самого и мою жизнь всерьез и мало интересовалась моими делами.

А о моей любви, к сожалению, безответной, во дворе стало хорошо известно. Да это просто бросалось в глаза каждому: я часто отзывал Фаину в сторону, упрекал, просил о встрече. Ей надоело все это, и она даже перестала пользоваться моей помощью в учебе. Тогда я стал ее прогонять со двора: вроде бы она мешает мне тренироваться, что тут не место для девчонок и так далее. Дошло до того, что я обвинил ее в приставании к Томасу, а она с ненавистью ответила мне по-грузински: «Сазизгаро!» («Мерзкий, ненавистный!»). Мы поссорились. Я, хоть и продолжал гонять ее со двора, страшно переживал и плакал по ночам в подушку — «мою подружку». Она тогда стала ходить домой к Томасу, откуда я ее выгнать не мог. Бить же Томаса не имело никакого смысла — было заметно, что он к ней равнодушен, видимо, возраст не позволял.

Наконец и мама заметила мою любовь, но отреагировала на нее жестко. Как-то я провинился в чем-то — то ли нагрубил, то ли не исполнил чего-то, и мама резко сказала мне:

— Вот за это Фаина любит не тебя, а Томаса, и такого тебя никто не полюбит...

— | |

— | |

Это было запрещенным приемом: ударить маму я не мог, но и стерпеть этих слов — тоже. Все помутилось у меня в голове, и я рухнул в обморок. Раньше со мной этого не случалось. Когда я пришел в себя, мама извинилась, чего тоже раньше не делала.

Все контакты с Фаиной оборвались — она меня явно избегала. Один Владик был со мной рядом, он постоянно приходил ко мне и проводил со мной все свободное время. Я и в школу на какое-то время перестал ходить: узнают о моей любви — издевательств не оберешься!

И за период вынужденного безделья мне в голову пришла мысль, которую назвать умной никак было нельзя. Я тайно фотографировал Фаину, и у меня было несколько негативов. Однажды я даже сумел сфотографировать ее в ванной, где она купалась. Мне это чуть не стоило жизни — я по стене с железного балкона дополз, цепляясь за выбитые кирпичи и остатки креплений бывшей лестницы, до окна в ее ванную на втором этаже. В нашем доме ванны были совмещены с туалетом и имели большое окно во двор. Летом соседи чаще всего ставили на подоконник ванной ведра с водой, вода грелась на солнце, и этой водой они потом обливались. Во время такого купания я и сфотографировал Фаину в обнаженном виде. Она орала и пыталась облить меня водой, но родителям ничего не сказала.

Так вот, имея этот негатив, я несколько раз сфотографировал себя в своей ванной в подходящих позах и без одежды. Позы должны были подходить к той, в которой была Фаина на снимке. Затем из готовых и крупных фотографий я сделал монтаж и сфотографировал его снова. Проявив пленку, я обнаружил, что работа вышла на славу — монтаж удался. Я выбирал вечер, когда смогу запереться на кухне и изготовить позитивы.

Владик, буквально со слезами на глазах, упрямил меня взять его с собой и показать, как это делается. Меня смущала только конспиративность в отношении «криминальных» фотографий. Владик знал о том, что я люблю Фаину, и я задумал испытать на нем впечатление от монтажа.

Итак, мы с Владиком в запертой и затемненной кухне; перед нами ванночки с проявителем, ведро с водой для промывания фотографий. На столе — увеличитель и красный фонарь. Сейчас, когда фотографии заказывают в ателье, эта картина кажется диким атавизмом, но именно так и изготовлялись фотографии в то время. Тем более «криминальные».

Я подложил под красное изображение бумагу и откинул светофильтр, утопил бумагу в проявителе, придвинул красный фонарь и с замиранием сердца стал ждать результата. Обняв меня за спину, Владик тоже напряженно смотрел в ванночку. И наконец появилось, на глазах темнея, заветное изображение: об-

наженная Фаина, стоящая по колени в ванной, а сзади я обнимаю ее руками за талию, высовываясь сбоку. Лица у нас оскаленные — то ли в улыбке, то ли в экстазе.

Владик аж рот раскрыл от неожиданности:

— Так ты с ней спал? — страшным шепотом спросил он меня, отпустив мою спину и заглядывая прямо в глаза.

— А что, не видно, что ли? — уклончиво ответил я, отводя глаза от пристального взгляда Владика.

— Что ж она, сучка, говорила мне, что у нее с тобой ничего не было! Все девчонки — суки! И на что она тебе нужна? — горячо говорил Владик, — во-первых, она еврейка, а они все хитрые и продажные; во-вторых — она бессовестно увивается за Томасом, а он плевать на нее хотел! Да она — лихорадка тропическая! — употребил он в сердцах термин, вероятно заимствованный от матери-медсестры.

— Ну а тебе, собственно, что за дело? — удивился я, — ну, может, она и сука, может, и лихорадка, а тебе-то что?

Даже при свете красного фонаря мне показалось, что Владик побледнел.

— Мне что за дело? Мне что за дело? — дважды повторил он и вдруг решительно произнес тем же страшным шепотом: — А то, что я люблю тебя, ты что, не видишь? И я не отдам тебя всякой сучке! Ты женишься на мне, может, не открыто, не для всех — а тайно, только для нас!

Владик стал хватать меня за плечи, пытаясь поцеловать. Я был совершенно обескуражен — ничего не понимая, я тараторил на Владика, увертываясь от его поцелуев.

— А ну-ка, дай себя поцеловать! И сам поцелуй меня! — так властно потребовал Владик, что я невольно пригнулся, подставив ему свое лицо. До сих пор не знаю, целовала ли меня за всю жизнь, жизнь долгую и отнюдь не монашескую, какая-нибудь женщина так искренне, так страстно и с таким страхом, что все вот-вот кончится!

За этими внезапными поцелуями я и не заметил, как руки Владика стали шарить меня совсем не там, где положено. Это меня сразу отрезвило — мальчик-то несовершеннолетний! В нашем дворе ничего не скроешь (хорошо, что я тогда понял эту очевидную истину!). Все дойдет до Фаины, и тогда вообще конец всему! Голова у меня уже кружилась, но я нашел силы оттолкнуть Владика, успокоить его и отпечатать несколько фотографий. Чтобы никто посторонний не увидел, я их тут же отглянцевал и спрятал. Владика просил об этом никому не рассказывать. Совершенно выбитый из колеи, я проводил его до дверей и, поцеловав, отпустил домой. Сам же остался прибираться на кухне.

Никогда, наверное, у меня не было таких сумбурных снов, как в эту ночь. Я видел, как я в цветущих кустах целую Сашу, и ее лицо вдруг превращается в лицо Владика. Я продолжаю целовать это лицо и страстно говорю: «Я люблю тебя, я женюсь на тебе!» Проснувшись, я поразился, насколько Владик действительно похож на Сашу, на повзрослевшую девочку Сашу. Как только это сходство не бросилось мне в глаза раньше! И тут же, заснув, вижу разъяренное лицо Фаины, кричащее мне: «Сазизгаро!» («Мерзкий!»).

На следующий день я, наконец, пошел в школу. Учителя даже не спросили, почему я не ходил.

А дома меня ожидал сюрприз, предсказанный последним сном. Фаина встретила меня у лестницы, не дав подняться домой. Она с улыбкой пригласила меня погулять во дворе. Надежда уже стала просыпаться в моей душе, как вдруг Фаина повернула ко мне свое искаженное злобой лицо и, кривя рот, спросила:

— Так мы с тобой голые купались в ванной? И даже фотографировались при этом? — Она достала экземпляр злосчастной фотографии и разорвала у меня перед носом. — Да кто с тобой, уродом, вообще станет связываться, может, только педик какой-нибудь! Ко мне не подходи больше и не разговаривай, а покажешь кому-нибудь эту гадкую фотографию — все скажу отцу, тогда ты пропал! — И скривив лицо, как в моем сне, Фаина, прямо глядя на меня, прошептала: «Сазизгаро!», добавив по-русски: «Подонок!» В продолжение этого разговора я заметил, что Владик крутился где-то рядом. Как только Фаина отошла в сторону, ее место занял Владик.

— Нурик, прости, я стянул у тебя фотографию и проговорился, прости меня, если можешь! Я не хотел, так получилось! — канючил Владик.

В моей душе с Владиком было покончено. Как нелепо, что в результате страдает тот, кто любит, а человек, которого любят, швыряется этой любовью так, как будто ему тут же предложат что-то еще получше. Но тогда это был первый (но не последний!) подобный случай в моей жизни, и я злым шепотом ответил Владиду:

— Фаина сказала, что со мной может связаться только педик! Ты, наверное, и есть этот педик! Не смей больше подходить ко мне, подонок!

И я ушел от Владика, который остался стоять с поникшей головой.

Недели две я был, как говорят, в прострации. Спасали только тренировки, и я не вылезал из зала. Я стал отдавать себе отчет, что зря обидел Владика, мне было очень тоскливо без него. Некому, совершенно некому было излить душу. За последние два года я, что ни говори, тоже привязался к нему. Мне так захо-

телось возобновить отношения с Владиком, что я стал подумывать, как бы «подкатить» к нему и обернуть все шуткой.

Но жизнь, как любил говорить «отец народов» — товарищ Сталин, оказалась «богаче всяческих планов». Как-то, возвращаясь со школы, я заметил во дворе толпу соседей, в центре которой стояли: наш сосед дядя Минас, его жена Мануш и мама Владика — Люба. Люба что-то кричала Минасу, соседи гомонили, а затем она, размахивая руками, быстро ушла к себе «на тот двор».

— А твой друг Владик педерастом оказался! — почти радостно сообщила мне мама. — Застукали их во дворе в туалете с Ваником — сыном Минаса! Подумать только — Ваник, такой хороший мальчик, и — на тебе! Это, наверное, Владик сам его соблазнил! Кстати, у тебя, случайно, ничего с ним не было? А то он так липнул к тебе!

Я тихо покачал головой, давая понять, что ничего у меня с Владиком не было, может, к сожалению! Потом зашел на кухню, заперся, сел на табурет. Мыслей не было — перед глазами стоял только грязный, в луже дерьма, дворový туалет, ненавистный Ваник и несчастный, брошенный мной Владик. Чистый, красивый ребенок, не виноватый в том, что в его душе проснулось чувство именно ко мне. И как раз тогда, когда моя собственная душа была закрыта к чувству от кого бы то ни было, кроме Фаины. Все — ничего и никого больше не будет, дальше — одиночество!

Я открыл потайной ящичек, где у меня лежали яды — порошок опия, цианистый калий, кантаридин, который я сам готовил из зеленых жучков — шпанских мушек. Улыбнувшись себе, я выбрал кантаридин — любовный напиток. Раз решился на смерть от любви, пей любовный напиток — и подыхай!

Налил полстакана воды, накапал туда десять капель настойки кантаридина. Вода стала мутной, как молоко. И я чуть не рассмеялся — вот педант — отмерил точно смертельную дозу, как будто больше — повредит! Я опрокинул весь пузырек настойки в стакан и залпом выпил его.

Затем отпер двери кухни, вышел на веранду и стал безучастно смотреть во двор. В окне второго этажа я сразу заметил золотые волосы Фаины, которая смотрела в окна квартиры Томаса. Соседи во дворе не расходились, продолжая обсуждать злободневную тему: грехопадение дворových мальчишек.

Вдруг голова моя пошла кругом, резко заболел живот, и я упал на пол:

— Мама, — тихо прошептали губы, — я умираю!

Но умереть мне не удалось. Благодаря тому, что я выпил весь пузырек настойки, я остался жив. Обожженные настойкой пищевод и желудок вызвали сильную боль, из-за которой меня

срочно отправили в больницу и промыли. Так у меня не получился даже суицид из-за любви. Невезуха, да и только!

Летом я сдал экзамены в Тбилисский железнодорожный институт, позднее объединенный с более крупным — Политехническим.

После экзаменов я, как обычно летом, поехал на отдых к родственникам в Сухуми, на сей раз всего недели на две — больше времени не оставалось. Взял с собой резиновые эспандеры, чтобы не потерять спортивную форму. Жил я в доме деда — Дмитрия Гулиа — знаменитого писателя и поэта, бывшего тогда уже в преклонном возрасте, а купаться ездил на пляж в Новый Афон.

Весь день я проводил на пляже, то плавая, то делая «стойку» на руках, то занимаясь с эспандерами. К тому времени я имел вполне спортивную фигуру — мышцы, какие только можно было «накачать» без анаболических стероидов, о которых тогда знать не знали. У меня не было ни капли жира под кожей — по мне можно было изучать анатомию, широкие плечи и тонкая «осиная» талия — 56 сантиметров в обхвате. Как-то на пляже ко мне подошел местный фотограф и предложил бесплатно сфотографировать меня:

— Три штука — тебе, один большой штука — мне, на выставку! Идет? — предложил фотограф.

Он поставил меня в позу культуриста с согнутыми в локтях руками и сжатыми кулаками, щелкнул несколько раз затвором.

Назавтра, идя на пляж, я увидел на доске с фотографиями свой большой портрет. Фотография получилась на славу — я никогда не думал, что выгляжу столь внушительно. «Рисующий» солнечный свет подчеркивал рельефность мышц. Фотограф сдержал свое обещание и подарил мне три фотографии 9×12, одна из которых сохранилась у меня до сих пор. Когда у меня плохое настроение, я иногда смотрю на эту фотографию — красивое телосложение, рельефные мышцы, гордое надменное выражение лица супермена.

После появления этой фотографии на пляжной доске мои акции на пляже серьезно выросли. Утром же ко мне подошла симпатичная, невысокая, спортивного вида девушка.

— Я — акробатка первого разряда, зовут меня Нина, — представилась девушка, — я москвичка, учусь в МАИ на четвертом курсе, — добавила она, знакомясь.

— А я штангист того же разряда и только что поступил в железнодорожный институт в Тбилиси, — представился я, вставая.

Нина была поражена, узнав, что мне всего шестнадцать лет, она была уверена, что мне лет двадцать пять, не меньше. Мне всегда на вид давали больше реального возраста, даже сейчас...

Нина предложила мне «выжать» ее на вытянутых руках, а она попробует сделать на моих руках «стойку».

— Только сам держи равновесие, я этого сделать не смогу, — предупредила она.

Нина весила не больше пятидесяти килограммов, это была «пушинка» для меня. Я поднял ее на вытянутых руках, и Нина медленно, по-силовому, вышла в стойку. пляж заплодировал. Мы постепенно усложняли нашу программу, превратив наше пребывание на пляже в шоу для отдыхающих. Когда силовые упражнения надоедали, мы отправлялись плавать, плавали часами.

Плавая с Ниной, я заметил, что она заигрывает со мной, щупает меня за бока и ноги, обнимает за спину и приказывает «буксировать» ее. Она нравилась мне, но я ее боялся. Боялся, что, прояви я какую-нибудь инициативу, она, как и Фаина, обзовет меня подонком. Поэтому после пляжа я отправлялся прямо домой, не реагируя на предложения Нины встретиться вечером на танцплощадке. Танцплощадки я боялся как огня — я не умел танцевать и боялся опозориться.

Так подошло время моего отъезда домой — билет был уже куплен. Но когда я сообщил Нине о том, что завтра уезжаю, она повела себя, с моей точки зрения, странно.

— Как уезжаешь? Значит, я с тобой потеряла целую неделю! — сердито сказала она и даже привстала с песка, — я думала, что ты так осторожно кадришь меня, а тебе, выходит, вовсе не нужна женщина! Давай пройдемся! — предложила она.

Мы вышли в тенистую аллею, где почти не было народа.

— Что же ты так подвел меня, ведь я рассчитывала, что ты пробудешь до конца августа и мы успеем, — она замялась, — пожить вместе, как люди! Ну, ты даешь! — возмущенно закончила она.

Вдруг она неожиданно обернулась и спросила:

— Завтра, а когда?

Я понял, что она спрашивает про отъезд, и ответил:

— Поздно вечером, около двенадцати ночи.

— Тогда мы успеем! — быстро проговорила Нина и, нагнув мою голову к себе, поцеловала в губы.

Я вспомнил порывистые и страстные поцелуи Владика, но это было совсем другое. Нина втянула мои губы в свои и начала водить по ним языком, пытаясь раздвинуть их и проникнуть в рот. Я, не понимая этой «техники», плотно сжал губы и даже стал ее отпихивать.

Нина отодвинула свое лицо и посмотрела на меня серьезными глазами.

— Так ты что, нецелованный? — с жалостью спросила она.

Я ответил уклончиво — и да, мол, и нет. Мне, конечно же, стыдно было признаться, что я сам целовал только девочку в раннем детстве, и уже потом меня самого целовал несовершеннолетний мальчишка.

— Да ты, никак, гомосексуалист! — вдруг сообразила Нина, — у вас на Кавказе много таких! Скажи, ты с мужиками трахался? — заглядывая в глаза, спрашивала Нина.

Я почему-то густо покраснел и опустил голову.

— Нет, ты ошибаешься, я не гомосексуал, я хорошо знаю, что это такое! — пытаюсь оправдаться, использовал я устаревший термин, знакомый мне по любимой книге «Мужчина и женщина».

— «...лист»! — жестко добавила Нина. — Гомосексуалист, или педераст, если тебе так понятнее! Господи, думала, что нашла здорового мужика, а нашла подружку! Слушай, подружка, не подходи ко мне больше, хорошо! А других девушек, которые будут к тебе подкатывать, впредь предупреждай, что ты не по их части! Так будет честнее, чем морочить им голову не по делу!

Она отошла, оглядела меня на прощание и сказала:

— Надо же, дал Бог такое тело педику! А я-то, дура, потеряла столько времени на юге!

Мы расстались. Я поехал домой, заперся там в библиотеке деда и стал читать в энциклопедии статьи про гомосексуалов — а вдруг Нина и впрямь права. Ночью я даже всплакнул — что-то мне действительно не везет с женским полом. Чем-то я не такой, как другие, не пойму только, чем.

А в день отъезда, мне, оказывается, было подготовлено настоящее испытание на «вшивость». Утром я пошел на Сухумский «медицинский» пляж, где купаются голыми. Не надо пугать с нудистским пляжем — на «медицинском» голыми купаются только однополые — мужчины на одном пляже, а женщины — на другом. Между этими пляжами стояла деревянная стенка со множеством отверстий, проделанных с мужской стороны и заткнутых ватой — с женской. Я решил еще раз посмотреть, отличаюсь ли я чем-нибудь от других голых мужчин.

Я разделся, оставил свою одежду в шкафчике и вышел на пляж в чем мать родила. Впервые я показался в общественном месте в таком виде. С интересом я стал осматривать голых мужчин и нашел, что большинство из них здорово от меня отличаются. Тонкорукие и тонконогие пузатые фигуры с висячим микроскопическим «хвостиком» производили карикатурное впечатление. Я-то голыми видел только моих коллег-штангистов в душевой. На «медицинском» пляже я здорово разочаровался в мужчинах.

Лег, подставив спину солнцу. Почувствовал под собой теплый, ласковый песок. Эрекция не заставила себя долго ждать, а вот конца ее я так и не дождался. Теплый песок щекотал определенные нервные окончания, и кровь все прилиwała и прилиwała куда надо, повышая давление до критического...

Спина начала уже было подгорать, а перевернуться нельзя — я не заметил на пляже ни одного мужчины в подобном состоянии. А вдруг это страшно неприлично, или за это могут публично осрамить или арестовать? И я решил спастись в воде. Развернувшись в сторону моря головой, я медленно, как морская черепаха, пополз к морю. Оглянувшись назад, я с ужасом увидел, как позади меня остается глубокая борозда, как после плуга. Возле берега я вскочил и стремглав бросился в спасительное море.

От прохладной воды эрекция быстро прошла, но я хотел, чтобы свидетели моего бегства успели уйти с пляжа. Около часа я плавал туда-сюда, заплывая на женскую территорию моря. Она не была огорожена, море было общим, и я без опасения проплывал мимо купающихся женщин, белые ягодицы которых были хорошо видны сверху. Не удовлетворяясь увиденным сверху, я подныривал под плывущих женщин, разглядывая их снизу. Но без маски или специальных очков разглядеть что-либо отчетливо не удавалось.

Наконец я закончил свое сексуальное плавание и вышел на берег. Проклятая борозда еще оставалась на песке, и я стал ногами затаптывать ее. И тут вдруг, как Мефистофель Фаусту, мне явился некий улыбающийся человек лет тридцати пяти. Он подошел ко мне, заботливо взял под локоть и сказал:

— Боже мой, вы живы и целы! А я уже думал, что вы утонули! Ну разве можно столько плавать, вы же переохладитесь! Я на вас сразу обратил внимание — у вас такая красивая фигура! Нет, чтобы не простудиться, надо выпить немного. Позвольте пригласить вас в эту забегаловку на пляже! — и он уважительно повлек меня к киоску, возле которого стояло несколько столиков под зонтиками. Выпить меня не надо было уговаривать, это — всегда пожалуйста!

«Вот, наконец, встречаю порядочного интеллигентного человека. Точно, благородного происхождения!» — думал я, идя с новым знакомым к киоску. Меня удивило, что продавец поздоровался с моим спутником: «Салами, Миша!» и, не ожидая заказа, подал ему бутылку вина «Салхино» с двумя стаканами. Я никогда не пил «Салхино», но знал, что оно всегда завоевывает Гран-при на выставках.

— За знакомство! — сказал мой новый приятель и чокнулся со мной, — меня зовут Миша, можешь называть меня по имени и на «ты», я еще молодой! — засмеялся он.

— А я — Николай! — назвал я себя, считая неуместным произносить свое турецкое имя.

— Ника, значит! Можно я буду называть тебя Ника? — спросил Миша.

Я знал, что в Грузии Николаев так чаще всего и зовут; правда, чисто по-грузински — Нико, но культурные обрусевшие грузины так и произносят — Ника. Я пригубил «Салхино» и был поражен его вкусом и запахом. «Салхино» — красное вино ликерного типа, очень сладкое, такое и не пьют в Грузии. Но его вкус и запах — это сказка, сладкая, душистая сказка! Это нектар, амброзия, напиток богов — обязательно попробуйте настоящее «Салхино», если вы еще не пили его!

От бутылки слегка крепленого «Салхино» приятно закружилась голова, захотелось отдохнуть в тени и беседовать с приятным интеллигентным человеком. Воспоминания о Нине исчезли, как будто ее и не было.

— Ника, давай пойдем в баню и смоем этот песок, соль, пот и тому подобное. А потом зайдем в ресторан и выпьем. Я тебя приглашаю! — предложил Миша, и я, естественно, согласился.

Мы вышли на улицу, Миша остановил машину, мы сели.

— К центральным баням! — сказал Миша водителю.

— Ты был когда-нибудь в этих банях? — спросил Миша, на что я ответил, что еще ни в каких банях вообще не был и моюсь дома.

Миша рассмеялся и заметил, что бани не только для того, чтобы там мыться. Я не понял, чем еще можно там заниматься, а водитель громко рассмеялся. Вскоре мы подъехали к незнакомому мне зданию сухумской бани, вышли, и водитель пожелал нам успехов.

В бане Миша уверенно повел меня куда-то по коридорам, пока мы не пришли к двери с красными плюшевыми портьерами.

— Это люкс, — сказал мне Миша и подошел к дежурному в белом халате. Тот поздоровался с Мишей и согласно кивнул на его короткие слова, сказанные по-грузински.

— Пошли! — как-то поспешно повел меня Миша, и мы зашли в номер, где была большая ванна, душ, каменное ложе, видимо, для массажа, раздевалка и маленькая комната отдыха со столом, стульями и койкой. Мы не успели раздеться, как в дверь постучали, вошел дежурный в халате, неся в руках поднос с бутылкой того же «Салхино» и парой крупных красивых персиков.

Мы быстро выпили по стаканчику вина и пошли в душевую. Я заметил, что движения у Миши стали какими-то нервными и поспешными, он был серьезен. Мне же было хорошо, и я улыбался.

— Давай, сперва я потру тебе спину, а потом ты мне! — скороговоркой предложил Миша.

Мне не очень хотелось мыться с мочалкой, но я согласился. Миша поставил меня к стенке, велел опереться на нее руками и быстро протер мне спину мыльной мочалкой.

— Теперь ты меня! — как-то нервно проговорил Миша, вручил мне намыленную мочалку, а сам уперся руками в каменное ложе и, согнувшись в три погибели, подставил мне спину. Я начал мылить ему спину, подражая его движениям.

— Плечи, плечи! — попросил Миша, и я потянулся мочалкой к его плечам.

Вдруг он неожиданно обхватил меня правой рукой сзади за талию и прижал к себе. Неожиданно я ткнулся «причинным местом» в его ягодичы, и эрекция возникла почти мгновенно. Я пытался отодвинуться назад, но Миша упорно прижимал меня к себе.

Голова моя пошла кругом, но я тут же понял все. Миша — педик! Как я только сразу не догадался! Так вот о чем говорили и Фаина, и Нина! Вот, оказывается, моя участь и судьба — педики!

«Нет, шалишь!» — подумал я и оттолкнулся от Миши.

Миша обернулся, и я увидел его совершенно безумное лицо.

— Ника, Никуша, прошу, не гони, трахни меня, никто никогда не узнает! — Миша лихорадочно пытался схватить меня за «хвостик», но я увертывался.

— Так ты — гомосексуал? — задал я ему, казалось бы, совершенно ненужный вопрос.

— А как ты думаешь? — нервно сказал Миша. — Как Чайковский, великий Чабукиани, половина всех артистов и даже сам Ленин. Чем, думаешь, занимался он в шалаше с Зиновьевым? Ничего плохого в этом нет, повторяю, никто не узнает, а я заплачу тебе! Хорошо заплачу!

«Пора сматывать удочки», — подумал я и, даже не смыв мыльной пены, стал поспешно одеваться.

Миша с мыльной спиной стал хватать меня за руки и угрожать:

— Сейчас позову дежурного и скажу, что ты хотел меня изнасиловать! Знаешь такую статью, 121-ю — «Мужеложство»? В тюрьме будешь сидеть! — пугал он меня, сам не веря в свои угрозы.

— Дурень ты, Миша! — сознавая свое превосходство в силе, спокойно сказал я ему. — Я несовершеннолетний, хотя и выгляжу старше, у меня и паспорта-то нет! Статью назвать? — спросил я его и, одевшись, вышел из номера. Миша, голый, с падающей со спины пеной, стоял неподвижно, как вросший в пол.

В коридоре ко мне подошел дежурный. Видя мой растрепанный вид, он спросил: «Что, ничего не вышло?»

— А что должно было выйти? Вы знаете этого человека? — приступился я к нему.

— Кто же в Сухуми не знает Мишку-пидора, небось, он тебя на пляже снял? — ответил дежурный, — он почти каждый день

приводит нового. Но он богатый и очень опасный человек, если вы поссорились — берегись!

«Молодец я, что не назвал ему фамилии и города, где живу! — подумал я. — Наконец начал уметь!»

Я вышел из бани и поспешил домой. А вечером поезд уже мчал меня в Тбилиси, изрядно поумневшего и набравшегося опыта. Жаль, но марочное «Салхино» я с тех пор пить не могу. Мне теперь кажется, что этот приторный вкус и запах по душе только сексуальным извращенцам.

ПОВЕЗЛО, НАКОНЕЦ, ПОВЕЗЛО...

На первом курсе учились в нашей группе две девушки — спортсменки, отличницы, красавицы и т. д. Одна — Лиля, была гимнасткой, другая, Ира, — теннисисткой. Мне нравились они обе, и, как оказалось, взаимно. Лиля похитила со спортивного стенда мою фотографию со штангой, и это послужило поводом для встречи. Она опоздала на свидание на полтора часа, а я педантично ждал ее. Не нашлось тогда участливого человека, который научил бы меня уму-разуму: если девушка опаздывает, тем более в первый раз, и настолько, то ненадежный она человек!

Ира никогда не опаздывала, она была умной, начитанной и веселой брюнеткой с черными глазами. Лиля была сильна в математике, но не начитанна — она воспитывалась в очень простой и бедной семье. Но она была блондинкой — и это сыграло свою роковую роль. Я как «лицо кавказской национальности» сильнее увлекся ею. Но не забывал и Иру.

В конце года между девушками произошел конфликт из-за меня, победительницей вышла Лиля. Ира даже ушла из политеха в университет, поссорившись с Лилей, но не со мной. Несмотря на ссору между собой, они принимали горячее участие в моей спортивной жизни, не пропуская ни одного моего соревнования.

— Который из этих два девушка не твой — познаком! — просили меня кавказские штангисты, увидев такую яркую парочку на соревнованиях по штанге, где женщин среди зрителей почти не было. О том, чтобы женщинам самим поднимать штангу и соревноваться, тогда и думать не могли.

— Все два — мой! — отвечал я, и «просители», цокая языком, уходили.

Узнав откуда-то, что я летом решил ехать на целину, Ира специально встретила со мной, чтобы отговорить от этого глупого, с ее точки зрения, шага:

— Ты что, ненормальный, что ли? — горячо убеждала Ира, — тебе же к рекорду надо готовиться — режим, диета, отдых! А ты неизвестно куда собрался!

Лиля и, что самое главное, мама были другого мнения. Лиля, правда, потом говорила, что так она поступала только в пику Ире, но слова мамы убедили меня:

— Все товарищи едут на целину, а ты хочешь показать им, что ты особый? Некрасиво будет!

Оказавшись в вагоне, я понял, кто из группы считал себя особым. Все, кто имел хоть какую-то зацепку, не поехал. А кто не имел — опоздали, сославшись на поломавшийся автобус. Поехали только простодушные, идиоты (к которым я охотно причисляю и себя!) и те, кто, имея специальность каменщика или плотника, хотели на целине подработать.

Поначалу и я решил там подработать, поэтому и нанялся построить фундамент под печь в строящемся здании совхозной конторы. Договорился с десятником Архиповым и приступил к работе. Работа была неподъемной, я устал и прилег отдохнуть.

И вдруг, выражаясь словами гения: «я помню чудное мгновение, передо мной явилась ты...» По тропинке мимо стройки идет крепко сбитая, загорелая молодая женщина в косынке с хозяйственной сумкой в руках. А я — девятнадцатилетний здоровяк, кавказец, да еще с неудачным сексуальным опытом, смотрю на нее лежа и страдаю от неудовлетворенности. Я заметил, что если смотреть на женщину лежа, то она покажется гораздо красивее, вот проверьте, если не верите! Тепло, солнечно, птички поют. И мне так сильно, почти безумно захотелось любви — вы меня понимаете — простой, земной, неплатонической любви, иначе говоря — секса!

«Догоню и изнасилую» — было моей первой мыслью. Но я быстро прогнал ее, как нереальную и опасную. «А что, — было моей второй мыслью, — не попробовать ли мне привлечь ее силой мысли?» Но ведь женщина не смотрит на меня и уже удаляется. Я уставился ей взглядом в затылок, напрягся, что было сил, и молча приказал: «Остановись, повернись и подойди ко мне! Я ведь так тебя хочу, захоти и ты меня!»

И женщина остановилась. Потом медленно повернулась и пошла в мою сторону. Я быстро закрыл глаза и притворился спящим. Но вскоре почувствовал, что меня будят, нежно трясая за плечи. Открываю глаза: надо мной стоит женщина в косынке, загорелая, глаза голубые, улыбается. Зубы — как у всех местных — находка для стоматолога.

— Я — Ульяна, — представилась она, — подойду, думаю, посмотрю, не помер ли. Вижу — здоров!

Увидев, что я в порядке, Ульяна улыбалась все шире и шире.

— Может, за здоровьечко самогончику по чуть-чуть? — подмигнув, предложила Ульяна и, раскрыв холщовую сумку, показала горлышко бутылки, заткнутое газетной пробкой.

Я поднялся и оглядел Ульяну. Надо сказать, что снизу она казалась привлекательнее. Маленького роста, крепышка, лет тридцати, Ульяна была скорее не загорелой, а вся в коричневых веснушках. Нос — чухонский, губы обветренные. Настроение упало, но сразу поднялось при мысли о самогоне, а возможно, и закуске. Как-никак, весь день без обеда!

Мы уселись на цоколь, Ульяна постелила газету, поставила бутылку и один граненый стакан. Затем положила на газету нарезанного соленого сала, полбулки хлеба и несколько огурцов.

— стакан-то один всего, — виновато улыбнулась Ульяна.

Но я быстро налил самогон в стакан, вручил его Ульяне, а сам взял в руки бутылку.

— У нас на Кавказе, откуда я приехал, пьют только из бутылки! — уверенно соврал я.

— Так ты тоже с Кавказа? — радостно удивилась Ульяна, — ты что, не грузин ли?

Слово «тоже» насторожило меня, но я бодро доложил:

— Грузин — первый сорт! Мегрел называется, мы на Черном море живем, — хвастался я, хлопая себя кулаком в грудь, совсем как это делает самец гориллы, который живет еще несколько южнее.

Мы выпили за здоровье, как предложила Ульяна, потом — за встречу, а последнюю — уже за любовь. Меня поразила метаморфоза, которую я испытал тогда впервые в жизни. До первого глотка Ульяна, как я уже говорил, казалась мне невзрачной, даже некрасивой женщиной, намного старше меня. После первого тоста я стал находить ее загадочной незнакомкой, этакой пастушкой, забредшей к соседнему пастушку на посиделки. После второго тоста Ульяна преобразилась в красивую, необычайно привлекательную и сексуальную женщину. Обнимая ее за талию, я ощутил здоровую упругость сильного тела, созданного как будто специально для плотской любви. Тогда я еще не знал народной мудрости: «Не бывает некрасивых женщин, бывает только мало водки!» Солнце грело, но не пекло, вокруг конторы была зеленая густая трава, поодаль — кусты.

Мы выпили по третьему разу и как-то вместе встали. Обняв друг друга за талии, мы, пошатываясь, пошли в известную нам одним сторону. Я пошатывался больше (наверное, больше выпил, или привычки было меньше!), но Ульяна твердой рукой направляла мое движение в нужную нам сторону — к кустам.

Как голодные звери набрасываются на свою добычу, как вольные борцы горячо схватываются друг с другом после сигнала судьи, так и мы с Ульяной, повалившись на траву, обхватили друг друга всем, чем можно было только обхватить. Задыха-

ясь и рыча, мы срывали друг с друга одежды, стараясь не очень повредить их, так как помнили, что надо будет еще и одеваться.

Опыта подобных встреч у меня еще не было, но как-то все получилось само собой. Вот она — сила инстинкта! Вокруг никого не было, но я все же прикрыл рот Ульяны рукой — мне казалось, что ее финальный вопль слышен аж в архиповской конторе. Затем мы разом откинулись друг от друга и, лежа на спинах на прохладной траве, дышали так тяжело, как будто выполнили всю работу, порученную мне прощельгой Архиповым.

Постепенно наше дыхание стало ровнее, реже; мы снова посмотрели друг на друга — и снова в бой. Второй раунд был поспокойнее, но и подольше.

— Ты не очень-то вопи под конец! — попросил я Ульяну, — десятник скоро должен подойти, как бы не услышал, гад!

Ульяна, страдальчески улыбаясь, кивнула, но обещания своего не сдержала...

Вот такой была моя первая **настоящая** встреча с женщиной...

Где первая любовь, и где первый секс? Как говорится — две большие разницы! И сколько ущербности мне принесла первая любовь, столько же уверенности в себе дал мне этот первый секс!

А следующий сексуальный опыт был уже не так радостен, как первый. И произошел он в поезде, который увозил нас с целины с вокзала города Джаркуль.

Ожидался вечерний поезд на Челябинск, и мы — группа студентов — подобрались поближе к путям, чтобы брать его на бордаж. К нашей группе «прибилась» девушка, которая попросила «подсадить» ее на челябинский поезд. Народу было много, и все хотели уехать на запад, в данном случае западом был Челябинск.

Девушка была без вещей, даже без сумочки. Узнав, что мы из Грузии, она сообщила, что тоже грузинка, зовут ее Линой, даже произнесла несколько слов по-грузински. Объяснить толком, что она делала в Джаркуле и для чего едет в Челябинск, она не могла. Да нам и не нужно было это знать.

Наш «старик» (он был намного старше нас в студенческой группе) Калашян кивнул на меня — вот, дескать, у нас главный, к нему и обращайся. Мой «видок» в длинной черной шинели, зеленой «чалме» из полотенца на голове с кинжалом (заточенной пилой-ножовкой) на поясе поразил ее. К тому же, я уже оброс черной бородой — ни дать, ни взять абрек! Мы буквально прилипли друг к другу и говорили, говорили — черт знает о чем. Помню только — я ей рассказывал что-то из Куприна, выдавая приключения героя за свои.

Пыхтя, обдавая пассажиров паром и вонючим дымом подошел паровоз до Челябинска. Мы атаковали вагоны; я легко подкинул Лину на высокие ступеньки вагона, и она запорхнула внутрь; за ней взобрался я, за мной — мои попутчики. Кто-то

лез прямо в окна. Никаких проводников я в вагоне не видел. Устроились — кто где. Вагон был так называемый «жесткий», это худшая разновидность современного плацкартного вагона. Все стали искать себе спальные места — нижние, верхние, третьи, боковые полки, пол, наконец. Нам с Линой не хотелось спать, мы были возбуждены знакомством, разговорами и вышли туда, где нашим разговорам никто не мешал — в тамбур. Сейчас в тамбур выходят покурить; тогда же курили прямо «на местах», даже в купе, не спрашивая разрешения у попутчиков.

Я это говорю к тому, что тамбур на всю ночь оказался свободным, и, наговорившись вволю, мы по обоюдному согласию приступили к действиям. Какое чудное время — молодость! Не думаешь не только о завтрашнем дне, даже об утре, когда поезд должен был прибыть в Челябинск. А поезд тем временем уже прибывал. Лина зашла в туалет привести себя в порядок, а я лихорадочно теребил «старика» Калашяна, чтобы тот проснулся.

Ведь я-то еще помнил, что обещал девушке довести ее до Тбилиси и жениться на ней. А я даже довести не мог — денег не было, а комсомольская путевка была только на меня. Тем более не мог жениться, ибо в Тбилиси у меня уже была невеста. Да и Лина утром показалась мне отнюдь не столь привлекательной, как ночью — длинный нос, бледная вся, круги под глазами.

— Калаш, а Калаш, — толкаю я в бок «старика», — нужен твой совет! Влип я, кажется, с девкой-то, трахнулись мы, обещал жениться на ней, дал слово джигита...

Я никогда не слышал более веселого смеха «старика», чем в то утро. Вдоволь насмеявшись, он сказал:

— Держись как ни в чем не бывало, она же в Челябинск едет, значит, есть к кому. А я тебя отзову от нее, вроде за билетами, а там ищи-свищи! Между прочим, я тебя считал поумнее, отличник все-таки! — добавил «старик».

Моя пассия вышла из туалета, мы стали ждать прибытия в Челябинск. Моросил дождик, утро было хмурое. Наконец показался вокзал, паровоз засвистел и остановился. Все стали выходить. Вышли и мы, поеживаясь от холода и недосыпу, собрались группкой и стали решать, что делать дальше.

— Надо брать билеты; деньги и документы у старшего, — Калашян кивнул на меня, — иди в кассу, или пойдем вместе, а вы, — обратился он к остальным, — побудьте с девушкой, мы придем к вам!

«Старик» взял меня под руку и быстро повел куда-то. Я только успел обернуться и посмотреть на мою «невесту». Она, казалось, поняла все и смотрела на меня устало и отчужденно. Я чуть было не вырвал руку и не ринулся обратно. Но «старик» еще сильнее сжал мой локоть и твердо повел вперед, добавив по-армянски: «Гна!» («Иди!»)

Калашян отвел меня в какой-то сквер, как будто знал Челябинск как свои пять пальцев, посадил на скамейку и приказал: «Жди!», после чего быстро ушел.

Мне было тошно — и от своего поступка, и от бессонной ночи; вскоре я заснул, сидя на этой же скамейке. Проснулся я от толчков в бок; ребята уже сидели рядом со мной, а «старик» протягивал мне бутылку пива и плавленный сырок:

— Съешь, а то похудеешь! — со смехом проговорил он.

Я печально взял то, что мне дали, но в рот ничего не лезло. Положение усугубил наш приятель Гога.

— Ну и хорек же ты, Нурбей! — в сердцах сказал он. — Девушка плакала, когда узнала, что ты сбежал от нее.

— Как, неужели вы сказали ей все! — картинно возмутился я.

— А ты как думаешь, мы за твои поступки отвечать будем? Жди своего любимого, он обязательно придет и заберет тебя? Так, что ли? — распалился Гога.

— Да нет, все произошло самым лучшим для нее образом! — рассудительно сказал другой приятель, Юра. — Куда ехала она — в Челябинск? Вот и доехала! Не будь нас, она так бы и куковала в Джаркуле. Теперь представьте себе, что Нурбей взял бы ее с собой и так далее. Есть ли что-нибудь худшее, чем довериться этому человеку, зависеть от него? Да это же необузданный, непредсказуемый тип! Она еще легко отделалась!

Я уже схватился за рукоять ножовки, как положение спас «старик»:

— Успокойся, я сказал ей, что у нас нет денег ей на билет, что мы едем по комсомольским путевкам и что тебе стыдно было признаться ей в этом. В Челябинске ее дом и отец с матерью. В Джаркуль она попала с таким же, как ты, хахалем, который обещал ей золотые горы и бросил. А в Челябинске она будет ждать твоего письма на Главпочтамт до востребования. Ты же знаешь ее имя, отчество и фамилию? Вот и вызовешь ее к себе в Тбилиси и денег вышлешь на дорогу. Я сказал ей, что ты из очень богатой семьи...

Я только качал головой, слезы капали на сырок, на горлышко бутылки. И я решил, что больше никогда-никогда не буду поступать с женщинами так подло и так жестоко. Я, кажется, даже поверил в то, что так оно и будет. Знал бы глупый студент, на какие изощренные подлости и жестокости к женщине (и не к мимолетной знакомой, а к самому близкому человеку — жене) решится он, будучи уже умудренным и образованным человеком, доктором наук, профессором. Причем к самой молодой, самой беззащитной и самой любящей из всех трех жен, бывших в его жизни...

Знал бы — не уехал из Челябинска, а лег бы прямо на вокзале на рельсы и дал пыхтящему и вонючему паровозу медленно

переехать себя — жестокое и необузданное животное «кавказской национальности»!

Но вот я уже в Тбилиси, встречаюсь с Лилей и пытаюсь конкретизировать наши отношения. Она не скрывала, что у нее был молодой человек, который считался ее женихом, хотя отношения у них были вполне платонические. Но Лиля любила его, а гуляла со мной, видимо, только потому, что видеться с ним она могла редко. Парень этот был старше Лили, учился и работал, в общем был занят делами. Когда же я стал настаивать на определенности с ее стороны, она переговорила с женихом об их будущем. Он не отрицал, что видит свое будущее с ней, но объяснил, что жениться сможет только по окончании института, когда он будет достаточно хорошо зарабатывать и иметь квартиру. Вообще, это — взвешенный и современный подход к проблеме, но где тогда, черт возьми, любовь?

Хуже, когда есть любовь (или ее суррогат — страсть), но нет ничего другого — ни денег, ни положения, ни своей квартиры. Это я говорю о себе. И совсем плохо, когда нет любви (и даже ее суррогата) и ничего из перечисленных благ, а есть только желание не остаться «в девках». Лиля была на три года старше меня, а тут ее немедленно берет замуж пока еще студент, но перспективный — отличник, спортсмен.

Теперь я понимаю, что поступил скоропалительно, главным образом, сбил ее с толку. Для чего была эта официальная женитьба, когда встречаться и даже жить вместе вполне можно было и без этого. Она сама мне об этом говорила, правда, гораздо позже.

Одним словом, поговорила она со своим женихом, а на следующее утро сообщила мне, что замуж за меня пойти согласна. Мы решили пожениться в марте. Нужно было познакомить родителей и тому подобное.

Раньше среди студентов добровольно-принудительно распространяли лотерейные билеты. Шутки ради нам на двоих дали один билет — вроде почти семья. И на этот билет выпал выигрыш — 30 рублей. Мы решили романтически зарыть эти деньги в землю и откопать в день женитьбы, чтобы купить шампанское.

Я заготовил специальную свинцовую капсулу, куда мы должны были поместить деньги и зарыть в любимом нашем парке физкультурника (помните прогулку с девочкой — Сашей?). Деньги были у Лили, капсула у меня. Но когда в назначенный день мы встретились у парка, Лиля передала мне не 30 рублей — точную сумму выигрыша, а 29 рублей и 80 копеек мелочью. Оказывается, она разменяла эти деньги, чтобы заплатить за трамвай.

Я был совершенно обескуражен этим поступком. Разменять заветную сумму ради билета на трамвай? Да я лучше не сел бы в этот трамвай, а пошел бы пешком, или проехал бы без билета,

или взял бы с собой еще денег, не сошелся же свет клином на этих тридцати рублях? Но она поступила именно так, и мы поместили в капсулу эти 29 рублей и 80 копеек, зарыв ее в определенном месте (два шага от дуба и три шага от платана).

В марте мы пошли в загс нашего района, чтобы подать заявление. Нужно было пройти через двор, подняться по винтовой железной лестнице, на которой через одну не хватало ступенек. В мансарде над жилым домом в двух обшарпанных комнатах размещался загс. В одной из комнатушек сидела злющая тетка, которая выискивала различные причины, по которым нельзя было расписать новобрачных. В другой каморке стояла длинная скамья перед столом, причем мебель была, как в тюрьме, прибита к полу. На стенах висели образцы заявлений на заключение брака, на его расторжение, на что-то еще. Причем все эти образцы, как и стены, были сплошь исписаны грязными ругательствами и разрисованы иллюстрациями на соответствующую тему. На столе стояла привинченная к нему чернильница, заполненная дохлыми мухами, и перьевая ручка, привязанная к столу цепочкой от смывного бачка унитаза.

Мы заполнили заявление, тетка брезгливо взяла его и придирчиво осмотрела. Ошибок вроде не было.

— Приходите через две, нет, через три недели! — не глядя в глаза, злобно проворчала тетка.

Я положил пятидесятирублевку в мой паспорт и подал ей оба документа. Тетка взяла их уже охотнее, стряхнула купюру в ящик стола и поставила печати в паспорта. Нам же велела расписаться в амбарной книге в местах, где она поставила «птичку». Поздравления, наверное, стоили дороже, поэтому делать этого она не стала.

Все, мы муж и жена! Мы, проваливаясь в выбитые ступеньки, быстро сбежали вниз и помчались в институт на тренировки — мы уже опаздывали. У меня тренировка не пошла, я скомкал ее и стал ждать теперь уже жену. Лиля протренировалась положенное время, мы встретились и пошли в парк физкультурника откапывать наш клад.

Уже вечерело. Мы бродили среди деревьев, которые за прошедшие два месяца сильно изменились. Я тыкал перочинным ножом в условленное место, но капсулы не находил. «Неужели кто-то вырыл?» — мелькнула было мысль, но тут нож наткнулся на мягкий свинец. Я вынул капсулу, стряхнул с нее землю и мы пошли на выход.

Слава парка физкультурника была все той же, что во времена моего детства — кучки вуайеристов так и шныряли в поисках влюбленных парочек, чтобы поонанировать всласть. Но мы не дали им повода для извращений. Один из них так и остался недовольно стоять с раскрытой ширинкой, пока я, проходя мимо, не пнул его под зад ногой.

Мы вышли на проспект Плеханова и стали искать по магазинам шампанское. Сейчас странно это слышать, но шампанское надо было искать в Грузии — стране вина! И нашли мы только красное шампанское, которое не пили до этого никогда. Забегая вперед, почти на двадцать лет, скажу, что второй раз в жизни я встретил красное шампанское в ресторане в Курске, где мы с Лилей отмечали наш развод. Не нашлось в ресторане никакого шампанского, кроме красного. Она даже ахнула: надо же, женитьба с красным и развод с красным!

Но пока был только брак, о разводе и мыслей не было, мы строили планы на будущее. Первое: мы оба должны учиться только «на отлично», чтобы получать повышенную стипендию, иначе мне пришлось бы уйти на вечернюю форму обучения и работать.

Второе: через год я выполняю мастера по штанге, Лиля — по гимнастике; мы должны были изучить кроме английского и немецкий язык.

Третье: я должен был-таки побить мировой рекорд в жиме и стать чемпионом Грузии в троеборье.

Четвертое: сразу после окончания вуза вместе поступить в аспирантуру. Дети в эти планы не входили, так как могли нарушить все задуманное.

Лиля стала жить у меня в коммунальной квартире, хотя у ее родителей был собственный дом. Но они не любили меня, справедливо считая, что я расстроил ее брак с женихом, которого они уважали.

Но правильно говорят: человек предполагает, а Господь располагает!

Планы наши стали рушиться один за другим. Лиля не смогла больше заниматься спортом, так как забеременела. Я едва выполнил норму мастера и не смог ее потом даже повторить, так как меня засосали семейные дела. Лилю не интересовали мои научные и изобретательские планы. Она засыпала, когда я начинал читать ей вечером моего любимого «Фауста». Начинала кричать на меня, когда я ставил на проигрыватель моего любимого Вагнера. Одно удалось — училась она отлично, хотя для этого мне пришлось сидеть с ней как репетитору и чертить за нее проекты.

АДЮЛЬТЕР

Время шло, и получилось так, что я «заболел» изобретательством. Придумал новую землеройную машину, подал патентную заявку, получил отказ — обычная история. Но я был упрям и добился командировки в Москву для «пробивания» новшества.

Поселился я в Москве в общежитии «родственного» железнодорожного института — МИИТа и познакомился со своими соседями по комнате — Кротовым и Сурковым (надо же — только сейчас понял, что обе фамилии относятся к пушным зверькам — грызунам!). И все трое мы были не дураки выпить.

Но природа требовала не только водки, но и любви. И мы вышли на улицы, кто куда. Мы с Толей Сурковым выбрали улицу Горького — нынешнюю Тверскую — не на помойке же себя нашли! Престиж! Но престиж выходил нам боком — нас «динами» по-черному (тогда это называлось «играть в команде «Динамо»). По мордам нашим было видно, кто мы такие. Сейчас такие называются «лохами», а тогда «телкáми» (не путать с «тёлками», которых тогда еще не было!). Мы знакомились, приглашали девочек в кафе или ресторан, выпивали, а когда уже собирались вместе уходить, они выходили в туалет, чтобы «привести себя в порядок». При этом нередко оставляли свои вещи — преимущественно картонные коробки из-под обуви, причем просили приглядеть за ними. Так мы и приглядывали, пока официанты не поясняли «телкáм» истинное положение дел.

Взбешенные неудачами, мы решили и сами отомстить «динамисткам». Набрали займы у соседей самые лучшие костюмы, я даже надел галстук-бабочку и модную тогда беретку. Решил изобразить студента-иностранца, прибывшего погостить в Москву к советскому товарищу. Нашли красивую коробку из-под вазы, поставили туда пустую бутылку из-под портвейна, перевязали ленточками и — на Горький-стрит.

Говорил я тогда по-английски неплохо, недаром специально изучал. Сурков отвечал мне по-русски, поясняя непонятные слова жестами. Заходили в модные магазины, осматривали дорогие покупки. В магазине «Подарки», почти на углу Горького с Охотным рядом, заметили парочку, явно из команды «Динамо». В руках у них была авоська с коробкой из-под обуви. Мы обратились к ним за помощью в выборе подарка для моей английской тетушки. При этом Толя всяческими жестами за моей спиной показывал девушкам, что хватит, дескать, и вазы, а остаток лучше пропить в подходящем ресторане. Наивный английский студент долго уговаривать себя не стал, и мы, перейдя Охотный ряд, дружной компанией отправились в ресторан «Москва», что был на третьем этаже одноименной гостиницы. Тем более что я по «легенде» в этой гостинице и остановился.

Надо сказать, что это было достаточно официальное заведение, в отличие, например, от «Зимнего сада» на седьмом этаже, или совсем уж демократичного кафе «Огни Москвы» на пятнадцатом. Но в два последних заведения вечером попасть было невозможно, а в «Москве» постоянно были пустые столики. Желающих слушать патриотические мелодии и вести себя «культурно» было немного, в основном, посетители были приезжие.

Мы не стеснялись себя в выборе закусок и выпивок, а под конец, уже договорившись с девочками, как будем проходить в мой номер через коридорного «цербера», пошли «разведать» обстановку. Я глупо порывался взять с собой вазу, Толя пояснял мне, что пусть лучше ее понесут девушки, так «натуральнее», и мы, оставив вазу и попросив обращаться с ней бережно, отошли на «пять минут».

Покатываясь от хохота, мы спустились в метро и поехали на свою «Новослободскую». Особенно развеселило Толю то, что я повесил на бутылку из-под портвейна «этикетку» с надписью: «Привет от игроков тбилисского "Динамо"!»

Утолив жажду мести, мы решили искать счастье, не отходя далеко от дома, то есть от общежития. Ведь в нашем же корпусе жили и студентки, но мы почему-то считали их «честными» и не рассчитывали на быстрый результат. В чем по неопытности, конечно же, ошиблись.

На следующий вечер Толя привел в нашу комнату двух знакомых ему девушек с экономического факультета — Зину и Настю. Девушки отучились один год, а на лето никуда из общежития не уехали. Они жили в далеком пригороде в коммунальных квартирах — Зина с родителями, а Настя — одна. Где жила Зина, я не запомнил, а Настя (которая предназначалась, как я понял, мне) жила в Тучково, под Можайском. Она была замужем, но мужа весной забрали в армию. Вот и вся предыстория.

Мы выпили бутылочку портвейна прямо в комнате, а другую взяли с собой. Гулять пошли в детский парк, что был в Марьиной роще недалеко от общежития. Парк-то был уже закрыт, но в ограде имелся шикарный лаз, и мы конспиративно проникли на детскую территорию. Катались там на качелях, бегали друг за другом, потом Зина предложила все-таки выпить. Я выбил пробку из бутылки ударами по «казенной части», но ни стаканов, ни киосков с газводой, где их можно было бы украсть, не наблюдалось. А «из горла» девушки пить отказывались — некультурно.

И тут я предложил способ питья, приемлемый сразу по двум критериям — и стакана не нужно, и в случае чего девушек не обвинят в распитии спиртных напитков в детском парке (даже подумать страшно!). Способ я показал наглядно. Набрав из горлышка полный рот портвейна, я притянул к себе ошалевшую от удивления Настю и в поцелуе упругой струей «передал» ей половину набранного в рот вина. Сам я читал об этом у Мопассана, так поступил один его герой со своей невестой, и я мечтал повторить его пикантный опыт. И вот, наконец, довелось!

Настя, задыхаясь, наконец оторвала свои губы от моих и, тяжело дыша, долго смотрела мне в глаза. Сразу стало понятно,

что Мопассана она не читала и, видимо, ее муж тоже. Я на такое впечатление и не рассчитывал. Глаза Насти я и сейчас вижу перед собой — это были счастливые глаза человека, сделавшего открытие. «Давай еще, я не успела распробовать!» — потребовала Настя, и я под внимательные взгляды Зины и Толи медленно повторил мопассановский поцелуй.

Как вежливый кавалер, я предложил научить этому способу и Зину, но когда она согласилась и уже подошла ко мне, в Толе вдруг разыгралась ревность. Он резко оттянул Зину назад, сказав, что эти варварские способы не для них и Зина выпьет, как положено, «из горла».

— Нечего тут свои бактерии людям передавать! — по-ученому подытожил Толя.

Мы все трое бросились возражать, что в портвейне, дескать, бактерии дохнут, и опять продемонстрировали с Настей этот кошмарный для бактерий опыт. Наконец, разомлевший от выпитого, Сурков решил его повторить. Но по неопытности залил платье Зины красным портвейном. Оба закашлялись, и мы били их по спинам кулаками.

Возвращались мы домой уже веселые. Новый способ питья, как оказалось, пьянил вдвойне (советую попробовать, только не водкой!). Пока Толя и Зина, чертыхаясь, пролезали в лаз, Настя посмотрела мне в глаза каким-то смущенным взглядом и спросила:

— А у тебя хватит сил на последующие поцелуи или ты их уже все растратил?

Я не совсем понял намек Насти, а может, тут и никакого намека не было, и жарко целуя ее, говорил:

— Хватит, на всю жизнь хватит, на тебя и сил, и поцелуев навсегда хватит!

Придя в общежитие, мы согнали заспавшегося Кротова с постели.

— Погуляй, Крот, тут много коек свободных рядом! — по старой дружбе прошептал Толя своему другу, и «Крот», вздохнув, взял простыню с подушкой и вышел из комнаты.

Мы буквально ворвались в освободившуюся «обитель», и одежды полетели во все стороны. Вот вам — «честные» студентки и «нечестные» динамистки с Горький-стрит! Дома, дома у себя надо искать настоящую любовь, а не на Бродвее! Про жену свою, надо сказать, я забыл тогда начисто. Видимо, как и Настя про своего Сашу, который исполнял воинский долг перед Родиной в армии, где-то на Урале.

— Не спеши, я хочу, чтобы тебя хватило надолго! — вот последние слова Насти, которые я еще смог осмыслить. Слова, а главным образом, междометия были и позже, но критического осмысления уже не было. Да и надо ли было их осмысливать?

Утром девочки, как стоворившись, проснулись ровно в шесть, быстро оделись и ушли. На прощание Настя поцеловала меня и сказала:

— Твой друг знает, как меня найти. Если, конечно, ты захочешь этого!

Я, как был лежа, схватил Настю и прижал к себе. Я готов был не отпускать ее никогда, держать и держать вот так на себе до самой смерти, своей, по крайней мере. Столько нового, неизведанного счастья и за такой краткий промежуток времени!

Когда Настя ушла, а я, потянувшись, решил поспать еще, мне в голову пришла мысль, что это — моя первая измена жене, причем далеко не только физическая. Я уже любил Настю, любил так, как может не очень-то поднаторевший в любовных перипетиях «горец» полюбить настоящую русскую девушку или молодую женщину. Мне кажется, что именно в русских женщинах есть загадочная смесь решительности, безрассудства, прямота чувств, может, даже и не очень серьезных, полной самоотдачи в любви без каких-либо надежд на ее продолжение, не говоря уже о сохранении пресловутой «верности». Вот в эту сладкую русскую западню любви я попал тогда в первый раз!

ЖЕРТВЫ ЖЕНСКОГО НАСИЛИЯ

Надо сказать, что моя командировка совпала по времени со спортивными соревнованиями — должна была состояться Спартакиада профсоюзов СССР, а поскольку я был в сборной Грузии, это еще более упростило мне приезд в Москву.

Наша команда приехала, но ее разместили в другом месте. А я, разумеется, никуда из общежития МИИТа уходить и не собирался. Мы хорошо устроились — выпроводили «Крота» в соседнюю комнату, а Настя поменялась комнатой с соседкой Зины. Теперь на ночь Толя уходил к Зине, а Настя приходила ко мне. Шел мой счастливейший «незаконный» медовый месяц.

К нам в общежитие поселили спортсменов, приехавших на Спартакиаду профсоюзов. Пустующие комнаты заполнились, в общежитии стало людно, звучала речь на языках народов СССР. В соседнюю комнату поселили трех спортсменок из Армении — то ли толкательниц ядра, то ли метательниц диска. Крупные такие тетки, килограммов по сто двадцать. Глаза огромные, черные, волосы курчавые, кожа смуглая.

— Вот с такими — не хотел бы оказаться в койке? — пошутил Толя, как оказалось, «накаркал». Теткам не сиделось у себя в комнате, они то и дело прохаживались в своих криво стоптанных шлепанцах на кухню и обратно, громко разговаривая через весь коридор по-армянски:

— Че! Ха! Ахчик, ари естех! Инч бхавунэс? Лав эли, то?! — гремели «мелодичные» армянские словечки из края в край этажа.

Как-то утром мы с Толей принимали душ в нашей «законной» мужской душевой. И вдруг туда одна за другой вваливаются наши спортивные тетki («телками» назвать их даже язык не поворачивается!) и на ломаном русском говорят:

— Женски душевой весь польный, ти не протиф мы здесь моимся? — и плотоядно хохочут — откажись, попробуй!

Мы с Толей забились в крайние кабинки. Правда, кабинок как таковых и не было, были только низенькие перегородки, тетki же заняли всю середину. Мы стояли под душем, глупо улыбались и не знали, как достойно исчезнуть.

А дамы не терялись. Намывшись, они стали бриться. Нет, не подумайте, что они стали брить себе бороду и усы, хотя и это следовало бы сделать. Они сперва стали брить себе ноги, на которых росла черная курчавая шевелюра. Затем поднявшись повыше, они побрили поросшие черной проволочной щетиной лобки и ягодичы, на которых тоже курчавились волосы, правда пожиже, чем на ногах. Такой же густоты волосы были и на животах. Наши с Толей взгляды поднимались вверх вместе со станком безопасной бритвы, срезающей шерсть, мохер или меринос (не знаю, что ближе к истине!) с тел наших «граций». И, наконец, мы увидели то, что перенести было невозможно — меж арбузных грудей с темно-коричневыми, почти черными, сосками, свисала вьющаяся шевелюра, напоминающая пейсы у ортодоксального иудея.

Мы прикрыли наши донельзя поникшие достоинства ладонями и, сторбившись, под улюлюканье наших дюймовочек, побежали в раздевалку. Наскоро вытеревшись и сбросив с ног налипшую курчавую шевелюру (бежать-то приходилось почти по ковру из бритых волос!), мы, дрожа то ли от холода, то ли от животного ужаса, бросились к себе в комнату и заперли дверь.

— Неужели эти существа и моя Настя принадлежат к одному и тому же виду — гомо сапиенс? — лихорадочно рассуждал я.

Эти мериносовые, пардон, ляжки, и моя Настя, с тончайшей беломраморной кожей на руках и ногах, сквозь которую, как через матовое стекло, были видны голубые кровеносные жилки; жилки, которые я любил прижимать пальцами, и кровь переставала по ним течь — они обесцвечивались, пока я не убирал палец! Настя, которая, вообще слóва не могла произнести громко: она говорила с придыхом, почти шепотом, чаще всего на ушко, например: «Можно мне немножко побаловаться, миленький?» И эти оглушающие непонятные звуки: «Инч бхавунэс? Глхт котрац?» — которые издавали наши соседние «гомо сцапиенс». Да, да, именно «сцапиенс», потому что, попадись мы им ненароком вечером в безлюдном месте, так сцапают, что лу-

жицы не останется! О, как в самом худшем виде оправдались мои опасения!

После нашего позорного бегства из душевой соседки просто начали издеваться над нами. Подловят иной раз в коридоре, одна спереди, другая сзади, и начинают сходитьсь, расставив руки. Глаза черные горят, рты приоткрыты, сквозь крупные зубы слышится то ли смех, то ли рычание. Рванешься вперед или назад — обязательно схватят и облапают вдвоем, сладострастно приговаривая: «Иф, иф, иф ...» Тьфу ты!

Мы с Толиком (мастер спорта по штанге и акробат-первоурядник, между прочим) чувствовали себя несчастными девственниками, попавшими в какое-нибудь африканское племя. Бить по морде? Неудобно как-то, да и явно проигрышно. Жаловаться коменданту — засмеют на всю жизнь. Оставалось записаться и не попадаться, что мы пока и делали.

Вечерами, перед встречей с нашими девушками, мы с Толей обычно принимали стимулирующий массаж в стиральных машинах. Поясняю. В подвале общежития была студенческая прачечная с огромными стиральными машинами активаторного типа. Это были баки из нержавеющей стали с большой бочку величиной, в боках которых вращался активатор — небольшой диск с гладкими выступами. Вечером, когда прачечная почти всегда была свободна, мы запирали дверь на щеколду, набирали в стиральные машины теплой воды, садились в них и включали активатор. Вода приятно массировала кожу, разминая мышцы лучше любой джакузи!

Если сесть к активатору лицом, а правильнее — передом, то потоки воды начинали активировать нас. Известно что, а там уже и до оргазма было недалеко. Но последний нам не был нужен, даже вреден — можно было опозориться ночью.

И еще один нюанс надо пояснить для полноты тех драматических событий, которые уже нависали над нами. У меня в тумбочке была початая бутылочка с зеленым ликером «Бенедиктин». Но бутылочка была с секретом — помните «тинктуру кантаридис» из испанских мушек, которой я хотел отравиться? Так вот, я добавил чуть-чуть этой настойки в ликер, и когда мы с Настей, уже потушив свет, быстро выпивали по маленькой рюмочке «любовного напитка», ночь наша после этого была активной почти до членовредительства. Толя знал, что в тумбочке у меня ликер, но не знал его секрета.

И вот однажды вечером (думаю, что это была пятница тринадцатое число!) я налегке пошел в прачечную подготовить машину — вымыть ее, залить воду и так далее. Толя должен был спуститься следом за мной. Я уже набрал воды, а Толи все нет. Минут через десять вбегает Толя с полотенцами и рассказывает:

— Только я вышел из комнаты, наши тетki, уже поддатыe, обступили меня и затолкали обратно в комнату. «Где твой друг? — говорят, — хатым с вами выпыт!» Я и объяснил, что мы должны белье постирать в прачечной и что ты уже ждешь меня там. «Тогда давай водка!» — потребовали они. Я им и отдал твою бутылочку ликера... Толя замер, разглядев выражение моего лица.

— Я верну, ты не сердись... — залепетал он, но я стремглав бросился к двери.

— Бежим отсюда, они знают, где мы! — закричал я, пытаюсь выскочить вон. Но было поздно.

Дверь распахнулась, и наши три грации с бесстыдными улыбочками на полуоткрытых красных губах, шатаясь, вошли в прачечную. Две прошли вперед, а последняя заперла дверь на щеколду и часовым встала возле нее. Дамы, скинув халаты и оказавшись в одних стоптанных шлепанцах, привычно раздвинув руки, двинулись на нас, как упитанные привидения. Мы осмотрелись — помещение подвальное, бежать некуда. Припертые к стенке, мы приняли бойцовскую стойку.

— Гаянэ, — обратилась одна из обнаженных дам к нашему часовому, — иды аткрой дзэр, крычи, зави помощ! Нас хатят изнасиловат!

— Че!!! («Нет!!!») — завопил я Гаянэ, которая уже пошла отпирать щеколду. — Ари естех, ни бхави! («Иди сюда, не кричи!»). Делайте — инч узумес, лав? («Что хотите! Договорились?») — кричал я на диком армянском. Я представил себе, что будет, если нас поймают в подвале с этими голыми чудовищами. Поверят ли нам, что жертвы насилия — мы, а не наоборот? Поэтому я крикнул Толе, чтобы он не «ломался», а сам добровольно лег на стопку сложенных занавесей в углу.

— Шмотки скидавай! — приказала «моя» гигантша, а Толика его «пассия» просто подхватила, как ребенка, и поволокла в угол.

Я покорно скинул майку, тренировочные брючки, закрыл глаза, зажал зубы и замер, лежа на спине. Я почувствовал, что на меня ложится что-то вроде гигантской породистой свиноматки с колючими бедрами, икрами и животом («небось, после того раза не брилась!» — мелькнуло у меня в голове). Хуже всего то, что «свиноматка» чуть не задушила меня своими арбузными грудями, нависающими как раз над моими ртом и носом.

Я понял, что она пытается вставить мне в рот свой черный сосок, который я хорошо запомнил с момента душа с бритьем. Я замотал головой, как уже насытившийся молоком младенец, и моя гигантская «кормилица» прекратила эти попытки. И тут меня буквально обжег липкий, засасывающий, пахнувший бенедиктином и водкой, густой поцелуй, от которого я чуть не ли-

шился сознания. Я мычал, мотал головой, пытаюсь высвободить губы из высоковакуумного засоса. Моя насильница попыталась раздвинуть своим языком мне зубы и просунуть его мне в рот. Но и этот маневр не вышел. Тогда она, надавив на меня всей своей тяжестью, стала использовать меня по прямому сексуальному назначению. Я понимал, что если она не удовлетворится, то может вытворить что угодно, и поэтому отчаянно помогал ей, мысленно представляя себе Настю. Но эти два образа не «ложились» друг на друга, и я чувствовал, что скоро стану недееспособным. Поэтому я собрал все силы и, как последняя проститутка, симитировал оргазм.

Видимо, это было сделано достаточно натурально, потому что вскоре оргазм охватил и ее. Удивительно только, что я остался жив от этих испытаний, и то, что на ее вопли никто не прибежал. Моя насильница (подруги называли ее Ахчик, но это могло быть и не именем, это слово по-армянски означает «девочка», «девушка») медленно сползла с меня, не забыв «отвесить» прощальный густой поцелуй, и с рук на руки передала уже раздетой и готовенькой Гаянэ.

«Это несправедливо, — все возмущалось во мне, — а Толик? Почему мне — две, а ему — одна?» Но Толик с его соперницей сопели и ворочались в углу и, видимо, не без взаимного удовольствия. К моему ужасу, я оказался не готов к сеансу с Гаянэ.

«Сейчас перевяжут шнурком, и тогда конец!» — успел подумать я, но все обошлось более гуманно. Гаянэ, самая мелкая из своих гигантских подруг, быстро восстановила мою потенцию оральными упражнениями, и началась моя «вторая смена». Удивительно, а может, и грешно, но акт с Гаянэ был мне менее противен, чем первый. Она не душила меня своими сосками, не пыталась протиснуть свой язык мне в рот, а совершала привычные и непринужденные сексуальные движения, которые были мне близки и понятны. И случилось то, чего я не мог никак ожидать — я изменил моей Насте — у меня произошел самый натуральный оргазм! Гаянэ, видимо, не ожидала этого, но быстро подстроилась и прежде, чем я окончательно лишился сил, успела удовлетвориться. Не так громко и бурно, как Ахчик, но оргазм явно ощущался. Я даже ответил на ее прощальный поцелуй.

Мои дамы растормошили Толикину партнершу, и три грации быстро покинули прачечную. Мы с Толиком, жалкие и «опущенные», сели в стиральную машину и минут десять приходили в себя, успокаивая царапины и ссадины на своих телах. Потом вытерлись, оделись и понуро побрели в комнату Зины. Было около часу ночи, но девушки не спали — не знали, что и подумать. Мы честно рассказали, что с нами случилось. Опытная Зина быстро спросила:

— А они шнурком вас не перевязывали?

— Нет, — отвечали мы, пряча глаза, — мы старались сами, вас представляли, — не соврали мы. — Иначе — шнурок, и конец нашему счастью, если не всей жизни...

Всю ночь шло оперативное совещание. Девушки решили забрать нас на время к себе по домам или устроить по знакомым, чтобы больше не подвергаться насилию. А коменданту — написать заявление о безобразиях спортсменов из такой-то комнаты с требованием их выселить и подписаться всем женским коллективом общежития. Наглые «тетки» были уже поперек горла всем девушкам, оставшимся на лето в общежитии.

Под утро мы с Толей робко попытались исполнить все-таки свой мужской долг перед нашими возлюбленными. Удивительно, что они приняли наши ухаживания, но еще удивительнее то, что все замечательно получилось. Молодость!

Нам было «приказано» покинуть нашу комнату, чтобы не подвергаться угрозе повторного изнасилования. Толика Зина устроила где-то у своих родственников, а меня Настя забрала с собой в Тучково.

ТУЧКОВО, УЛИЦА ЛЮБВИНА

Она очень беспокоилась и переживала — что подумают соседи по квартире, ведь они непременно узнают о моем пребывании у Насти. Выехав с Белорусского вокзала на Можайской электричке под вечер, мы прибыли в Тучково почти ночью. Погода была на редкость теплой, и Настя предложила провести эту ночь на природе. Мы вышли на берег Москвы-реки, которая в Тучково еще не набрала своей мощи, и устроились на бережке. По дороге Настя зашла домой и забрала оттуда спальник. Мы наломали ветвей, устроили что-то вроде шалаша, постелили спальник. На полянке перед шалашом разожгли костер. У нас были с собой сардельки из фабрики-кухни и две бутылки дагестанского портвейна «Дербент».

Вечер получился незабываемым. Светила полная луна, отражаясь в речке. На том берегу чернел хвойный лес, а на нашем — горел костер, на котором на деревянных шампурах поджаривались сардельки. Пробки из бутылок я выбил известным способом, а стаканы мы снова забыли. Пришлось вспомнить старый мопассановский способ, который мы всячески модернизировали. Я то прекращал «подачу» вина, и тогда Настя, почти как младенец из груди кормилицы, пыталась высосать вождеденный портвейн, покусывая меня за губы; то вдруг пускал вино такой сильной струйкой, что Настя начинала захлебываться и бить меня по плечу.

Никогда ни один из шашлыков, которые мне довелось есть потом, начиная с приготовленных в горах Абхазии и кончая подаваемыми в лучших ресторанах Москвы, не был так вкусен и желанен, как шашлык из сарделек у костра на берегу Москвы-реки.

Закончив ужин, мы, как водится на Руси, малость попели хором. Потом я положил голову на колени сидящей Насти и стал смотреть на всю эту прелесть вокруг, стараясь запомнить на всю жизнь. И запомнил! Сколько было прекрасных мгновений и после, но когда я хочу вообразить себе нечто совершенно волшебное и милое сердцу, то вспоминаю речку с отраженной в ней полной луной, мрачный и страшный лес на той стороне, а на этой — потухающий костер, шалаш и наклонившееся надо мной любимое лицо, ласковые светлые глаза и спускающиеся надо мной белокурые волосы Насти.

И вдруг Настя тихо запела:

Зачем тебя я миленький (именно «миленький», а не «милый мой») узна-а-а-ла!

*Зачем ты мне ответил на любовь,
Уж лучше бы я горяшка не зна-а-а-ла,
Не билось бы мое сердечко вновь!*

Я хорошо помнил эту песню, она мне нравилась, но никогда не думал, что эта мелодия и эти слова могут произвести на меня такое сильное впечатление. Настя пела тоненьким слабым голоском, часто делая паузы для вдохов. Но только здесь, в самом центре России, на русской природе, в типично русских обстоятельствах — «ворованная» у супругов любовь, отсутствие удобств, недавнее мое унижение и совершенная неясность будущего нашей любви — я, наверное, понял до конца весь пессимистический смысл этой песни. Рыдания судорогой сдавили мне горло (лежа это особенно чувствуется!), и я заплакал в голос, причитая, как старая бабка. Слезы струились, как из прохудившейся кружки, я не знал, когда это все прекратится — такого срыва у меня раньше не случалось. Настя сверху тоже поливала меня слезами, но лицо ее улыбалось:

— Успокойся, миленький, не плачь, у нас все-все будет хорошо! Вот увидишь!

— Ничего не будет хорошо, — ревя, как ребенок, отвечал я, — ничего у нас не получится, и мы расстанемся плохо!

Конечно, все получилось так, как я предвидел, в этом и сомневаться было нечего. Настя была права только этой ночью, да и в ближайшие неделю-другую. Потом приехала жена, прошла Спартакиада, а в конце августа я, украдкой попрощавшись с Настей, уехал с женой в Тбилиси. Когда мы прощались, я что-то говорил Насте, а она отрешенно смотрела куда-то вниз. Под самый конец разговора она подняла глаза на меня — в ее

взгляде и улыбке отразился приговор нашей любви. У меня похолодело на сердце, но я быстро поцеловал Настю, и, не оглядываясь, пошел. «Погоди, миленький, будет тебе ужо!» — говорил ее взгляд...

Сейчас, несмотря на прошедшие десятилетия и на все плохое, что потом произошло между нами, я так благодарен Насте за тот вечер и за ту ночь на берегу Москвы-реки! Может, поэтому я так полюбил Россию, русскую природу, русские речки и мою любимую Москву-реку. А возможно, и то трепетное отношение к русской женщине-волшебнице, какое у меня осталось на всю жизнь, — все тоже благодаря этому вечеру, этой ночи и этой песне.

Но настало утро, и нам надо было куда-то деваться. Мы искупались, позагорали немного, зашли в привокзальное кафе позавтракать. И Настя, вздохнув, сказала:

— Что ж, пойдем домой, буду знакомить тебя с соседями!

Мы, по совету Насти, взяли в магазине две бутылки «Старки», одну — для соседа (он, оказывается, «Старку» уважает), а другую — для нас с Настей, закуску какую-то и подошли к дому. Я заметил и запомнил название улицы: «улица Любвина». Да провалиться мне на этом месте, если я вру! Именно — Любвина! Не знаю, кем был этот человек с такой замечательной фамилией, сохранилась ли та улица и ее название до сих пор, но более подходящего названия улицы для дома Насти и выдумать было нельзя!

Это был дом, по-научному, «ряжевой конструкции», или, проще, бревенчатый сруб с печным отоплением. Трехкомнатная коммунальная квартира. У соседей — две комнаты, у Насти — одна; кухня общая, «удобства» — во дворе. Соседи — сорокалетние муж и жена, оказались людьми общительными; мы выпили на кухне, подружились, а сосед даже сказал, что так и надо Сашке за то, что пил и с Настей дрался. За это сосед получил по лбу от жены, но Настя подтвердила, что так все и было.

— А когда я провожала его в армию, то плакал и просил не изменять ему! — улыбаясь, но как-то жестко сказала Настя.

На этом разговор о Настином муже прекратился, и мы, посидев еще немного за столом, ушли «к себе».

Так как мне через день надо было тренироваться, да и у Насти были дела в Москве (практика в одном из вычислительных центров на проспекте Мира), мы решили наезжать в Тучково эпизодически. В Москве мы пристраивались в комнате у Насти, приходя поздно вечером. В мою комнату Настя меня пускать не захотела.

Как-то после очередной ночевки в Тучково я утром поехал по делам в Москву. Позвонил своему дяде Жоре — известному писателю Георгию Гулиа, а он пригласил зайти к нему пообе-

дать. Я и зашел, зная, что и обед, и выпивка будут отменны. Ну, как положено, придя в гости и поздоровавшись, отправился в «санузел» вымыть руки и «оправиться».

А надо вам сказать, что, боясь забеременеть, Настя требовала, чтобы я предохранялся. Не зная, куда девать потом эти резинки, я заворачивал их в носовой платок, чтобы при удобном случае от них избавиться. Санузел у дяди был совмещенным, я вытряхнул лишние предметы из платка в унитаз (совершив огромную ошибку!) и принялся стирать свой единственный платочек под краном. Спустил воду в унитазе раз, спустил два — «вещдоки» мои не тонут!

Потом бывалые люди говорили мне, что их ни за что нельзя выбрасывать в унитаз — не смоются. Но это потом, а теперь я не мог выйти из санузла. Больше я так неосмотрительно не поступал, и вам не советую! Дядя уже стучал в дверь и спрашивал, не плохо ли мне. Нет, мне было несказанно хорошо! Я брезгливо засунул руку в унитаз, отловил непотопляемые резинки, помыл их, сложил поплотнее и завернул в туалетную бумагу. Потом, уже на улице, я, озираясь по сторонам, бросил этот пакет в урну. Сейчас, наверное, меня сочли бы за такое подозрительное поведение террористом, заставили бы вытащить пакет и показать, что в нем находится.

И еще один инцидент был у меня с дядей и Настей. Как-то я несколько дней ее не видел, очень скучал, тем более близилась сореживания и ко мне на следующий день должна была приехать жена — болеть за меня. Остановиться мы должны были у дяди, вот я и зашел к нему предупредить обо всем, а заодно и повидаться. А когда уже собрался уходить, дядя спросил, когда я вернусь. И узнав, что вернусь только завтра, почему-то страшно разнервничался. Он обвинил меня в желании гульнуть перед приездом жены и еще черт знает в чем. Но я обещал Насте приехать вечером и обмануть ее не мог. С другой стороны, дядя потребовал с меня честное слово, что я сегодня же вернусь и переночую у него.

Я бегом бросился к такси и еле успел к поезду на Можайск. Приехал в Тучково уже поздно вечером. Я постучал в дверь, увидел счастливое лицо Насти и сразу же ее огорошил:

— Я должен сейчас же ехать обратно в Москву, я обещал дяде приехать еще сегодня, честное слово дал!

— Ты действительно дурак или хитришь со мной? — спросила Настя. Но уже зная о моей педантичности, она с горечью констатировала:

— Конечно же, дурак! Мы что, так и не ляжем? — почти с гневом спросила она.

И когда я покачал головой, с истерическим интересом спросила:

— А какого... тогда ты ехал сюда?

— Я ведь тебе слово дал вечером приехать!

Настя в сердцах захлопнула дверь, потом снова открыла ее и вслед мне прокричала (я первый раз услышал, как кричит молчунья-Настя):

— Если не вернешься сейчас же, то пожалеешь об этом! Сильно пожалеешь! — Настя была в бешенстве.

Полжизни бы отдал за то, чтобы иметь возможность вернуться и остаться с любимой женщиной на ночь. Но я ведь дал слово!

Я знаю, что и один процент нормальных людей не поверит в то, что я все-таки уехал. Но, может, найдется из тысячи один такой же дурной педант, и он меня поймет! Я клянусь, что дело обстояло именно так — я вернулся в Москву. И что ж, я был жестоко, но справедливо наказан.

Возвращался я поздно, спешил, бежал. К полуночи я уже звонил в дверь дяде. Звонил минуту, другую. Наконец заспанный дядя Жора открывает дверь и с удивлением смотрит на меня:

— А ты же сказал, что не придешь на ночь?

Я чуть не умер с досады.

— Я же слово дал, знал бы ты, чего мне стоило выполнить его! — чуть не со слезами запричитал я.

— Подумаешь — слово! — зевая, проговорил дядя Жора, — твое слово: захотел — дал, захотел — взял! Да кто вообще сейчас слово держит, ты что, дурной? Или у вас в Тбилиси все слово держат?

Я был раздавлен. Да, в Тбилиси не любят держать слово, и я мог бы этим мотивировать свою ночевку у Насти. Но не ехать же снова в Тучково — поездов больше не было, да и пустила бы меня обратно Настя — неизвестно!

«А вдруг она уже не одна?» — от этой мысли я чуть не лишился последнего ума, во всяком случае «крыша» моя съехала почти на три четверти.

Проснулась дядина теща, добрая женщина Мария Павловна. Она слышала, о чем мы говорили, и я слезно попросил у нее водки. Мария Павловна тихо сунула мне в руку бутылку: «Водки нет, но возьми — это моя чача!»

Я упрямил ее выпить со мной хоть наперсток и, выпив за разговором остальную часть бутылки, рассказал ей абсолютно все. Мария Павловна где смеялась, где хмурилась, но под конец подытожила:

— Если бы я не знала, что ты отличник, то решила бы, что ты — полный дурак. Но так как дураки отличниками не бывают, значит — ты из прошлого века. Или, — засмеялась она, — ты — герой рассказа Аркадия Гайдара «Честное слово». Но тогда ты — натуральный дурак, хоть и отличник!

Для тех, кто не читал рассказа Аркадия Гайдара (не путать с Егором Гайдаром, его внуком), поясню, что там пионер дал че-

стное слово какому-то хохмачу постоять на вахте, и стоял так почти до ночи, пока его не освободил якобы «старший по званию». Козьма Прутков писал и о другом примере подобной педантичности, когда Жан-Жак Руссо дал слово аббату де Сугерию подождать его, пока тот сходит по нужде, и так ждал три дня и три ночи, пока якобы не умер на этом же месте от голода. В общем, оказывается, у меня были предшественники — педанты! Я дополз до выделенной мне кровати и, не раздеваясь, заснул прямо на одеяле.

Накануне отъезда в Тбилиси я разыскал Настю, поведал ей о моих делах и стал прощаться.

— Я должен зимой приехать, я хочу видеть тебя, ты ведь простишь меня, правда? — скороговоркой выпалил я, стараясь поймать ее взгляд.

Настя отрешенно смотрела вниз и странно улыбалась. Наконец она подняла глаза на меня, продолжая улыбаться одними губами. Но во взгляде ее, как уже упоминал об этом, я прочел судьбу нашей любви, и она не показалась мне оптимистичной.

Я быстро поцеловал ее, она не отворачивалась, но и не отвечала мне. Отойдя на несколько шагов, я обернулся и увидел на лице Насти тот же взгляд и ту же улыбку. Я ссутулился, опустил голову и пошел прочь...

Зимой, выхлопотав себе командировку по студенческой научной линии, я поехал недели на две в Москву. Первым делом я зашел в общежитие МИИТа. Опять было каникулярное время (окончилась зимняя сессия), и комнаты были свободны. Мой «друг» комендант Немцов выделил мне койко-место аж на две недели. Я помчался на четвертый этаж в комнату, где жили Зина с Настей.

Стучу в дверь и чувствую, что сердце мое стучит еще громче. Зина оказалась дома, встретила она меня приветливо, но как-то странно. Рассказала, что Настя у себя в Тучково и, если я хочу, то могу туда поехать.

— Если рискнешь! — добавила она.

— А в чем риск-то? — поинтересовался я.

— А в том, что Настя — женщина свободная, имеет же она право завести кого хочет. Но в Тучково она, конечно, никого больше не пустит — пойдут разговоры! Да, кстати, — продолжала Зина, — теперь я тоже женщина свободная — мы с Толей разошлись! — Зина внимательно посмотрела на меня, и я ее взгляд понял.

У нас с ней с самого начала была взаимная симпатия, но я заглянул к себе в душу и понял, что Настю я люблю, и поэтому не могу — даже не морально, а чисто физически, — не могу променять ее на другую. Даже параллельно с ней не могу быть близким с другой женщиной. Жена — это как сестра, мать, род-

ственница, одним словом, а любимая женщина, причем страстно любимая — это совершенно другая материя. Можно иметь жену и любимую женщину, но любить нескольких женщин или иметь одну любимую и еще сколько-нибудь обычных, нелюбимых — это не для пылкого юноши, которому только исполнилось двадцать. Потом — в тридцать, сорок, пятьдесят — это возможно и, как показала жизнь, иногда даже нужно. Но, повторяю, не для двадцатилетнего педанта, кандидата в герои рассказа Гайдара «Честное слово».

И я рванул в Тучково, захватив пару бутылок «Старки». Душа моя буквально бежала впереди паровоза, пардон, электрички. Бегом я добрался от станции до любимой улицы Любвина, нашел дом Насти и позвонил в дверь с продранной черной дерматиновой обивкой, из-под которой торчала серая вата. И — бывают же чудеса — дверь открыла сама Настя в халатике на голое тело. Она быстро втянула меня внутрь дома и захлопнула дверь.

— Ты? — совершенно искренне изумилась она, — откуда ты знаешь, что я здесь? Как ты рискнул — а вдруг я не одна?

— Настя, я люблю тебя и полагаю, что моя любовь не позволит тебе изменить мне! — патетически выпалил я совершенно глупую фразу.

— Не позволит, конечно, не позволит, — соглашалась Настя, снимая с меня пальто. — Соседей нет дома, уехали на неделю, — ты понимаешь, мы одни! Можем бегать голыми по всей квартире и делать что хотим! — пританцовывая вокруг меня, говорила Настя. Она скинула халатик и, взяв меня за плечи, пыталась показать, как это мы будем бегать в чем мать родила по квартире. Я вынул бутылки из портфеля, поставил их на стол и принялся энергично раздеваться.

В доме было хорошо натоплено, мы голяком сидели на общей кухне, пили «Старку» за любовь и закусывали квашеной капустой — единственным, что было съедобного у Насти. Потом — в комнату Насти, на ее самую лучшую в мире постель, с самыми лучшими в мире перинами и подушками.

— Настя, а я ведь без этих... ну, резинок, одним словом, — пытался я установить «формат» нашей встречи.

Но Настя прикрыла мне рот ладонью и только повторяла: «Молчи, молчи, молчи...» И я благодарно целовал ее в мягкую теплую ладонь...

А теперь, когда все происходящее складывалось для меня самым счастливым образом, расскажу, что этому предшествовало. Все равно — все тайное становится явным, и оно стало таковым из «показаний» Зины, самой Насти, Толика, еще кое-кого. И чего тянуть резину — расскажу все, как было, прямо сейчас!

А было вот что. Вскоре после моего отъезда в Тбилиси Зина познакомила Настю со своим приятелем Шуриком, тоже студентом МИИТа, живущим в том же общежитии. Шурик — щуплый, прыщавый блондин, говоривший в основном на зековской «фене», но ничего общего с зеками не имевший. Трусоватый, но брэнчавший на гитаре Шурик пришелся по сердцу Насте, испытывающей после моего отъезда с женой определенный дискомфорт. Зина, видимо, завидовавшая нашей с Настей любви, сделала все, чтобы Настя сошлась с Шуриком. Толик потом говорил мне, что Зина была недовольна раскладом, который у нас получился. Она хотела бы (по словам Толика) быть со мной, а Толика передать Насте; по ее словам, я тут же бросил бы жену и женился на ней; при этом Зина говорила, что парень я «перспективный» и для такой «мямли», как Настя, слишком хорош. На этой почве честный и прямой Толик разругался с Зиной, и они расстались.

Шурик стал похаживать в комнату девушек и оставаться иногда на ночь с Настей, что бесило Зину. Вот перед каникулами Зина и устроила скандал Шурику, чтобы он искал другое место для интимных встреч. Настя во время их ссоры помалкивала, скромно потупив глаза. Тогда Шурик, послав их обеих подалее, отправился на каникулы на родину — в город Сасово Рязанской области. А Настя, оставшись без кавалера, уехала грустить к себе в Тучково. Шурика брать с собой она не решилась, да и ссора произошла раньше, чем она успела бы предложить ему это. Вот на такой беспроегрышный для меня вариант я, сам того не подозревая, попал к Насте в Тучково.

Зима в Тучково — прелесть! Особенно, если выбегать налегке из натопленного дома только в соседний магазин и тут же опрочеться — обратно. И все дни и все ночи напролет — вместе! Зная при этом, что срок счастья — всего каких-нибудь недели полторы. А там — полная неясность и почти никакой перспективы... Но хоть полторы недели — полностью наши!

Первую неделю мы действительно все 24 часа были вместе. Даже в магазин налегке бегали вдвоем.

Все хорошее быстро кончается, и вот наступил день моего отъезда в Тбилиси. Настя проводила меня до электрички, мы долго целовались, прощаясь. Она приглашала снова приехать и обещала меня ждать.

Но наконец прошла сессия, все сдано на «отлично», и я еду в Москву! Со мной вместе едут студенты, мои целинные приятели — «старик» Серож Калашян, комсорг Левон Абрамян, веселый парень-музыкант Толик Лукьянов и «Крисли» Сехниашвили. Все мы направлены на летнюю практику, и нас впятером поселяют в знакомое общежитие МИИТа в большую комнату на втором этаже.

Я в Тбилиси тайком откладывал деньги в «зачачку», и по дороге в общежитие зашел в ювелирный отдел Марьинского Мосгорга и купил для Насти обручальное кольцо.

ИЗМЕНА И ДУЭЛЬ

Я едва дождался вечера и, увидев с улицы, что в заветной комнате зажегся свет, бегом взлетел на четвертый этаж и, еле сдерживая удары сердца, постучал в дверь. Крик: «Да!» Открываю дверь — Настя с Зиной сидят вдвоем и пьют чай с баранками.

Увидев меня, девушки и не приподнялись со своих мест, только как-то странно переглянулись. Зина со словами: «третий лишний» выпорхнула в коридор, а я, поцеловав Настю, сел на ее место. Меня удивило, насколько холодной была наша встреча. «Стыдится Зины, наверное», — подумал я и протянул Насте коробку с кольцом.

— Что это? — недоверчиво спросила она, но раскрыв коробку, даже ахнула. Быстро примерила кольцо, потом сняла его, посмотрела на внутреннюю сторону, убедилась, что оно золотое, и снова надела его, любуясь обновкой.

— Оно мое? — как-то загадочно спросила Настя и, получив утвердительный ответ, сказала: — Мне оно так нравится, что я не верну его тебе! — и продолжила, — ты знаешь, я тебе изменила!

Густо покраснев и потупив, как водится, глаза, она продолжила:

— Я познакомилась с парнем, который не женат, который никуда не уезжает и который меня любит! Конечно, кольца золотые он мне не дарит, — и Настя снова залюбовалась колечком на руке, — парень он простой, не спортсмен, не изобретатель, но мне он нравится. — Настя в упор посмотрела мне в глаза, — и я хочу остаться с ним! Ты меня понял? — спросила Настя, видя, что я продолжаю улыбаться, — ты ведь не бросишь из-за меня жену, а я не хочу жить одна. С Сашей я все-таки разведусь, вот и выйду замуж за Шурика! А ты езжай к своей жене, — вдруг распеялась, стала повышать голос Настя.

Ничего не понимая, я встал и вышел из комнаты. У самых дверей стояла Зина и «переживала». Она взяла меня за руки и, волнуясь, рассказала то, о чем я уже упоминал ранее. Зина повторила, что она уже «свободная женщина» и что я ей нравлюсь.

— Зина, ты тоже мне нравишься, но ведь Настю я люблю. Ты знаешь, что это такое? — шептал я ей, роняя слезы.

Зина, видя мои слезы, заплакала сама.

— Хорошо, тогда я скажу тебе все, — вдруг решила она, —

Настя не любит Шурика, а ты ей очень по сердцу, может, она даже любит тебя. Но он свободен, понимаешь, и намекает, что если Настя разведется, то он женится на ней! Вот она и не знает, как поступить! Лучше синица в руках... Если ты пообещаешь, что разведешься, то Настя снова будет твоей!

Видя, что я замотал головой, Зина резко сказала: «А ты соври, ты что, с неба свалился? Соври, как все мужики! Этот Шурик — ничтожество, я его терпеть не могу! Зря я вам с Настей воду замутила, хотела тебя закадрить, а ты какой-то несовременный — заладил свое “люблю да люблю!” Решай — я тебе все рассказала!» — и Зина, пожав мне запястья, зашла в комнату.

Я не знал, куда деваться. Стоять здесь перед закрытой дверью было бессмысленно. Идти к себе в комнату и веселиться вместе с ребятами — не хотелось. Что-то надо было решать, но что — непонятно. Я чувствовал, что теряю что-то важное в жизни, но как поступать — не представлял себе.

Жизнь опять оказалась «богаче планов» — к дверям заветной комнаты подошел нетвердой походкой худенький парень. Стукнув в дверь, он смело открыл ее и вошел. Я понял, что это Шурик, мой соперник. Кровь ударила мне в голову, но зайти за ним в комнату я не решился. Дверь опять открылась, и из комнаты вышла Зина. Увидев меня, она за руку, почти насильно, вытащила меня внутрь и сказала Насте:

— Разберитесь тут втроем, а я погуляю!

Настя сидела за столом, Шурик развалился на ее койке. Было видно, что он подшофе. Невыразительное угреватое лицо, русые выющиеся волосы с чубчиком. Соперник уставился на меня светлыми водянистыми глазами и молчал. Настя сидела, по обыкновению опустив глаза. Я сел на стул Зины и понял, что разговор надо начинать мне.

— Я так понимаю, что Шурик знает, кто я такой, кем прихожусь Насте, да и я знаю про ваши дела. Я люблю Настю и хотел бы прожить с ней всю жизнь, — Настя подняла глаза и посмотрела мне в лицо, — но и я, и Настя сейчас находимся в браке с другими людьми. Брак — светский, а не церковный — дело наживное. Его заключают и расторгают, если на это есть серьезная причина.

— А мне и разводиться не надо, — с вызовом вымолвил Шурик, — захочу — хоть завтра женюсь!

— Не женишься ты завтра, Шурик, Насте еще надо разводиться, а Саша может развода и не дать. Армия — не причина для развода! Поэтому я как человек не чужой в этой компании хочу поставить вопрос так: с кем из нас хотела бы остаться Настя, если считать, что мы все — свободны и оба хотим жениться на Насте.

— А ты не москвич, ты не можешь жить здесь! — сдуру брякнул Шурик.

— И Сасово — не Москва, а к тому же, если я женюсь на Насте, то могу жить там, где живет моя жена!

— Я не позволю! — в Шурике вдруг заговорил пьяный мужчина, — я убью тебя, и все дела!

— Руки короткие! — вдруг в сердцах сказала Шурику Настя. Я понял, что Настя склоняется в мою сторону.

— А что, Шурик, ты смелый и решительный человек, рискнешь ли ты действительно убить меня? Я буду обороняться! — остроумный план уже созрел в моей голове, — ведь я человек неслабый, и потом — грузин, а мы, грузины, с финками ходим!

Шурик вскочил с кровати и замахал руками.

— Было бы старое время, я вызвал бы тебя на дуэль и убил бы как собаку! — размахивая руками, разглагольствовал Шурик, — да в тюрьму из-за такого чмура идти неохота!

Настя смотрела на Шурика с нескрываемым презрением.

Я встал и серьезно спросил Шурика:

— Так значит, если бы у тебя была возможность убить меня так, чтобы про это никто никогда не узнал, но с равным риском, что убью тебя я, ты пошел бы на это? — завлекал я Шурика в хитрые сети, но он не понимал этого.

— Конечно, но все равно — убью тебя я! — как-то быстро согласился Шурик.

— Все, — подытожил я, — завтра я хочу предложить способ, как одному из нас остаться с Настей и чтобы все было тихо и по закону. Настя, это и тебя касается, попроси, пожалуйста, Зину пойти погулять часа два, с семи до девяти вечера, а я зайду сюда ровно в семь! — и я, вежливо поклонившись, вышел.

«Лишь бы не сорвалось, лишь бы Шурик не передумал!» — лихорадочно думал я, идя в комнату к ребятам.

Когда я зашел к ним, выпивка «за приезд» уже закончилась. У меня в чемодане, разумеется, была бутылочка отменной чачи. Ребята восприняли ее с энтузиазмом, я разлил ее по стаканам и предложил тост:

— За успех безнадежного дела!

Все выпили и похвалили мой тост — они такого раньше не слышали. Я сейчас уже не помню, услышал ли я его или экспромтом придумал, но предложил такой тост в своей жизни впервые. Я-то уж знал, какое «безнадежное дело» меня ожидало, и очень уж хотелось его осуществить!

На следующее утро я походил по аптекам, приобрел кое-что, купил бутылку «Старки», бутылку шампанского и вернулся в общежитие. Там я немного «поколдовал» в одиночестве в пустой комнате и потом прилег отдохнуть. К семи часам вечера я цивильно оделся, взял с собой портфель и, не торопясь, поднялся к Насте. Там уже сидели за столом Настя и Шурик, лица у них были серьезные.

— Слава Богу, — подумал я, — они все восприняли всерьез!
Я спокойно, с достоинством вошел и попросил Настю запечатать дверь на ключ, что она и сделала. Затем поставил на стол бутылку «Старки» и предложил выпить за любовь, что и было выполнено с охотой.

— Здесь присутствуют два человека, которые любят одну и ту же женщину, — дипломатично начал я, — но остаться с ней может только один (несовременно как-то, но происходило-то это в 1960 году!). Другой должен уйти, и я предлагаю сделать это по-японски.

Я попросил у Насти блюдечко, достал из кармана пробирку и выкатил из нее на блюдечко две серо-белые горошины.

— Одна из горошин — адреналин, другая — «плацебо», или только наполнитель, сахар, если угодно, — начал пояснять я. — Если принять горошину адреналина, а это очень большая доза, только нужно обязательно проглотить ее, а не удерживать во рту, — медленно и выразительно говорил я, чтобы «наживка» была заглотана, — то минут через пять кровяное давление поднимется до невероятных величин, и сосуды мозга лопнут, не выдержав его. Человек сначала чувствует тяжесть в голове, потом он ощущает удары сердца, как молотком по наковальне, ну а потом — летальный исход. Сразу и без мучений. Кому же попадет горошина из сахара, тот — счастливец, он будет мужем Насти. Через час-полтора адреналин в организме умершего разложится на уксусную кислоту и углекислый газ, и никакой анализ не покажет его. Кстати, надпочечные железы у человека сами вырабатывают адреналин, так что сосуды мозга могут лопнуть, например, от стресса, вызвавшего выброс натурального адреналина. Таким образом, отвечать никто не будет — оставшийся в живых через часик-другой вызывает скорую помощь, дескать, человеку стало плохо, думали — просто заснул, а он — навеки!

Я методично вешал Насте и Шурику «лапшу на уши», но лапша-то таковой была лишь наполовину. Человек без специального медицинского образования, даже вполне эрудированный, мог все воспринять серьезно и поверить легенде. Серьезный врач или биохимик, конечно же, обнаружил бы ляпсусы, в основном намеренные, в моих словах.

На самом деле обе горошины были изготовлены из нескольких толченых таблеток нитроглицерина, свободно продаваемого в аптеках, и клея. Те, кто лечился нитроглицерином, знают, какие неприятные ощущения вызывает даже одна таблетка: кажется, что голова вот-вот разорвется от сильнейшей пульсации крови. Вреда от этого лекарства нет никакого, таблетки сладковатые на вкус, и, действительно, они почти целиком состоят из сахара — нитроглицерина там крохи.

Я прогнозировал поведение Шурика следующим образом. Мы одновременно берем по горошине в рот, я тут же глотаю ее и показываю пустой рот. Проглоченный нитроглицерин хоть и действует, но гораздо слабее, чем спрятанный под языком или за щекой. Шурик осторожно пробует горошину на язык, чувствует сладость и полагает, что ему попалась «плацебо». На всякий случай он не глотает горошину, а прячет ее под язык, чтобы она не была видна при открывании рта. И тут-то нитроглицерин ударит по Шурику во всю мощь трех таблеток, слепленных в горошину. Минуты через три, когда горошина рассосется и выплюнуть ее уже будет нельзя, начинаются «удары кувалдой» по голове и сильнейший страх смерти для непосвященного. А дальше я предполагал действовать по обстоятельствам.

Все так и произошло. Настя была шокирована происходящим настолько, что, раскрыв рот и вытаращив глаза, просто молча наблюдала за происходящим. «Старка» придала Шурику уверенность — после того, как я, морщась вроде бы от неприятного вкуса, проглотил горошину, он свою спрятал под язык и открыл рот для проверки. Я долго заглядывал ему в горло, но потом признал, что все честно.

Мы с Шуриком устали друг на друга, ожидая исхода, а Настя — со страхом смотрела то на одного, то на другого. И тут я со злорадством увидел, как от ужаса расширяются глаза Шурика. Он хватается за голову, вскакивает с места и начинает метаться по комнате.

— Я, кажется, съел эту гадость! — стуча зубами, говорит он мне, — что, я умру сейчас? А если я откажусь от нее, — он пальцем указывает на Настю, — ты можешь спасти меня? Ну, сделай же что-нибудь!

Я понял, что «кувалда» заколотила Шурика по голове. Он начал плевать, совал два пальца в рот, пытаюсь вызвать рвоту, но ничего не получалось. Он рухнул на колени и обнял меня за ноги.

— Помоги, умоляю, у тебя должно быть лекарство! Работ твоим буду всю жизнь, спаси! — Шурик бился в истерике.

Вслед за ним рухнула на колени Настя, умоляя сжалиться и целуя мне колени.

«Не помер бы от испуга, — подумал я, — ведь бывает и так!»

— Ну, хорошо, ты проиграл! — театральным жестом я указал пальцем на поверженного и плачущего Шурика. — Так неужели тебе захочется жить, если я заберу себе Настю?

— Да, да, захочется, забирай ее себе, только спаси меня как-нибудь! — причитал Шурик.

Опасаясь, что действие нитроглицерина может закончиться, я быстро спросил у Насти:

— Так ты — моя?

Она быстро закивала, не в силах вымолвить ни слова. Тогда я достал из портфеля огромную трехграммовую таблетку чистой аскорбинки для витаминизации пищи и протянул ее Шурику.

— Грызи и глотай ее быстрее — может, ты и спасешься!

Обезумевший Шурик с хрустом принялся жевать эту кислещую в мире таблетку и, икая, заглатывал кашицу аскорбиновой кислоты. Я велел ему прилечь на кровать Зины (чтобы вдруг его не вырвало на теперь уже «нашу» постель!) и глубоко дышать. Он дышал и часто икал от ужасной кислотности. Настя продолжала стоять на коленях, сжимая себе виски руками, как будто голова должна была расколоться у нее самой. Зрелище было незабываемое, Станиславский рыдал бы от восторга!

Постепенно Шурику стало лучше, я налил ему «Старки», и он, шатаясь, вышел из комнаты. Вся сцена японской дуэли заняла около получаса. У нас с Настей осталось почти полтора часа до прихода Зины.

Я поставил на стол шампанское, мы выпили его из граненых стаканов; я слышал, как зубы Насти лязгали по стеклу — ее охватила нервическая дрожь. Я приказал ей раздеться и лечь, чему она повиновалась, как зомби. Степенно раздевшись, как хозяин, я потушил свет и лег с Настей. Зубы ее продолжали стучать, пока я своими поцелуями не укротил эту дрожь.

И совсем несвоевременно я стал размышлять о том, правильно ли я поступил, так жестоко разыграв Шурика и Настю. Но потом решил, что если даже поступил я неправильно, то, по крайней мере, на всю жизнь запомню эту маленькую, но насыщенную действием пьеску.

А потом думать о чем-то постороннем стало недосуг... До прихода Зины мы успели привести в порядок себя, постели и комнату.

— Шурик покинул нас, — грустно сообщил я вошедшей Зине.

Она испытующе посмотрела на Настю и поняла, что та не в себе. Я поцеловал Настю, потом Зину и, довольный, пошел спать к себе.

Утром у коменданта Немцова я снял по дешевке отдельную комнату в дальнем краю общежития. Студенты почти все разъехались, а новой Спартакиады не намечалось — свободных комнат было навалом. Мы с Настей переселились туда. Зина так и не поняла, в чем дело. Она решила, что я обещал жениться на Насте, и та «бортанула» Шурика, который, по сведениям, срочно «снялся» с общежития и уехал к себе в Сасово. Якобы для «поправки здоровья».

Жили мы с Настей в нашей общежитской комнате. Летом она подрабатывала в том же вычислительном центре на проспекте Мира. Вечером мы встречались и, как законные супруги, шли в кафе или ужинали дома с портвейном.

Почему-то мне так полюбились портвейны, что я лет до пятидесяти употреблял в основном только их. Портвейн у меня ассоциировался с любовью, причем любовью тайной, незаконной, а потому желанной. После пятидесяти тайная и незаконная любовь практически закончилась, и я как законопослушный гражданин перешел на сухое вино. Водка и спирт обычно приводили к буйству, я их боялся, а коньяк, как мне казалось, отдавал клопами, и я его избегал. Я несколько раз в жизни сильно травился коньяком, выпивая его чрезмерно много. А коньяк, или виноградный самогон, настоянный на дубе, — это яд (говорю это вполне профессионально!), и он не прощает перебора. Поэтому к коньяку у меня идиосинкразия (русский язык надо знать!), и если есть выбор, то я коньяк не пью.

В конце августа, когда студенты уже стали съезжаться после каникул и заполнять общежитие, мы с Настей лишились нашей комнатухи. Часто просить Зину о прогулке было неудобно, к тому же мы с Настей уже привыкли оставаться вместе ночами. Поэтому Настя решила на пару-тройку дней съездить в Иваново к своей маме.

ТАЙНА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ КОМСОРГА И КОНЕЦ ЛЮБВИ

Я снова переселился в свою большую комнату к ребятам, грустил вечерами, не зная, куда себя девать. Заводить какие-либо знакомства было ни к чему, и я принимал участие в коллективных выпивках по вечерам среди своих, в нашей же комнате. Естественно, разговоры у нас в мужском коллективе были скромные, мы обсуждали животрепещущие проблемы сексуального характера и сопутствующие вопросы. По прежним целинным воспоминаниям ребята знали, что я «самосовершенствовался» по индийской методике, повышая геометрию и силовые характеристики того, что я назвал «хвостиком». И как-то сам по себе возник спор, может ли мужчина подвесить на этом «хвостике» ведро с водой. Нет, не так, как вы подумали! Завязать «хвостик» узлом на ручке ведра и подвесить его, как на веревочке, нельзя, — мы это точно знали еще со времен целины. Был у нас на целине шофер — Васька Пробейголова, веселый парень, любимой поговоркой которого была: «Все можно, только "хвостик" узлом завязать нельзя!» Мне запала в душу эта притянутая к себе история, и я как человек склонный к научным исследованиям решил подтвердить или опровергнуть этот тезис.

Теоретические расчеты и многочисленные эксперименты (фу, как вам не совестно даже подумать такое! Конечно же, эк-

сперименты на толстых веревках и резиновых шлангах!) показали, что завязать даже самый простой (не «морской» или «двойной»!) узел можно только тогда, когда длина абсолютно гибкого цилиндра раз в 10 превышает его толщину. Но даже самые элементарные анатомические познания свидетельствуют о том, что такого соотношения для рассматриваемого предмета не бывает. Кроме того, в предложении об «абсолютной гибкости» цилиндра есть определенная натяжка, которая еще более усугубляет выведенное соотношение. Поэтому «гипотеза Пробейго-ловы» оказалась однозначно справедливой.

Стало быть, подвесить ведро мы собирались не на «веревке», а на «кронштейне», или, если использовать отечественные термины, на рычаге, болте, костыле и т. п., укрепленном в стене под небольшим углом (около 20°) к горизонту. Тут возникает новый вопрос: а на каком расстоянии от «заделки» его подвешивать? Ведь из курса механики известно, что изгибающий момент растет по мере удаления точки подвеса от «заделки». Чувствуя, что мне не остаться в стороне от этого спора, я, естественно, высказал мнение, что подвес должен осуществляться именно в точке заделки. Там теоретически изгибающий момент равен нулю и действует только перерезывающая сила. Иначе задача становится неопределенной, ее решение будет зависеть от выбора точки подвеса.

Интуиция меня не обманула. Я заключил пари со «стариком» Калашняном, что подвешу, будем называть так, на своем «кронштейне» ведро воды в точке «заделки» этого кронштейна на установленное время. Как в соревнованиях по штанге. Приз — две бутылки водки с распитием на месте. Комсорг Абрамян взял из комсомольской копилки, куда он складывал взносы, шестьдесят рублей, а Толик Лукьянов быстро принес на эти деньги две бутылки водки и буханку черного хлеба на закуску.

Левон и Крисли принесли из общественной кухни оцинкованное ведро с надписью «кухня», наполненное водой по каемочку, после чего Левон куда-то исчез. Серож Калашян поставил две настольные лампы на тумбочки близ окна, осветив место предполагаемого эксперимента. Согласно условиям, руки — у меня за спиной, а Крисли показывает мне фотографию эротического содержания из журнала «Плейбой». Помню, это была фотография обнаженной Бриджит Бардо конца 50-х годов в коленно-локтевом положении, вид сбоку-сзади, голова повернута в профиль к фотоаппарату. Мне очень нравилась Бриджит Бардо, а особенно эта фотография; я уже два дня не встречался с Настей, и результат не заставил себя ждать. Затем Толик наносит ручкой метку, куда вешать ведро, и Крисли с Серожем осторожно, без динамики вешают ведро. Считают: «двадцать один, двадцать два», отмеривая секунды взмахами руки, и снимают ведро.

Все так и произошло; ведро, к счастью, не упало; его сняли, торжественно поставили на стол, за которым мы и распили выигранные бутылки. Рассчитаться с Леоном Абрамяном — комсоргом, должен был Серож Калашян — «старик». Меня несколько смутило отсутствие комсорга при эксперименте и распитии, но Серож сказал, что комсоргу на таких сомнительных экспериментах, а особенно на распитии, присутствовать нежелательно. Меня это только обрадовало: делить две бутылки на четверых — понятно и привычно, а вот как мы поделили бы эти же две бутылки на пятерых — сложно сказать!

Все было путем — поспорил, выиграл, выпил, но куда делся Левон — так и осталось тайной. А ведь все тайное рано или поздно становится явным! Тайна исчезновения комсорга Левона Абрамяна открылась только через двадцать три года — в 1983 году.

Я, уже сорокатрехлетний профессор, доктор наук, еду с циклом лекций от общества «Знание» по стране, а именно — на юг России. И вот в городе Ростове-на-Дону мне забронировали в центральной гостинице «Московская» на главной улице Ростова, носившей славное имя Энгельса (теперь — Большая Садовая), трехкомнатный номер-люкс. Я читал лекцию в конце рабочего дня на каком-то железнодорожном предприятии. Портфель свой, конечно же, с выпивкой на вечер, я оставил в номере, а на лекцию отправился налегке.

Лекция проходила в актовом зале предприятия, как обычно, с успехом, было много празднично одетых людей, задавали вопросы по теме и не совсем, и я, уже собрав свой нехитрый реквизит, намеревался выходить из зала, как вдруг ко мне подошла стройная симпатичная женщина лет сорока.

— Профессор, можно мне задать вопрос не совсем по теме? — слегка зардевшись, спросила она, — не жили ли вы в 60-м году в общежитии МИИТа на Вышеславцевом?

Я с интересом посмотрел на нее, понял, что не ошибся в оценке ее внешних данных — румянец еще более украшал ее, — и ответил еврейским вопросом на вопрос:

— А что?

— Знаете, — она зарделась еще больше, — дело, конечно, прошлое, люди мы уже взрослые, но я видела, как вы ведро с водой подвешивали... на этом, ну, вы понимаете, на чем?

Я поглядел на даму с таким выражением лица, которое, будь рядом Станиславский, обязательно вошло бы в каталог по мимике. Вроде баб в комнате тогда не было, это что — мистика или розыгрыш?

— Я все объясню, — продолжала дама, — я училась в МИИТе и жила в этом общежитии. Как-то вечером стучит к нам в комнату на женском этаже ваш комсорг и быстро сообщает, что если кто хочет видеть, как «грузин» будет ведро подвешивать,

вать, ну, сами понимаете, на чем, то быстро — в ленинскую комнату! Свет не зажигать, скинуться по десять рублей (водка тогда стоила около тридцати рублей)! Смотреть в окно напротив! И побежал дальше звать зрителей. Набилось в ленинской комнате человек двадцать, и все было прекрасно видно — вы, наверное, специально подошли к окну и хорошо осветили нужное место!

— Вот она, тайна комсорга! Вот какие они все — комсомольцы и коммунисты — коварные и корыстные сволочи! Ославили меня на всю страну, да еще 200 рублей прикарманили! Заработали на мне, вернее на моей части тела! На два рыла, наверное, договорились поделить со «стариком» Калашняном!

Видя мое искреннее смущение, дама взяла мою ладонь в свои руки и, уже не смущаясь, спросила:

— Скажите, профессор, а вы могли бы повторить этот опыт теперь, ну, скажем, сегодня? Без комсорга, разумеется?

Прямой и открытый взгляд дамы привел меня в чувство.

— Сегодня? Повторить? Без комсорга? Да с большим удовольствием! — принял я вызов дамы, взял ее под руку и вышел с ней на улицу.

Вскоре мы уже были в моем люксе на улице Энгельса. Но все попытки найти в номере ведро не увенчались успехом. Пришлось прикладывать, как говорят в сопроамате, другие «эквивалентные» нагрузки. Но мы, как инженеры, справились.

Администрация гостиницы уважала посетителей люксов и даже не послала к нам проверяльщицу к 11 вечера. И заготовленная красная десятка на этот случай так и осталась лежать у меня в кармане.

Утром мы распрощались, поблагодарили друг друга за отлично проведенную ночь и, не обмениваясь адресами и телефонами, расстались. Я поехал дальше на юг России с моими полезными для советского общества лекциями...

Но вернемся снова в наше общежитие.

Наступил конец августа — время уезжать домой в Тбилиси. Я видел, с какой охотой готовились ребята к отъезду, и мне становилось еще тяжелее. Не хотел я уезжать домой, хотя там была моя семья, мой институт. Я так успел полюбить Москву, ее людей, здешний менталитет, легкость в отношениях и многое другое, чего не было в Тбилиси. В Москве была Настя, но именно ее перед отъездом я и лишился. Не подумайте, как говорится, дурного, с нею ничего страшного не случилось, скорее даже наоборот.

Для меня осталось тайной, действительно ли Настя поехала к маме в Иваново или все-таки в Рязанскую область, в город Сасово. Прождав ее три, потом четыре и пять дней, я поднялся на четвертый этаж спросить у Зины, не в курсе ли она Настинных дел.

Стучу в дверь и вдруг слышу голос Насти: «Да!» Распахиваю дверь и вижу Настю и Шурика, сидящих на кровати в обнимку. Я не поверил глазам: как же так, я ведь победил в японской дуэли! Не вставая с койки, Настя тихо, но жестко сказала мне:

— Уходи и не приходи сюда больше! Между нами все конечно! Мы с Шуриком любим друг друга и не хотим тебя видеть! — Настя больше не опускала глаз, а смотрела прямо и решительно. Я заметил, что кольца на ее руке не было.

Убитый случившимся, я вышел вон и поплелся к себе. Ребята отмечали предстоящий отъезд домой. Я выпил с ними и, не выдержав, обо всем рассказал. Конечно же, о моем романе с Настей знало почти все общежитие, не то что свои ребята. Эмоциональный Крисли Сехниашвили вскочил с места и вскричал:

— На твоём месте я бы избил этого Шурика, да и Настю тоже! Вот суки!

«Старик» Калашян был противоположного мнения:

— Тебе завтра уезжать, ну побьешь ты их и уедешь, а они снова встретятся! Плюнь на это и езжай домой, у тебя же жена там!

Но выпитая водка не давала покоя. Я подал знак Крисли, чтобы он вышел со мной. Вместе мы поднялись на четвертый этаж, и я громко постучал в комнату. Никакого ответа. Я прислушался — за дверью послышалось шевеленье. Нажал на дверь — она не подается. Я начал дубасить в нее ногами, но тут же вышли соседи напротив — две знакомые девочки, и сурово пригрозили, что они вызовут милицию. Все против меня!

И вдруг мне в голову пришла пьяная мысль — залезть в комнату через окно. Комната Насти была крайней, за ней шел тупичок коридора, оканчивающийся окном. Мы с Крисли подошли к окну, я высунулся и оценил ситуацию. Окна в комнате Насти были открыты, карниз под окнами был широким, но, к сожалению, чуть покатым. Под окнами располагалась палатка для приема стеклотары.

Я решился. Вылез в окно, держась за руку Крисли, ухватился за подоконник Насти и только после этого отпустил руку. И вдруг я вижу Настю — она соскакивает с кровати, подбегает к окну и со всей силы пытается его захлопнуть. Лицо ее перекошено от страха и злости, она все давит и давит, расплющивая мне пальцы. Я посмотрел вниз — высота огромная, я представил себе, как загрохочет разбитая стеклотара, если я упаду вниз и пробью хилую пластиковую крышу палатки. А Настя все давит и давит на раму.

— Перестань давить, я уйду! — крикнул ей я.

Она приоткрыла окно, но держала его обеими руками, чтобы снова захлопнуть, если я попытаюсь залезть внутрь. Шурика видно не было, забился в угол, наверное, чмур поганый!

Я оторвал окровавленные пальцы от подоконника и, балансируя на карнизе, схватил протянутую мне руку Крисли. Кое-как влез в окно и, неуклюже перевалившись, растянулся на полу. Всю позорную сцену наблюдали высунувшиеся из комнаты напротив девочки. Я шуганул их, они тут же захлопнули дверь, и мы с Крисли, шатаясь, побрели к себе. Я не удержался, чтобы не пнуть ногой дверь Насти и не плюнуть на нее.

Вот как закончилась наша любовь! Говорил же я ночью на берегу Москвы-реки, что все кончится, и кончится плохо. Что мне на это говорила Настя? «Успокойся, миленький, не плачь, у нас все-все будет хорошо! Вот увидишь!»

— Вот и увидел! — я посмотрел на свои окровавленные, с содранной кожей пальцы и решил: все равно хорошо, что не грохнулся с четвертого этажа на палатку со стеклотарой!

Но нет худа без добра — тем более с легким сердцем я уехал домой с приятелями и, выпивая с ними по дороге, со смехом вспоминал мое приключение. Только Крисли мрачнел и приговаривал, качая головой:

— Окно захлопывала, сука! Наша грузинка никогда бы так не сделала!

Я молчал и поддакивал, а сам вспоминал, что грузинка Медея (правда, древняя грузинка!) не пожалела даже своих детей, зарезала их, чтобы досадить своему любовнику Ясону! Попался бы ей этот Ясон на карнизе, она бы его еще и подтолкнула, не то что пальцы прихлопнула!

Лет через десять после этого — жуткое, мистическое совпадение — мой знакомый парень с нашего двора в Тбилиси поступил в МИИТ и жил в том же общежитии. Он сорвался и упал как раз с того же карниза, совершая тот же путь из окна, что и я. Но совсем с иной целью: он выпил с товарищами, а закуски не хватило. Из окна комнаты, которую когда-то занимали Настя с Зиной, свешивалась авоська, набитая всякими вкусными вещами. Правда, было не лето, а холодное время года, и удержаться на карнизе было труднее. Парень разбился насмерть — палатку, которая могла смягчить удар, к тому времени уже убрали. Получило-таки окно-убийца свою жертву из Тбилиси, из того же самого двора!

НЕПРОСТА ДИРЕКТОРСКАЯ ЛЮБОВЬ...

В Тбилиси я окунулся в привычный мир семьи, учебы и спорта. Настроение подавленное, на душе — пустота. Интересно, что любовь к Насте исчезла мгновенно. Вылезал я из окна на карниз пылко и страстно влюбленным, а залезал обратно

и растянулся на полу — уже нормальным человеком. Уже не так ждал поездки в Москву, хотя идеей своей горел, как и раньше.

К лету следующего 1961 года все «устаканилось» в моей душе, и я официально по вызову отправился на преддипломную практику в институт ЦНИИС. Мне удалось «пробить» свое изобретение в этом институте, и там уже изготовляли опытный образец машины. В это трудно поверить, но это было именно так. Помогли люди, ученые из ЦНИИСа — Федоров и Недорезов, которых я не называю иначе, как моими благодетелями.

В общежитие МИИТа я даже не стал заходить, чтобы случайно не встретить Настю под ручку с дебилем Шуриком. Явился сразу же к своим благодетелям Федорову и Недорезову, и они устроили меня в общежитие ЦНИИСа, которое народ называл «Пожарка» (оно располагалось в здании бывшей пожарной части). Вскоре я закончил Политехнический и, не без помощи моих благодетелей, поступил в аспирантуру этого же института.

Эх, «Пожарка»! Она мне и сейчас по ночам снится! Сколько с ней связано — три года, проведенных в ней, были самыми насыщенными впечатлениями, полученными от жизни. Там я узнал цену человеческим отношениям, познакомился с самыми разными судьбами, испытал дружбу и любовь, сам предал и то и другое, наконец, сделал первые шаги в науке — не за ручку, а самостоятельно, падая, расшибаясь и поднимаясь снова!

Успехов на женском фронте у меня не было, да пока и быть не могло: «обжегшись» на Насте, я перенес свое недоверие ко всем представительницам этого, казалось бы, прекрасного пола.

И вдруг мне неожиданно повезло. По утрам, отправляясь в ЦНИИС, я всегда проходил мимо магазина типа сельмага, где продавалось почти все — начиная от водки и заканчивая посудой и телогрейками. И однажды вижу: внизу у магазина стоит грузовик ГАЗ-51, груженный ящиками с водкой и консервами, а вокруг него бегают запыхавшаяся молодая женщина. Она рванулась ко мне и просит:

— Парень, помоги разгрузить машину, хорошо заплачу, грузчик зашил, собака!

Я никуда не спешил и перетащил ящики в магазин. Валя, так представилась женщина, оказалась директором магазина. За разгрузку она дала мне две бутылки «Московской особой» и попросила иногда помогать ей. «Раза два в неделю по утрам приходит машина, и каждый раз грузчика не найдешь. На полную ставку брать — работы не найдется, а на эпизодическую никто не соглашается».

Я подумал и согласился. «За» было несколько доводов: во-первых, труда мне это не составляло, и я особенно не спешил по утрам. Во-вторых, две бутылки водки бесплатно на улице не валяются. А еще эта Валя мне понравилась — интересная кре-

пышка-блондинка, смотрит прямо в глаза, да и говорит без экивоков.

Валя только попросила меня отдавать ей бутылочный «бой», желательно с пробкой; пробки в ту пору были алюминиевыми колпачками.

— Ты пробку-то не срывай, а покрути немного, и она сама спадет. А потом, как выпьешь, разбей бутылку, а пробку надень на горлышко и завальцуй хоть ключом или ножичком! — учила она меня. — А я спишу бутылки как транспортный «бой». И тебе будет хорошо, и мне!

Как-то Валя спросила, почему я живу в «Пожарке» и чем вообще занимаюсь. Я и объяснил ей, как мог, что учусь, дескать, в аспирантуре, науку делаю, а через три года защищу диссертацию и буду кандидатом наук.

— Врешь ты все, — прямо заявила Валя, — если ты ученый, то почему ладони как у слесаря, да и сила такая, что машину за десять минут разгружаешь?

— Да потому, что я — спортсмен-штангист, повезло вам с грузчиком! — смеясь, ответил я.

— И сколько ты будешь получать, когда защитишь свою диссертацию? — без обиняков спросила Валя.

— Ну, смотря кем работать буду. Зав. лабораторией, например, в ЦНИИСе четыреста рублей получает.

Валя аж присвистнула, заметив, что эта зарплата побольше, чем у министра, и опять обвинила меня во лжи.

— Валя, — говорю я ей, — телефон у вас в кабинете, наверное, есть, позвоните в отдел кадров ЦНИИСа и спросите, кем числится у них Гулия и сколько получает кандидат наук!

— Слушай, Гулия, — (с ударением на «я») как-то вдруг задумчиво проговорила Валя, — зашел бы ты ко мне в магазин после работы, часов в восемь. У меня кое-какие шмотки есть, отдам по своей цене! — Валя показала мне окошечко с решеткой, куда надо постучать, чтобы она вышла и открыла магазин. — Мы до семи работаем, но тут до полвосьмого продавцы крутятся, а к восьми никого не будет. Заходи!

Я еле дождался этих восьми часов и, парадно одетый, даже в галстук, постучал в окошечко. Занавеска приоткрылась, мелькнуло Валино лицо, и занавеска закрылась снова. Я пошел ко входу в магазин. Валя отперла замки изнутри, впустила меня и снова замкнула двери. Она была красиво приодета, накрашена и сильно надушена. Запах духов меня всегда брал за живое, а сейчас — в пустом темном магазине с красивой женщиной рядом — особенно.

Валя провела меня в подсобку в подвальном этаже. Открыла обитую оцинкованным железом дверь и зажгла свет. Комнатка напоминала склад — на полу стояли ящики с дефицитными на-

питками — коньяком, «Охотничьей» водкой, «Московской особой» 8-го цеха (так называемой «Кремлевской»), баночками с икрой, крабами, печенью трески. Из фруктов я заметил ананасы и плоды манго. На стенах висели дубленки, в полиэтиленовых мешочках — меховые шапки. Я смотрел на все это, как в музее.

Валя подала мне синтетический (кажется, трикотинный) пуловер красного цвета и белую нейлоновую рубашку. Это в магазинах найти было трудно.

— Деньги после отдашь, когда примеришь, — заявила она, — а сейчас давай обмоем и твои обновки, и знакомство. Ведь ты меня до сих пор на «вы» называешь! Что я — старуха, что ли? Мне всего двадцать пять лет!

Я попытался было сказать, что не привык «тыкать» директорам, что я исправлюсь, но она открыла уже початую бутылку коньяка и разлила по рюмкам.

— Давай выпьем на брудершафт, чтобы мы были друг с другом на «ты»! И даже тогда, когда ты будешь кандидатом наук, — добавила она.

Мы чокнулись, скрестились руками и выпили. Потом, как положено, поцеловались. Я заметил, что поцелуй ее был отнюдь не дружеским. Мы выпили еще, и еще раз на брудершафт, сильно задержавшись в поцелуе. Я обнял Валя и, заметив в углу комнаты какие-то ткани на полу, поволок ее туда.

— Ты что, ты что, — смеясь, говорила Валя, — туда нельзя, ты же меня изваляешь всю — это мешки!

Валя быстро освободилась из моих объятий, погасила верхний свет, оставив лампочку аварийного освещения. Потом, взяв меня за руку, подвела к письменному столу у стены, стала лицом к нему и наклонилась, положив локти на стол. Я стоял позади нее, ничего не понимая. Тогда она, тихо похохатывая, задрала себе юбку сзади и приспустила трусы.

— Теперь догадался? — проворковала она, обернувшись.

К своему стыду, догадался я поздно. Мой небольшой опыт сексуальной жизни не включал в себя такой удобной, естественной и практичной позы. В какой-то из «самиздатовских» книг по сексу еще в детстве я прочел, что единственно правильной позой при совокуплении является такая, когда «женщина лежит на спине, а мужчина — сверху, обернувшись к ней лицом. Все остальные позы — скотские и содомические». Ну, жена — ладно, она девушкой была, это я ее должен был учить, но Настя — неужели она тоже не знала этих милых, прекрасных и удобных «содомических» поз! Темнота я, темнота — двенадцать часов ночи!

Валя оказалась женщиной что надо. Да, до директоров всем нам только расти и расти! Так просто директорами, особенно

магазинов, не становятся! Тут нужна сноровка, ум и главное — решительность и самостоятельность. Слунтяи и интеллигенты директорами магазинов не бывают!

Я был наверху блаженства. Такая умная, в меру страстная и удобная женщина мне встретилась впервые. С ней было легко: что-то решать, предпринимать и думать было не обязательно. Тебе всегда выдавалась самая правильная в мире инструкция как поступать.

Две секунды, два движения — и Валя снова одета и в порядке. Даже я приводил себя в нормальный вид дольше.

— В девять машина придет, тебе уходить надо, — целуя меня, прошептала Валя, — я тебя выпущу. Шмотки не забудь, — напомнила она и вывела меня за дверь магазина. — Я тебя позову сама!

Я зашел за угол «Пожарки» и стал наблюдать за входом в магазин. В девять часов действительно приехала машина — ГАЗик, который тогда называли «козлом», с военными номерами. Валя вынесла из магазина две полные тяжелые сумки и передала их кому-то в машине. Затем села рядом с водителем, и «козел» отъехал.

Два раза в неделю Валя по утрам звала меня на разгрузку машины. Те же две-три бутылки в обмен на «бой». Никакого намека на былую близость — я с ней опять на «вы». Только перед расставанием, передавая бутылки, Валя одними губами шептала: «В восемь постучишь в окошко!», — и тут же заходила в магазин. Так продолжалось до самой весны, до таяния снегов, прилета птиц, подснежников, фиалок, ландышей и сирени. И в одну из интимных встреч в подсобке, когда у нас оставалось до девяти еще полчаса, Валя затеяла неожиданный разговор.

— Ты, я вижу, человек неженатый, — она хихикнула, — кольца нет, да и опыта тоже никакого. А ведь рано или поздно жениться-то надо! Я тоже незамужняя, никто пока замуж не позвал. Да и я себя на помойке-то не нашла, за всякого охламона не пойду. А вот ты мне по сердцу пришелся! Ты ненаглый, умный, что тебе говоришь, то ты и делаешь! Не глядишь, чего бы хапнуть на халяву! Мы были бы отличной семьей — всем на зависть. Ну, будешь ты получать свои четыреста — но ведь и все! А у меня всегда будет еще «кое-что», и не меньше. Вот так будем жить! — и Валя оттопырила вверх большой палец сжатой в кулак левой руки, а пальцами правой сделала такое движение, как будто посыпает солью кончик этого оттопыренного пальца.

Я такой жест видел впервые, видимо, он означал «очень, очень хорошо!».

— Что скажешь? — Валя вопросительно смотрела на меня.

Что мне было ей сказать? Я блудливо водил глазами «долу», не в силах взглянуть ей прямо в лицо и говорил, что надо бы за-

кончить учебу, защитить диссертацию, а какой я сейчас жених со ста рублями в месяц?

— Все понятно! — сказала Валя и выпроводила меня из магазина, как обычно.

Но тщетно я ждал по утрам ее озорного крика «Гулия́, Гулия́!», она не звала меня больше. Я проследил, кто же разгружает ей машину по утрам, и увидел большого полного «дядю» в кепке. Видел я, как она передала ему две бутылки водки, и он ушел. А вечером машина пришла уже не в девять, а в восемь часов. Водитель заглушил двигатель, погасил огни и, заперев дверцу, постучал в заветное окошко в магазине. Через минуту Валя отперла двери, пустила его внутрь и, оглядевшись по сторонам, заперла двери снова.

Я постоял немного и пошел к себе в комнату.

— Что-то ты сегодня рановато, да и грустный какой-то! — оторвавшись от работы, подозрительно проговорил мой сосед по комнате, аспирант Вадим. Я только вздохнул в ответ и пошел в соседнюю комнату, где раздавались громкие пьяные голоса...

Глава вторая

НАЧАЛО «ТАМАРОВЕДЕНИЯ»

ТАМАРА ПЕРВАЯ И ГОЛОС С КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Учась в аспирантуре, я часто ходил в Публичную библиотеку, что на Кузнецком мосту. Возвращаясь оттуда, я однажды встретился в самом центре Москвы — на Охотном ряду, с яркой и эффектной девушкой. Она была в брючках, почти мужском пиджаке, с галстуком, небрежно повязанном на тонкой шейке, берете, одетом набок. Она на ходу ела мороженое, держа в другой руке довольно тяжелый портфель. Мороженое капало, и девушка старалась не испачкать костюм.

— Can I help you? («Могу я помочь вам?») — желая показаться джентльменом, спросил я.

В ответ посыпался каскад английских фраз, и девушка передала мне свой портфель. Я напоролся на преподавательницу английского языка с филологического факультета МГУ, что на Моховой. Кого я хотел поразить своей английской фразой?!

Она как раз шла на работу, и я проводил ее. Мы прошли мимо Большого театра, перешли Пушкинскую (Большую Дмитровку), затем Горького (Тверскую), вышли на Манежную площадь,

на Моховую и оказались у филфака. Я спросил, наконец, у девушки, как ее зовут, а она вытянула ко мне шею, сделала страшные глаза и сказала:

— Царица Тамара! — после чего схватила у меня портфель и исчезла за дверьми здания.

Ни телефона, ни встречи! «Ну, ничего, — думаю, — если она идет на занятия, то в это же время я ее встречу, если не завтра, то, по крайней мере, ровно через неделю».

Вызывающий внешний вид, раскованность, английский «американского разлива», да еще в начале 60-х годов, — все это поразило меня. И имя Тамара. Какая-то новая музыка этого имени затронула мне душу. Когда постороннюю, а к тому же и пожилую женщину зовут Тамара (нашего управдома в Тбилиси, например) — это одно. А когда твоя новая знакомая, молодая и красивая — Тамара, да еще к тому же царица — это «совсем другая разница»! Итак, сегодня вечером я выпью за знакомство с Тамарой!

Однако сколько ни просиживал на скамеечке в скверике у входа в здание филфака, Тамару я никак не мог поймать. А заходить внутрь и расспрашивать было неудобно — ни фамилии ее не знаю, ни должности. Но наконец я решился.

Я гладко побрился, приоделся, надел галстук и, после работы в библиотеке, со страхом вошел в здание университета на Моховой. Узнав, что филфак на втором этаже, я поднялся и стал заглядывать в аудитории. Меня окликнула проходящая мимо интеллигентная пожилая женщина с властным взглядом.

— Вы ищете кого-нибудь, молодой человек?

— Да, — смутился я, — ищу преподавательницу английского по имени Тамара.

— Фамилия-то хоть ее вам известна? — спросила дама.

— Нет, но она такая, экстравагантного вида, одним словом, — пробормотал я, и попытался жестами изобразить манеры моей знакомой.

— Ах, все понятно, — рассмеялась дама, — это наверняка Томочка Грубер! Больше таких, — и она повторила мои жесты, — у нас нет.

Дама повела меня по коридорам. Заглянув в одну маленькую комнатку, где сидело-то всего человек пять, она поздоровалась с преподавателем и, прикрыв дверь, сказала мне:

— Вот здесь та, кого вы ищете. Подождите звонка и встречайтесь.

Но Тамара отпустила студентов еще до звонка.

— Господи, это вы? — изумилась она. — Как же вы меня нашли? Неужели вы зашли к Ахмановой и стали обо мне расспрашивать?

Я решил разыграть из себя влюбленного с первого взгляда юношу и говорил соответствующие фразы. Дама, которая искала для меня Тамару, оказалась деканом — Ольгой Ахмановой, или «Ахманихой», как ее прозвали студенты и молодые преподаватели. Ахманова — известный составитель и редактор английских словарей, многие из которых мне были хорошо известны.

Мне показалось, что Тамаре очень льстило мое романтическое поведение. Занятия ее закончились, и неожиданно она предложила проводить ее. Одета Тамара была уже по-другому, но тоже достаточно экстравагантно. Зеленый длинный плащ, зеленый же берет, красные туфли на высоких каблуках. Я заметил, что у нее зеленые глаза и очень темные волосы, может, даже крашенные. Она разговаривала громко и как-то восторженно.

Мы подошли к дому рядом с аптекой на Арбате.

— Здесь живут мои родители, — пояснила Тамара. — А знаешь что (мы быстро перешли на «ты»), зайдём на минутку, я тебя с ними познакомлю, и тут же выйдем. Я кое-что передам маме, и все дела. Только можно я буду тебя называть «Ник», а то имя у тебя какое-то вычурное.

«Не съедят же меня ее родители», — подумал я и согласился.

Мы зашли в дом с шикарным старинным подъездом, поднялись на второй этаж, и Тамара позвонила. Дверь открыла молодая женщина, очень похожая на Тамару, только полнее. Тамара сразу же представила меня: «Это Ник, племянник нашего декана Ахмановой, мы идем по университетским делам, но решили по дороге зайти к вам».

Я зашел в квартиру и поразился ее роскоши, я раньше в таких квартирах не бывал. Даже прекрасная квартира моего дяди — известного писателя, не была так богато и со вкусом обставлена. Неожиданно в холл вышел мужчина в полосатом пижаке (оказавшемся пижамой) и галстуке. Он поцеловал Тамару и пожал мне руку, представившись: «Грубер!»

Я назвал свою фамилию; Грубер наморщил лоб и сказал:

— Где-то слышал, ваша фамилия мне знакома!

Потом я узнал, что отец Тамары был начальником главного управления какого-то военного министерства. Взгляд у него был, я бы сказал, сверлящим. Он посмотрел на меня еще раз и вспомнил:

— Друг моего коллеги профессора Севрука имеет такую фамилию — Гулия.

Я заулыбался и пояснил:

— Доменик Доменикович Севрук — большой друг моего дяди, и я сам хорошо знаком с профессором, даже бывал у него дома в Химках.

То, что я близко знаю Севрука — фактически одного из заместителей знаменитого Королева, человека чрезвычайно влиятельного, произвело на Грубера самое положительное впечатление. Он заулыбался, серые глаза его потеплели, но он все-таки спросил:

— А вы дома у него были по делу или просто так?

— Я докладывал ему мои предложения по бортовому источнику питания на основе маховиков, — не соврал я.

— А вы знаете, что французы... — осторожно начал он.

— Фирма «Аэропассьяль», — продолжил я мысль, — но там маховик другого типа.

Чтение книг «метрами» в Публичной библиотеке пошло впрок — я стал настоящим всезнайкой! Грубер был поражен, мама Тамары, Марина Георгиевна, тоже.

— Вот, молодежь нынешняя совсем не туда смотрит, не тем занимается, не к тому стремится. Хорошо, что есть такие молодые люди, как вы, Ник, которые занимаются нужным делом и прославят нашу Родину! — с этими словами Грубер налил в маленькие рюмочки виски и, чокнувшись со мной и своей женой, выпил. Тамаре не налил — отцом он был строгим.

Мы распрощались и ушли. Тамара была в восхищении — ее отец, столь критично относящийся к молодежи, оказался доволен мною. А уж мама — так вокруг меня и носилась.

— Вот с каким парнем меня судьба свела, — задумчиво произнесла она, — все так нереально, так в жизни не бывает. К чему бы это? — Тамара чего-то не договаривала.

Так мы дошли до площади Революции и почему-то завернули направо, на лестницу, которая перешла в узкий проход. Я решил, что мы выходим на Никольскую улицу (бывш. 25 Октября), но прямо посреди прохода Тамара остановилась и сказала:

— Мы пришли, здесь я живу, — и показала на дом слева, прямо напротив мастерской по изготовлению ключей.

Я никогда не думал, что в этом узком проходе может быть жилой дом, ведь это почти Кремль!

— Что ж, раз довел до дому, так заходи — гостем будешь! — пригласила Тамара.

Мы поднялись на второй этаж, нависавший над самым проходом. Люди проходили прямо под квартирой, их всех можно было рассматривать в лицо.

Тамара задернула окно плотной портьерой и только после этого зажгла свет. Квартира была маленькой, но двухкомнатной,

со странной планировкой. По-видимому, она перепланировалась под контуры старого дома. Мебели было мало, зато стены увешаны картинами, большей частью любительскими. Полка с книгами, в основном, на английском языке, виднелись и словари. Диван-кровать и рядом — модный тогда торшер. Прихожей почти не было. Тамара отнесла наши плащи в большую кладовку, примыкающую к спальне.

— Квартиру снимает для меня отец, чтобы я не мельтешила перед ним и не мешала работать. Да и маме так удобнее. Плохо только, что у нее есть ключ от этой квартиры, и она может прийти когда угодно.

Тамара зашла на кухню, принесла бутылку мадеры и яблоки. Стаканы почему-то поставила чайные, в подстаканниках. Видно было, что она «не в своей тарелке». Я тоже сидел напряженно, не зная «программы» вечера. А ведь было уже около десяти часов.

Тамара налила вина в стаканы, чокнулась со мной подстаканником и выпила. Я очень любил, да и сейчас люблю мадеру — крепкое, чаще всего девятнадцатиградусное вино с уверенным, надежным вкусом. Выпили и молча смотрим друг на друга.

— Ник, знаешь, я ведь замуж выхожу, — вдруг напряженно произнесла Тамара и криво улыбнулась. — Но жениха своего не люблю, хотя он и очень правильный человек. Он — холодный, и глаза у него, как у рыбы. Ему тридцать пять лет, он — старший научный сотрудник, работает в закрытом институте. Даже не знаю, чем он занимается. Познакомились у подружки на дне рождения, он меня проводил до дома. Не вошел, хотя я его и приглашала. Потом встретились, пошли в театр. А по дороге из театра он сделал мне предложение. Я даже привела его к родителям познакомить. Маме он вроде бы понравился, но отцу — нет. «Неживой он какой-то», — только и сказал отец. А он хорошо знает жизнь и разбирается в людях.

Я вспомнил сверлящий взгляд «патера Грубера» поначалу и теплый, радушный — потом, и подумал, что «патер» не так уж и хорошо разбирается в людях. Почему-то мне захотелось его так называть — «патер Грубер»!

— А ведь ты ему так понравился, с первого взгляда! — казалось, с сожалением сказала Тамара, — и мне тоже, — с трудом выдавила она, — и тоже с первого. «Can I help you?» — только успел сказать ты, а я уже любила тебя. Специально не дала тебе телефона, ни к чему это, думаю. Расстались — вот и хорошо, ничего не будет смущать меня перед замужеством. И — на тебе, разыскал! Что же мне теперь делать? — Тамара уже выпила стакана полтора мадеры и, грустно улыбаясь, смотрела мне в глаза.

— Димой его зовут, — предвосхитила она мой вопрос, — сюда он никогда не заходил. Живет с мамой в Черемушках, хочет, чтобы я туда переехала после замужества. А эту квартирку, которую я так люблю, советует оставить, перестать снимать то есть. Близки мы с ним не были — только после замужества это положено, говорит. А вдруг — он или я — ненормальные, что тогда? Заявление уже подали, свадьба через две недели, в ресторане «Прага» хотим отметить. Дима уже договаривается об этом.

Я сидел не в состоянии вставить ни слова. Только подливал себе мадеру из стакана.

— Я тебя понимаю, — так же грустно продолжала Тамара, — может быть, ты меня и любишь, как говоришь, но ты был бы ненастоящим, фальшивым мужиком, если бы сказал: «Тамара, бросай Диму, выходи за меня!» Во-первых, ты совсем не знаешь меня, может, я и ненормальная. Во-вторых, ты живешь на стипендию в сто рублей, а я получаю еще меньше — ведь я работаю на полставки. Что, будем сидеть на шее у «патера», как ты его называешь? Стыдно. Хотя, я чувствую, он был бы рад этому, денег у него хватает. Но ты гордый и не пойдешь на это. Грузчиком ты работать не будешь, ты слишком любишь свою науку, да и много грузчиком не заработаешь.

Я вспомнил, как работал грузчиком у Вали. Хорошо, что Тамара знает только о моей аспирантуре и о спорте, а больше ни о чем. Особенно о моей семье в Тбилиси. А то бы не сидеть мне здесь!

— А сделаю я вот что! — решительно сказала Тамара, подошла к диван-кровати и начала стелить ее, — сделаю я тебя своим любовником и не буду чувствовать себя жертвой. Почему я должна потерять человека, которого сразу полюбила, которого судьба мне так неожиданно подарила! Но и мужа иметь, в принципе, нужно, тем более что он — правильный и хороший человек. Ну, давай, допивай свой стакан, и, как говорят, «у койку!».

Упрашивать меня не пришлось. Не знаю, нужно ли описывать эту нашу ночь в самом центре Москвы, в самой уютной квартирке, с самой экстравагантной женщиной в моей жизни.

Не так уж велик был мой сексуальный опыт, скорее очень уж мал, но мне показалось, что Тамара — необыкновенная женщина, ненормальная, как она сама выражалась. Она если и удовлетворялась любовью, то на очень короткий период, и требовала постоянных повторов. Желание у нее было постоянно, и сил для нее нужно было иметь много.

Надо ли описывать мое состояние в ту ночь? И вот, в этом самом состоянии души вдруг просыпаюсь я посреди ночи, смотрю на чудесный профиль едва знакомой любимой девушки, на странные тени на потолке комнаты и слышу Голос. В этом

загадочном месте — самом сердце Москвы, гляжу я на потолок, на гуляющие по нему страшные тени и слышу, будто издалека, громкий голос, похожий на раскаты дальней грозы из-за окна, то есть почти с Красной площади: «Тамара — это твоя судьба!»

Я гляжу на профиль Тамары рядом с собой — она крепко спит и, видимо, голоса этого не слышит. Тогда я, в силу своей дотошности, тихо переспрашиваю: «Вот эта Тамара, что рядом — моя судьба?» Голос медленно, как далекий громopodobный Фантомас, рассмеялся и добавил: «Нет, это твоя первая Тамара, но у тебя их будет достаточно!» Я поразмыслил и пришел к выводу, что если Тамар будет много, то судьбой может стать только последняя, потому что на этом мои поиски остановятся. И, как настырный студент, переспрашиваю Голос: «Тогда получается, что моя судьба — последняя Тамара?» И Голос, как мне показалось, уже раздраженно, словно полыхая молниями, ответил: «Нет, последняя твоя Тамара будет нести корону над головой той, что была до нее!» Я понял, что Голос больше не желает общаться со мной и испытывать его терпение не надо. Тамара «первая», которая, оказывается, — уже не моя судьба, тихо спала рядом со мной, не подозревая, какую задачку задал мне таинственный Голос.

ПРОЩАНИЕ С «ЦАРИЦЕЙ ТАМАРОЙ»

Мы стали встречаться с Томочкой Грубер почти каждый день, в основном, у нее. Но несмотря на осеннюю погоду, мы могли экстренно, прямо после университета выехать в парк или ближайший пригород и там «пристроиться» друг к другу. У Тамары была еще одна, на сей раз физиологическая особенность — мы могли свободно заниматься нашими делами, просто стоя лицом друг к другу. Запахнемся в широкий плащ или пальто, обнимемся и легко, особенно если на ней были юбка или платье, «любим» друг друга. Никому и в голову не могло прийти ничего криминального, если только не присматриваться.

Однажды сильный дождь застал нас у Ярославского вокзала, откуда мы хотели выехать в пригород на электричке все для тех же целей. Народу набилось под каменной крышей входа в метро — тьма. Мы со всех сторон оказались сдавлены толпой. А «царице» — невтерпеж. Что ж, обнялись мы, запахнул я ее в свой широкий плащ, и занялись «делом». Люди вокруг сами толкали нас, сообщая необходимые движения. Ну, ойкнула она под конец, как будто кто-то на ногу наступил, и все дела.

Даже в альма-матер, родном университете, в ложе темного актового зала, в пустой курилке того же университета так же пробовали.

— Ну и сняли же мы с тобой стружку! — любила говорить после очередного нашего «подвига» Тамара.

Однажды мы заскочили под вечер в парк Горького, ищем укромное местечко, взяли круто налево к Ленинскому проспекту и увидели прямо в парке пустое, уединенное здание, отгороженное сплошным забором. Мы пробрались туда и уже было пристроились, как в глаза бросилась надпись: «Морг». Мы — стремглав оттуда. Видимо, это здание относилось к Градским больницам, что были неподалеку, но почему такое специфическое здание никак не отгорожено от парка — непонятно! Чуть фригидность из-за этого не словили!

Наступил день свадьбы. Тамара сказала, что, видимо, после ресторана она поедет к Диме домой, но жить там не будет. Попытается уговорить его, что будет приезжать на свою милую квартирку несколько раз в неделю. Дескать, пишет диссертацию, и пару-тройку дней в неделю ей нужно побыть в одиночестве для работы (Тамара на кафедре была оформлена соискателем у Ахмановой).

Это было в конце октября. Я не знал, куда девать себя. Сосед по комнате Вадим уехал по делам, и я остался один. Ходил по комнате, по коридору. Водка была, но пить почему-то не мог — не лезла в горло. Я знал, что Тамара любит меня, но ведь спать-то в первую брачную ночь она будет с Димой, то есть с мужем. Я отчетливо представлял себе весь этот процесс, и мне было не по себе.

В комнатах общежития шла обычная пьянка. Неожиданно вваливается в комнату мой приятель Толя Кириллов, выпивший, с красивой молоденькой девушкой под руку. Девушка была яркой блондинкой в красном коротеньком пальтишке, отороченном белым мехом, настоящая Снегурочка.

— Познакомься, Кастуся! — представил ее Толя. — Это наш будущий профессор, а кроме того, самый сильный человек города, — и он постучал меня в грудь кулаком.

А затем отозвал в сторону и попросил: «Будь другом, пусти в комнату на полчасика! Я знаю, что Вадим в командировке, — ты один, пусти!»

Я пустил «влюбленных» на мою койку, а сам сел на стол для гладки в коридоре. Все надеялся, что зазвонит телефон в торце коридора, и я услышу голос Тамары. Ну, просто так может же позвонить и спросить: «жив ли ты еще?» или: «люблю только тебя! Завтра увидимся!» Но телефон, хоть и звонил, но все больше пьяным голосом и не про мою честь.

Наконец Толя вышел из комнаты, закурил и тихо говорит мне: «Заходи, Кастуся ждет тебя. Понравился ты ей. Необычный парень, говорит, непохожий на вас всех. Позови, говорит, хочу с ним быть!»

Я улыбнулся Толе и покачал головой. Тот посмотрел на меня как на идиота.

— Не могу, Толя. Конечно, мне она очень понравилась, но я люблю другую! Пусть не обижается!

А сейчас думаю — жаль, наверное, что не зашел к красивой Кастусе. Тем более — «угощали»!

Прошел день, звонка нет. У Тамары в квартире телефона не было. Я оделся и поехал в центр. Был поздний вечер, когда я подошел к проходу со стороны Никольской. Сквозь задернутые шторы в окне Тамары пробивался свет. Дома кто-то был. Зайти? А вдруг она с мужем? Притвориться, что ошибся квартирой? Не навредить бы! Попрыгаю, согреюсь немного и стою, не отводя глаз от окна.

Как милиция не взяла меня — не знаю. Но ни один милиционер не встретился. А темных углов в проходе было тогда — полно! Свет в комнате погас часов в двенадцать. Так я всю ночь и простоял под окном. Диму я в лицо не знал, он меня — тем более, так что встретить его я не боялся.

Девять часов утра. Штора распаивается, и я вижу Тамару в халатике. А главное, она видит меня, почти превратившегося в каменный барельеф. Она машет руками — заходи, мол, скорее! Я, как голодный кот на кормежку, в момент взбежал по лестнице и вошел в открытую дверь.

— Елки-палки, откуда ты здесь? — удивлялась еще не отошедшая ото сна Тамара.

— Я с вечера стою под твоим окном! — отвечаю я осипшим голосом.

— Бедный Ромео! — Тамара приласкала меня, угостила уже разрезанным ананасом и налила ликера «Роза» в рюмочку.

Я жадно накинулся на фрукты, выпил ликера и несколько стаканов воды, затем опять ликера. Тамара рассказала, что бракосочетание и свадьба прошли нормально. Что она первую ночь провела в квартире Димы в Черемушках на улице Гарибальди.

— Вы трахались? — давясь ананасом, прохрипел я.

Тамара зарделась.

— Давай договоримся, о некоторых вещах не спрашивать! Не твое дело! Он мне муж в конце концов! А ты кто?

Я почувствовал, что вся, какая еще у меня осталась кровь прилила к голове. От ярости в глазах потемнело, и, пережевывая обжигающий губы ананас, я потянулся к ножу, которым этот

ананас резали. Нож был с острым концом и деревянной рукояткой. Я замер, капли ананасового сока капали из полукрытого рта, правая рука остановилась на полдороги к ножу. Тамара все поняла и застыла на месте. Она поступила правильно. Если бы она бросилась бежать или, наоборот, кинулась на меня, чтобы защититься, я обязательно зарезал бы ее. Бессонная, сумасшедшая ночь, дурные мысли подорвали во мне способность ясно рассуждать.

Я с минуту просидел так, потом медленно убрал руку и закрыл рот. Выпил ликеру еще и просто сказал Тамаре: «Ложись!» Она покорно и быстро исполнила просьбу. Но сколько мы ни мучились, ничего не вышло. Первый раз в жизни я потерпел фиаско. И хоть невообразимо хотелось спать, я собрал все оставшиеся силы и стал собираться домой.

— Сегодня я тоже буду ночевать здесь, я взяла у мужа «отгул» на два дня, — быстро сообщила мне Тамара, — приходи вечером, прямо звони в дверь.

К одиннадцати часам я был в общежитии, заперся в комнате, спал до семи вечера, потом выпил стопочку, закусил, чем нашел, и поехал к Тамаре. Дома она была одна, мы немедленно бросились в постель и неистово занялись тем, к чему оба так стремились. Ночь прошла достойно, заснули мы только часам к шести утра. А в восемь нас разбудили частые тревожные звонки в дверь.

— Это Дима, мы пропали! — причитала Тамара, заталкивая меня в чулан и забрасывая туда мою одежду.

Я едва успел надеть там, в темноте, трусы. Тут дверь открыли ключами, и по голосам я понял, что пришла Марина Георгиевна.

— Где Ник? — кричала она, — я выследила его, он вечером зашел к тебе, я всю ночь не спала! Он здесь, я это чувствую!

Поочередно распахнулись двери в ванную, туалет и, наконец, дверь чулана. Чуть не падая от сердечной недостаточности, я поздоровался с обомлевшей мамашей:

— Good morning, мамму! — и сделал попытку улыбнуться.

— Волк! Ник, вы — волк! (хорошо хоть, что не медведь!) Вы забрались в наш дом, чтобы погубить нас! — патетически восклицала Марина Георгиевна. — Если бы папа узнал об этом, он бы умер от огорчения!

Я с ужасом представил себе разъяренного «патера Грубера» и порадовался, что навестил нас не он. Я уныло вышел из чулана и стал одеваться.

— Ты хоть отвернулась бы! — заметила внимательно наблюдающей за процессом маме Тамара, но получила пощечину.

Я оделся, и мы сели за стол.

— Чай подавать? — съязвила Тамара, но мама сухо сказала: «Да».

— Что будем делать? — деловито спросила Марина Георгиевна, прихлебывая чай, — я, конечно же, все скажу Диме.

— Ты не такая дура, — не боясь новой пощечины, сказала Тамара, — ты не станешь мне вредить.

— Хорошо, — неожиданно согласилась Марина Георгиевна, — но могу ли я быть уверена, что вы больше встречаться не будете?

— Нет! — тихо, но уверенно сказал я. — Но сюда я больше не приду. Даю слово. Иначе меня здесь от страха кондратий хватит.

Марина Георгиевна неожиданно рассмеялась:

— Спасибо скажи, — она обратилась ко мне на «ты», что я хоть в дверь позвонила, — а то бегали бы по квартире голыми, как в дурдоме, — нервически хохотала Тамарина мама. — Или не зашла сразу же вечером, подарила-таки вам вашу грешную ночь! Надо все сказать Диме, развестись с ним и пожениться вам по-человечески. Тогда валяйтесь в постели по закону, хоть весь день!

Я подумал, что из Марины Георгиевны могла бы получиться неплохая теща для меня...

Мы вышли из дома втроем, как порядочная семья. Я быстро поцеловал Тамару в щечку и шепнул: «Звони!»

Мы продолжали встречаться, но уже не с таким комфортом. На природе было холодно. Иногда я упрашивал соседа Вадима не приходить, допустим, часов до шести вечера.

— На мою кровать не ложитесь! — мрачно предупреждал он каждый раз и уходил.

Чтобы не было лишних разговоров, Тамара надевала свой «мужской» костюм, я сворачивал ее женское пальто, клал в сумку и давал ей свои пальто с шапкой, а сам шел в плаще. Так мы заходили в «Пожарку», а в запертой комнате уже разбирались — кто мужчина, а кто женщина.

Как-то на выходе из общежития нас встретили мои приятели, видные ребята. Мы разговорились, и Тамара, забыв, что она «мужчина», стала кокетничать с ними. Ребята удивленно посмотрели на нее, а потом заметили мне: «Ты что, на педиков переключился?»

Шла середина декабря. Как-то, договорившись с Вадимом, я уже подходил к «Пожарке» с Тамарой в моем пальто. Я увидел, что у окна нашей комнаты стоит Вадим и смотрит на улицу. Увидев нас, он жестами приказал нам остановиться. Мы так и сделали. Вадим быстро сошел вниз и, поздоровавшись с Тамарой, коротко сказал мне по-грузински:

— Шени цоли мовида! (Твоя жена приехала!)

Я почти в шоке молча повернулся на 180 градусов и кинулся бежать прочь. Ничего не понимая, Тамара бросилась за мной.

Совершенно ничего не понимая, за нами с лаем бросилась знакомая дворовая собака. Наконец, отбежав метров на сто, я отдышался и смог ответить на настойчивые вопросы Тамары.

— Я виноват перед тобой — я женат. Жена приехала и находится сейчас в моей комнате. Это мне сказал по-грузински Вадим!

Тамара быстро отвесила мне пощечину, а я почему-то сказал ей «спасибо». Мы обменялись верхней одеждой; она пошла к остановке автобуса, а я — в «Пожарку». Вскоре жена увезла меня в Тбилиси на встречу Нового года.

В феврале, когда я приехал обратно, зашел на филфак и встретил в коридоре Тамару, разговаривавшую с двумя очень красивыми девушками. Мы кивнули друг другу, и я стал ждать конца разговора. Наконец девушки ушли, а Тамара сказала мне: «Блондинка — это Белла, у которой мы познакомились с Димой; с темными волосами — это Галя, внучка твоего любимого Сталина». Видя, что я встрепнулся, Тамара заметила: «Я не позволю тебе, жалкому женатику, даже подойти к хорошей девушке. Забудь!»

А затем, взглянув мне в глаза, Тамара продолжила:

— Ты, как скорпион в огненном кольце, — ужалил сам себя, и теперь тебе — конец. В моих глазах, по крайней мере. Встреч больше не будет! А сейчас пойдем в «Москву» на 15-й этаж и отметим наш развод!

Мы поднялись туда; в кафе «Огни Москвы» почти не было посетителей. Мы пили портвейн «777». Я уверял Тамару, что безумно люблю ее, и даже делал попытки перелезть через ограду на балконе, чтобы броситься вниз (сетки на балконе тогда не было). Но Тамара сказала: «Бросайся, если хочешь, чтобы я поверила тебе, что ты любишь меня "безумно"!»

Я был повержен. Тогда я взял ручку и написал Тамаре на салфетке прощальное стихотворение, которое сочинил заранее, предчувствуя разлуку.

Стихотворение было в стиле Руставели:

*Я уйду по доброй воле,
Осознав свое паденье,
Я тебе не нужен боле —
Не помогут ухищренья!*

*Тщетно я спасти пытаюсь
Чувство, мертвое от яда, —
Что погибло, не рождаясь,
То спасать уже не надо!*

*Я ж уйду по доброй воле,
Буду маяться по свету
И на крик душевной боли
Не найду ни в ком ответа!*

Тамара прочла стихотворение, оно ей понравилось; она заметила, что оно похоже на стихи Шота Руставели.

— Что ж, Шотик, попрощайся со своей царицей Тамарой и больше на моем пути не попадайся!

Мы поцеловались и разошлись.

ТАНЯ, БЫВШАЯ ЖЕНА ДРУГА

В «Пожарке» у меня вскоре появился друг-собутыльник Володя Ломов. Он с женой Таней и маленьким сыном Игорьком жил в комнате напротив моей. Наши с Володей загулы Тане, естественно, не нравились, и она неоднократно «гоняла» нас. Чаще всего, когда денег на закуску у нас не оставалось, я отзывал по какому-нибудь делу Таню на кухню, а Володя тем временем тайком проникал в комнату и выносил все съедобное — буханку хлеба, пакет рафинада и тому подобное. Кастриюлю с борщом он, разумеется, вынести не мог, а все то, что можно было рассовать по карманам и за пазуху — пожалуйста! Вот и «гоняла» нас Таня подальше от съестного. Но я не раз замечал ее заинтересованный взгляд в мою сторону. И когда «царица Тамара» дала мне от ворот поворот, я задумал вплотную заняться Таней.

Жили они плохо и в конце концов развелись. Но моему другу деваться было некуда, и он продолжал жить в одной комнате с бывшей женой. Полагаю, что при этом исполнял и свои супружеские «обязанности». И задумал я избавиться от друга-соперника.

Как-то познакомился я в кино с некой Аней — полной светлоглазой женщиной, проводил ее домой, а по дороге она высказала мне свое кредо. Дескать, если намерения у меня серьезные, то и она готова сойтись со мной. Работает она главбухом, денег вроде хватает, а вот мужа — нет. Так что мужем — милости прошу! А хахаля — и даром не надо!

Но я, если и предполагал «пристроиться» к Ане, то именно хахалем, но никак не мужем, ибо мужем я уже был. А вот друг мой Володя стал холостым — ему попробовать можно. И я «свел» Володю с Аней. Красивый балагур Володя наплел ей «семь бочек арестантов», хотя разговаривал он с трудом — сильно заикался. Дескать, он и женат раньше не был, и детей у него нет, и кандидат наук он. В действительности Володя закончил только семь классов и работал лаборантом. Но на молодого кандидата наук внешне походил, и Аня была покорена. Ушел Володя к ней, освободив мне тепленькое местечко.

Но «свято место пусто не бывает»: пока я был в Тбилиси, у Тани завелся ухажер из числа «салажат» — аспирантов нового призыва — некто Уткин.

Уткин был полным невысоким парнем в очках, типичным школьным отличником, даже стриженным под полубокс. Он по вечерам заходил в гости к Тане «на чай», причем действительно на чай — выпивкой там и не пахло.

Я подловил Таню на кухне и завел разговор — «про это да про то». Она призналась, что Уткин для нее как подружка, толку от него нет, только время тянет. Я все понял и пообещал зайти в гости вечером.

Сказано — сделано, часов в 10 вечера, когда сын Тани Игорек должен был уже спать, я положил в портфель бутылку модного тогда портвейна «777», свой огромный черный пневматический пистолет, переделанный на огнестрельный, и постучал к Тане. Дверь была не заперта, и я вошел. Таня с Уткиным сидели за столом и пили чай вприкуску. Я присел за стол со стороны Тани и поставил бутылку.

— Мы не пьем! — серьезно сказал Уткин и насунился.

— А мы пьем! — неожиданно ответила Таня и засмеялась.

Уткин откланялся и вышел.

Мы весело разлили вино по стаканам и чокнулись. Вдруг в незапертую дверь просунулась круглая физиономия Уткина, проговорившая, что это невежливо врываться в чужую комнату, где люди беседуют... Тогда я расстегнул портфель и вынул черный пистолет, о котором в общезнании все знали и боялись его.

Круглая физиономия исчезла, и я по-хозяйски запер дверь. Выпили, поговорили о жизни, о Володе, о нас двоих. Я погасил свет (чтобы в окно не заглядывали с улицы!) и стал валить Таню на кровать. В комнате стояли две узенькие общежитские кровати, придвинутые друг к другу. На той, которая ближе к стене, уже спал Игорек. Так что валить надо было осторожно.

На Тане был облегающий бежевый сарафан. Все ладное Танино тело было соблазнительно. Я стал нащупывать молнию, чтобы расстегнуть ее. Но это мне не удалось, а сарафан сидел как влитой. Лишь немного приподнял юбку, а под ней — конец всему! — были плавки, обтянутые еще сильнее сарафана, и застежек никаких не нащупывалось. Тщетно я провозился, лежа на бывшей жене друга, да еще она и приговаривала, правда, похотывая:

— Уступи только тут вам, все общежитие будет завтра знать!

Или:

— Трахаться — смеяться, а аборт делать — плакать!

Я понял, что сегодня не выйдет ничего, «путем» по крайней мере, встал, поцеловал Таню и вышел.

А назавтра Таня — была сама внимательность. Пригласила на утренний чай (действительно чай!), посидели, поговорили

«за жизнь». Она одевала Игорька в детский сад — мальчик ко мне хорошо относился, как к другу отца, и не хотел уходить. Таня тихо сказала мне:

— Ты не обижайся, заходи вечером!

Я не обиделся и зашел. Таня была в халатике; он, правда, не шел ей так же как сарафан, но сегодня был уместнее. Выпили, погасили свет, и я легко повалил Таню на кровать. Спящий Игорек недовольно засопел и повернулся к стенке. Расстегнув халат, я стал искать рукой ненавистные плавки, но не находил их. «В чем дело?» — не мог понять я. Плавок-то не было! Таня завлекательно похохатывала, пока я тщетно искал их. А потом!

Потом было то, за что я привязался к Тане так, как к ни к кому до нее. Кроме упругого, сильного, ладного тела у нее был такой азарт, самозабвение что ли, врожденная любовь к мужику и мужскому телу, восхищение им в полном «формате», что не «упасть в любовь» (как говорят англичане) к Тане было просто нельзя.

Игорек просыпался несколько раз и сквозь сон недовольно ворчал:

— Нурик, перестань толкать маму, зачем ты бьешь ее?

На что мы шепотом отвечали, что это ему только показалось: мы лежим мирно, и вообще любим друг друга...

Таня работала крановщицей в три смены: неделю — в дневную, неделю — в вечернюю и неделю в ночную смену. Завод, где она работала, я хорошо знал — он был недалеко от нашей «Пожарки», я даже как-то бывал на самом заводе по делам.

Таня часто рассказывала про свой цех, там изготавливали стеновые железобетонные панели для домов. Рассказывала о сотрудниках — злом и кляузном бригадире, начальнике цеха с непредсказуемым характером, который, по словам Тани, пытался принудить ее к сожительству. О добром пьянице-такелажнике с татарской фамилией, которую я уже забыл, и о другом такелажнике — Коле, который симпатизировал Тане. Она не могла скрыть, что нравился ей этот Коля, и постоянно рассказывала про него. Глаза ее при этом глядели куда-то в бесконечность с нежностью и любовью.

Я спрашивал Таню, какую роль играю я сам в ее жизни. Она отвечала, что я — ее любимый человек, любовник, если быть точной. А Коле она просто симпатизирует, и никакой близости между ними не было.

Однажды, когда Таня ушла в ночную смену, меня одолела ревность — а вдруг она в перерыв или когда нет работы находит в цеху укромное местечко (ночь ведь!) и трахается с этим Колей. Заснуть я не мог, выпил для храбрости, добавил еще и — пошел на Танин завод.

Через проходную прошел легко — ночью никто из посторонних туда не ходит. Вокруг была тьма, и только вдали горело огнями высокое, этажа в три, производственное здание, и оттуда же раздавались звуки вибрирующих пресс-форм, сигналов крана, идущего по рельсам, воздуха, вырывающегося под давлением.

Я нетвердой походкой побрел к зданию. По дороге мне встретился спешащий на выход человек, и я спросил у него, где цех стеновых панелей. Он указал мне на это же здание. Я нашел дверь и вошел в цех. Меня обдало сырым теплым воздухом, запахом жидкого бетона, цементной пылью.

Мостовой кран был только один — стало быть, на нем Таня. Если не обманула, конечно, что ушла в ночную смену, а не гулять с этим Колей. Я вышел на середину цеха, где в формах вибрировались еще жидкие панели. Но крановщицы видно не было, кран сновал туда-сюда, а кто им управлял — Таня или кто другой — неизвестно.

Я заметил сидящего на какой-то тумбе маленького пожилого человечка, жующего что-то вроде плавленого сырка. Подойдя к нему, я спокойно спросил, кто сегодня на кране.

— Танька, — тихо улыбаясь, ответил он.

— А кто здесь такелажник Коля? — продолжал я свой допрос.

Я понял, что это тот добрый татарин, о котором рассказывала Таня. Человек поднялся и, обняв меня за плечи, отвел в сторону.

— Я знаю, кто ты, Таня мне все о себе рассказывает. Она любит тебя, но у тебя жена где-то на юге. А Коля — это чепуха, дурость, это чтобы разозлить тебя. Я тебе покажу его, и ты все поймешь.

Татарин свистнул, помахал рукой и тихо позвал: «Колян!» К нам подошел маленький, худенький мужичок в серой рваной майке. Лицо его было совершенно невыразительно, из носа текла жидкость, запекшаяся в цементной пыли.

— Вот это наш Колян, ты хотел его видеть! — все улыбаясь, тихо сказал мне татарин.

Я на секунду представил в своем воображении этого мужичонку с Таней в интимном действе. И вдруг мгновенно, совершенно непроизвольно, я схватил Коляна за горло и сжал его так, что у него выпучились глаза.

— Таньку не трожь, убью падлу! — не своим лексиконом заговорил я.

Мужичок заголосил и стал вырываться. Я схватил его за майку, которая тут же порвалась на куски. Колян шмыгнул между колонн и исчез. Татарин держал меня сзади. Я вырвался, схватил арматуру и стал ею размахивать.

— Всех убью на хер! Где Таня? Устроили здесь притон! — мне показалось, что у меня начинается белая горячка, хотя выпил я мало.

Вдруг, разъяренная как тигрица, Таня хватает меня за плечи и трясет. Я не узнал ее. В какой-то зеленой косынке, грязной робе, лицо в цементной пыли.

— Позорить меня приперся? — плача кричала Таня, — нажрался и сюда стал ходить, как Володя! Какие же вы все одинаковые, гады! Ну, увидел Колю, доволен?

Она повернула меня к двери и толкнула в спину.

— Уходи, добром прошу, утром поговорим! А сейчас уходи, не позорь меня!

Вдруг подскочил плотный, властного вида мужик и стал орать на меня.

— Это бригадир, — шепнул мне татарин, — уходи лучше, если не хочешь навредить Тане, уходи, пока не напорол беды!

Я разъярился, повертел в руках арматуру, швырнул ее подальше, осмотрел цех бешеным взглядом, потом повернулся и, как мне показалось, тихо ушел домой. Завалился в койку и заснул. А утром проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечи, приговаривая:

— Проснись, соня-дрыхуня, хулиган, алкоголик!

Надо мной было смеющееся лицо Тани — вымытое, накрашенное, надушенное. Она простила меня, она не поссорилась со мной!

Я мгновенно схватил ее за талию мертвой хваткой и подмял под себя.

— Дверь запри! — только и успела пролепетать Таня...

Двери я, разумеется, не запер. Даже потом, когда валялись на койке, отдыхая, и то дверь не заперли.

— Ну, увидел Колю, успокоился? — спросила Таня. — А бригадир с меня месячную премию снял, чтобы хахалей больше на завод не приводила.

В июне, когда я все дни был на испытаниях в ЦНИИСе, до меня дошли слухи, что вышел из тюрьмы бывший Танин любовник, гулявший с ней еще до Володи. Таня и про него мне рассказывала, какой он был сильный, волевой и красивый. Попал в тюрьму, выгородив друга. Таня очень страдала, потом вышла замуж за Володю. И теперь этот тип на воле, в нашем городке.

Как-то, возвращаясь домой, я случайно увидел у магазина Таню с каким-то типом небольшого роста, чуть повыше ее. То есть сантиметров на десять поменьше меня; это маловато для сильного красивого человека, каким мне представляла Таня своего бывшего любовника. Они что-то взволнованно говорили друг другу, а потом пошли вдоль Вересковой улицы к ЦНИИСу.

Я мигом забежал домой, зарядил пистолет, спрятал его за пояс и побежал искать «гадов». Я заметил, что от ярости стал как бы весить меньше — едва касаясь асфальта подошвами, я летел над дорогой. Это мешало мне продвигаться быстро, так как обувь пробуксовывала. Я бегал по немощеным улочкам городка, заглядывая в каждый подъезд.

Я представлял себе, что сделаю, если поймаю их. Ему — пулю в лоб, а Таню... Я наступлю ей на одну ногу, а за вторую разорву изменницу на две части. Умом я понимал, что это не под силу человеку, но я так решил, и живыми они от меня не должны уйти!

Обегав весь городок, я вернулся в «Пожарку». Заглянув в зеркало, увидел, что у меня в глазах полопались сосуды и белки глаз стали красные, как у кролика. Я дернул дверь Тани, и она открылась. За столом сидела сама Таня, красивая молодая девица крепкого сложения и высокого роста, и тот тип, которого я видел у магазина.

Таня схватила меня за руку и усадила за стол.

— Это моя племянница Оля, только сегодня приехала из Мичуринска погостить у меня. А это — мой давний друг Витя, — она замялась...

— Тоже погостить приехал? — со скрытой яростью прошептал я, — так представь же и меня гостям.

— Это мой большой друг... — начала Таня.

— Не такой уж большой, но покрупнее некоторых, — я посмотрел на неказистую мелкую фигурку Виктора, его широкое лицо, на котором одна за другой менялись гримасы бывшего зека. — А вообще такой друг называется любовником, а если угодно, сожителем, хахалем... — продолжать?

Витька вскочил и с ужимками павиана стал прыгать вокруг меня, заложив между пальцев лезвие безопасной бритвы. Я ухватился за спинку кровати, чтобы не упасть, и нанес ногой сокрушительный удар в грудь бывшего зека. Легкое тельце его было отброшено на стенку. От удара ногой в грудь и о стенку спиной Витька свалился замертво. Мы бросились щупать ему пульс — удары были заметны, зеркало у рта мутнело. Жив, собака!

— Я вызову скорую помощь! — крикнул я и побежал в коридор.

— Не надо скорую! — прошептал Витька, обращаясь к Тане, — замотай мне грудь полотенцем, и я сам дойду домой.

Мы вместе с девушками туго замотали его полотенцем и закололи конец английскими булавками. Видимо, были сломаны ребра. Витька медленно побрел из комнаты, дошел до двери и, обернувшись ко мне, сказал:

— А тебя я убью!

Я подскочил к нему, чтобы сделать это первым, но девушки удержали меня.

— Раньше в тюрьму загремишь, козел вонючий! — орал я ему из объятий девушек, в полном смысле слова не своим голосом...

Витька поковылял вон.

Я принес из моей комнаты портвейна, и мы выпили за все сразу, в том числе и за приезд Оли, которая во все глаза, казалось восхищенно, смотрела на меня.

— А мы с Витей тебя видели, как ты летал по улицам, глаза красные, морда свирепая! Ну, говорю я Вите, давай прятаться, а то поймает — убьет обоих, он зверски силен, к тому же у него огромный пистолет! И мы спрятались в подъезде, а ты пролетел в двух шагах от нас... — лепетала Таня.

Вдруг в дверь комнаты раздались удары ногами. Я кинулся открывать и тут же получил удар ногой в подбородок. За дверью стояли три приятеля Витьки, как потом сообщила мне Таня. Я был в нокдауне и мало что соображал.

Зато Оля не растерялась. Она мгновенно скинула с ноги приличного размера туфлю на шпильке и нанесла молниеносные удары этой шпилькой по головам нападавших. Враги залились кровью. Таня, видя это, оживилась, взяла в руки свою скалку, которую так не любил Володя, и «добила» врагов. На шум из комнат повыскакивали соседи и добавили свое — они терпеть не могли «бандита» Витьку и его дружков. Некоторое время после этого я носил с собой пистолет и нож для самообороны. Но примерно через неделю Таня сообщила мне, что звонила матери Виктора, и та поплакалась ей, что сына снова забрали, и снова несправедливо. Кто-то кого-то зарезал в драке, а Виктор оказался крайним...

Мне снова стало не по себе из-за своего языка, с которого сорвалось пожелание моему сопернику, но я легко пережил это, благо тень Виктора с бритвой преследовала меня все эти дни.

ПОРА СЮРПРИЗОВ

Мы опять зажили спокойно — ночевали с Таней у меня в комнате, а Оля — в комнате Тани. Игорек жил у Таниной тети. Днем Оля ходила по московским магазинам, а вечером мы встречались, ужинали и выпивали втроем.

Настало время Оле уезжать к себе в Мичуринск, осталось около полутора суток. И Таня предложила мне поводить Олю по «культурным» местам Москвы. Сама она не могла пойти

с нами, так как работала в вечер и приходила домой ровно в полночь.

Мы назначили встречу с Олей среди колонн Большого театра в шесть вечера. Оля стояла у колонны, как мне показалось, смущенная и тихая. При встрече она поцеловала меня несколько не по-родственному, но я не придавал этому значения. Мы походили по центру, зашли в кафе «Артистическое», что напротив старого МХАТа (не знаю, сохранилось ли оно сейчас?), выпили. Оля, сославшись на усталость, попросилась домой. Я взял бутылку хереса, который нравился нам обоим, остановил такси, и мы «по-культурному» приехали в «Пожарку». Зашли ко мне в комнату и приготовили нехитрую закуску, кажется, яичницу и апельсины. Таня была на работе и мы решили ее дождаться у меня.

Но после выпитого хереса дожидаться Тани мы не стали. Озорные глаза Оли сами определили наше дальнейшее поведение. До прихода Тани оставалось три с лишним часа. Мы заперли дверь, оставив ключ в замке, выключили свет и, не раздеваясь, кинулись в койку. Я не ожидал от восемнадцатилетней провинциальной девушки таких профессиональных поцелуев. В темноте Оля стала еще на порядок красивее и загадочнее, чем была. Мы начали скидывать с себя все лишнее, что мешало нам узнать друг друга поближе, как вдруг — требовательный стук в дверь. Мы замерли — для Тани это слишком рано, а что подумают другие люди, нам было все равно.

— Нурик, открой, я знаю, что ты дома, дверь закрыта изнутри! — решительно сказала Таня. Это был именно ее голос. Для верности она постучала в дверь еще раз.

Делать было нечего. Мы включили свет, лихорадочно оделись, прибрали койку. Оля села за стол доедать яичницу. Я с ужасом открыл дверь, инстинктивно защищая лицо левой рукой. Таня спокойно вошла, села за стол.

— Вы извините меня, что прервала ваш ужин, — тихо сказала она нам, — но я почувствовала себя неважно, вот и пришла раньше. Я хочу лечь, Оля, пойдешь, пожалуйста, в мою комнату — она открыта.

Олю как ветром сдуло. Таня быстро разделась и легла.казалось, ее била лихорадка. Я снова запер дверь и, раздевшись, лег с Таней. Мне было ужасно стыдно, я даже потерял голос от смущения.

Таня ухватила за меня так, как будто я проваливался в пропасть. Плача и улыбаясь одновременно, она ласкала меня, целуя и что-то приговаривая. Понемногу смущение мое пропало, и наступила еще одна незабываемая на всю жизнь ночь. Мне, как мужчине, трудно понять, какие чувства овладели Таней.

На ее месте я бы скорее отругал и побил неверных мне близких людей, но ей, как русской женщине, было, конечно, виднее.

Наутро, как ни в чем не бывало, мы зашли к Оле и позавтракали с ней. Таня была весела и улыбчива, даже попросила Олю спеть что-нибудь. У Оли оказался красивый низкий и сильный голос, она спела песню, у которой я запомнил только начало:

«Скоро осень, за окнами август...»

Потом я слышал эту песню в исполнении знаменитой Майи Кристалинской, но тогда в словах песни мне почудился какой-то тайный смысл наших отношений. Плакали все — Таня навзрыд, я тихо утирал слезы. Оля пела, широко улыбаясь, но на глазах тоже блестели слезы. Мы все втроем расцеловались, и Оля ушла, хотя на поезд было еще рановато. Она решила еще раз пройтись по московским магазинам.

Мы с Таней опять остались одни. Заглянув друг другу в лицо, снова заплакали. Ну, прямо индийское кино, да и только! Я понял, как я люблю Таню и как я обидел ее. Мы заперли дверь и кинулись в койку. Рыча, как молодые тигрята, мы сбрасывали мешающие нам одежды, не заботясь об их целостности. И почти в самый ответственный момент — нате вам! — стук в дверь. Я готов был вскочить, но Таня, обняв меня за талию, не дала этого сделать. Еще несколько секунд, может полминуты... и мы, уже удовлетворенные, начали одеваться под непрекращающиеся стуки в дверь.

— Едрена вошь, так и склещиться недолго! — недовольно проворчала Таня и громко спросила: — кого черт носит?

Всех мы ожидали — соседей, коменданта общежития, комиссию по нравственности наконец, но только не этого...

— А вот я могу зайти, черт возьми, а вот в свою же комнату? Я в ней, можно сказать, а вот еще прописан!

— Володя! — открыв дверь и глядя другу в глаза, прошептал я.

Володю было не узнать. Гладко выбритый, в новом костюме из дорогой японской ткани с заграничной авторучкой в верхнем кармане пиджака. Выражение лица — самодовольное.

— Ах вы румяные какие, эти вашу мать, ночи не могли дожидаться? — издевательски проговорил Володя.

Я пошел в свою комнату. Голова после всех этих стуков в дверь работала вяло. Был какой-то выходной день, кажется, воскресенье. На работу не пойдешь, гулять не хотелось. Я боялся, что Володя изобьет Таню, и сидел напряженно, готовый прийти ей на помощь.

И вдруг — крик и плач Тани, звон разбитой посуды. Я в секунду был у ее дверей. Володя пятился в коридор, а Таня орала благим матом и била свою же посуду. Володя пожал плечами и прошел ко мне в комнату.

Мы сели, Володя издевательски смотрит мне в глаза, и я не выдерживаю его взгляда:

— Что ж, живем с женой друга, трахаем ее, понимаешь, а вот сына моего воспитываем...

— Молчал бы лучше про сына, сам алименты чего не платишь? — Я знал, что Володя не платил алиментов, так как нигде не работал. — А потом, ты сам посоветовал мне сойтись с Таней, свидетели есть! Да и я тебе свою бабу, Аньку, уступил! — оправдывался я.

Постепенно в комнату вошли, постучавшись, два-три соседа. Интересовались у Володи, как живет, сколько получает.

— На жизнь хватает, — хвастливо отвечал Володя, подмигнув мне, — и вынул из кармана пиджака красивый кожаный бумажник, отделил от пачки десятку и протянул ее мне.

— Сбегай за бутылкой по старой дружбе, — высокомерно сказал он.

Я так посмотрел на него, что он отвел глаза и протянул десятку гостям. Ее тут же выхватил сосед — Юрка-электрик, и помчался в магазин.

— Жену, понимаешь, трахать могут, а вот сбегать за бутылкой — нет! — недовольно ворчал Володя.

Юрка-электрик примчался мигом. Он накупил выпивки и закуски точно на десятку, чтобы не отдавать Володе сдачи.

— Общежитские привычки, быдло! — тихо ворчал Володя, раздосадованный такой точностью Юрки.

— А ты сам давно из этого быдла вышел, казел? — чуть было не рассвирепел слесарь Жора, но вовремя осекся, так как выпивка была за счет Володи.

Мы выпили, Володя не закусывал и быстро захмелел. Он встал, снял пиджак и, повесив его на спинку стула, предложил мне: «Давай бороться!»

Все посмотрели на него, как на сумасшедшего. Я покачал головой.

— А тогда я предлагаю бороться за Таню, — буровил Володя, — ты победишь — ты трахнешь, ну, а я — сейчас же пойду к ней в комнату, а вот и трахну по старой памяти!

Я подсек ноги Володе и легонько толкнул в плечо. Он мешком свалился и ударился головой о батарею отопления. Увидев кровь, все поспешно вышли. Володя поднялся, собрал ладонью кровь с головы и размазал ее на стенке над моей кроватью.

— Это кровь твоего друга, запомни! — мрачно сказал он и вышел в коридор.

Я выглянул и увидел, как он, шатаясь, побрел к лестнице. Потом я узнал, что его подстерегли ребята, видевшие набитый бумажник, избили и отняли деньги и документы.

А над кроватью у меня так и осталось размазанное и почерневшее пятно крови моего друга. К зиме нас все равно всех отселили из «Пожарки», и пятно больше не будоражило мне совесть.

ЖЕНА ПРИЕЗЖАЕТ И УВОЗИТ

А в начале августа ко мне в гости приехала жена. Так вот, дала телеграмму — дескать, еду, и приехала. Я встретил ее на Курском вокзале и был поражен — Лиля была с достаточно большим круглым животом — беременна. Как же так — а посоветоваться с мужем не надо? Но дело уже сделано, так что — счастливое выражение на лице — и вперед!

В общежитии, где я жил в отдельной комнате, Лиле не понравилось.

— Пахнет женщиной! — тут же заметила она.

Сдуру я пригласил вечером на ужин моего соседа дядю Симу и Таню. Лили слышала о моем друге Володе, но не знала, что они с Таней развелись. Но когда мы выпили, все выползло наружу. Таня ни с того ни с сего разревелась. Дядя Сима стал ее утешать, и Лили все поняла. Таня выскочила за дверь, я — за ней, догнал ее в коридоре.

— Таня, — трясую я ее за плечи, — Таня, не надо сейчас так, я все как-нибудь улажу!

Таня повернулась ко мне заплаканным лицом и, улыбаясь сквозь слезы, пропела:

*Между нами решено —
ты за дверь, а я — в окно!*

А Лили вышла из комнаты и наблюдала эту сцену. Она тут же забежала обратно, и тоже в плач.

— Я сейчас же уеду, я все поняла — ты живешь с этой Таней, женой друга! И как же тебе не стыдно!

Я «успокаивал» Лилю, что Таня и Володя уже в разводе, но это еще более огорчило ее. Она рыдала и повторяла, что не будет этого терпеть и уедет сегодня же обратно в Тбилиси.

Тут вмешался дядя Сима и предложил снять недорого «квартирку» в Пушкино, он созвонился со знакомым, который и сдавал жилье, и наутро мы встретились.

Это был один из «ханыг», часто приходивших выпить к дяде Симе. Мы с «ханыгой» сели на трехвагонку, доехали до Лосинки, пересели на электричку до Пушкино, доехали и достаточно долго шли пешком. На окраине Пушкино стояло одинокое одноэтажное деревянное здание с забитыми окнами и дверями. Но одна из дверей не была заколочена, мы в нее и вошли. Ма-

ленькая комнатка с забитым окном, к счастью, с электричеством. Дверь из комнаты, ведущая куда-то внутрь, тоже заколочена. Лиля заранее взяла с собой постельное белье и свои вещи. Мы заплатили какие-то небольшие деньги и остались там. Сам «ханыга» проживал у сожительницы, где и был телефон.

Лиля быстро подмела комнату, постелила постель, нарвала цветов у дома, поставила их в банку с водой. Казалось бы, живи — не хочу! Я сбегал в магазин за выпивкой, какую-то еду Лиля привезла с собой. Выпили, вернее, выпил я один, пошли погулять на речку. Неподалеку от нас текла, кажется, Клязьма, была лодочная станция. Но вскоре Лиля устала, и мы вернулись. Таня не выходила у меня из головы; я попробовал еще выпить, но получилось хуже, мне стало труднее сдерживать себя. Ничего, кроме Тани, не шло в голову. Было около семи вечера — лечь, что ли, спать? Но мысль о том, что я здесь — а она там, была для меня невыносима. Я почувствовал себя рабом, арестантом в тюрьме, пленным. Даже то, что жена — близкий человек, в таком положении и страдает — не останавливало меня. Сейчас мне удивительно это вспоминать, но я способен был на все, даже на самое худшее (не буду даже говорить об этом!), чтобы оказаться рядом с Таней. Вот, что такое любовь и страсть, «амок» Цвейга! Вот какова природа страсти леди Макбет, булгаковской Фриды и их многочисленных последовательниц и последователей! Любовь гони в дверь, а она влетит в окно!

Лиля, видя мои мучения, вдруг предложила мне поехать и проведать Таню — а вдруг ей плохо, вдруг она плачет! Понимая, что поступаю подло, я, тем не менее, как был, так и сорвался с места и побежал. Потом, пробежав метров десять, вернулся, поцеловал жену, сказав «спасибо» и что вернусь к ночи обязательно, стремглав побежал к станции.

Как я оказался в «Пожарке», не помню, кажется, путь от Лосинки до Института пути я пробежал по шпалам. Но сердце несло впереди меня, шагов на двадцать — тридцать, казалось, я даже видел перед собой его очертания.

Вот тут уж мне ни под каким видом никого нельзя было застать с Таней! Я гнал эту мысль, как опасную, а ведь все шло к тому. И сидеть бы мне в тюрьме вместо защиты диссертации, и нести грех на всю оставшуюся жизнь.

К счастью, Таня была одна. Дядя Сима рассказал ей, что пристроил нас в пустой комнате в Пушкино. И вдруг появляюсь я, тяжело дыша, не видя ничего перед собой, кроме Тани.

— Как, ты оставил беременную жену одну в этой глуши? — был первый ее вопрос. — Поедем сейчас же туда.

Но я замотал головой и поволок Таню к койке. К счастью, Игорек опять был у Таниной тети Марины. Она взяла его к себе на весь период расселения «Пожарки». Внизу уже работала

большая вычислительная машина, и все говорили, что излучение ее особенно опасно для детей.

Когда я немного успокоился, было уже часов 11 вечера. Выходить так поздно было бесполезно — пока дойдем пешком до Лосинки, электрички перестанут ходить. Ночь прошла беспокойно, мучили мысли, и чтобы избавиться от них, я любил Таню снова и снова. Прекрасное средство для забвения — и мысли куда-то уходят, и боль!

Рано утром я собрался ехать обратно в Пушкино. Таня решительно заявила, что едет со мной. Потом она пояснила мне: мало ли что могло за ночь случиться с Лилей, одной, в пустом доме и беременной к тому же. Вдвоем все-таки легче.

Мы приехали около десяти утра, Лиля была уже одета (оказывается, она спать не ложилась, ждала меня и боялась выключить свет), и приведена в порядок. Неожиданно для меня она встретила нас приветливо. Таня даже поцеловала ее со словами: «Слава богу, жива-здорова!»

Мы выпили чаю и пошли гулять на реку. Зашли на лодочную станцию, взяли лодку, Таня села на весла — она прекрасно гребла. Катаемся, поем песни хором, чуть ли не «Парней так много холостых, а я люблю женатого» — с юмором и с подначками.

Вдруг я увидел посреди реки большой прекрасный цветок водяной лилии. Таня подгребла к нему, и я сорвал его. Сорвал — и не знаю, кому давать — так и сижу с цветком в растерянности.

— Дай ей, она же твоя жена! — кивнула Таня на Лилю.

— Нет, лучше дай Тане, она же твоя любовница! — парировала та.

— Тьфу, — сказал я и выбросил в воду невинно пострадавший цветок.

После этого случая настроение у всех резко упало, мы вернули лодку. Таня стала собираться домой. Я вызвался проводить ее. Лиля отпустила. Мы приехали в «Пожарку» часа в четыре. Настроение гадкое.

— Куда это все нас приведет — не знаю! — рассуждала вслух Таня. — Если бы она беременной не была, тогда понятно, а так — черт знает что получается!

Между тем в комнате у Серафима «пир» шел горой. Я заглянул к нему, мне замахали руками — заходи, мол! Все старые знакомые. Я зашел, выпил полстакана, запил пивом. И вдруг так «захорошело», стало легко на душе. Редко так сразу и, я бы сказал, эффективно помогает водка человеку!

Я сбегал в магазин, взял две бутылки и снова зашел к Серафиму, уже вместе с Таней. Дядя Сима любил Таню за ее прямоту, трудолюбие, красоту, за то, что она не фыркала при виде пьяного человека. Да ее и нельзя было не любить — я не знал человека из знакомых, который сказал бы о Тане плохо.

Нас посадили вместе — как жениха и невесту посреди стола, спиной к окну. Все чокались с нами и пили за нас. Даже кричали: «горько!» И вдруг дверь тихо растворяется и появляется... Лиля.

— Я вам тут не помешала? — спрашивает она скромно и проходит в комнату.

Таня мгновенно вскочила и полезла в окно. Я — за ней, держать — второй этаж все-таки, и высокий. Все повскакивали с мест, ничего не понимая. Кое-кто бросился к Лиле с угрозами: кто такая, дескать, чего приперлась?

Серафим мгновенно подскочил к Лиле, обнял ее, закрыв своим телом, и, вытаращив свои белые глаза, сказал грозно:

— Она — моя! Это — моя прекрасная дама, и кто заденет ее, будет драться со мной!

— Так бы и сказал, а то входят тут без вызова... — раздались вялые возгласы и тут же стихли.

Мы с Таней и Лилей вышли в коридор. Дамы заперли меня в Таниной комнате, а сами у дверей обсуждают мою судьбу.

— Мне такой не нужен, — слышу я голос Лили, — бери его себе.

— А мне на хрена такой, если тебе не нужен! — отвечала Таня.

— Эй вы, договоритесь как-нибудь, а то так я и вовсе один останусь! — кричал я из запертой двери.

Эту ночь я провел с Лилей в своей комнате. Несколько следующих дней мы навещали знакомых. Дядя, к сожалению, летом в Москве не бывал, а то бы мы пошли к нему. Через недельку я проводил Лилю на вокзал, посадил в поезд и обещал приехать, когда родится ребенок. А этого можно было ожидать очень скоро.

В сентябре родился мальчик, и мы назвали его Леваном, в честь погибшего на войне отца Лили. Это был мой второй сын. Первый, названный Владимиром в честь моего погибшего отца, появился на свет на четыре года раньше.

Будучи в Тбилиси, я сблизился (в основном, на почве совместных выпивок) с начальником Лили — Гераклом Маникашвили. Он заведовал отделом в одном из институтов Академии наук Грузии и уговорил меня пойти работать к нему после защиты диссертации. Жена способствовала этому как могла. По пьянке я дал им себя уговорить и потом сильно жалел об этом.

Незаметно подошло время защиты диссертации — срок обучения в аспирантуре заканчивался. Защитился я в ноябре 1965 года на ученом совете ЦНИИСа.

Банкет был назначен вечером того же дня в ресторане «Будапешт». Деньги привезла из Тбилиси Лиля, да и дядя помог. Все

было путем, Лиля танцевала с Недорезовым и с моими коллегами по лаборатории. Она блистала своим танцевальным мастерством — гимнастка все-таки! Я постарался не «нажраться» и не устроить дебош. Короче говоря, все было неправдоподобно культурно!

Зато на следующий день была назначена пьянка в общежитии. Таню, к сожалению, пригласить было нельзя. Серафим тихо подошел ко мне и грустно спросил на ушко:

— Что, Таню по боку, да?

Серафим знал, что я наметил отъезд в Тбилиси. Меня ошеломила такая постановка вопроса.

— Почему «по боку»? Я буду постоянно приезжать, мы любим друг друга!

— Хорошо, хорошо, я пошутил! — засмеялся дядя Сима.

Пьянка была серьезная — за сданные бутылки можно было приобрести еще пять бутылок водки. Фотографии документально запечатлели наши пьяные рожи.

Я срочно оформлял документы Совета для ВАКа — нужно было успеть до новогодних праздников. К середине декабря все было сдано в ВАК.

Наступил день отъезда — поезд отправлялся вечером.

Днем я купил цветы, вино и зашел попрощаться к Тане. Она лежала в постели похудевшая и осунувшаяся; глаза были в слезах, а подушка мокрая. Я понимал, что поступаю неправильно, но никто мне не посоветовал, что мне делать. Бросить семью? Тогда плакали бы Лиля и дети. Бросить всех и смыться куда-нибудь на лесоповал? Бессмысленно. Продолжать этот «марафон» долго было нельзя, к тому же Лиля не могла оставаться в Москве — не было прописки.

Я поцеловал плачущую Таню, сказал, что буду часто приезжать (кстати, я так и поступал потом — в месяц раз, да приезжал!), и с тяжелым сердцем ушел.

На работу устроился я, как и договаривались, к Гераклу Маникашвили. Правда, золотых гор, которые он обещал мне, я так и не увидел. Положили мне поначалу — до утверждения в ученой степени — 98 рублей, что было на 2 рубля меньше, чем моя аспирантская стипендия.

ПОЛЕЗНОЕ СОСЕДСТВО

«Ничто так не спаивает коллектив, как совместные пьянки» — этот девиз был, пожалуй, основным в отделе Маникашвили. Вскоре «наклюнулась» командировка в Москву, и я уговорил Геракла, с которым мы еще больше сошлись все на той же почве, поехать вместе.

Мы ехали, уютно устроившись в двухместном купе «международного» вагона — нам оплачивали такой проезд. Мы открыли чашу, распаковали закуску и принялись за знакомое дело. Часа через два после отхода поезда, когда состав уже шел в горы и приближался к знаменитому Сурамскому тоннелю, мы были уже «хороши», и нашего купе нам стало мало. Мы пошли по соседям. И первым же делом познакомились с девушкой из соседнего купе по имени Люба.

Люба ехала одна в двухместном купе. Судя по тому, что к ней никого не подсадили, купе было оплачено целиком. Она была невзрачной девицей небольшого роста, лет двадцати пяти. Невыразительное лицо с пористой кожей, неказистая фигурка — мы с Гераклом никогда не обратили бы на нее внимания, если бы не два обстоятельства. Первое — мы уже хорошенько выпили, а второе — было в ее поведении что-то притягательное, какая-то скрытая власть над мужчиной, природу которой мы не сразу распознали.

Через пару минут мы уже сидели в купе Любы. У Геракла нашлась бутылка хорошего «Киндзмараули» и вяленая хурма — для Любы, ну а мы сами продолжали угощаться чашей и холодными поджаренными купатами. Мы разговор начали, коротко рассказав о себе, куда и зачем едем, а продолжила Люба. Говорила она медленно, смакуя фразы, мы лишь иногда заинтересованно переспрашивали ее.

Я передаю рассказ Любы, как я его запомнил.

— Вот вы, ребята, все пытаетесь меня удивить — Академия наук, начальник отдела! Ну а мне, честно говоря, плевать на то, кто вы. Я как лифтер в министерстве и министров вожу, и рабочих, и никому не удивляюсь. Видела я всякого вашего брата — и артельщиков, и воров, и секретарей райкомов и обкомов... Может, только вашего первого секретаря Мжаванадзе еще не видела, но не удивилась бы и ему тоже, если бы он сюда ввалился! Я — проститутка, и наезжаю к вам на работу в Грузию, в город Гори, где когда-то родился Сталин. Сама я из Ростова, у меня живут там муж и сынок пяти лет. Муж когда-то работал в НИИ техником, ну а потом я его освободила от работы — пусть за ребенком смотрит. А денег я за нас двоих заработаю!

Раньше я работала учительницей в младших классах, из нужды не вылезала. Муж 80 рублей получал техником в НИИ. Родился ребенок — что делать, как жить? И вот подруга посоветовала поехать в город Гори — вроде на отдых, а там видно будет. Она туда в год месяца на два ездит — подзаработает, и домой. Поиздержится — и снова в Гори. Там, говорит, без денег не останешься, к тебе клиент, как на работу, будет ходить.

Собралась и поехала, рекомендательное письмо к бабке — хозяйке дома, с собой от подруги взяла. Дом еле отыскала, чуть

не изнасиловали по дороге. Да, я знаю, что не красавица, но ведь им на Кавказе все равно, какая ты. Лишь бы бабой была — раз, русской — два и новой — три. Местные жены к нам своих мужей и не ревнуют, мы вроде как куклы надувные, а не живые бабы.

Ну, устроилась я на постой у бабки, и в тот же вечер — на тебе, клиент — милиционер участковый. С милицией ссориться не резон, запустила его в комнату, а он потом еще и пятерку дает:

— Ты, говорит, меня вообще бесплатно должна обслуживать, но чтобы не думала, что я жадный!

Ну и заработала живая газета и беспроводный телефон: повалил клиент так, что очередь стала выстраиваться. Я спрашиваю: «Что, жены ваши вам не дают, что ли?» Клиент рожу кривит, отмалчивается. А один рассказал анекдот, чтобы я, значит, поняла ситуацию.

От некоего грузина по фамилии Коридзе беременели все бабы в округе. Ну и доктор-гинеколог всем абортыв делал. А тут заявляется жена этого Коридзе и жалуется доктору на бесплодие. Доктор удивляется и велит позвать мужа. Приходит Коридзе, а доктор и говорит:

— Слушай, Коридзе, от тебя по всей округе бабы беременеют, а свою собственную жену чего же не можешь забрюхатить?

— Коридзе в нэволе нэ размножаются! — гневно ответил грузин и ушел.

Люба неожиданно засмеялась.

— Был и у меня один, по фамилии Коридзе — секретарь райкома. Приехал на «Волге», забрал на «Станок» — район такой в Гори, завел в гостиницу. Старается, старается — ничего не выходит. А я смеюсь: «Что же ты, Коридзе, и на воле тоже не размножаешься? А какую гордую фамилию носишь — «Орлов» по-русски! Но не орел, не орел!»

Вспылил Коридзе, дает мне сто рублей и говорит: «Всем скажешь, что Коридзе две палки не вынимая бросил, а то тут же уедешь назад к себе в Россию!» Вот я всем так и говорила, а вам первым правду сказала.

Моя такса была 25 рублей, одной бумажкой. Что я, сдачи, что ли, буду давать, еще этого не хватало! Чай, не в магазин пришли! Ну, сосед, через улицу живет, молодой, интересный такой — с него всего десятку брала.

— У тебя же жена красавица, молодая, чего ко мне, некрасивой, ходишь? — спрашиваю.

А он и отвечает:

— Нам все равно, какая ты с лица и фигуры, главное — ты новая и русская. Какой же я «важкаци», если у Любы еще не побывал? Да меня в Гори все уважать перестанут, и жена тоже!

(«Важкаци» — это вроде нашего «мужик», «молодец»; «важи» — это отрок, «каци» — мужчина. Получается что-то вроде «молодой человек», но с оттенком силы и мужества. Грузины обращаются друг к другу — «кацо», то есть «мужик»; отсюда их иногда уничижительно называют «кацошками».)

— Люба, сколько же мужиков у тебя обычно бывало за день? — поинтересовался я, но тут же исправился, — за ночь?

— Нет, ты правильно сказал, именно за день. Ночью я отдыхала, по ночам «кацошки» спали с женами. А так, в среднем по пять-шесть кобелей за день бывало, иногда и по десять подваливало, но это уже перебор! А что, — продолжила Люба, — я как замуж вышла, то и с мужем первое время столько же раз трахалась, правда, за ночь. И все бесплатно! А так, глядишь, в месяц тысячи по три-четыре набегают. Ты-то сколько сам за месяц получаешь?

— Девяносто восемь! — скромно потупившись, ответил я.

— Батюшки светы! — изумилась Люба. — Да у тебя месячной зарплаты и на четыре палки со мной не хватило бы! Как же ты живешь вообще, страсть-то какая!

Я почувствовал какую-то симпатию со стороны Любы, она ласково погладила меня по голове и по плечам.

— Ишь ты, мускулистый какой, небось физическим трудом подрабатываешь? — высказала свою догадку Люба.

Я ничего не ответил ей.

Близилась полночь, и я, опрокинув еще стаканчик чачи, высказал то, о чем думал с самого прихода в купе к Любе.

— Люба, ты едешь одна в купе, Ростов будет только завтра. Выбери одного из нас, и пусть он останется с тобой, а другой уйдет!

Я наполнил стакан Любы вином, наши с Гераклом — чачей.

— С кем из нас ты чокнешься, тот останется, а другой выйдет!

Мою страстную речь Геракл выслушал, потупив взор, как юная гимназистка.

«Чувствует, гад, кому выходить придется, — злорадствовал я, — что ж, где-то должен быть победителем и я!»

Я несколько не сомневался, что Люба чокнется со мной. Но она решительно подняла свой стакан, чокнулась со стаканом Геракла, который тот не поднял, и выпила.

Я мигом отрезвел, поставил свой стакан на стол и тут же вышел, хлопнув дверью. Ничего не понимая, я ошарашенно зашел в туалет (ну, не писать же от огорчения в штанишки!) и, стоя у унитаза, мучительно думал.

«Почему она предпочла Геракла? Он — старый, толстый и некрасивый! В чем же дело? Чего-то я совсем не понимаю! Какое-то извращенное восприятие мужиков у Любы?» — лихо

радочно перебирал я свои мысли, вспоминая главы про «болезненные проявления полового влечения» из моей настольной книги «Мужчина и женщина».

Стоять над унитазом пришлось довольно долго (чачи-то выпито было немало!), и когда я, забыв от огорчения даже сполоснуть руки, снова зашел к себе в купе, то увидел там... лежащего на своей постели Геракла.

Я аж замотал головой от изумления. Да, чего-то я совсем не понимаю в жизни, наверное, мне действительно нужен руководитель и опекун, как об этом треплется всем этот мерзавец Геракл! Вытаращив глаза, я смотрел на лежащего Геракла, как на фантом или привидение.

— Ты почему здесь, а не у Любы? Она же выбрала тебя! — сдавленным голосом спросил я у Геракла.

Геракл сел на постели, пригласил сесть и меня, достал из сумки еще одну поллитровку чачи.

— Вот вы все думаете, что Маникашвили — идиот, Маникашвили — дебил. Но не в такой же степени! Мне сорок пять лет, и кое-что я в жизни понимаю!

Геракл стал разливать чачу по стаканам.

— Ты думаешь, почему она выбрала меня, а не тебя? Ты же был уверен, что она оставит тебя — ты молодой, сильный, красивый?! Да для нее все мы, кавказцы, — кобели, «кацошки», мы — лишь источник ее наживы. А что она может получить от тебя — ты же сам сказал, какая у тебя зарплата. К тому же ты молодой и красивый, еще сам попросишь на бутылку, зная, какая она богатая. А с меня ей может и перепасть четвертной, чего же ночь терять без заработка? Мужу лишнюю рубашку купит. Но у меня тоже есть гордость — не такое уж я дерьмо, как вы все в институте думаете, вот я поблагодарил Любу «за доверие» и вышел!

Мы отпили по полстакана, и я не выдержал. Резко открыв дверь, я вышел в коридор и стал стучать в купе к Любе.

Удивительно, но она открыла. Впустив, пригласила меня присесть и предложила допить мой стакан чачи.

— Не выливать же добро, оно денег стоит! — многозначительно добавила она, — а ты не такой уж богатый. Я знаю, зачем ты пришел. Ты еще молодой и глупый, прости меня за прямоту. Так выслушай меня, может, это тебе пригодится. И без обид, пожалуйста.

Что ты, что твой начальник, что секретарь райкома — вы все нерусские мне безразличны, даже не противны, а именно безразличны. Вы не мужчины, кавказцы, не люди, а кобели. Вы не уважаете женщину, вы ничего не понимаете в ней. Вам не нужна ни ее красота, ни ее душевные качества. Вам лишь бы

«отметиться», «кинуть палку». Поэтому и к вам такое отношение. Не мотай головой, — резко сказала она, — ты же сам рассказывал, что у тебя любимая женщина в Москве, что она такая красивая, добрая и так любит тебя. И ты вроде не можешь жить без нее! А напрашивался трахаться ко мне, некрасивой проститутке, которую первый раз в жизни видишь! Ну, не кобель ли ты после этого?

Допустим, оставила бы я тебя у себя. А что с тебя брать, кроме, прости меня, мочи на анализ? С твоего начальника можно было бы и слупить чего-нибудь, не будь он таким хитрым! А теперь — иди к себе в купе и дай мне выспаться! Меня муж будет встречать, мне надо хорошо выглядеть!

Я допил чачу и вышел не попрощавшись. Люба захлопнула за мной дверь и заперла ее на замок.

Мы с Гераклом всю оставшуюся дорогу пили и говорили «за жизнь». Я, целуя Геракла, благодарил его «как брата» и корил себя за то, что думал о нем плохо, попал под влияние «этих сволочей» — наших сотрудников. Подъезжая к Курску, мы допились почти до чертиков и чудом не сошли с поезда, почему-то в поисках шампанского. В результате уже в Москве проводник так и не смог нас поднять. Поезд, простояв на Курском вокзале положенное время, уехал в тупик на Каланчевку. Мы проспали в вагоне еще часа два и только потом, бодая головами двери, стены и другие препятствия, вышли из тупика на площадь трех вокзалов. В ближайшем магазине Геракл взял-таки бутылку шампанского и исполнил «мечту идиота». Мы откупорили ее и выпили из горла, обливаясь пеной. Была середина марта, в Москве на газонах лежал снег, а тротуары уже были в жидкой грязи.

Таня работала днем и должна была прийти домой часов в пять вечера. Поэтому мы с Гераклом поехали в гостиницу «Москва», где у него был блат с администрацией. Он устроился в номер, и мы успели там еще выпить. Затем, уже в шестом часу я, волнуясь, позвонил Тане и, наконец, услышал ее голос. Голос был веселым, она, конечно же, поняла, что я «выпимши». Я сказал Тане, что приехал с начальником, и она пригласила нас зайти к ней в гости вдвоем.

Мы взяли «что положено», поймали такси и вскоре были у знакомого до боли дома № 6 по Ивовой улице. Таня весело встретила нас в подъезде, мы долго целовались, Геракл говорил, что завидует нам и так далее. Игорька дома не оказалось, он опять был у тетки Марины. Таня сказала, что специально оставила его там, зная о моем приезде.

Я был рад видеть Таню такой веселой и похорошевшей — ведь оставил я ее плачущей, больной и сильно отощавшей. Геракл продолжал надоедать нам своей «завистью», пока Таня, поразмыслив, не пригласила соседку по дому, Тосю. «Она с во-

дителями гуляет, чего бы ей с твоим начальником не гулянуть!» — шепнула мне Таня.

Вскоре подошла и Тося — полненькая смешливая дамочка, чуть постарше нас с Таней, и мы дружно «загудели».

Проснулся я в постели с Таней и узнал, что Геракл увез Тосю к себе в гостиницу. Я с поспешностью бросился исполнять свой мужской долг, еще не вполне веря в реальность происходящего.

Да, Таня была той же, что и раньше. Можно было даже надеяться, что у нее за это время никого не было. Хотя кто их, баб, знает! Я вспомнил, как чуть было не изменил Тане с Любой. Ладно бы просто изменил, а ведь мог и «нехорошую» болезнь принести. Там, в Гори, если и слышали про презервативы, а может, даже кто-нибудь и видел их «живьем», то использовать все равно никто бы не стал. Не джигитское это дело — резинками баловаться! Риск — благородное дело, да и потом в то далекое время этот риск был не смертельным — СПИДа еще и в помине не было!

Что меня толкнуло к Любе? Ведь Таню я любил искренне, жестоко страдал без нее. Мечтал увидеть ее и жил этой мечтой, особенно садясь в поезд. Я осознавал, что Люба некрасива, совсем не в моем вкусе, и она не скрывала, что пропустила через себя сотни, если не тысячи мужчин. До сих пор не могу понять, что подвигло меня на мое предложение «одному выйти». Нет, наверное, не только выпивка. Видно, права была опытная Люба, сравнившая нас с кобелями!

Глава третья БЕГСТВО С РОДИНЫ

НАТАША — ГРЕШНАЯ МОЯ ЛЮБОВЬ

Как и можно было предположить заранее, я с Гераклом не сработался. Мы поссорились, и мне надо было «делать ноги». В Москву я уже вернуться не мог — пропала прописка (это была такая дьявольская форма совдеповской регистрации, которую потерять было легко, а получить — почти невозможно). И я, лишь бы переехать в Россию, где меня не могли затронуть козни Геракла, поступил на работу в Тольяттинский политехнический институт. Тогда этот институт не только брал на работу людей с учеными степенями, но и предоставлял им квартиры. А сначала меня поселили в студенческом женском общежитии, где, как оказалось, жили еще два-три преподавателя. Я не был знаком ни с кем, сидел у себя в комнате и попивал водку. Занятий мне пока не дали.

Мимо моей комнаты то и дело проходили студентки по дорожке на кухню. Я слышал, как шлепают тапочки по голым пяткам, и перенести эти звуки мне было невмозготу. Огромным усилием воли я сдерживал себя, чтобы не выскочить в коридор, схватить кого-нибудь из них, затащить в комнату и изнасиловать. А там — хоть трава не расти!

Заканчивался октябрь, в Тольятти уже несколько раз шел снежок, но таял. Дул ледяной пронизывающий ветер. Я надевал свое «комиссарское» кожаное пальто, которое мне купила в Москве Таня.

Последний раз я ехал в Тольятти через Москву. Пару дней провел с Таней, рассказал ей об изменениях в моей жизни. Она, посмотрев, как я был одет, немедленно повела меня в комиссионный магазин и купила длинное черное кожаное пальто с меховой подстежкой. Это пальто застегивалось на металлические пуговицы, а кроме них был и широкий пояс с металлической же пряжкой. Она купила мне черную меховую «ушанку» с кожаным верхом и опускающимся передом и черные кожаные перчатки.

— На Волге бывают сильнейшие морозы с ветром — дыхание Сибири! — пояснила Таня. — Мигом в ледышку превратишься!

Конечно же, деньги я выслал Тане сразу, как только получил «подъемные». Когда я надевал всю эту «кожу», то становился похож на комиссара времен гражданской войны. В пальто были огромные холщовые внутренние карманы, в каждом из которых помещалось по три поллитры. находка, а не пальто! Пропал бы я без него первой же зимой — холода зашкаливали за сорок три градуса, а при этом еще и сильный ветер. Но наступления зимы я, возможно, и не дождался бы, не будь этого пальто, купленного мне любящей и любимой душой.

Наконец выпал устойчивый снег. Из моего окна, выходящего на запад, открывался вид на шоссе и бескрайнее поле. очередной день прошел в тех же мучениях сексуальной и трудовой недостаточности, что и раньше. Часам к четырем я выпил так много, что заснул. Проснулся на закате, чего не пожелаю злейшему врагу, даже Гераклу Маникашвили. Народная мудрость говорит, что сон на закате приводит к страшной депрессии при пробуждении.

Так случилось и со мной. Меня разбудил луч заходящего за снежный горизонт огромного красного солнца. Я понял, что наступил вечер, а перспектив — никаких. Пить водку не хотелось, я был сыт ею по горло. Впереди — пустота, черная дыра, сплошная энтропия!

Я привстал с постели, случайно потянув за собой простыню. обнажился край грязно-серого матраса с огромной иссиня-черной печатью «ТФКПИ» (Тольяттинский филиал Куйбышевского политехнического института) — матрас был старый, еще тех времен, когда Тольяттинский политехнический был филиалом.

«Ну и занесло же меня! — с ужасом подумал я и похолодел от этой мысли. — Москва, Тбилиси, теперь вот этот филиал... А дальше что? Дальше — ничего!»

Я резко поднял голову и оглядел верх комнаты. Над окном проходила труба водяного отопления. Я выдернул из моего пальто кожаный пояс, просунул его конец в пряжку, образовав подобие петли, и забрался на подоконник. С этой высоты я увидел самый краешек заходящего за снежный горизонт солнца.

— Успеть, успеть! — забеспокоился я и лихорадочно стал завязывать узлом конец пояса на горячей железной трубе. — Успеть, пока не зашло! — бессвязно бормотал я, спешно просовывая голову в петлю. — Успеть! — как в бреду проговорил я, прыгая с подоконника.

Рывок за шею, затем — темнота в глазах. И вот я уже очнулся на полу с петлей на шее. Я взглянул на трубу — на ней торчал, завязанный узлом конец пояса. Порвался, порвался Танин пояс, не дал мне повисеть вволю! Я встал на колени и посмотрел на оборванный конец петли на шее. Пояс лопнул по косому шву; было заметно, что он сшит из мелких кусочков кожи, и прочности в нем не было никакой. Воспользуйся я брючным ремнем, вынули бы меня из петли еще не скоро...

Резкий стук в дверь прервал мои мысли; я, пошатываясь, подошел к двери и отпер ее ключом, торчащим из замка. В дверях стоял незнакомый молодой человек интеллигентной наружности.

— Меня зовут Геной, фамилия — Абросимов, я живу в комнате под вами. У вас падало на пол что-нибудь тяжелое?

Гена взглянул на мой оригинальный галстук, на оборванный кусок пояса на трубе и все понял.

Он вошел в комнату и затворил за собой дверь.

— Вы разрешите мне пригласить вас к нам на чай? Я живу с женой Леной и сейчас у нас в гостях еще одна дама. Уверен, что вам сейчас необходимо разветься. Только, пожалуйста, снимите этот ваш ужасный галстук!

Глупо улыбаясь, я снял «галстук», бросил его на койку и пошел за Геной. По дороге он сообщил, что знает меня — я новый доцент с кафедры теоретической механики, и что дама, которая у них в гостях, тоже живет в нашем общежитии, она доцент с кафедры химии.

Мы зашли в комнату Гены. За столом пили чай две женщины — одной лет двадцать, другой лет на десять больше. Я представился дамам и сказал, что у меня со стены свалилась тяжелая полка с книгами и чуть было не зашибла меня.

— Я — Лена, — сообщила молодая женщина, работаю на «Иностранных языках», а это, — и она кивнула на женщину постарше, — Наташа Летунова, она работает вместе с моим мужем на «Химии».

— Выпейте чаю! — предложила она.

— А как насчет водки, у меня есть бутылочка? — осторожно спросил я.

Лена замотала головой, а Наташа заинтересованно посмотрела на меня огромными голубыми глазами и ответила неожиданно:

— С большим и толстым удовольствием!

Голос у Наташи был низкий и хриловатый. Мы встретились с ней взглядами, и я понял, что она — наш человек! Я сбегал наверх за бутылкой и «мухой» спустился вниз. Лена достала из шкафа два яблока и нарезала их; поставила три рюмки — мне с Наташей и Гене, сама она не пила совсем.

— Предлагаю мой любимый тост — за жизнь! — предложил я, — по-еврейски это звучит так: «лехаим!».

Гена внимательно посмотрел на меня, хитро улыбнулся и пригубил рюмку. Наташа выпила залпом; я медленно и с удовольствием отхлебывал водку — в голове у меня был ураган. Лена захлопала в ладоши и спросила, не еврей ли я? Потом я узнал, что она сама — еврейка.

— Учусь этому! — загадочно ответил я.

Гена весь вечер потягивал из рюмки, а остальное выпили мы с Наташей. По ее реакции на знакомство я понял, что «встретились два одиночества». Она стала называть меня Нури́, а я ее — На́той. Вскоре она захотела спать и попросила проводить ее; я заметил, что Наташу сильно «вело».

Провожать оказалось недалеко — она жила на первом этаже в конце коридора. Наташа отперла дверь и быстро протолкнула меня в комнату, видимо, чтобы не заметили студентки. Затем она заперла дверь уже изнутри, но свет включать не стала. Свет проникал через два окна, завешанные газетами. Наташа без обиняков обняла меня за шею и поволокла к постели, которая уже была разобрана. Все это казалось мне какой-то фантастикой или сном, но я решил, что так, видимо, это и должно быть — судьба!

— Делай со мной, что хочешь, но только обещай, что не будешь звать замуж! — прошептала мне прямо в ухо Наташа, когда мы уже фактически выполняли супружеские обязанности.

— Торжественно клянусь — не буду! — прерывисто дыша, обещал я.

Интуитивно я почувствовал, что уже скоро Наташа нарушит тишину, и прикрыл ей рот ладонью. Звуки получились сильно приглушенными.

— Проклятые студенты! — успела только, задыхаясь, прошептать Наташа, как ей пришлось «глушить» уже меня.

И вот мы, как рыбы, вытасченные из воды, лежа на спинах, пытаемся дышать, беззвучно открывая рты. Студенты, вернее, студентки не дремлют! Им интересно, чем занимаются их доценты! В голове моей все постепенно «устаканилось».

«Да, висеть бы мне сейчас с вываленным набок языком, не порвись пояс! — не давала мне покоя эта одна-единственная мысль. — Никаких суицидов больше, что бы ни случилось!» — поклялся я сам себе.

Заклялась, как говорят, свинья на помойку не ходить!

БОЛЕЗНЬ АФРИКАНСКОГО ВОЖДЯ

Прошла неделя с нашего знакомства. Мы с Наташей упивались своей любовью, и не только ею. Мы оба были не дураки вышить, и все дни только и занимались тем, что пили и спали. В перерывах Наташа бегала на редкие занятия и тут же прибегала обратно — до института было метров пятьдесят. Мы были счастливы каким-то первобытным счастьем. И как-то Наташа меня попросила:

— Давай сходим к одному знакомому, он в соседнем доме живет. Он — шофер-таксист. Недавно, еще до знакомства с тобой, летала в Казань. А по дороге назад у меня из кармана кошелек сперли, так он бесплатно из аэропорта Курумоч довез меня домой. Правда, я обещала занести ему деньги, даже паспорт с пропиской показала, оказалось, что мы соседи. Посидим полчаса, выпьем, отдам ему деньги, поблагодарю и домой пойдем. Только не вздумай ревновать — ему пятьдесят с лишним лет, мужлан такой малограмотный, сам увидишь!

Взяли пару бутылок водки, Наташа перевела меня через двор и позвонила в дверь дома, крыльцо которого выходило почти на угол нашего общежития. Дверь открыл хмурый мужик в тулупе, оказавшийся тем самым водителем.

— Дмитрий Васильевич, вот я и нашла вас! А вы, наверное, решили, что я забыла про должок! — Наташа вошла в дом, ведя меня за собой.

В комнате оказалось очень холодно — отопление было печное, а печь — нетопленной. В доме был страшный беспорядок, бардак, что называется. На столе на газете — недоеденная селедка и полкирпича черного хлеба. Мы, не снимая верхней одежды, присели за стол, я вынул бутылки. Хозяин оживился, сбегал куда-то, принес охапку дров. В комнате стояла жестяная печка-буржуйка, дымовая труба от которой выходила прямо в верхнюю часть стенной печи.

Печка загудела, в комнате сразу же стало тепло. Мы сняли пальто и положили рядом. Дмитрий Васильевич тоже снял свой тулуп, принес из сеней пару селедок, стал их чистить. Я заметил, что у него не хватает фаланг на нескольких пальцах, а где эти фаланги имелись, был несмываемый «траур» под ногтями.

Все это было так противно, что я с нетерпением дожидался конца этого визита. Мы выпили по первой, мне после вчерашнего стало тошно, и я больше не притрагивался к водке. Наташа и шофер продолжали пить; «моя прекрасная леди» оживилась, стала отпускать какие-то сальные шуточки.

Если хотите увидеть людей в самом гадком свете, то при коллективной пьянке сами воздержитесь, не пейте, и вам будет до тошноты противно смотреть на пьющих и слушать их бред. Если, конечно, они не английские лорды. Наташа и Дмитрий Васильевич лордами не были, и мне стало гадко. Я начал звать Наташу домой, мотивируя тем, что мне жарко (а в комнате действительно стало как в бане — тепло и сыро). Она посоветовала мне одеться и подождать во дворе.

— Я за тобой — мухой! — заявила она и поцеловала меня в щеку.

Я оделся и вышел. Подождал с четверть часа, затем, разозлившись, вернулся назад. Но дверь оказалась запертой. Тогда я стал звонить. Дверь, ворча, отворил Дмитрий Васильевич — босиком, в майке и кальсонах. Кинувшись в комнату, я увидел Наташу, лежащую в койке под одеялом; лицо у нее было в багровых пятнах.

— Дмитрий Васильевич, — прогнусавила она, — выгоните его, он мне надоел!

— Ну что, — спросил меня этот монстр в кальсонах, — сами уйдем или сделаем, как они велели?

Я повернулся и, опустошенный, вышел во двор. Полная луна сияла, как холодное солнце, освещая снег. Вокруг была смертельная красота. Глубоко проваливаясь в сугробы, я шел «напрямки» к общежитию и удивлялся, как это земля не разверзнется подо мной и я не провалюсь в тартарары. Что это все означает: мое спасение из петли, внезапная любовь, далее — неслыханное по цинизму предательство любимой женщины? Не слишком ли частая смена декораций? Дальше, как будто, уже некуда...

Но я, как обычно, ошибся, дальше было куда... Зайдя в комнату Наташи (ключи были у меня) и погасив свет, я лег в ее постель. Постель не стирали, наверное, никогда; простыня местами стояла колом, как накрахмаленная; комната пропахла застарелым запахом секса. Понюхав подушку, глубоко втянув носом воздух, я почувствовал после прогулки по чистейшему и лунно-морозному воздуху, что от подушки приторно-сладко пахнет Наташей. Подумав немного, я снова сладострастно понюхал подушку и заснул, обняв и прижав ее к лицу. Проснулся я от стука в дверь. Ключ был вставлен в замок и торчал с моей стороны.

— Кто там? — ошалело спросил я и понял, что уже утро.
— Нури, прости, это я! — жалобным баском пропела лисица-Наташа.

Отворив дверь, я увидел несчастных, дрожащих с похмелья Наташу и ее монстра-приятеля. Они вошли, и Дмитрий Васильевич заспешил обратно.

— Я проводил их, чтобы ничего по дороге с ними не случилось! Простите нас, чего по пьянке не бывает! — стуча зубами, просипел Васильич.

— Одну минуточку! — бросил я ему и приказал Наташе: — Раздевайся и — в койку!

Она, дрожа от абстиненции, принялась быстро раздеваться, и я не отставал от нее. Раздевшись, она, худющая и сутулая, бесильно повалилась на койку. Я лег на нее, накрыв своим телом, и тогда уже спросил ошеломленного этим зрелищем Васильича.

— Что, выйдешь сам или помочь?

Тот нелепо затопал, завертелся, видимо, забыв, где выход, и наконец вышел вон. Я запер за ним дверь и приступил к экзекуции Наташи...

А через три дня... Чтобы было понятно, и в то же время без банальщины, расскажу анекдот в тему, причем в двух сериях.

Над Африкой, где проживали дикие племена, разбился самолет. Все погибли, осталась в живых одна стюардесса, которую взял своей очередной женой вождь местного племени. Конец первой серии.

Вторая серия. Через три дня вождь собирает своих воинов и спрашивает их:

— О, мои храбрые воины, помните, как в позапрошлом году крокодил откусил мне ногу, плакал ли я тогда?

— О, великий вождь, ты не плакал тогда! — отвечали воины.

— А когда в прошлом году тяжеленный бегемот наступил мне на живот, плакал ли я тогда?

— О, великий вождь, ты не плакал и тогда! — отвечали воины.

— А теперь я плачу, плачу, когда писаю!

Теперь ясно, что со мной случилось через три дня? Если не ясно, то дополняю сказанное еще одним анекдотом.

— Все течет, все меняется! — сказал философ.

— Все течет, но ничего не меняется! — возразил больной одной неприличной болезнью, называемой «гусарским насморком», «путешественником», «триппером», «гонореей» и мало ли еще как...

Одним словом, мне не хватило всех бед, которые со мной приключились, и я получил в подарок от почтенного Дмитрия Васильевича этот гусарский насморк, будь он неладен (и Васильич, и насморк!). Хотел было набить Наташе лицо, но пожалел — своя все-таки...

НАТАШКИНА КВАРТИРКА

И вдруг... должно же нам хоть в чем-то повезти — Наташе объявили, что ей выделили квартиру, и нужно срочно, за день или два заселяться. Квартира была двухкомнатной с одной проходной комнатой, совмещенными удобствами и крохотной кухней в пятиэтажной «хрущевке» на последнем этаже. Но считалось, что и это отлично.

Перевозить было практически нечего, вся обстановка в комнате была «казенной», но была одна загвоздка. Наташа никак не могла найти слов, чтобы рассказать мне о ней. Наконец, нашла слова, и вот в чем оказалось дело.

Будучи дамой ленивой, Наташа не выходила вечером, ночью и утром в туалет, который находился в конце коридора, и делала свои дела (естественно, не очень серьезные!) в комнате в баночки. Баночки затем сливались в трехлитровые баллоны из-под сока; они закупоривались полиэтиленовыми крышками и хранились под кроватью и в шкафу. Баллонов таких было около десяти, и их надо было ликвидировать, чтобы «сдать» комнату и получить разрешение на въезд в квартиру.

Но как эти баллоны с желтоватой жидкостью пронести незаметно через весь коридор, чтобы пронырливые студентки ничего не заметили? Я на минутку задумался и нашел-таки решение. Мне его подсказала загадка, которую я немедленно загадал Наташе.

— Наташа, а у какой нации есть такая фамилия — Мачабели?

— Да грузинская это фамилия, такой писатель был или артист, не знаю, — без энтузиазма ответила Наташа.

— А фамилия Мачасини — это у какой нации?

— Итальянская она, а в чем дело?

— А дело, моя дорогая, в том, что была «моча бели», а теперь будет «моча сини», и ни один студент ни о чем не догадается! Беги за чернилами!

Наташа слетала в институт и принесла пузырьков десять синих чернил для авторучек с кафедры. Мы откупоривали баллоны, заливали туда пузырьки чернил, а потом несли баллоны с темно-синей жидкостью сливать в туалет. Студентки таращили глаза, но ничего понять не могли. Наташа сама призналась одной из них, что красила постельное белье в синий цвет — так сейчас модно, — а теперь сливает отработанную краску.

Так или иначе, комнату мы сдали, положили жалкие пожитки Наташи в чемодан и принесли его в квартиру, которая была неподалеку. Вторым рейсом мы зашли в спортмагазин и купили надувной матрас с подушкой. По дороге взяли выпивку и закуску. Отметим вселение, надули матрас и заснули. Ночью, когда взаимное притяжение уже прошло, начали потихоньку сталкивать друг друга с узенького матраса, так как вдвоем на нем не помещались. Пришлось покупать еще один.

Начало моей «течки» совпало с нашим вселением на новую квартиру. О том, чтобы лечить позорную болезнь в городском диспансере, даже и разговора не могло быть. Как говорил мне наш ректор, Тольятти — городок маленький, и назавтра все «интересненькое» будет известно повсеместно. Поэтому Наташа позвонила в родной город Казань и переговорила со своей знакомой медсестрой о нашей обоюдной проблеме.

— Миллион бициллина в мышцу сейчас и сто тысяч — через месяц. По пачке тетрациклина и норсульфазола в день в течение недели. От выпивки в период лечения воздержаться! — пробубнила мне Наташа советы медсестры.

Мы дружно посмеялись над последним советом «ученой» медсестры, но шприц и пузырьки с бициллином купили. Уколов, естественно, никто из нас делать не умел, знали только, что их делают в ягодицу. Прокипятили шприц (тогда одноразовых не было!), положили его на блюдечко остывать, а сами для храбрости «приняли». От страха нас бил колотун — уколов мы оба очень боялись, тем более от таких непрофессиональных «медиков».

Я раскрыл пузырек с бициллином — это оказался порошок. Как же его колоть, если он порошок? Решили разбавить кипяченой водой. Высыпали два миллиона единиц бициллина на блюдце (а это оказались все десять пузырьков!), разбавили рюмкой воды и размешали ложкой. Получилась каша. Налить больше воды — тогда в шприц не поместится. А так эта каша и не засасывается!

Вынул я поршень из шприца и ложкой затолкал туда кашеобразный бициллин. Затем вставил поршень, надел иглу и приказал Наташе:

— Ложись! Да не так, перевернись на живот, я же укол делать буду, а не то, что обычно!

Она заверещала, дрожа всем телом, стащила с себя трусы и легла на матрас лицом вниз.

Резким движением я воткнул иглу в ягодицу и начал давить на поршень. Лекарство не шло через иглу! Наташа начала издавать стоны, совсем как при половом акте. Я пристыдил ее: она замолкла, закусив пальцы. Взяв шприц левой рукой, я со всех сил надавил на поршень правой. Наташа взвизгнула, кончик шприца выскочил из иглы и лечебная «каша» брызнула во все стороны. Мы все оказались как в известке.

Тогда я вынул иглу из ягодицы моей пациентки. Чтобы успокоиться, мы выпили еще и на сегодня опыты решили прекратить. Даже мыться от «известки» не стали — отложили на утро. Всю ночь снились кошмары.

Наташа заспешила на почту звонить медсестре. Вскоре она пришла домой, поставила на стол бутылку водки и положила стопку пузырьков и ампул. Мы выпили по полстакана, и Наташа взяла слово:

— Слушай меня внимательно, — и она достала бумажку с записанным на ней пояснением. — Каждый пузырек порошка заливается ампулой новокаина, но не снимая пробки, а через нее; точно так же раствор набирается в шприц! Понял, чтобы кашу на блюде не устраивал!

Меня поразило то, что, выходит, и уколов надо делать по пять каждому, так как в шприц больше одной ампулы не влезало. Но что поделаешь, за удовольствие надо платить! Я залил новокаин в пузырьки и набрал первый шприц. Наташа от страха за металась по комнате, а потом предложила лечь первым мне.

— Ты уже колот первым, так вот что вышло! — привела она убедительный довод, и я лег на матрас кверху попой.

За такие уколы, что делала Наташа, надо убивать не раздумывая. Она прикасалась иглой к коже, а затем, сопя и по-собачьи повизгивая, медленно заталкивала ее в ягодицу. Потом несколько минут вливала содержимое шприца внутрь.

— Мать твою, а побыстрее нельзя? — вскипел я.

— Маму не трогай, а то и вообще не буду колоть! — парировала Наташа, и я пожалел о сказанном. Наташа ведь была круглой сиротой.

*«Я не мамкина дочь, я не папкина дочь,
Меня курица снесла, я на улице росла!»*

Эту незатейливую песенку часто пела выпившая Наташа, пританцовывая при этом.

— Нури, пожалей меня! — обычно просила она после этой песенки, и я тащил ее на матрас «жалеть».

Я вытерпел все пять садистских уколов и приготовился колоть Наташу. Но не тут-то было! Она с визгом бросилась бегать по комнате, угрожая позвать соседей, если я не отстану. Увидев воочию, что такое укол, она наотрез отказалась колоться.

Я решил сначала, что хрен с ней, а потом подумал хорошенько и понял, что тогда я не смогу «спать» с ней — опять заражусь!

В ярости я догнал Наташу и врезал ей в глаз. Она упала и молча закрыла лицо руками. Видать, доставалось ей раньше от мужиков! Я перевернул ее и быстро вколол все пять уколов. Затем мы допили бутылку и легли, как обычно, с последующим моим переходом с одного матраса на другой.

МОГИЛЕВСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Проснулся я в дурном расположении духа. Тело ломило, тошнило. Видимо, сказывалась огромная доза сильного антибиотика, да еще под водку. А мы с Наташей, дипломированные ученые, поверили по телефону, да еще кому — медсестре. Скажи

она не миллион, а пять миллионов, так и вкололи бы все пять! Даже в энциклопедию не заглянули, или в справочник какой. Темнота — двенадцать часов ночи, а не доценты!

Я посмотрел на спящую рядом на своем матрасе Наташу и увидел огромный фингал под глазом. Господи, да это же я ее вчера «учил»! А жива ли она вообще? Я потряс ее за плечо, и она, сморщив нос, застонала:

— Нури, мне так плохо, Нури, что ты вчера со мной сделал?

— Что сделал, что сделал? Уколы сделал, а потом то, что обычно! Ты же сама говорила: «делай со мной, что хочешь, только замуж не зови!» — вспомнил я. — А кстати, почему замуж не звать, ты что, обет безбрачия дала?

— Да замужем я уже, потому и не надо еще раз звать. Не разрешено у нас в СССР многомужество!

«Вот тебе и “новости дня”!» — подумал я и привстал с матраса. — А почему я до сих пор не знаю об этом?

— Вот и узнал, раньше все было недосуг рассказывать. Сам бы догадался — с чего мне вдруг двухкомнатную квартиру дали?

— И где же твой муж — в тюрьме сидит?

— Почти, — спокойно ответила Наташа, — он — военный, майор, в Белоруссии служит, иногда наезжает. Я ему уже звонила, адрес сказала.

Я, как ошпаренный, вскочил с матраса и стал спешно одеваться. А вдруг сейчас приедет, телефона-то в квартире нет, он и предупредить не успеет. Заявится с пистолетом, и поминай, как звали!

— Да не бойся ты, трус, еще импотентом заделаешься! — успокоила Наташа. — Я ему сама раз в неделю звоню, если надумает приехать, сообщит.

Наташа, пошатываясь, встала и пошла в наш совмещенный санузел. Оттуда раздался ее протяжный жалобный стон. «Фингал разглядела, не иначе», — решил я и оказался прав.

— Как я на работу пойду, что ты себе позволяешь! — заявила она мне свои претензии.

— Ты же сама сказала: «делай со мной, что хочешь...» Я же замуж тебя не звал — а остальное все можно!

Мы договорились, что я попрошу Гену или Лену Абросимовых позвонить на кафедру химии и сказать, что Наташа заболела. А сам спустился вниз, купил пакет лекарств (тетрациклин с норсульфазолом), кое-что поест и бутылку на вечер.

Я позвонил Лене, попросил сообщить «на химию» про Наташу и вернулся домой. Наташа была уже хороша — успела выпить почти всю бутылку, пришлось нести новую.

Я все разговоры сводил к Наташиному замужеству. Оказалось, что мужа зовут Игорем, ему тридцать пять лет, служит он под Могилевом. Насчет пистолета Наташа ничего определенно-

го не сказала, но припомнила, что видела кобуру с «чем-то» у мужа в ящике стола.

— Дался он тебе, — с досадой заметила Наташа, — еще накликаешь!

За всю свою жизнь я убедился, что слова, пожелания, мысли, проклятия и прочие «нематериальные» посылы могут материализоваться, если все время страстно или со страхом, эмоционально о них думать или говорить. Чтобы сбылось что-нибудь хорошее — я что-то не припомню, а вот проклятия и прочая гадость — пожалуйста! Пример не заставил себя долго ждать.

Перед сном, уже наклюкавшись как следует, мы с Наташей решили принять ванну. Мы оба были худенькими и легко уместились туда вдвоем. Теплая вода с пенным «бадузаном» (тогда был такой шампунь для ванн) привела нас в восторг, и мы даже были близки к тому, чтобы прямо в воде заняться своим любимым делом. Наташа во все горло пела: «О, море в Гаграх...» и брызгалась водой, как вдруг в дверь позвонили.

— Это, наверное, соседи, — решила она и, накинув халатик прямо на мокрое тело, не раздумывая, открыла дверь.

Я беззаботно плескался в ванной и, услышав несколько коротких фраз, которыми перебросилась Наташа с человеком за дверью, не придавал им значения. Наконец я услышал громко сказанную фразу Наташи: «Ты пьян, убирайся отсюда!» и стук захлопнувшейся двери.

Наташа показалась в ванной, опять голая, и вся в слезах: «О, море в Гаграх...» — кричала она сквозь слезы и попыталась было опять влезть в ванну, но, повернув ко мне заплаканное лицо с огромным фингалом под глазом, прорыдала:

— Нури, мы пропали, это приехал Игорь!

Я, как дрессированный дельфин, так и вылетел из ванны в воздух. Еще в полете я услышал частые звонки и стук ногами в дверь. В панике я вбежал в комнату и стал дергать дверь балкона. Но, во-первых, она намертво примерзла, а во-вторых, я вспомнил, что это пятый этаж. С лихорадочной быстротой я стал одеваться, надел даже свое кожаное пальто со злосчастным поясом, шапку-ушанку и сел на стул, зажав уши руками, чтобы не слышать этих ужасных звонков в дверь. Припомнив случай, когда меня «изловила» мать московской Тамары, я констатировал, что это были «цветочки». «Ягодки», может быть, даже свинцовые и выпущенные из огнестрельного оружия, придется пожинать, видимо, сейчас.

Наташа заперла дверь на цепочку, заметив при этом, что звонки прекратились. Я убрал руки от ушей — звонков действительно больше не было.

— Ушел, гад, — удовлетворенно констатировала Наташа, но преждевременно.

Вдруг раздались стуки в пол, то есть в потолок нижней квартиры.

— Он зашел к Корнеевым, — поняла Наташа, — они открыли ему и впустили. Эти гады ненавидят меня, они уже жаловались на наши с тобой ночные «концерты» (что-то не помню, о чем это?), они все расскажут и ему!

Видимо, Игорь стучал шваброй в потолок. Неожиданно рассвирепев, Наташа стала в ответ топтать ногами. Стуки затихли. Тогда Наташа, что-то вспомнив, отбила ногой в пол четкий, знакомый большинству русских мотив: «А иди ты на хер!»

Мотив был понят, и в ответ в пол опять затарахтели. После полуночи стуки затихли, казалось, что все устаканилось. Несмотря на призывы Наташи раздеться и бурной любовью выразить «гадам» свое презрение, я так и сидел одетым часов до двух ночи на стуле, а потом так же одетым прилег. Чуть свет я проснулся, Наташу разбудить не смог — она, не открывая глаз, стала пинаться ногами. Тогда я бесшумно открыл дверь и, выглянув на лестницу, посмотрел вниз — там было пусто. Тихо захлопнув дверь, я, как кот, мягкими прыжками, в секунду спустился на два этажа, дальше пошел медленнее, а уж из подъезда вышел вальяжно, гордо и не торопясь. Попробуй докажи, откуда я! Подняв воротник пальто, я прогулочным шагом двинулся к общежитию.

В дверь общежития пришлось стучать довольно долго — дежурная тетя Маша спала и никого не ожидала в гости полседьмого утра. Извинившись, я наврал: «Только что из аэропорта!» — и прошел к себе на второй этаж. Вот откуда меня уж никто не выгонит! Хорошо дома!

Днем я несколько раз заходил на кафедру химии и все-таки застал Наташу. Она была в огромных солнцезащитных очках, не очень-то скрывавших густо напудренный фингал. «Дермаколов» тогда у нас еще не было!

— Все о'кей! — жизнерадостно воскликнула она. — Утром он снова позвонил в дверь, и я открыла. Первым делом он спросил про фингал, а затем уже про то, почему я его не пустила. Я и ответила, что приняла его за пьяного, хотя и сама была выпивши. Он простил меня, и мы даже немного поддали с утра. Приехал он всего на один день, вечером уезжает. Заскочил сюда он нелегально, его послали в командировку в Свердловск поездом, а он быстро самолетом — и сюда. Боюсь, как бы не заразить его, придется напоить до поросычьего визга, чтобы не пристававал. Мы-то уже свои, зараза к заразе не пристаёт! — успокоила она меня.

Мне ничего не оставалось, как поститься и принимать пачками тетрациклин с норсульфазолом. Весь вечер я просидел у Абросимовых, они никак не могли понять, почему я не у Наташи. Я придумывал всякие небылицы — устал, дескать, надоело, надо

же и у себя дома побыть. Лена хитро улыбнулась мне — подумала, наверное, что-то про «критические» дни. Как будто мы по пьянке их замечали!

Гене пришла из Баку (его родины) посылка с фруктами, называемыми фейхоа. Я очень любил эти фрукты еще по Грузии и ел их с удовольствием. Гена мне и надавал с собой этих снаружи зеленых, а внутри красных, с сильным запахом йода фруктов, вкус которых описать трудно. Фрукты были уже немного перезрелые и мягкие, изрядно полежавшие в ящике при пересылке.

А поздно вечером в общежитие прибежала Наташа, заскочила к Абросимовым, рассказала, что муж приезжал. Лена укоризненно посмотрела на меня — Абросимовы ведь про мужа знали, в отличие от меня. Мы забрали фейхоа с собой, по дороге захватили выпивку, закуску и потопали на пятый этаж обмыслить отъезд мужа.

— Не дала ему! — хвасталась Наташа, — напоила вусмерть, и он почти не приставал. А потом — в Курумоч!

Мы постелили на матрасы чистые простыни и спешно легли «спать». Я изрядно (за пропущенную ночь) задержался на матрасе Наташи и уже за полночь перебрался на свой.

Утром, часов в семь, меня разбудили вздохи и причитания Наташи. Горел свет, она стояла на коленях над своим матрасом и плакала, почему-то разглаживая простыню руками.

Я вскочил и увидел, что простыня на том самом месте, как говорят, «в эпицентре событий», была вся в каких-то багровых пятнах с фиолетовыми каемками, пахнущими больницей.

— Ты дала ему! — вскричал я, схватив даму за горло, — а меня опять обманула! Вот он тебя и заразил какой-то страшной болезнью, а самое худшее, что ты успела заразить и меня! Теперь бициллином не отделаешься!

Наташа с рыданиями призналась, что, конечно же, «дала» ему, муж все-таки, а обманула, чтобы не нервировать меня.

— Что теперь делать, что теперь делать! — причитала несчастная обманщица в отчаянии.

Да, не хватало только этой новой «могилевской» болезни, которую принес «наш муж» Игорь. До меня стал доходить тайный и ужасный смысл названия этого города...

Я снял простыню, чтобы посмотреть пятна «на просвет» и обомлел: на матрасе лежали раздавленные в блин мои любимые фейхоа! Видимо, вечером я их второпях положил на Наташин матрас, а она, не заметив их на фоне зеленого же матраса, накрыла простыней. И тут мы их размолотили в блин в наших любовных схватках!

— Наташа, а ведь бутылка с тебя! — сказал я плачущей леди загадочным тоном.

Леди повернула ко мне удивленное, заплаканное, с фингалом лицо, а я поднес к ее носу раздавленные фрукты с непривычным запахом и названием.

— Эти твою мать! — произнесла моя прекрасная леди.

— Маму не трогай! — пригрозил я ей, и послал ее, радостную, в магазин — за бутылкой.

С тех пор непривычное для русского уха название этой экзотической фрукты стало для меня еще и неприличным...

ВЕСЕЛЕНЬКИЙ НОВЫЙ ГОД

Эффект двойной удачи — избавление от мужа и неизвестной болезни, поверг нас с Наташей в эйфорию, а эйфория, в свою очередь, в загул. Мы и так вели не особенно скромный образ жизни, а теперь и вовсе перестали стыдиться общественной. Ходили на виду у всех в ресторан «Утес», имевший в городе дурную славу, напивались там до чертиков, а по ночам бегали в этот же «Утес», где у сторожихи Гали можно было купить пол-литра «Российской» за 5 рублей (вместо 3,62 в магазине).

Но неумолимо приближался Новый 1968 год. Про студентов мы (я-то ничего, у меня занятий не было, а вот Наташа была задействована в учебном процессе!) совсем уже позабыли, как вдруг часов в 9 утра в дверь опять зазвонили.

Наташа вскочила с матраса и, подбежав к двери, грозно спросила: «Кого носит в такую рань?»

Я не слышал, что ей ответили, но в комнату она вбежала резво и приказала:

— Матрасы — в ту комнату, сам тоже! Забыла про зачет, который назначен на 8 часов утра! Студенты приперлись!

Я тут же оказался с нашими матрасами и подушками в маленькой комнате, туда же полетели пустые бутылки и остатки закуски, после чего дверь закрылась. По своеобразному гулу я понял, что в большую проходную комнату запустили группу. Платье и белье Наташи валялись на ее матрасе, и я понял, что она принимает студентов в тонком, старом и рваненьком халатике на голое тело! Хотя бы волосы в порядок привела, а то шиньон ведь на боку висит!

— Все заполните зачетки, чтобы мне осталось только подписать! — услышал я голос Наташи, не пришедшей еще в себя после вчерашнего.

Студенты, сопя, принялись заполнять: «Химия — Летунова — зачтено», после чего доценту Летуновой оставалось только расписаться. Ведомость предусмотрительные студенты тоже принесли с собой. Наверное, лаборант помог, так бы не дали.

За десять минут с группой было покончено. Студенты говорили «спасибо» и по одному выходили на лестницу. Покончив с зачетом, Наташа, улыбаясь, вошла в маленькую комнату. Шиньон, как я и предвидел, был на боку. Наташа повалилась на матрас и накрылась нашим общежитским («реквизированным», то есть украденным) одеялом с головой. Мы проспали еще часика два, после чего отправились на улицу в поисках пива.

В Тольятти, городе в Жигулях, где к историческому заводу, начавшему выпуск знаменитого «Жигулевского», ходил городской автобус № 104, пива днем с огнем не отыщешь! Совдеповский парадокс, который я называю «шахтинским синдромом». Побывав как-то зимой в командировке в городе Шахты, где терриконы стоят прямо в городской черте, я замерз в номере гостиницы. И на мой вопрос — в чем дело? — администратор ответил: «Угля нет!» А уголь можно приносить прямо с улицы ведрами!

Но дело не в шахтинском синдроме, а в том, что я уже начал спиваться и понимал это. Наташа — героиня! Я встретился с ней через четверть века после описываемых событий, и она была жива-здорова, даже продолжала работать доцентом. Правда, уже не в Тольятти. Но, как минимум, пара мужиков, живших с ней после меня, померли от пьянства и такой жизни. Помер бы и я, если бы...

Если бы не прибежал, запыхавшись, утром 31 декабря к нам в «берлогу» Гена Абросимов и не поставил бы меня в известность, что приехала моя жена и ждет меня у Лены.

— Я сказал, что ты в институте и что я приведу тебя!

— А я как, что, я останусь на Новый год одна? — захныкала Наташа.

Гена сказал мне: «Иди домой, а я с ней разберусь!»

Я «по-армейски» быстренько оделся и трусцой побежал в общежитие. Лиля едва узнала меня. Кожаного пальто и шапки она не видела вообще, а кроме того, я уже с неделю не брился и оброс симпатичной черной бородой.

— Это ты? — только и спросила изумленная Лиля.

— Бороду отпускаю! — ответил я и, будучи человеком исключительно правдивым, действительно стал ее отращивать.

Начиная с этого дня я носил бороду в течение тридцати с лишним лет. Потом я сбрил ее «под ноль», как и волосы, хотя всегда носил длинную, до плеч, прическу. Так я в зрелом возрасте коренным образом изменил свой имидж. А что меня побудило к этому — расскажу после.

Я привел Лилю в мою комнату, и она, конечно же, сразу поняла, что комната нежилая. Все покрыто слоем пыли, но были и другие, очевидные только женщинам и разведчикам признаки. Вытряхнув простыню и одеяло, я после недолгих расспросов положил жену отдыхать, а сам пошел делать закупки к встрече Нового года.

К вечеру в моей комнате уже был поставлен большой стол, составленный из моего столика, двух тумбочек и большого листа текстолита. Его покрыли бумажной скатертью, поставили пять приборов — что-то от Лены с Геней, а что-то купили. Было шампанское, вино из Грузии, коньяк и водка. Даже «елка» — маленькая сосна, вырубленная мной в бору, метров за двести от общежития, тоже была.

Деньги мне платили, по моему понятию, огромные — за что только, непонятно. Портят людей «халявные», не заработанные ими деньги, вот и меня за пару месяцев без работы эти деньги чуть не сгубили. Если бы их не было, то я разгружал бы уголь или перетаскивал мясные туши, а не бросился бы в пьянство и разврат.

Но вернемся к Новому году: на столе пять приборов — для меня с Лилей, Гены с Леной и ее пятнадцатилетней сестры, приехавшей из Саратова навестить родственников, но пришлось поставить и шестой — к Лене заявила подшофе Наташа и попросила не бросать ее одну. Что ж, нас демонстративно познакомили Абросимовы — меня назвали Нурбеем Владимировичем, как положено, — доцент с кафедры «Теоретическая механика». Наташа назвала себя, протянув руку для пожатия.

Сели за стол, налили шампанского, маленький сетевой репродуктор верещал — то из Москвы, то из Куйбышева, то из Тольятти. Наконец пробил куранты, мы весело чокнулись и выпили, я стал открывать штопором бутылки с вином. Наташу вдруг потянуло на поэзию: «Воткнем же штопор в упругость пробки, пусть взгляды женщин не будут робки!» — продекламировала она немножко гнусаво. И вдруг обратилась ко мне: «Нурй», — с просьбой налить чего-нибудь. Лиля мигом стрельнула в нее глазами, Лена толкнула Наташу под столом ногой.

Я удивленно спросил:

— Вы меня?

Та стала лепетать о том, что у нее в Казани был знакомый Нурбей, так его все называли Нурй, и так далее... Но «слежка» за нашим поведением уже началась. Все это не скрылось от малолетней сестры Лены, которая с нескрываемым любопытством наблюдала за словами, многозначительными взглядами, толчками ногой и другими, полными тайного смысла действиями взрослых.

И вдруг из репродуктора донеслась неизвестная доселе песня «С чего начинается Родина...» Надо сказать, что песня эта и на выдержанных людей производила сильное впечатление, а тут мы все выпившие, удаленные от любимой «малой» родины — кто от Москвы, кто от Тбилиси, кто от Казани, кто от Саратова, к тому же некоторые были уже с изрядно подпорченными нервами. И, не выдержав нервного напряжения, Наташа громко разрыдалась. Лена бросилась ее успокаивать, а Лиля, все поняв,

бросилась энергично царапать мне лицо, успев порядком его изуродовать!

Гена стал удерживать ее за руки. Положение было критическое. Но «спасла» его малолетняя сестра Лены. Вскочив со стула с заплаканным лицом, она патетически обратилась к присутствующим:

— Послушайте, взрослые, я ничего не понимаю, объясните мне, пожалуйста, кто здесь кого любит?

Этот слезный детский призыв поставил нас на место: мы все дружно расхохотались и продолжили выпивать, простив всем все и забыв обо всем, кроме Нового года. Под утро пьяненькую Наташу забрали Гена с Леной. Как они улеглись там вчетвером — остается загадкой. Я предложил, правда, «разбиться» на тройки и оставить Наташу у нас, но не понимающая тольяттинских шуток Лиля опять показала было когти...

Наконец проведив гостей, мы с женой улеглись на узенькой общежитской кровати и согласно брачному кодексу я должен был исполнить свои супружеские обязанности. Но я их все не исполнял. На вопрос жены о причинах моего воздержания я, не скрывая, сообщил, что боюсь заразить ее, не будучи уверен в своей «стерильности». Лилия пристально посмотрела на меня и поняла, что перед ней альтернатива — либо снова вцепиться мне в лицо, либо примириться с реальностью. Но, подумав, решила:

— А, черт с ним, давай! — махнула она рукой, и я принял это как руководство к действию.

На следующий день я купил в аптеке еще триста тысяч единиц бицилина, новокаин, шприц, и Лилия сама вколола мне лекарство, правда, это было уже излишне.

ДОБРЫЙ ДОКТОР АЛЬФ

Мы с Лилей договорились вместе поехать в Тбилиси на зимние каникулы. До начала нового семестра (7 февраля) я был свободен.

Поехали мы через Москву поездом: было решено проверить меня на «стерильность» в большом городе у платного врача. А такого я знал, по крайней мере, по табличке, вывешенной на бывшей улице Кирова (Мясницкой), напротив своеобразного здания ЦСУ, построенного по проекту великого Корбюзье. Табличка гласила — «Д-р Альф, венерические заболевания».

Приехав в Москву, мы сразу же зашли на Мясницкую, и я, отпустив Лилю погулять, не без трепета зашел к доктору. Альф принимал прямо в своей квартире, ассистировали ему две женщины — пожилая и молодая, думаю, что это были жена и дочь.

Очереди не было, и я сразу прошел в кабинет. Доктор оказался худющим стариком лет под восемьдесят, почти слепым, но страшным матерщинником. Пациентов своих он называл на «ты» и говорил с ними сплошным матом, видимо, те лучшего обращения и не заслуживали.

Я обрисовал ему симптомы моей болезни, но он прервал меня, как только я начал.

— Все ясно — гонорея! Лечился как-нибудь?

Я, смакуя подробности, описал, как мы сперва разводили бициллин водой из чайника на блюдечке, а получившуюся кашу пытались вколоть в «мягкое место». Ну и как потом все-таки вкололи миллион бициллина с новокаином, обильно запивая водкой. Ну и про заключительный укол в триста тысяч.

Доктор Альф прерывал мой рассказ такими матерными восклицаниями, что в комнату даже заглянула пожилая женщина и спросила, все ли в порядке. Альф отдышался и констатировал: «В общем все правильно, хотя могли оба и подохнуть!»

— Завтра с ночи задержи мочу, а утром пораньше приезжай ко мне. Постарайся водку не пить или пить поменьше!

Остановились мы с Лилей у дяди — он поместил нас в своей художественной мастерской, которую ему недавно выделили. Это была маленькая однокомнатная квартира гостиничного типа, без кухни, но с туалетом и умывальником. Там оказалось очень удобно, так как мы были одни.

Водки я все равно выпил, но мочу тем не менее задержал. Утром, часов в восемь, едва удерживаясь от «протекания», я сел в такси и примчался к Альфу. На каждом ухабе часть мочи я все-таки терял. Сдерживаясь из последних сил, я поднялся к Альфу и позвонил в квартиру. Дверь мне открыли, но к своему ужасу, я увидел в коридоре очередь из трех человек. Понимая, что не удержу своей ноши, я попросил доложить, что пришел больной с переполненным мочевым пузырем.

Альф принял меня без очереди. Подвел к умывальнику и приказал наполнить по очереди три пробирки — в начале, в середине и в конце процесса. Кажется, до этого он сделал мне массаж предстательной железы, надев резиновый напальчник и приговаривая: «Это моя работа!»

Альф выписал мне направление в лабораторию (которая почему-то оказалась на первом этаже прямо в доме, где жил доктор), сослепу переходя ручкой с бланка на клеенчатую скатерть стола. А я в это время поинтересовался, почему он просит больных помочиться в умывальник, хотя рядом стоял унитаз.

— Ты что, с деревни приехал? — Альф даже оторвался от писанины, — где ты видел, чтобы мужики в унитаз писали? Если есть умывальник, то мужик, если, конечно, он не дурной, всегда писает туда. Во-первых, не обмочит все вокруг, а во-вторых, тут же подмоется, не отходя от «кассы»!

Альф вручил мне три пробирки, направление, взял деньги (не помню уже сколько, но немного) и сказал:

— Если все в порядке — иди домой и впредь веди себя умнее, если нет — зайдешь ко мне снова!

Ежась от стыда, я понес пробирки в лабораторию. Подойдя к окошечку, я не обнаружил там приемщицы и робко, жалобным голосом попросил позвать ее.

— Маня, тебя тут опять сифилитик от Альфа спрашивает! — с нескрываемым презрением прокричала уборщица.

Не торопясь и сложив губы в «куриную гузку», Маня брезгливо приняла у меня пробирки и направление.

— Завтра зайдите за результатом! — бросила она мне и, уже обращаясь к товаркам, продолжила: — этот Альф совсем ослеп от старости — гляди, как он заполнил направление!

Весь день я нервничал, даже в кино пошли, чтобы как-то отвлечься, а вечером навестили дядю. Я рассказал ему о том, какова жизнь в Тольятти, как там хорошо и перспективно. Чувствуя, что я привираю, дядя ворчливо спросил, ужалив меня в самое сердце:

— Следующим какой город будет — может, Сыктывкар?

Утром, дрожа от нетерпения, я зашел в лабораторию и назвал свою фамилию, прибавив: «от Альфа».

Маня вынесла результат анализа и передала бумажку в руки, как мне показалось, с уважением:

— Гонококков не обнаружено! — доброжелательно сказала она.

Я бережно принял от нее бумажку, вежливо поблагодарил и, выпячивая грудь от гордости и облегчения, вышел из лаборатории.

«А ну, попробуйте назвать меня сифилитиком, и узнаете, что я еще и мастер спорта по штанге!» — бросал я немой вызов прохожим, но они бежали по своим делам, не обращая на меня никакого внимания. Справку же я заботливо сложил в паспорт, чтобы не потерять.

ТАМАРА ВТОРАЯ — ИДЕАЛЬНАЯ

К началу семестра я уже был в Тольятти. Наташа не знала о моем приезде и не объявлялась. Зато я попросил Лену познакомить меня с ее красивой подругой Тамарой, которую я заприметил в институте: «Хочу начать новую — цивилизованную жизнь и общаться с культурными людьми!» К тому же, помня предсказание Голоса, я не мог пройти мимо этого имени. Лена напомнила мне о том, что я женат, но познакомиться согласилась.

— Тем более что Тамара постоянно интересуется тобой и спрашивает про тебя. Твой «союз» с Летуновой просто бесит ее: «Такой человек, — говорит, — и связался с этой пьянчужкой!»

И вот однажды Лена находит меня на кафедре и радостно сообщает, что сегодня Тамара после занятий зайдет к ним в гости. Я купил бутылку шампанского, подровнял перед зеркалом бороду, надел костюм с галстуком. Как раз было 23 февраля — мужской праздник, который тогда был рабочим днем. Лена дала мне условный знак — удар по батарее отопления, и я спустился вниз.

Тамара уже сидела за столом и с любопытством глядела на меня. Я знал, что она преподает немецкий и, поклонившись, сказал:

— Гутэн абент! («Добрый вечер!»)

Тамара, широко раскрыв глаза, быстро спросила:

— Шпрэхен зи дойч? («Вы говорите по-немецки?»)

Я, улыбнувшись, не очень интеллигентно ответил просто «найн». Все засмеялись, и первый барьер на пути знакомства был преодолен. Я рассказал, что приехал сюда из-за ссоры с начальником и из-за того, что кавказский климат мне не подходил.

— Моральный, — добавил я, увидев их удивленные глаза.

Тамара, с необычным отчеством — Яновна, поведала, что она из Москвы, окончила институт иностранных языков, всегда хотела преподавать в вузе, но в Москве этого не получилось. Отец был директором в «почтовом ящике» и предлагал работать у него переводчиком, а это неинтересно. Вот и прочла, дескать, в газете объявление про наш институт, где дали сразу должность старшего преподавателя.

Я смотрел на Тамару и пытался найти хотя бы один изъян в ее лице — и не смог. Зубы — жемчужные, ровные. Голубые глаза при иссиня-черных волосах. Дождался, пока она встанет, осмотрел фигуру и понял — такого не бывает! Если она живой человек, то должен же быть хоть один недостаток — но я его не находил. Забегая вперед, скажу, что я не нашел ни одного изъяна и тогда, когда увидел ее без одежды. Ну хоть бы лишняя складка на животе или волоски на ногах! Нет, нет и нет — эталон красоты, и все тут! Правда, эталон по тем годам.

Сейчас эталон — это рост 185 сантиметров при весе 55 килограммов. В те же годы это считалось бы просто уродством. Я знал девушку примерно такого же роста, которая уже в начале 80-х годов чуть не повесилась из-за своего роста — над ней все смеялись! Рост у Тамары был 170 сантиметров, а вес 60 килограммов; она была спортивна, имела первые разряды по плаванию и прыжкам в воду.

Но не только внешность ее была идеальна. За весь вечер я не обнаружил ни одного искажения ею русского языка, ни одного нарушения правил поведения за столом (локти на столе, нож в левой руке и т. д.), чем часто грешил сам. «Идеальной» была у нее и фамилия — Галицкая. Судя по внешности и поведению, она происходила именно из рода князей Галицких, а не из семьи крепостных, принявших фамилию своих хозяев. А то много таких Трубецких, Шереметевых, Строгановых, которые «ни ступить, ни молвить не умеют», да и внешне мало чем отличаются от троглодита.

Я уже стал подумывать о том, что она — инопланетянка, выполненная по идеальным эталонам человека и заброшенная в наш Тольятти для вхождения в контакт со строителями коммунизма. Но позже узнал, что она критически относится и к нашей партии, и к комсомолу. Уже потом нашел наконец ее единственный физический изъян — ей когда-то делали операцию аппендицита. И у нее на соответствующем месте был небольшой шрамчик, между прочим, очень даже симпатичный. Кроме того, я узнал, вернее, догадался, что волосы в жгучий черный цвет она красит, так как «в натуре» Тамара — блондинка. Но все эти знания пришли ко мне только в свое время.

Мы быстро перешли на «ты», и когда я провожал ее до дома (общежития, где она жила в комнате вдвоем с другой девушкой), в темном подъезде я сделал попытку ее поцеловать. Она ловко и не обидно для меня увернулась, делая «страшные» глаза и переходя на вежливое «вы»:

— Не спешите, Нурбей Владимирович, не опережайте события!

На этой многообещающей ноте мы расстались. Мы с Тамарой стали встречаться, чаще всего, для лыжных прогулок по лесу. Я практически не умел ходить на лыжах, еще хуже катался на коньках. Тамара учила меня и тому и другому. Мы проходили по лыжне на приличные расстояния по узенькой лесной тропинке. А когда уставали, падали прямо в глубокий снег на спину и лежали так, подставляя лицо яркому солнцу. Вот тут-то, доволь налюбовавшись лицом Тамары, ярко освещенным солнцем, я тихо приблизился к ее губам и поцеловал свой «идеал». Тамара с деланным испугом широко раскрыла глаза, потом, улыбнувшись, снова закрыла их и сделала вид, что она ничего не видит и не замечает. Так наши лыжные прогулки приобрели сексуальный оттенок.

Обучение катанию на коньках тоже носило сексуальный характер. Тамара медленно двигалась на коньках впереди меня, но спиной вперед. Я же всеми силами старался догнать ее — ведь она «плыла» всего на каких-нибудь полшага впереди, вытянув

ко мне губы для предполагаемого поцелуя. Я, как краб, перевернутый на спину, сучил всеми конечностями, передвигаясь с ничтожной скоростью. И когда я уже изнемогал от физического и психического перенапряжения, Тамара позволяла себя догнать и прикоснуться к ее губам. Все мои попытки присосаться к ним так, чтобы и отодрать было нельзя, кончались псевдострогим взглядом и переходом на «вы».

Тамара заведовала в институте лингафонным кабинетом. Там студенты в наушниках, слушали запись правильного произношения. В кабинете было много электронной техники, и даже стоял возжеленный для меня объемистый пузырек со спиртом, якобы для протирки электрических контактов. Мы обычно заходили в этот кабинет после лыжных прогулок, переодевались, снимали лыжи и шли сдавать их на кафедру физкультуры, где брали их напрокат.

И вот в конце февраля наступило солнечное и радостное воскресенье, когда мы, почему-то оба в приподнятом настроении, в очередной раз пошли на лыжную прогулку. Мы чаще обычного падали на спину, целовались, делали вид, что боремся, катаясь по снегу. Неожиданно быстро закончив прогулку, Тамара, как обычно впереди меня на лыжне, спешно направилась к институту. Я — за ней. Там мы быстро прошли к кабинету, сняли лыжи, и я уже было, прихватив обе пары, направился сдавать их.

Но Тамара опередила меня и, зайдя вперед, заперла дверь кабинета на ключ изнутри. Я в недоумении остановился. Тогда она достала пузырек со спиртом, две пробирки, наполнила их и одну протянула мне. Я, как загипнотизированный, взял ее. Тамара чокнулась со мной и, удивительно сексуально мне подмигнув, выпила спирт. Как зомби, я опрокинул свою пробирку и стал ждать дальнейшего развития событий. Тамара стала стягивать свой лыжный свитер, и я сделал то же самое. Потом, когда она сняла свои теплые лыжные шаровары, я понемногу стал догадываться обо всем.

Еще не веря в саму возможность происходящего, я суетливо заспешил и разделся даже раньше, чем нужно. Потом она аккуратно постелила нашу одежду на пол в закуток кабинета и легла на нее, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Быстро, чтобы не исчезла эта волшебная феерия, я повалился на свой «идеал», и часто целуя ее, без каких-либо прелюдий, стал спешно исполнять свои мужские обязанности.

— Не спеши! — целуя меня, уговаривала Тамара, — здесь мы в безопасности, не бойся!

Но я боялся не столько того, что кто-то войдет, а почему-то не верил в происходящее и спешил, чтобы вдруг все это внезапно не прекратилось. То, чего опасалась Тамара, все-таки произошло, и очень быстро. Тогда она сильно, почти по-мужски обняла меня за спину и серьезно сказала:

— Теперь не уйдешь, пока и мне не станет хорошо! Прощтрафилса, теперь отработывай! — и стала энергично мне помогать.

Скоро все пришло в норму, и «процесс пошел», только гораздо спокойнее. Нам «захорошело» практически одновременно.

У идеала все должно быть идеально. Скажите, видели ли вы когда-нибудь у кошки хоть одно некрасивое, неэстетичное движение или нелепую позу? Нет, у этого животного все получается красиво! Есть женщины, которые непроизвольно делают мученическое лицо, когда им «хорошеет», иногда дико закатывают глаза, громко кричат и тому подобное, не мне вам об этом говорить! Но столь идеального конца этого прекрасного процесса я больше не наблюдал. Полузакрытые глаза, рот в сладострастной улыбке, голова запрокинута и — легкие стоны, столь сексуальные и зовущие, что я чуть было не пошел на «третий круг». Но — строгие глаза, легкий шлепок по спине и с переходом на «вы»:

— Вы не перетрудитесь, майн лииб?

Я, чуть приподняв голову, стал сверху смотреть в глаза Тамаре. В них я увидел спокойствие, удовлетворенность текущим моментом, какую-то незыблемость, вечность, что ли, нашего бытия, всю историю человечества — от первого грехопадения в раю до нынешнего, в лингафонном кабинете.

Вдруг какое-то беспокойство подернуло ясные голубые глаза, и губы Тамары прошептали: «Ихь лиибе дихь, фергессе ду мир нихьт!» («Я люблю тебя, не забывай меня!»)

Боже, до чего ж красив немецкий язык! Никогда не думал, что я буду упиваться его верной и надежной красотой! «Ихь лиибе дихь!» — это твердо, надежно, навечно, это — до гроба! Это вам не «Ай лав ю!» — игривое, несерьезное, полухутовое, краткосрочное! Правда, когда эти слова произносила другая Тамара, Тамара-англичанка, тогда и они выглядели значительно! Я многократно «сканировал» лицо Тамары. Сверху вниз и слева направо, переходя взглядом по ее лбу, бровям, глазам, щекам и носу, губам, подбородку. Запоминал навсегда этот венец совершенства, чтобы тогда, когда вереница любимых образов замелькает передо мной в последний раз, я сумел бы разглядеть этот образ получше...

Вот уже треть века, как мы расстались, и она живет в Германии в городе Дрездене, выйдя замуж за немца. Мы с ней изредка, очень изредка переписываемся общими фразами. Но я ни разу не позвонил ей и не заехал повидать, хотя многократно проезжал Дрезден и знал ее адрес. И друг мой, с которым мы обычно по делам проезжаем Дрезден по дороге из Ганновера в Циттау, зная причину моего волнения, предлагал мне заехать экспромтом к ней в гости. Но я не мог — мне было бы страшно увидеть ее другой, услышать другой голос — ведь я знаю, что

делают годы с людьми! А я хотел сохранить ее образ хотя бы для «последнего мельканья» именно таким, каким я «отсканировал» его там — в закутке лингафонного кабинета, на фоне наших лыжных костюмов, постеленных на полу!

Мы вышли из дверей института и не знали куда идти. Расстаться и пойти каждый к себе домой мы не могли. Ко мне в комнату Тамара зайти отказалась. Она знала, что там бывали Наташа и Лиля, ей претило зайти туда и лечь на ту же постель. Поэтому она, была не была, повела меня к себе в общежитие. Мы взяли по дороге что выпить и чем закусить (помню банку огромных черных маслин!) и смело зашли в общежитие.

В комнате Тамары была соседка; она, сидя за единственным столом, готовилась к занятиям. Соседка преподавала физику, и звали ее Людой. Чувствовалось, что она слышала про меня, так как удивлена не была. Мы выпили вместе по рюмке, потом Люда засобиралась по делам. Тамара вышла ее провожать, и до меня донеслись слова Люды: «Два часа вам хватит?» Тамара заперла за ней дверь.

Тамара поставила на стол фасонную цветную свечу (я впервые такую видел), погасила свет и красиво сервировала стол, насколько это возможно в комнате общежития. Когда ритуал питья и закусывания был закончен (а это произошло довольно быстро), Тамара, отгородившись от меня дверцей шкафа, переоделась в воздушное кружевное белье. В нем она легла в постель. У меня кружевного белья не было, и я лег в чем мать родила. Она задула свечу, и мы снова оказались совсем рядом. Только в постели она позволила мне снять с себя белье (кажется, это был пеньюар, хотя я в этих предметах мало смыслю!) и перейти к прелюдии.

В отличие от кабинетной встречи прелюдия имела место, и место это было — что надо! Никогда раньше не занимался этими прелюдиями и полностью осознаю свою в этом ошибку!

Через два часа мы, уже одетые и спокойные, сидели за столом и вяло пили чай. Дверь не была заперта, но Люда все равно предупредительно постучала. Люда с виду была простоватой женщиной лет тридцати; она работала старшим преподавателем и готовила диссертацию, связанную с трением в вакууме. Мы разговорились, и я предложил ей поставить эксперимент по разделению различных видов потерь энергии при вращении тел. Это дало бы ей новый материал по диссертации, а я мог бы получить практический результат.

Люда заинтересовалась предложением и согласилась поработать со мной. Ну и, разумеется, мне было удобнее заходить к Тамаре в гости — Люда и для меня стала «своим» человеком.

Мы с Тамарой стали неразлучны и всюду ходили вместе. Про нас даже шутили в институте: «Мы с Тамарой ходим па-

рой». Ряд человеческих свойств Тамары я считал очень ценными, и это утвердило во мне былую приверженность тем же принципам. Она было до педантичности точна. Мы однажды назначили встречу на скамейке у гастронома в пять часов вечера. Я пришел даже заранее, но, как это в Тольятти часто случается, внезапно началась гроза. Я заскочил в гастроном и решил, что Тамара сделает так же. В магазине я ее не увидел, а когда минут через десять гроза прошла и я вышел на улицу, то к своему удивлению увидел Тамару всю промокшую на скамейке. Она с презрением посмотрела на меня и спросила:

— Где и на который час мы назначили встречу?

Как я ни оправдывался, какие ни приводил доводы, она все повторяла и повторяла свой вопрос, пока я не попросил прощения и не обещал: «Больше не повторится!» И я до сих пор остаюсь верен этому обещанию, правда, уже не с ней.

И еще один случай: как-то я обещал Тамаре выполнить некоторую работу и не успел закончить ее к сроку. Она мне выговорила, как мальчишке: «Не можешь выполнить — не обещай!» Я решил «отомстить» ей и как-то «подсунул» тоненький проспект фирмы на немецком языке. Попросил перевести за вечер, хотя бы вчерне. Там было страницы четыре с графиками, и Тамара обещала утром часам к одиннадцати принести перевод на кафедру. А проспект изобиловал такими терминами по магнетизму, что его и по-русски-то неспециалисту не понять.

Предвкушая победу, я прихожу точно к одиннадцати часам на кафедру к Тамаре и вижу ее за своим столом, утомленную и злую. Она брезгливо протянула мне проспект с вложенным туда переводом и сказала, что, так как она работала всю ночь и устала, наша сегодняшняя встреча отменяется. Еле уговорил ее не «казнить» меня столь жестоко! Я гордился этими чертами моей Тамары, но, по правде говоря, стал ее немного побаиваться. Чуть что не так — разнос неминуем!

С этой точностью, пунктуальностью, педантизмом и аристократизмом совершенно не вязалась другая черта ее характера, даже не знаю, имеет ли она определенное название. Вот идем мы по улице: например, встретив у общежития, я ее провожаю до института. И вдруг она останавливается и, вся зардевшись, говорит: «Я больше не могу! Придумай что-нибудь!» Я, уже понимая, о чем речь идет, предлагаю ей пойти обратно в общежитие, но она отказывается: «Люда дома, а мы ее вечером уже отправляли гулять!» Предлагаю зайти ко мне в комнату, но и это ее не устраивает — эта постель, видите ли, «видела» других женщин! Да я уже несколько раз менял белье, но это для нее не довод.

И мы бросаемся во дворы искать погреб с незапертым входом, и там, под капающим потолком, рискуя каждую секунду быть застигнутыми хозяином с ведром картошки, стоя, по-

быстрому, делаем свое дело. Но моменты были незабываемые — например, если капало сильно, то я накидывал Тамаре на голову свой пиджак!

А однажды, когда мы такого погреба не нашли, она просто потребовала, чтобы мы зашли в старый двухэтажный дом. Поднявшись на второй этаж, я должен был стучать в дверь, если откроют, спросить, живут ли здесь Петровы, и уйти. А если никого нет дома, то взломать дверь и заняться любовью. Я аж побледнел от страха, что придется сейчас выбивать чужую дверь, но, видя глаза Тамары, понимал, что все равно сейчас буду делать это. Спасла положение железная лестница на чердак и незапертый люк. Там оказалось даже лучше, чем в погребе — по крайней мере, с крыши не капало. «Если спросят, что мы делали на чердаке, говори — пожарная инспекция!» — шепнула мне перед выходом Тамара. Но никто ничего не спросил.

Просто удивительно, что такое сексуальное нетерпение я наблюдал только у Тамар — преподавательниц иностранных языков; другие Тамары ничем подобным не выделялись... Кстати, о пресловутом пророчестве. Мне так хотелось, чтобы эта моя нынешняя Тамара и стала моей судьбой, что я неосознанно начал искать другую Тамару, которая должна стать последней. Но таковой пока не отыскивалось.

Что это я все о Тамарах да о Тамарах... А как же Наташа Летунова, что она, так и не встретилась больше на жизненном пути Нурбея Гулиа? Да нет, встретилась, но в своем привычном ампула собутельника. Так, мельком, мы, конечно, виделись и в институте, и на улице. Кивали друг другу, здоровались, но не останавливались. А тут вдруг на улице подбегает ко мне сзади Наташа и прикрывает глаза ладонями.

— Тамара? — не сомневаясь ни на йоту, спрашиваю я.

— Тебе все Тамару подавай, а Наташа не подойдет? — без тени грусти или неудовольствия проговорила смеющаяся Наташа, уже подшофе. — Я тебе все прощаю, — великодушно сообщила она, — ты променял меня на достойную кандидатуру — первую красавицу в нашем городе, и мне не стыдно за твой выбор. Я вынуждена отступить перед более сильной соперницей! — напыщенно завершила речь Наташа. А потом запросто добавила:

— Зайдем ко мне, выпьем на дорогу, я улетаю до осени в Казань, устроила себе туда «повышение квалификации». Если не веришь — вот билет!

Я внимательно осмотрел билет на самолет до Казани, вылет из Курумоча в 19.30. До Курумоча часа полтора, очереди и прочее — еще час, то есть в пять часов вечера уже надо выходить из дома. А сейчас — три; ну, думаю, можно зайти по старой памяти, тем более до дома недалеко.

Взяли чего надо, поднялись. В квартире изменения минимальные, даже матрасы и те лежат на полу.

— Ну, Нурбей, держись, помни, что ты любишь самую красивую девушку города, не опозорься, — убеждаю я сам себя, — может, Наташа затеяла провокацию!

Но провокацией тут и не пахло, а пахло тривиальной пьянкой. Выпили бутылку, закуски почти нет, Наташа только рукой махнула. Я же гордо показал ей свою справку, которую хранил в паспорте. Она потянулась за второй бутылкой, я пытался отобрать, но Наташа послала меня подальше и выпила еще. Я же ко второй бутылке не прикасался. Время — половина пятого. Наташа положила голову на стол; я приподнимаю ее, мну уши (так поступают обычно для отрезвления), обдуваю газетой.

— Сейчас, Нури, только дай на дорогу в туалет зайти! — взмолилась она.

Я и дал. Проходит четверть часа, она не выходит. Стучу, зову — нет реакции. Ну, думаю, криминалом пахнет! Ногой вышибаю дверь — моя «бывшая» сидит на унитазе со спущенными трусами и... спит! Да, да — с храпом! Трясу за плечи, приподнимаю, а она только шепотом послала меня на три буквы, — и больше никакой реакции.

Что ж, я и оставил ее на месте. Написал «объяснительную записку», оставил на столе и вышел, захлопнув за собой дверь. Конечно же, она на самолет опоздала. Но вылетела на следующий день. Подумаешь, всего делов-то!

А моя Тамара бросила меня все равно, этим же летом. Потому что не могла не бросить. Но могла ли она представить себе, как ей повезло в жизни, что она это сделала, — не знаю, скорее всего, нет.

А случилось вот что. Выделили мне квартиру — трехкомнатную в новом девятиэтажном доме, как раз рядом с гостиницей «Волга» (или «Волна»), где так много иностранцев. Четвертый этаж, вид с лоджии на сосновый бор. Пройдешь по бору около километра — пляж, берег Жигулевского «морья». Летом в плавках можно из дома выйти, так мы потом и делали. А зимой — прямо на лыжах — и в бор, на лыжные тропы, где гуляли когда-то мы с Тамарой...

Так вот, нужно было срочно давать ответ — беру я квартиру или нет. А Лиля велела мне самому ничего не брать, потому что надуют, и требовала вызвать ее. Ну, думаю, приедет, даст согласие и уедет. А нам с Тамарой будет в новой квартире раздолье.

Я дал телеграмму в Тбилиси, и через день Лиля была уже в Тольятти. Квартира ей понравилась, и я согласился ее взять, но Лиля затеяла в ней ремонт. Обои, видите ли, не те, сантехника плохая, окна в щелях! Наташа, не раздумывая, въехала в но-

вую квартиру, хотя там и обои с сантехникой были похуже, да и щели пошире...

Одним словом, мы не могли больше встречаться с Тамарой. Мне легче, я-то мог, к примеру, запить, а Тамара не могла себе этого позволить. Почти месяц она ходила в больших темных очках. Люда укоризненно говорила мне, что она плачет по ночам, глаза все красные — вот и носит очки.

— Люда, — спрашивал я соседку Тамары, — ты умная, ты всю нашу с Тамарой историю знаешь. Скажи, что мне делать, как поступить? Мне ничего путного в голову не приходит!

Люда только опускала глаза и тихо отвечала: «Не знаю».

Оставив Лилю разбираться с ремонтом, я уехал на месяц в отпуск в Москву к Тане. А официально — консультироваться по докторской диссертации. Справедливости ради надо сказать, что и это последнее тоже имело место.

Целый месяц снова в Москве с Таней — это подарок жизни! Мы ходили на водохранилище купаться, гуляли по ВДНХ и Ботаническому саду, развлекались тем, что бросали кусочки «сухого льда», взятого у мороженщицы, в бутылку с портвейном и получали «крепкое шампанское».

Когда же я вспоминал Тамару и ее образ, тот самый, который я так тщательно запоминал для «последнего мельканья», этот образ, хоть и несколько преждевременно, но являлся мне. Я гнал его и, чем мог, пытался заслонить его: наукой, вином, любовью с Таней. Ну, испорчу я себе настроение, а толку-то? Приеду в Тольятти, разберемся!

Но разобрались и без меня. Тамара как-то вклинилась в состав туристической группы в ГДР, может, даже переводчицей, и в Дрездене нашла себе... мужа. Сперва не мужа, конечно, а «друга», но очень скоро они зарегистрировали свой брак, и Тамара уехала в Дрезден. Повезло немчуре, такую красавицу отхватил! Да что красавицу — это только малая толика ее достоинств! Тамара оставила мне свой немецкий адрес и телефон, сказав, что мужа зовут Фриц. Не знаю, помнит ли кто-нибудь сейчас, но во время войны и долго еще после нее немцев уничтожительно называли «фрицами». Как армян сейчас — «хачиками».

— За фрица пошла, за фрица пошла, — задразнил ее я.

На что она взглянула на меня чужими ледяными глазами и змеиным шепотом прошипела:

— Ты думаешь, у тебя имя благозвучнее? — и добавила: — если будешь писать, не упоминай о глупостях, а если будешь звонить, не пей перед этим!

Что ж, я не позвонил ей ни разу, а если и писал, то без глупостей. Будучи в Дрездене, я как-то зашел в кафе, но не выпить, а, пардон, совсем наоборот. И вижу, что туалетного кассира нет,

а деньги все бросают в пластмассовую миску. Народу было мало, дай, думаю, ссыплю денежки себе в карман, Германия не обеднеет! Пристыдил себя за свои «совдеповские» мысли, но решил, по крайней мере, не платить — все равно никто не видит.

Вышел из туалета гоголем, подошел к выходу из кафе — а дверь не открывается! Дергаю за ручку, чуть не отрывая ее — тот же результат. «Неужели у них, если за туалет не заплатил, дверь из кафе не выпустит?» — холодея, подумал я. Быстро вернулся, дрожащими руками бросил аж пол-евро в миску и — обратно. Вижу — в кафе кто-то заходит. Я — бегом к двери, подхватываю, чтобы не захлопнулась, и выхожу. Потом мне объяснили, что ручку надо было не на себя дергать, а чуть сдвинуть — дверь и раздвинется сама автоматически.

А я уже представил себе ироническое лицо Тамары — дескать, не будешь больше хулиганить у нас в Дрездене, чай не у Пронькиных! Так-то, майн лииб!

ТАМАРА ТРЕТЬЯ — НАША, СЕМЕЙНАЯ

В середине августа я вернулся в Тольятти. Квартира была уже вполне обитаема, но Лилю надо было куда-то пристраивать на работу. К тому же с сентября нужно было начинать работы по хозяйственному договору, который я заключил с автобусостроителями Львова, а Лиля была конструктором с опытом. Опыт, правда, был отрицательный — кавказский, но все же опыт. Лиля быстро смоталась туда-сюда, уволилась в Тбилиси, привезла трудовую книжку. А устроившись на работу, сразу же подружилась на своей кафедре с ассистентом Тамарой — «молодым специалистом» из Кемерово. Той было лет двадцать пять, Лилиного роста и комплекции (рост 160 см, а вес 55 кг), тоже была крашеная блондинка и также носила очки. Разница была разве только в цвете глаз: у Лили — светло-карие, а у Тамары — серые. Фамилия Тамары-подруги была странной — Заец (да, да, не Заяц, а именно Заец!), да и отчество не лучше — Евграфовна. Сибирь, что поделаешь! Тамара была не замужем и жила в общежитии, кстати, том же, где когда-то жила и моя Тамара. Так что про меня она знала, пожалуй, все и, конечно же, рассказала Лиле. Выпить и поболтать Тамара была не прочь, так что сперва она засиживалась у нас допоздна, а потом стала оставаться и на ночь.

Мебели у нас было мало. Спальня и мой кабинет выходили в большой холл, где мы выпивали и смотрели телевизор. Кровать мы купили огромной ширины, почти во всю комнату, а для Тамары поставили в холле раскладушку.

Сперва я хотел приспособить Тамару для конструкторской работы, но она оказалась бестолковой. Учила студентов решать задачки по сопромату, и то «безо всякого удовольствия». Но поболтать, посплетничать, пойти погулять втроем — «всегда пожалуйста». Казалось, мужики ее вообще не интересовали, а вполне устраивала дружба с Лилей.

— От этой пьяни только дурную болезнь подхватишь, — так отзывалась она о тольяттинских донжуанах, — а еще и сопрут, что плохо лежит!

Я вначале пытался избавиться от Тамары, она меня раздражала постоянной болтовней и сплетнями, но потом привык к ней и даже скучал, если почему-то ее вечером не было. Найти себе подружку на стороне при жене было практически невозможно — в Тольятти все знали друг друга, да и я был еще под впечатлением от моей уехавшей к «фрицам» красавицы-Тамары. Вот, думал я, незадача! Что стоило этой Тамаре Заец появиться чуть раньше и без Лили. Стала бы она последней моей Тамарой и понесла бы венец над головой предпоследней красавицы. Но, видать, не судьба!

Раз в месяц я обязательно ездил в Москву на два-три рабочих дня с захватом субботы и воскресенья. Научная тема своя у меня была, деньги на командировки тоже, и моя наука шла высокими темпами. А останавливался я у Тани; таким образом, любовь у нас вновь стала регулярной, да и деньги появились, что немаловажно.

Каждый квартал нужно было ездить подписывать процентовку во Львов, а мне этого страшно не хотелось. Поездом долго, а самолетом быстро, но страшно. Вот и решил я послать туда Лилю как моего зама. Сам я в это время уехать в Москву не мог, так как остановилась бы работа в нашем маленьком КБ.

Вечером накануне Лиленного отъезда мы по этому случаю выпили. Лиля и говорит Тамаре:

— Ты, пожалуйста, не оставляй его одного здесь — это такой кобель, что тут же кого-нибудь приведет или сам куда-нибудь завалится! Чтобы все вечера и ночи был дома, а ты потом мне все расскажешь!

Я попытался огрызнуться, но обе очкастые накиннулись на меня, как очковые кобры, и я решил не связываться. А потом подумал, что хоть по вечерам будет с кем выпить и поговорить. Как я уже говорил, заводить любовницу в Тольятти я не хотел, но «закадрить» Тамару мне и в голову не приходило. Я ее рассматривал как преданную подругу и шпионку Лили. Да и похожа она была на жену так, что я ее считал вроде дубликата Лили. Утром часов в семь Лиля собралась в поездку. Мы с Тамарой проверили ее билеты, финансовые документы, паспорт, и Лиля уехала, правда, пока на лифте.

Я тут же зашел в туалет, потом в душ, а Тамара осталась «мотаться» в холле. Выйдя из ванной, я зашел к себе в спальню и, так как было воскресенье, надеялся поспать еще часок-другой. Нырнув под одеяло, я с ужасом понял, что в кровати не один. Первой мыслью было, что Лиля, решив меня почему-то разыграть, вернулась, а пока я мылся, легла в койку. Я приоткрыл одеяло и, к своему удивлению, увидел, что это была Тамара. Полностью раздетая, она лежала на боку и со страхом смотрела на меня.

— Ты что здесь делаешь? — с перепугу спросил я.

— Лежу, а ты что думал? — тихо ответила она.

До меня все очень медленно доходит. «Может, она хочет спровоцировать меня на приставание, а потом доложит Лиле? — была первая мысль. — Но я могу сказать Лиле, что я просто перепутал ее с ней — вот и...» — эта вторая глупая мысль оборвалась на полпути, и я решил больше не думать. Раз баба в койке, надо действовать, а не думать. И я приступил к действиям без всяких прелюдий.

Тамара в постели вела себя вяло, просто подчиняясь мне, никак не выражая своих чувств, своего отношения к происходящему, что ли. Мы попробовали и так и этак, вроде бы все ей знакомо, но эмоций никаких. Я тоже решил особенно не расслабляться и сдержал судорожные звуки, которые обычно сопровождали у меня окончание тайма, гейма или, может, правильнее, раунда. Я откинулся, сдавленно дыша. Тамара лежала неподвижно, с интересом глядя на меня.

— Тебе понравилось? — вдруг неожиданно спросила она.

У нее был такой виноватый и жалобный взгляд, что я придвинулся поближе и поцеловал ее.

— Могу повторить, если хочешь, — предложил я.

Она тихо кивнула. Желание дамы — для меня закон! Мне показалось, что Тамара немного освоилась, и даже украдкой стала помогать мне. Полежав и отдохнув после второго раунда, я решил спросить ее:

— Тамара, честно, к чему ты все это придумала?

Ничего не ответив, Тамара повернулась к стенке, и через некоторое время я понял, что она тихо плачет...

— Тома, Томуля, Томуленька, — неожиданно выпалил я целую вереницу нежных имен, — я не хотел тебя обидеть, но, согласись, твое поведение очень необычно. Ты ругаешь всех мужиков и обещаешь Лиле следить, чтобы я не изменял ей. А сама ложишься со мной в койку, причем я чувствую, что без всякого удовольствия. Я хочу понять, что тобой руководит в твоем поступке!

Тамара снова повернулась ко мне, и вот что она поведала о своей жизни.

— В Кемерово меня, 18-летнюю студентку, грубо изнасиловал мамин сожитель, бывший зек, мерзкий мужичонка лет пятидесяти. Пригрозил, что убьет, если проболтаюсь маме. Пришлось мне перейти жить в общежитие. В институте на первом курсе стала встречаться с парнем, тоже студентом. Он требовал близости, а я не могла — эта близость была противна мне до тошноты. Наконец, уступила, еле сдерживаясь от позывов рвоты. Конечно же, такая девушка его не устроила, и он бросил меня сразу. Бросил, чтобы через несколько дней снова найти меня и грубо, с матом, обозвав сукой, заявить, что подхватил от меня «дурную» болезнь. Он сказал, что в вендиспансере знают мои координаты и, если я сама не явлюсь, меня будут искать чуть ли не с собаками.

— Больше месяца я ходила в вендиспансер, делала уколы. Ты не представляешь себе, какое это унижение! («Уж конечно, не представляю!» — подумал я). После курса лечения — так называемая провокация, тебя вроде снова заражают, я так это поняла. Начинает трясти всю, температура, тошнота! У меня совсем отбило охоту к мужикам. А на четвертом курсе не удержалась — на производственной практике познакомилась с молодым инженером и около месяца встречалась с ним. Он мне понравился и внешне, и как человек. Но неизбежность полового акта приводила меня в смятение. Наконец на одной из встреч я сильно выпила, и он взял меня почти в отключке. Так повторилось несколько раз, после чего он меня тоже бросил, кому же нужна такая? Бросил беременной, я тогда не умела предохраняться, да и как в пьяном виде это правильно сделать? Сделала аборт, ты — мужчина, не представляешь, какая это травма — и физическая, и моральная! После этого я вашего брата на дух не принимаю, и Лилия это знает, я ей все рассказала...

— Послушай, а как же я? — последовал мой недоуменный вопрос.

— Я к тебе привыкла, ты для меня уже стал своим. Я не боялась, что ты изнасилуешь меня и даже просто будешь приставать. Я поняла, что если не приучусь к половому акту с тобой, другого случая может и не представиться. Какой мужик будет жить месяцами со мной в одной квартире, чтобы я успела привыкнуть к нему? И я заметила, что мне с тобой было нормально, а второй раз — даже хорошо. Конечно, я боялась, что такая холодная женщина может тебе не подойти, и поэтому спросила, понравилось ли тебе. Я очень люблю Лилию, — поспешно добавила она, — и на тебя совершенно не претендую. Но ведь ей не повредит, если в ее отсутствие я немного, — она замялась, — потренируюсь с тобой?

— Ладно, — согласился я, — тренируйся на здоровье, но как будем поступать, чтобы не «залететь»?

И я тут вспомнил, что Лиля делала один или два аборта, пока мы не стали использовать разные контрацептивы — контрацептин, никосептин, а если уж «залетали» — микрофоллин форте, синестрол... С Таней была та же история. Как не забеременели остальные — ума не приложу! Тогда же ни спиралей, ни гормональных препаратов у нас и в помине не было.

— Сейчас период неопасный, у меня только кончились месячные, — скромно призналась Тамара. — А там — почитаю чего надо, да и ты подскажешь... Ты простишь меня, что я тебя совратила?

— Я-то прощу, а вот Лиле будем признаваться, или как? — вопросом на вопрос ответил я.

— Давай «или как», — подумав, решила Тамара, — если она поссорится со мной, да и с тобой я не смогу встречаться, то повешусь! Мне же от тебя ничего не нужно...

— Кроме тренерской работы! — подначил я ее.

Тамара засмеялась и стала в шутку «нападать» на меня, даже сумела «оседлать» лежащего. «Это что-то новое, надо потренировать ее и так», — решил я, и мы претворили это решение в жизнь.

Тамара все больше раскрепощалась и каждый раз вела себя все активнее. Воскресенье мы провели в непрерывных тренировках и так притомились, что ночь проспали как брат с сестрой. Несколько дней командировки Лили были для нас «медовыми». Во вторник пришла телеграмма из Львова: «Процентовку подписала буду среду вечером целую Лилия».

— Ты посмотри, — заметил я Тамаре, — ведь не является внезапно, чтобы проверить, и даже предупреждает! Хотя о чем тут предупреждать, когда сама велела тебе оставаться со мной!

В среду мы встретили Лилю накрытым столом. Она прежде расцеловалась с Тамарой, а потом уже со мной. Тамара доложила, что эксцессов не было, только пил побольше. Я огрызнулся на нее и назвал Бенкендорфом, имея в виду, наверное, что я — Пушкин.

Так и жили мы полтора года с лишним до середины 1970 года. Это, пожалуй, был самый спокойный в личной жизни и продуктивный в науке период. Я часто ездил в Москву, встречался с Таней и «делал науку», мирно жил с женой и активно вел студенческую научную работу в Тольятти, а в свободное от других занятий время «тренировал» Тамару.

Тренировки происходили, в основном, дома в отсутствие Лили. Жена уходила с утра в КБ, потом шла на занятия, которые часто бывали и вечерами. Мы с Тамарой обязаны были присутствовать только на занятиях, и то редко, а в КБ я только забегал, проверяя работу Лили с Ирой — другим инженером. Так что времени на «тренировки» хватало.

Изголовье нашей огромной кровати было у окна, выходящего на прямую асфальтовую дорожку к крыльцу дома. Так что мы могли видеть любого приближающегося к нашему крыльцу. Я в нужные моменты подвешивал зеркало на окно, и мы оба, попеременно или вместе, поглядывали на дорожку к дому. Это, конечно, было не очень комфортно, но пикантности прибавляло. Правда, это зеркало нам так и не понадобилось — Лиля ни разу не вовремя домой не пришла.

К весне 1970 года Тамара была уже нормальной женщиной. Конечно, страсти Тамар-«иностранок» или Тани у нее так и не появилось, но реакция на близость с мужчиной была вполне адекватной. Как рассказывали злые языки про Екатерину Вторую, она в слове из трех букв — «еще» допускала четыре ошибки, выписывая его как «ишчо». Тамара это слово не писала, а вот произносила его довольно часто, и именно «ишчо», подражая, видимо, императрице.

Нашу веселую тольяттинскую квартиру я всегда вспоминаю с удовольствием — в ней было много солнца, любви и согласия! Но обстоятельства сложились так, что я понял — мне надо наострять из Тольятти лыжи, перспектив у меня здесь — никаких.

МОЙ ДРУГ РОМАН

В осеннем семестре вместе с Лилей в наш институт пришли люди, с которыми судьба сблизила меня, как минимум, лет на десять. Первый из них — это Роман Федорович Горин, 1935 года рождения, защитил кандидатскую в Московском горном институте, работал в Норильске на знаменитом комбинате имени Завенягина, откуда и приехал в Тольятти. Он поступил на кафедру теоретической механики; член партии, женат. Жена Тоня — дама весьма крепкая и полная, убежденная коммунистка. Две маленькие дочки.

Роман Федорович любил рассказывать о своей норильской жизни. Здесь были истории о потопах в шахте, о страшных трагедиях, разыгрывавшихся в непростых условиях Заполярного Севера. Но мне почему-то запомнился рассказ об одном партийно-производственном совещании на комбинате, о котором Роман рассказывал часто, с удовольствием и с немалой долей артистизма:

«Идет совещание, каждый начальник высказывается о своих наболевших проблемах. И вдруг, распаленный речами своих коллег, к микрофону выходит субтильный старичок с козлиной бородкой, похожий на «дедушку Калинина», — начальник га-

зомерной службы комбината имени Завенягина и сразу “берет быка за рога”.

— У нас, товарищи, наших газомерщиц часто используют не по своему прямому назначению (часто этих девушек-газомерщиц заставляли прибираться в помещениях и выполнять другую непрофильную работу). А надо, товарищи, чтобы наших газомерщиц мы использовали только по своему прямому назначению!

Товарищи гоготали в зале, свистели и аплодировали. А старичок-газомерщик никак не мог взять в толк, почему люди хотят».

Тогда же на нашу кафедру поступила ассистент Галя Кирпичникова, 1940 года рождения, приехавшая из Новокузнецка. Не замужем, но ребенка имела; девочка осталась с бабушкой в Новокузнецке.

На ту же кафедру приехала работать ассистентом по распределению из Курска 23-летняя выпускница Курского политехнического института Лида Войтенко со своим мужем Сашей, который устроился работать на стройку ВАЗа. У них был маленький ребенок — сын Дима.

Роман Горин был не дурак выпить, и мы с ним быстро сблизились. Квартиру Горинным дали моментально, они и приехали-то, собственно, прямо в новую квартиру. С Тоней у меня сразу установились напряженные отношения — она считала, что я спаиваю Романа, хотя дело обстояло как раз наоборот. Да и у самого Романа были с женой неадекватные отношения — то был заботлив и предупредителен, а то надолго исчезал из дома. Галя опытным чутьем определила потенциального кандидата на развод с последующим новым браком и «положила глаз» на Романа. Тому Галя тоже понравилась.

Таким образом, у нас с Лилей и Тамарой появились новые друзья — Роман с Галей, которые быстро стали любовниками, а также Лида с Сашей. В нашей квартире поставили телефон, облегчивший жизнь, особенно мне с Тамарой. Теперь Лиля каждый раз, выходя из института, звонила домой, и мы с Тамарой делали так же. Лиля посчитала, что Тамаре спать на раскладушке неудобно, и «перевела» ее на нашу необъятную койку, выделив ей место с краю. Я спал у стены. Лиля — посередине. Так что, если мне надо было в туалет или куда еще, то мне приходилось перелезть через Лилю и Тамару. Но я это терпел.

Главной причиной перехода Тамары на нашу постель явился телевизор. Мы его поставили в ногах кровати, и вначале Тамара просто приходила посмотреть его вечером. При этом она ложилась на свое впоследствии ставшее «законным» место. Так как мы часто выпивали в постели, то Тамара столь же часто за-

сыпала с нами, а потом ночью или под утро, выключив мелькающий и свистящий телевизор, отправлялась к себе на раскладушку. Теперь же все равно телевизор выключала она, на правах крайней, и возвращалась в нашу общую койку.

Если нам с Лилей после телепередачи приходило что-нибудь этакое в голову, Лиля отправляла Тамару помыться в ванную, а потом вызывала ее обратно. Часто Тамара на приглашение помыться отвечала, что спит, ничего не видит, ничего не слышит, и для верности затыкала уши ватой. Что ж, так было даже пикантнее, и Лиля перестала отсылать Тамару. Зато, когда Лиля утром уходила на работу, Тамаре уже не надо было перебираться из холла в спальню, а лишь передвинуться к середине постели. Также сдвигался и я.

Подошел Новый 1969 год. Мы с Лилей и Тамарой решили справить его втроем. Но к нам «напросились» Роман и Галя тоже.

— Надо усыпить бдительность Тони, — предложил Роман, — давай возьмем выпивки побольше, зайдем ко мне, напоим Тоню, а сами по-быстрому улизнем.

Я сдуру согласился. Мы взяли водки, пива, портвейна и шампанского. Роман жил от меня километрах в двух. Между нами был большой парк. Мы сели на транспорт и часам к восьми вечера зашли в квартиру к Роману.

Тоне не понравилось, что я пришел, но она была довольна, что Роман собирается, как он сказал, встречать Новый год в семье. Дочки крутились вокруг папы. Роман открыл водку и предложил выпить за старый год. Запили пивом. Еще раз — за старый год, и снова запили пивом.

Глупая Тоня пила все, что наливал Роман, да и не более умный я делал то же самое. Тогда я не знал, что начинать надо с самого слабого напитка и пить, только повышая его крепость. После водки пиво или шампанское — это хана! Но он-то действовал по плану, а я сдуру пил все, что наливали. Сам Роман недопивал водку, нажимая в основном на пиво.

Выпили водку, перешли на портвейн и шампанское. Роман предложил сделать купаж, смешав эти напитки. Получилось вкусно и мы пили «от души». Я заметил, что Роман вместо купажа снова пьет пиво. И вот первый результат — Тоня с грохотом свалилась. Мы радостно подхватили ее за руки-ноги и уложили в постель, а сами стали пить дальше. Дети пиццали, и Роман шуганул их в детскую.

Наконец Роман предложил выпить «на посошок», и тут... я забылся.

Мое пробуждение было одним из самых кошмарных в моей жизни. Полутемная и незнакомая комната, я лежу на спине одетый, в носках, без ботинок. Слева — стена, справа какая-то ды-

шащая гора, которая при ближайшем рассмотрении оказалась Тоней. Голова у меня и так шла кругом, а тут меня затошнило. Взглянув на часы, я понял, что встретил Новый год в постели с Тоней. В ужасе я стал осторожно перелезать через огромную тушу, и в это время она пришла в себя.

— Что ты на мне делаешь? — хрипло спросила она, схватив меня за бока. Дети стояли рядом и молча смотрели на происходящее. — Где Роман? — прохрипела Тоня, но я с кислой улыбкой сообщил, что не имею представления, поскольку проспал Новый год вместе с ней в койке. Тоня встала, сняла с вешалки мое пальто, шапку, подхватила ботинки и выбросила все за дверь. Я вышел на площадку, оделся, но проклятые ботинки без рожка надеть так и не смог. Я примял им задники и, как в шлепанцах, вышел на улицу.

Было около часа ночи и больше тридцати мороза с ветром. Ни транспорта, ни живой души. Деваться было некуда, и я, собрав волю в кулак, побрел домой. До парка я кое-как добрел, а там передо мной стала дилемма — идти вокруг или «напрямки». И я пошел напрямки.

Ноги вязли в глубоком снегу, ботинки-шлепанцы то и дело соскакивали с ног. Дул ветерок, заметая следы. Я подумал, что если остановлюсь или упаду, то обнаружат меня только поздней весной, когда растает снег. Таких «подснежников» в Тольятти, особенно в парках и на пустырях, находили весной десятками.

Волю — в кулак, и — только вперед! Как я преодолел эти сугробы в парке — сейчас для меня загадка. Показалась гостиница «Волга», а там и наши белые дома. Из последних сил я добрел до своего подъезда, еще не веря, что остался жив. Ноги промерзли до костей, пальцы на руках не сгибались. Я вызвал лифт и понял, что меня сейчас вырвет. Щеки у меня раздулись, но я уже звоню в дверь. Дверь открывает заплаканная Лиля, и меня тут же вырывает на порог двери.

Но я улыбаюсь — я дома, значит, спасен! Снова я среди своих, ужасная Тоня позади, позади тяжелый путь в шлепанцах, смертельные сугробы в парке и ветер, заметающий все следы! Ко мне подошла Тамара, повела в ванную. Роман и Галя пристыженно сидели в углу комнаты.

— Ну и гад же ты, Роман! — только и сказал я ему, а Галя стала бить его кулаком по лысой голове.

Потом с моей подачи выпили за самый главный Новый год — по Гринвичу, и все немного развеселились. Роман обещал мне «контрибуцию» — две бутылки шампанского.

Первого января мы отсыпались у нас, кто где. Но Роман вспомнил, что у Тони-то день рабочий, а значит, младшая дочка — в детском саду. И чтобы выглядеть приличным человеком,

он решил забрать ее из сада сам. Мы выпили на дорогу и пошли в детский сад вместе, благо он был совсем рядом.

Зашли внутрь, Роману вывели его дочь. Но девочка, увидев меня, в бешенстве набросилась и стала колотить кулаками по ребрам и животу.

— Ты зачем вчера с моей мамой спал? — визгливо кричал ребенок, — она после этого заболела!

Воспитательница и пришедшие за детьми родители неприязненно косились на нас.

— Вы зачем с их мамой спали? — делая дьявольские ужимки, спрашивал меня Роман, еле удерживаясь от смеха, — она же после этого заболела! — Он подхватил кричащую девочку на руки, и мы вышли из детского сада.

Жизнь пошла своим чередом. Утром — Тамара, днем — чертежи, вечером — занятия, к ночи — ужин втроем, а потом — жена и сон в приятном коллективе. Раз в месяц — моя поездка в Москву, раз в квартал — поездка Лили во Львов за деньгами; в год — публикация около десяти — пятнадцати моих статей и изобретений.

Тем не менее жизнь у нас в Тольятти шла по накатанным рельсам. Прибавилось лишь то, что Роман и Галя периодически ночевали у нас, и им стелили постель у меня в кабинете на полу. Галя жила в комнате женского общежития, и часто появляться там на ночь Роману было нельзя. Это было не очень удобно для нас с Тamarой, так как ей приходилось снова переходить в холл на свою раскладушку. И утром в эти дни она старалась уйти из дома пораньше. О нашей с ней связи никто не знал, ну а подозревать каждый мог что угодно, «в силу своей испорченности».

И вот в одно такое утро, когда я еще лежал в постели, а Роман с Галей — на полу у меня в кабинете, я по старой привычке взглянул в окно и увидел медленно идущую к нашему крыльцу... Тоню. Страх мой перед этой грузной коммунисткой с хриплым голосом, выгнавшей меня на мороз в Новый год, был неописуемым. Я с истерическим криком вскочил с постели и, прикрывая подушкой низ живота, вбежал в кабинет. Мне почудилось, что Тоня может беспрепятственно войти в квартиру и лечь в мою постель, оттеснив меня к стене непреодолимой горой своего тела.

Трусливый Роман заметался, Галя тоже вскочила с постели, прикрываясь, как и я, только в двух местах. Роман был не только труслив, но и хитер — жизнь научила!

— Галя, срочно к Нурбею в постель! Легенда: ты любовница Нурбея, а я стерегу вас от Лили! — скомандовал он, и мы в панике подчинились.

Я быстро лег на свое место у стенки, Галя — с краю. Белье и одежду Гали Роман забросил в спальню и приделал кое-как.

В ожидании звонка в дверь Роман стоял возле спальни и внимательно смотрел на нас.

— Чего зенки-то таращишь? — по-дружески спросил я Романа, — а то встану сейчас! Я — женатый человек, ты на свою мерку всех не меряй! — выговорил я своему другу.

И тут раздались звонки в дверь — частые, продолжительные. Я заметался в койке, Галю затрясло, как в лихорадке. Каждый из нас, видимо, вспомнил похожие случаи из своей «прошлой жизни». Роман грозно спросил: «Кто там?» и открыл дверь.

В дверь вошли тяжелой поступью гоголевского Вия. Послышались росомашье ворчание Тони и укоризненный мат Романа.

— Она здесь, она здесь! — раздавался голос Тони, — я хочу на нее взглянуть!

Тут наша дверь распахнулась, и в спальню решительно вошла Тоня. За ней трусливо семенил Роман, и я заметил на его глазах слезы, которые он размазывал кулаком по лицу. «Это что-то новое!» — успел подумать я и привстал с постели, обнажив волосатую грудь.

— Е-мое, так же и склечиться недолго! Это что, комиссия из парткома? — возмутился я.

— Как вам не стыдно! — истерически завизжала в свою очередь Галя, — какое вы имеете право врывать в нашу личную жизнь! — вопила она, и очень естественно.

«Вот сучки эти бабы, — подумал я, — все до одной артистки погорелого театра!» — и грозно прорычал: — Роман, убери свою партийную тетку и убери сам, иначе мы продолжим при вас, а это уже будет разврат, о чем я и доложу нашему другу — парторгу Володе. Подглядывать (называется «вуайеризм») у нас в стране считается страшным развратом и карается по статье! — нагло соврал я, и толстую Тоню как ветром сдуло. За ней засеменял «плачущий большевик» Роман, плотно закрыв за собой дверь.

— Что, может, воспользуемся положением? — в шутку спросил я вздрюченную Галю, но она только выпростала из-под одеяла руку с когтистыми пальцами, уже согнутыми в боевое положение.

— Шучу, шучу, — успокоил я ее, — на хрена ты мне нужна, особенно сейчас, когда меня и Бриджит Бардо не совратит!

Мы, деланно отворачиваясь друг от друга, оделись и вышли в холл. Роман и Тоня сидели за столом приобнявшись, и Тоня вытирала платком своему беспутному мужу слезы. Галю забила истерика, и она шмыгнула в кабинет. Тоня извинилась передо мной за новогодний поступок, да и за сегодняшний визит.

— Я-то, дура, решила, что Роман с Галей спит, а он, оказывается, ваш покой охранял! — и заплакала, совсем как Роман.

Я оценивающе взглянул на нее и подумал, что по соотношению ума к собственному весу она выше динозавров не поднялась.

— И кого только в партию принимают! — вздохнул я.

Я выпроводил парочку плачущих «партейцев», запер дверь, а Галя стала готовить завтрак. За чаем она не удержалась и все-таки спросила:

— И как вы это с Тamarой втроем живете, Лиля-то не ревнует?

— Дура ты, Галя, хотя и сопромат преподаешь! — укоризненно устыдил я свою фиктивную любовницу, — ты с Тamarой уже год на одной кафедре работаешь и до сих пор не поняла, что для нее мужиков не существует?

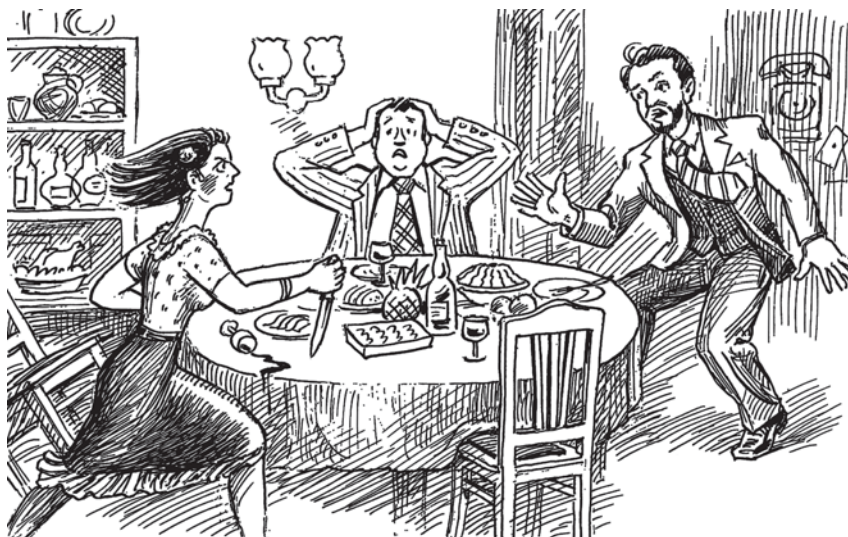
И еще что-то проникновенное добавил в этом же роде.

А пока Галя, опустив взор в чашку чая, тихо извинялась, я с досадой сожалел о потерянном для нас с Тamarой утре...

В Москве у меня появился друг и коллега по науке — Моня Балжи из Института машиноведения (ИМАШ). Я частенько бывал в этом институте и консультировался у профессора Бессонова, заведующего лабораторией в отделе академика Артоболевского. Моня был его аспирантом, и Бессонов предложил ему тему моего научного направления. Моня проявил, буквально, гениальность в разрешении труднейших научных задач, и вскоре диссертация его была готова. В общении по делам научным мы с Мoneй — моим ровесником — скоро стали друзьями. По национальности Моня был караим, или карайлар, — это иудеи, признающие только Ветхий Завет. Евреи их не считают своими, да и те их, в свою очередь, тоже.

Бывая в Москве, я останавливался у Тани, хотя Моня всегда приглашал меня к себе.

Наши отношения с Таней стали спокойными и уравновешенными. Я чувствовал, что у Тани мужчины есть, но она, видимо, считала меня основным, гражданским мужем, что ли, давая «отбой» остальным на время моего приезда. Она вроде не тяготилась моим присутствием, но такого восторга от встреч, как раньше, не испытывала. Да что и говорить, мои чувства к ней тоже слегка остыли, просто было удобнее жить у Тани, чем скитаться по гостиницам. Проза жизни!

Глава четвертая КУРСКИЙ СОЛОВЕЙ

ОДА ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ

Надо сказать, что в 1971 году я переехал жить и работать в Курск, где в Курском политехническом институте мне предложили возглавить кафедру теоретической механики. Вскоре я забрал туда и жену, а затем «перетащил» Романа, Галю и Лиду Войтенко. Саша переехал туда же чуть попозже. Наша «семейная» Тамара, обученная и натренированная, летом того же года нашла себе мужика и вышла замуж. Из Курска я часто ездил в Москву, завершая работу над докторской диссертацией, продолжая останавливаться у Тани.

Все изменилось после защиты Мони, вернее, после банкета. Защита, как и ожидалось, прошла отлично, а вечером был банкет в ресторане Дома архитектора в самом центре Москвы.

Меня выбрали тамадой, я был в ударе, дело было знакомое, и вечер прошел прекрасно. У меня уже был билет на Курск, поезд уходил точно в полночь с Курского вокзала. Времени, чтобы добраться до вокзала, было предостаточно.

Чтобы «выкурить» посетителей из зала часов в 11 вечера, уже начали гасить свет на секунду-другую, и вдруг при очередном «затмении» я почувствовал, что меня обняли за шею и поцело-

вали. А зажегшееся электричество осветило передо мной стройную улыбающуюся женщину с загадочным и многообещающим взглядом.

Я узнал сотрудницу Мони по лаборатории, которой я заинтересовался еще раньше, но познакомиться никак не выходило. А тут — все само собой. Звали эту сотрудницу Лорой.

Что произошло далее, вспоминается как в тумане. Мы шли пешком на Чистые пруды, где жила Лора, пели на ходу, и в перерывах между песнями мне даже казалось, что я слышу гудок моего отходящего в Курск поезда. Мы конспиративно поднялись на второй этаж бывшего генеральского особняка, где в огромной коммунальной квартире с десятком жильцов, в большой комнате с видом на Чистые пруды жила Лора.

Мы выпили у нее какой-то странный напиток, который хозяйка готовила, сливая в одну бутылку все, что оставалось от прежних выпивок. Но я тогда так и не понял, что пью, да мне было и все равно. И тут я заметил, что на нас с нескрываемым возмущением, широко раскрытыми глазами, со шкафа глядит огромный черный кот по имени Мур. Заметив взгляд кота, Лора как-то смутилась, а потом вдруг неожиданно предложила... выкупать Мура.

И вот — зрелище, достойное кисти Босха или Гойи — два голых, сильно выпивших разнополых человека в огромной «генеральской» ванной, ночью моют большого черного кота, сопротивляющегося молча, но отчаянно. Мур, надо сказать, разукрасил нас на славу, но под конец успокоился и принял происходящее как суровую действительность, а может, даже рок. И после этого купания мы с Муром стали друзьями, по крайней мере, мне так показалось: он не мешал нам с Лорой лежать в постели и заниматься чем нам хотелось.

Я прожил у Лоры безвылазно несколько дней. Не забыл я, конечно, и работу, позвонив утром моему заместителю по кафедре Медведеву.

— Гуляйте спокойно, Нурбей Владимирович, — проговорил в трубку рокочущим басом Юрий Александрович, — здесь все будет в порядке!

Наконец загул кончился, и я уехал в Курск. Но забыть этих волшебных дней, а особенно ночей, не мог, и через неделю, уже находясь в отпуске, снова был в Москве. С вокзала я радостно звоню Лоре, но трубку берет будто совершенно чужой человек...

— У меня болит голова, не звоните сюда больше! — сухо проговорила Лора и повесила трубку.

Я понять ничего не смог, опыта общения с женщинами тогда у меня было не так уж много. И я совершил типичную муж-

скую ошибку — стал преследовать Лору. Я поймал ее в ИМАШе на работе и напросился в гости. Побывать наедине сколь-нибудь долго мы не сумели: пришла ее подруга Лена, и мы оказались втроем. Вернее, вчетвером, был еще Мур, не сводивший с меня сердитых глаз. Казалось, совместное купанье было забыто, и мы с Муром — снова враги.

Меня поразили странные отношения Лоры с Муром, которым я не придавал значения в первую встречу. Лора постоянно с ним советовалась, а тот выглядел суровым начальником. Видели бы вы возмущение Лоры, когда я попытался «шугануть» кота, но тот и ухом не повел.

Кончился вечер тем, что Лора с Муром неожиданно исчезли, оставив меня с Леной вдвоем. Видимо, так было задумано заранее, и «задумка» эта удалась. Потом от Лены я узнал, что Лора с Муром ушли на ночь к ней на квартиру. Лена «по секрету» рассказала мне, что Лора считает, что в Мура переместилась душа ее первого любовника, покойного Мехмета Тринича, хорвата по национальности. И этого хорвата Лора беззаветно любила даже после его смерти. Лена при этом красноречиво покрутила пальцем у виска.

Как и следовало ожидать, времени мы с Леной не теряли, но душевно были далеки друг от друга.

Так происходило несколько раз, когда хозяйка с котом исчезали, и я оставался наедине все с новыми подругами. И все эти подруги были осведомлены о странностях Лоры. Но тем не менее ночь проводили со мной так, будто выполняли просьбу Лоры.

Мне это надоело, и я на несколько дней переехал к Тане, содрав ей, что только что приехал из Курска. А затем снова «поехал» к Лоре и едва ее узнал. Она была явно душевно нездорова. Реакции были неадекватны, она стала бояться соседей, случайных голосов, слышимых только ею, даже электрического счетчика, который считала «микрофоном инопланетян».

Оказывается, Мур исчез. Лора обвиняла всех подряд в похищении кота; хорошо, что у меня было железное алиби. Теперь, когда Мур пропал, Лора уже не боялась видеться со мной. Мы встречались и в ее городской квартире, и на даче, в подмосковном поселке «Луч». Казалось бы, мне следовало быть довольным: длительный отпуск, рядом любимая женщина, Лиля в отпуске, как всегда, в Тбилиси.

Но меня смущала одна из странностей Лоры. Она заключалась в том, что Лора не любила встречаться и проводить время со мной (а потом я узнал, что и с другими мужчинами тоже) одна. Все время встречи, было ли это на квартире или изредка на даче, с нами была одна из ее подруг. Чаще всех это была Лена. Однако, когда я встречался отдельно с Леной, а было и такое, та не звала к себе ни Лору, ни кого-нибудь другого.

Лена была своеобразной натурой. Польша по национальности (девичья фамилия ее — Лехницкая), она была интересной и внешне, и по поведению. Лет тридцати пяти (они с Лорой ровесницы, и обе старше меня почти на пять лет), среднего роста, фигуристая блондинка с тонкой талией, пышным бюстом и бедрами, нежной белой кожей и голубыми глазами — она казалась идеальной сексуальной моделью.

В компании она была заводной; однажды во время застолья в присутствии сотрудников Лоры, Лена, подвыпив, быстро разделась и, вспрыгнув на стол, станцевала танец живота. Я тоже был в этой компании и был поражен смелостью, дерзостью, что ли, Лены. Мы заплодировали, но Лена тут же оделась и, скромно зардевшись, тихо извинилась перед компанией за свою выходку.

Лена нигде не работала, но догадаться, чем она занимается, было несложно. Она не только посвятила меня в тайну своей профессии, но даже сделала невольным «сотрудником»! Однажды, после того как мы погуляли по парку Горького, выпили вина и закусили, она заспешила. Я думал, мы идем домой на Таганку, где, собственно, и провели ночь. Но по дороге она поведала, что у нее назначена встреча с должником, который все обещает, но не возвращает ей денег. И Лена попросила меня выглядеть как можно воинственнее, чтобы испугать должника:

— Я скажу, что ты мой муж и боксер, и если он не вернет мне денег, то ты набьешь ему морду!

Встретиться мы должны были у церкви Мартина-исповедника на Таганке, напротив был дом Лены, и с места встречи даже было видно ее окно.

— Мы встретимся, потом я с ним пройду домой, он вернет мне деньги, и я снова выйду к тебе. А лучше — я выгляну в окно и позову тебя. Но ты ни в коем случае не должен подниматься ко мне, пока не позову — ты спугнешь его, и он не вернет мне долг. Когда мы зайдем с ним в комнату, я открою окно, и ты будешь знать, что мы уже ведем переговоры.

Я слушал всю эту ахинею и верил Лене. Мы подошли к церкви, тогда там был какой-то архив, и около забитого входа уже стоял гражданин лет пятидесяти, элегантно одетый. Он весело, но без слов кивнул Лене и мне, она взяла его за руку и молча повела за собой, а мне жестом показала — жди, мол, здесь.

«Глухонемой, что ли, — подумал я, — но слишком веселый для этого! Те обычно мрачные», — и я вспомнил моего знакомого глухонемого Женю-штангиста.

Я прождал Лену около часа; уже хотел уйти или подняться, но, будучи педантом, решил все-таки дождаться. И наконец Лена высовывается в окно и призывно машет рукой. Я мигом поднимаюсь на ее второй этаж и захожу в квартиру. Лена весела — она напевает странную песенку:

*«Ивушка зеленая, пьяная, веселая,
Ты скажи, скажи, не тая, где мои три рубля?»*

Лена, определенно «под мухой» — кто же под выпивку ведет денежные переговоры?

— Виски будешь? — вдруг спрашивает Лена и, не дождав-шись ответа, достает из шкафа ополовиненную бутылку «Белой лошади» и разливает по бокалам.

— Так вернул этот хмырь тебе деньги? — недоуменно спра-шиваю я Лену, — да и откуда виски, вчера вечером в шкафу ничего выпить не было?

— Ишь ты, детектив! — закокетничала Лена, — вернул, ко-нечно, но не все, еще надо будет выбивать, — и она весело захо-хотала, — а выпить он принес — обмыть передачу части долга!

— Он что, глухонемой? — наконец спросил я, удивляясь тому, как быстро Лена успела допить свой бокал.

— А ты что допрашиваешь меня, правда решил, что муж мне? — неожиданно ополчилась на меня подвыпившая Лена, — не глухонемой, а иностранец — для нас это почти одно и то же. Поэтому и виски принес, а не перцовую, как наши хамы...

Неожиданно до меня стало доходить — я же играл роль су-тенера! Она договорилась с клиентом о встрече, подошла с кач-ком-сутенером, который остался ждать ее, и чуть что — в мо-мент будет наверху... Так что, Лена — проститутка?

— Ты что, проститутка? — с интересом спросил я у Лены.

— Как грубо, ты — провинциал! — захохотала Лена, — хо-рошо, я проститутка, а ты сутенер! А твоя Лорка — что, не про-ститутка, что ли? Тебя это устраивает?

Я начал думать, устраивает ли меня это. Допустим, я сейчас пошлю Лену подальше и уйду. Ясно, что и Лора перестанет со мной встречаться. А я к ней, в отличие от Лены, испытываю и душевное влечение. Что они обе, как и их подруги, — все про-ститутки, мне, ослу карабахскому, давно надо было бы дога-даться.

Я вспомнил, как недавно поздним вечером, когда мы с Ло-рой и Леной втроем развлекались, в дверь квартиры неожидан-но позвонили два раза. Это — Лоре. Она быстро встала и, наки-нув халат, вышла открывать. Я замер, прислушиваясь, но Лена растормошила меня. «Это невежливо — раззадорил даму и пре-кратил!» — деланно разыгрывала она какой-то спектакль, вдруг стала настолько страстной, так сексуально постанывала и повиз-гивала, что я перестал прислушиваться и занялся ею вплотную.

Прошло минут пятнадцать, и Лора вернулась, по дороге зай-дя почему-то в ванную. Она даже не заглядывала за занавеску, которая отгораживала кровать от остальной комнаты.

— У меня голова болит! — заявила нам Лора, — я приму цитрамон и посижу у окна, а вы продолжайте без меня!

Когда очередной раунд с Леной был закончен, та встала и подошла к Лоре. Они зашептались, и я запомнил только, что Лора ответила Лене: «В темной».

Теперь мне все стало ясно. Какой-то нетерпеливый или пьяный клиент не вовремя приперся к Лоре. Та не захотела его терять, и они сделали свое дело в темной комнате (без окон) для прислуги, которую использовала как чулан вся квартира. Дверь темной комнаты никогда не запиралась, и комната эта находилась прямо у входа. Помню, когда Лора как-то не захотела, чтобы соседка увидела меня, мы спрятались в этой комнате и вышли только тогда, когда соседка зашла к себе. Так эту комнату и называли — «темная».

Итак, я попал к проституткам. Плохо это или хорошо? С моральной стороны — плохо, но ведь Травиата и Катюша Маслова тоже были не пуританки. Зато никто не потребует верности и женитьбы — это уже хорошо. Не забеременеют — это тоже хорошо, но могут заразить дурной болезнью — это плохо. Хотя я наблюдал, как Лена и Лора блюдают гигиену — и спринцовки разные, и пасты, и шарики... Даже огромную генеральскую ванну мы втроем «принимали» то с марганцовкой, то с «метиленовым синим» — сильным антисептиком, придающим воде замечательный голубой цвет. А Натаха — доцент, и на тебе — заразила меня тривиальным триппером! Конечно же — с профессионалами лучше иметь дело, чем с неумехами-любительницами. И я понял — это меня устраивает! Только одно неясно — для чего я им?

Этот вопрос я задал Лене. Она задумалась, но ответила доходчиво и без смеха.

— Клиенты — наша работа, для нас они — не мужики. Нам даже наплевать, молод он или стар, блондин или брюнет. Лишь бы не был больным, психом или страшным уродом, как Квазимодо. Лучше всего иностранцы — мы знакомимся с ними на выставках, у гостиниц, через подруг. Они чистые, много не болтают и не обманут, как наши хамы. Но повторяю, клиенты — не мужики! А тебя мы любим, особенно Лора. Ты, правда, молодой, наивный и глупый, — не обижайся, но это правда, я же твоей науки не касаюсь! Но зато — не хитрый врун, и не подлый, как большинство вашего брата — мужиков! С тобой все можно — ты не пойдешь хвастаться и болтать. Да и как мужик ты хорош — сильный, фигуристый, и в «этом» отношении — как племенной бычок, тебе и двух баб мало! — Лена захихикала. — Ну, и защитишь бедных женщин, если надо будет!

Мы выпили виски «глухонемого» иностранца за наш симбиоз, и к вечеру, как верные друзья, вернулись к Лоре. Так наша

«развратная» жизнь продолжалась весь мой отпуск. Продолжалась она и после — я ездил в Москву каждую неделю — в четверг или пятницу выезжал, а в понедельник или вторник возвращался. Лекции у меня были во вторник, ученые советы и заседания кафедры — в среду. Так что я управлялся. Науку я «делал» везде — и дома, и в Москве, и в поезде — голове-то думать не запретишь!

С Таней я встречаться перестал. Закончились звонки и письма друг другу, наша любовь умерла естественной смертью.

А что касается профессионалок, то они тоже разные бывают — и потерявшие душевные качества, и, наоборот, обострившие их. Лору-то и профессионалкой назвать нельзя — она и в личных отношениях, и в сексе была как любовница. Ей нужна была душевная теплота, и она действительно без ревности любила меня.

Лена же была профессионалкой высокого класса. Камасутру должна была писать именно она. Ее быстрый взгляд, точные движения, до долей секунды выверенный вздох или стон — все поражало талантом и отточенностью. Бывают гении дзю-до или гении танца; она же — гений секса, секса профессионального.

Бывали ситуации, когда у меня с ней определенный нетривиальный акт затягивался и грозил превратиться в бесконечное мучение. Лена умела вовремя почувствовать, когда наступал наилучший, оптимальный момент для ее вмешательства. Тогда, на секунду отвлекаясь от «дела» и подняв на меня взгляд, она быстро произносила лишь одно слово — глагол в повелительном наклонении — и «миг последних содроганий» наступал тут же, незамедлительно!

Нет, я не назову этот глагол, я не хочу раскрывать профессиональных тайн специалистов! Нет, это не то, что вы подумали, это можно воспринять двояко, в том числе и как призыв к окончанию, прекращению действия. Нет, это и не другое — оно слишком пошло и даже где-то смешно. Это — единственное в своем роде слово — оно чисто, остроумно и неожиданно, поощрительно, задорно и чрезвычайно сексуально! Почти как «обло, огромно, озорно, стозевно и лаяй» в эпитафии у Радищева.

Гадайте — не отгадаете, если только не спросите у настоящих профессионалок! Боюсь, однако, что таковых больше не осталось! «Нет больше турок, остались одни проходимцы!» — как кричал с минарета Тартарен из Тараскона. Это его изречение мне очень по душе!

Наши встречи втроем продолжались еще год-полтора, а потом Лена постепенно отошла в сторону — мы ей наскучили. Я продолжал встречаться с Лорой. У меня в дальнейшем были и другие женщины в Москве, но с Лорой я прекратить отноше-

ний не мог. Вот и приезжал я к моей новой любимой женщине, но на день позже, а один «неуточный» вечер и одну «неуточную» ночь проводил с Лорой.

Правда, с психикой у нее становилось все хуже и хуже. «Голоса» беспокоили все чаще. Жертвами подозрений становились соседи. Вот полковник Петров, дескать, тайно заходит к ней в комнату и «издевается» над цветами.

— Как же он издевается над цветами? — недоумевал я.

— Ты что, не знаешь, как издеваются над цветами? — искренне удивлялась Лора.

Я не знал этого, и мне становилось стыдно:

— А как же он заходит в комнату? — не унимался я.

— Ты разве не знаешь, что ключ лежит под ковриком? — раздражаясь, кричала Лора.

Как-то мы с Моней купили новый замок и в обеденный перерыв вставили в дверь комнаты Лоры (она жила поблизости от ИМАШа). Ключи вручили Лоре прямо на работе и предупредили, чтобы она не клала их под коврик, а носила с собой — ведь в комнате жила она одна. А на следующий день Лора во всеулышание заявляет:

— Этот негодяй Петров опять издевался над моими цветами!

— Как, — закричали «мы с Петром Ивановичем» (то есть с Моней), — мы вставили тебе новый замок и предупредили, чтобы ты не клала ключ под коврик!

— Вы что, с ума сошли, как я могу не положить ключ под коврик? — бурно возмущалась Лора, но объяснить почему — тоже не могла.

Все объяснил знакомый врач-психиатр, у которого мы попытались разузнать причину такого поведения Лоры.

— Ребята, — сказал врач, — вы хотите, чтобы место этого полковника Петрова занял кто-либо из вас? Тогда вставьте ей еще один замок, и издеваться над ее цветами каждое утро будете именно вы. Оставьте все, как есть, и пусть «негодяй» Петров продолжает издеваться над этими несчастными цветами — и он, и цветы к этому уже давно привыкли!

Как-то в конце июня, когда Лора уже жила на даче в поселке Луч Дома ученых и ездила туда после работы, она пригласила меня провести с ней там выходные. Я задержался в Москве и приехал на электричке в Луч, когда было уже темно. Я сильно устал, но дорогу знал хорошо: по тропинке через лесок к дачному поселку Дома ученых ходить приходилось часто, правда, в дневное время.

Но на этот раз меня по дороге охватил жуткий страх. Я сколько мог держался, а потом побежал. Ужас подгонял меня и, двигаясь с такой скоростью, я давно уже должен был прибыть в поселок. Но лес все не кончался. Мне казалось, что через не-

скольким часам я выбрался на поле, освещенное луной. Невдалеке я заметил некое сооружение и, приблизившись к нему, с суевренным страхом увидел в чистом поле... огромные железные ворота, причем запертые на замок! Ни стены, ни забора — одни только ворота в никуда!

Морально и физически раздавленный, я просидел около этих ворот до утра. А утром даже не стал искать дачу, а дошел до станции, сел на электричку и уехал в Москву. Я осознал, что наши с ней отношения — это дорога в никуда, и мне было об этом предупреждение. Больше мы с ней не встречались.

Вскоре я уехал в отпуск на море, а приехав в Москву, узнал, что Лора погибла. Она почему-то шла по железнодорожному пути, не обращая внимания на гудки электрички. Поезд затормозить не успел...

ТАМАРА ЧЕТВЕРТАЯ — ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Будучи в Москве, я как-то созвонился с моим давним знакомым Борисом Вайнштейном, и мы встретились в институте, где он работал. Он, оказывается, защитил докторскую и был «на подъеме» — весел, радостен. Познакомился и уже успел побывать в путешествии на Кавказе с молодой женщиной по имени Тамара. Он ее всю расхваливал — какая, дескать, она у него красивая да «заводная», как его любит, только одно плохо — выпить не дура!

Услышав сакраментальное имя и такие выигрышные характеристики, я невольно заинтересовался Тамарой и предложил Борису встретиться вместе. Но он, как всегда, был занят, однако неожиданно предложил мне:

— А как у тебя насчет баб?

Я насторожился, думая, что он хочет «подарить» мне Тамару. Но оказалось, что у Тамары «миллион» подруг и она может найти мне «бабу» на любой вкус. Борис с моего молчаливого согласия тут же подошел к телефону и, набрав номер, попросил Тамару Ивановну. Разговор был веселый, непринужденный, часто пересыпаемый крепкими словечками. Наш, русский разговор!

— Какую тебе? — закрыв трубку, спросил меня Борис.

— Блондинку крашеную, в очках, рост 160, вес 55, возраст — около тридцати! — почему-то разом выпалил я, даже не подумав. До сих пор не возьму в толк, почему назвал такие параметры, и главное, почему это произошло автоматически, без обдумывания. Может быть, я вспомнил Лилю и нашу общую с ней

подругу Тамару? Может, женщины такой внешности мне нравились больше других, теперь уже не знаю. Но удивленный Борис вдруг недоверчиво спросил меня:

— А ты с моей Тамарой, часом, не знаком? Ведь ты в точности назвал ее параметры!

Я замотал головой.

Тот же вопрос он задал по телефону и Тамаре. Между ними произошёл краткий обмен мнениями.

— Он в точности назвал твои данные, даже очки и возраст! Удивительно? Да я от тебя всего, чего хочешь, ожидать могу! Сама такая! Каков из себя? — Борис посмотрел на меня, — Да чуть лучше крокодила! Докторскую скоро будет защищать, спортсмен! Да возраст Христа, когда мы, евреи, его распяли! Сама дура! Короче — записывай, — шепнул мне Борис, — завтра в пять на остановке автобуса № 24 у метро «Дзержинская». Все, пока!

— Обещала подругу привести, — таких, говорит, как собак нерезанных! Нет, хороша баба — без комплексов!

— А летом куда едете? — спросил я Бориса и, кажется, испортил ему настроение.

— Да путевка у меня в Юрмалу с женой. А Тамара грозит, что если я уеду с женой, а не с ней, она меня бросит и сойдётся с первым же попавшимся «кацошкой»! Прости, если тебя это задело, но ты же их сам не любишь?

В двойственном настроении я встречал в назначенное время 24-е автобусы у метро «Дзержинская». Мне страшно хотелось увидеть Тамару, но не хотелось никаких знакомств с другими «бабами». «Бабы» у меня были, причем в требуемой режиссуре и исполнении. Захотелось, представьте себе, любви! Как Коле Остен-Бакену от Инги Зайонц, если я не перепутал имена друзей детства Остапа Бендера!

И вот наступил один из самых загадочных моментов в моей жизни — наконец из дверей автобуса показалась та, которую я так хотел видеть. Путь ее от подножки двери до асфальта длился долю секунды, но за это время я успел всем сердцем полюбить ее. Да, это она, я знал ее всю жизнь, я представлял себе каждую черточку ее внешности и характера! А где же подруга? Хочу, чтобы никакой подруги не было! — сказал я неизвестно кому, и это исполнилось. Тамара, стройная крашеная блондинка в очках, улыбаясь во весь рот, шла ко мне одна.

— Привет! — подставила она мне щеку для поцелуя, — я Тамара!

— А где же подруга? — спросил я, не веря своему счастью.

— Тебе что, меня мало? — удивленно спросила Тамара. — Если хочешь, считай, что именно я подруга. Действительно, Та-

мара оказалась занята и просила меня прийти к тебе одной! Но я тоже Тамара, это такое распространенное имя!

Восторженно щебеча эту чушь, Тамара шла в направлении к площади Революции, я шел рядом, держа ее под руку.

— Куда мы идем? — позволил себе поинтересоваться я.

— В ресторан «Прага», — сообщила Тамара. — Я очень люблю его и хочу, чтобы мы отметили наше знакомство именно там. Если у тебя нет денег, то у меня они есть! Пока рано, и свободные места должны быть!

Сделав обиженный вид, я заявил, что деньги у меня тоже есть.

— Ты представляешь, наш Буся (она так называла Бориса) хочет перехитрить сам себя! — рассказывает мне Тамара по дороге. — Он взял путевку со своей «Розочкой-золотцем» на Рижское взморье, а мне предлагает поехать в Крым, куда мы раньше планировали отправиться летом с ним.

— Как, одной в Крым — это же опасно, там обязательно пристанет какой-нибудь хлыщ, о чем он думает? — возмутился я.

— Да в том-то и дело, что наш Буся — не такой уж дурак! Ты знаешь, с кем он посоветовал мне поехать? С тобой! И сказал, чтобы подругу не брала сегодня с собой. «Понравься ему, — говорит, — и езжай с ним в Крым, он — человек порядочный, плохого не сделает!» — «А если сделает хорошее, — говорю, — это можно?» — «Да не признавайся мне в этом, и все дела!» — отвечает. И как тебе они нравятся, эти еврейские штучки? — возмущалась Тамара.

Еврейские штучки мне, откровенно говоря, нравились. Увидев Тамару и полюбив ее за долю секунды, я уже готов был предать дружбу с «нашим Бусей». Обстановка складывалась так, что такое «предательство» законно могло быть отнесено к «выполнению просьбы друга», исходящей из семейной необходимости. Голова у меня шла кругом и спасти положение могли только «пол-литра».

Места в «Праге» действительно были, мы присели за столик в одном из малых кабинетов (давно не был в «Праге», не знаю как там сейчас). Тамара заказала сразу две бутылки крепчайшего, в 19 градусов, азербайджанского портвейна «Алабашлы».

— Закусывать чем будете? — учтиво поинтересовался официант, молодой парень.

— А нам «все равно чем блевать!» — отвечала Тамара словами известного анекдота, на что официант закивал и заулыбался. — Принеси, чего хочешь, нам действительно все равно! — подтвердила свои слова Тамара.

Мы пили крепкий пахучий «Алабашлы» крупными глотками и обсуждали наш план: Тамара говорит Бусе, что она «закадрила» меня, и я согласен ехать отдыхать с ней в Крым. Там она яко-

бы будет «динамить» меня весь месяц, а вернувшись в Москву, объявит мне, что «она Бусе отдана и будет век ему верна!» И подберет мне подругу по заказанным мной параметрам.

Как под бутылку складно все получается, только диву даешься! А после очередного бокала Тамара вдруг сняла очки и, глядя на меня слегка выпученными близорукими глазами, попросила:

— Поцелуй меня по-настоящему, пожалуйста!

Я незаметно набрал «Алабашлы» в рот и по-мопассановски в поцелуе передал вино Тамаре тонкой, упругой стружкой. Тамара, оказывается, не читала роман Мопассана «Жизнь» и не знала «штучек» его персонажа. Она была в восторге от этого новшества, и мы остаток вечера только и совершенствовались свое мастерство художественного поцелуя.

Едва держась на ногах, мы вышли на улицу, и Тамара остановила такси.

— До Ильинского довезешь? — спросила она.

— Оплата в оба конца! — констатировал водитель.

Мы сели на заднее сиденье и раскисли совсем. Тепло и качка совершенно доконали нас. Мы продолжали целоваться, и Тамара даже чуть не преступила грань дозволенного этикетом прямо в такси, но сон одолел нас.

— Приехали — Ильинское! Дальше куда? — разбудил нас водитель.

Тамара надела очки, стала смотреть в окно по сторонам и указывать водителю путь. Поколесив по проселочным дорогам, мы подъехали к деревянному домику на опушке леса. Время было за полночь. Я расплатился с водителем, и он уехал. Еле бредя по тропинке, мы подошли к дому, и Тамара стала барабанить в дверь.

— Валька, открой, это я, Тамара!

Мы уже думали завалиться спать на опушке, как дверь отворилась и мужик в трусах вышел на порог.

— Вы кто? — строго спросил он.

— Я — подруга Вали, — ответила Тамара, — а вы?

— Я ее муж! Ну и поздние же гости! — недовольно заворчал он.

А тут показалась и Валька, подруга Тамары, с которой, оказывается, Тамара не виделась несколько лет. Нас приютили, постелив на полу в кухне. Мы тут же отрубались, а за дело принялись лишь утром. Было неудобно. Валька то и дело заходила на кухню — готовила мужу завтрак, отправляя его на работу. К тому же собака, огромная овчарка, внимательно обнюхивала нам лица. Запах Алабашлы, наверное, ей пришелся по вкусу.

Так как утром у меня была важная встреча в Москве, я стал собираться вместе с Валькиным мужем. Тамара протестовала, но я все равно ушел. Дошли с мужем Вали до электрички, он

сошел на следующей остановке, я же поехал в Москву. Всю дорогу, пока он не вышел, этот муж периодически повторял мне одну и ту же фразу:

— Ну, вы даете!

После важной встречи я заехал к Бусе в институт и рассказал ему фактографический материал. Неполный, правда. Выпили в «Праге», нажрались до поросычьего визга, поехали почему-то в Ильинское. Просыпаюсь утром на кухне — вижу над собой огромную собачью морду. Выхожу с мужем Вальки и еду в Москву. Приезжаю сюда к тебе. Все! Я перешел с Бусей на «ты», как он со мною много лет назад. А то — фактически родственники, «свойки», и все на «вы»!

Он поохал, заочно пожурил Тамару за неумеренность в выпивке и вдруг посоветовал мне ехать с ней в Крым.

— Попьете там, повеселитесь, поплаваете. Ты можешь «кадрить» кого угодно, Тамара тебе не помеха, но за ней следи — чтобы по пьянке не сорвалась! Она мне очень дорогá! А денег на дорогу и на отдых я ей дам, не беспокойся! Тебя в расход не введем!

Теперь у меня в голове была одна Тамара. Я быстро смотался в Курск, сделал необходимые дела, получил отпускные и, побросав в портфель вещички, уехал в Москву. Легенда — оргработы по подготовке к защите.

В Москве я тут же созвонился и встретился с Тамарой, познакомил ее с Моней, с которым у нее тут же возникла взаимная симпатия. Что и говорить, умела она привораживать мужиков! Купили билеты до Симферополя в двухместное купе международного вагона, а несколько дней до отъезда прожили в гостях у Мони.

В поезд взяли с собой наши любимые вина — «Мускат», портвейны «Айгешат», «777» и «Карданахи», да и «Мадеру» с «Хересом»! На закуску — апельсины, бананы и случайно попавшиеся нам плоды манго. Обедать ходили в вагон-ресторан. Это «свадебное» путешествие нам очень понравилось.

В Симферополе сели на троллейбус и доехали почему-то до остановки «Малый маяк», очень уж там показалось нам красиво! Подобрали жилье у русской женщины Веры, да еще какое — с баней, которую можно было топить когда угодно. Мы быстро нашли там друзей-москвичей, тоже «сладкую парочку», выдававшую себя, как и мы, за мужа с женой. Короче, погуляли на славу!

Через полтора месяца мы вернулись в Москву. Тамара взяла еще месяц отпуска за свой счет — она работала лаборантом в вузе, где брать отпуск на все лето было несложно. А оставшиеся полмесяца мы провели в подмосковном поселке Заветы Ильича, где Тамарина подруга уступила нам свою дачу. Сама же Тамара

жила в поселке Мамонтовка по Ярославской железной дороге, в трех минутах ходьбы от станции.

Жила она в доме барачного типа на втором этаже с матерью и сестрой. У каждой было по комнате. Отопление — печное, вода — в колодце, туалет — метрах в ста. Природа — великолепная, недаром рядом находился «закрытый» санаторий для каких-то ответственных работников, кажется, бывшая усадьба Саввы Мамонтова, русского промышленника и мецената.

Перед моим отъездом в Курск Тамара познакомила меня со своей сестрой Любой и матерью Полиной Андреевной, которую я тут же прозвал «тетей Полли», ориентируясь на марктовского Тома Сойера. Мы как-то по-семейному посидели за столом, и я выехал в Курск из дома Тамары безнадежно влюбленным человеком.

В начале сентября я должен был ехать в командировку в Волгоград с творческой бригадой газеты «Социалистическая индустрия» и надеялся уже скоро опять встретиться со своей любовью.

БОЛЕЗНЬ И СТРАСТЬ

Газета «Социалистическая индустрия», куда я часто писал статьи технического характера, задумала агит-рейд в город Волгоград. Ну, не поворачивается язык так назвать этот город, и все тут! Как Нефтеград, Зерноград или Пищеград у Ильфа и Петрова. Для меня, миллионов других людей в России и за рубежом — это Сталинград. Тем более этот город остался Сталинградом для других участников нашего рейда — Марины Павловны Чечневой — легендарной летчицы, Героя Советского Союза, и членов редколлегии газеты — пожилых людей, фронтовиков.

Дорога из Курска в Сталинград пролегла через Москву. Я прибыл в столицу рано утром, а поезд на Сталинград вечерний. Конечно, я тут же поехал в Мамонтовку. С цветами, бутылочкой в портфеле и подарком — золотым кольцом-чалмой в кармане — я звоню в квартиру Тамары. Открыла мне дверь тетя Полли; вид у нее печальный и расстроенный. Оказывается, на следующий день после моего отъезда Тамару забрала «скорая помощь» с сильными болями в животе. Отвезли в какую-то дальнюю областную больницу и сделали операцию. Короче, Тамара в больнице, и я «лечу» туда. Люба объяснила мне, как ехать, и я помчался.

Больница размещалась в большом срубе с маленькими окнами и микроскопическими форточками. Внутри меня не пустили, диагноза не сообщили. Я понял одно, что больница гинекологическая. Неужели аборт?

«Ходячие» больные, к которым я обратился, пообещали мне позвать Тамару к окну. Я обогнул здание и стал ходить перед окнами. Вскоре в одном из окон показалась Тамара. Она стала на стул, а я забрался на наружный подоконник, и мы увидели друг друга через микрофорточку. Поцеловаться так и не смогли. Я передал ей цветы и кольцо. Она вначале не поняла, что это, а потом, когда раскрыла коробочку, то протянула ее обратно:

— Мне никто никогда не дарил колец, — тихо сказала она, и я увидел на ее глазах слезы.

Я запихнул коробочку обратно в форточку, и тогда уж она взяла ее.

— Одиннадцатого сентября, утром, часов в десять, я буду в Мамонтовке, ты уже вернешься домой? — успел спросить я.

Тамара в ответ кивнула головой, и медсестры тут же «стасцили» ее со стула.

Вечером мы выехали в Сталинград. Выступали на предприятиях города, рассказывали, как хороша наша газета, а в заключение побывали в рыбнадзоре. Нас покатали на катерах по Волге, угощали «тройной ухой», а в дорогу подарили полиэтиленовый мешочек с черной икрой — килограмма на полтора.

Мы ели эту икру ложками всей бригадой и так и не смогли доесть. Я рассказал, как в детстве съел с соседом дядей Федулом целый таз черной икры, перемешанной с осколками эмали. Икра, видите ли, была на продажу, но жена дяди Федула случайно уронила таз. А чтобы покупатель не заметил осколков эмали, она тщательно перемешала его содержимое. Дядя Федул запретил ей продавать такую опасную икру, и мы с ним долго, месяцами, ели ее, тщательно обсасывая каждую икринку. После этого я черную икру терпеть не могу. Все очень смеялись — тема оказалась актуальной.

Утром одиннадцатого сентября поезд прибыл в Москву, и я не узнал города — он был в глубоком снегу. Клянусь, что не вру, можете свериться с лабораторией имени Михельсона! 1973 год, сентябрь, только что чилийский Пиночет сверг чилийского же Альенде, все лишь об этом только и говорили.

Добираюсь до Мамонтовки и вижу — у самой электрички меня встречает Люба, сестра Тамары. Я был удивлен — сколько же она простояла на платформе вся в снегу. Для чего это? Люба повела меня домой, на все вопросы отвечала вяло.

— Да, выписали. Да, она дома. Сам спросишь, как здоровье, я почем знаю!

Захожу в квартиру — на кухне сидит за столом Тамара с матерью, лица у обеих тревожные. Хотя Тамара парадно приодета и улыбается. Похудела она так, что на себя не похожа; встала — ноги не держат, шатается. Зашли мы в ее комнату, а она с порога и говорит:

— Хочу тебе сразу сказать — диагноз у меня плохой! Так что можешь сразу бросать меня, чтобы не было потом хлопот и переживаний!

— В чем дело, в чем дело? — затряс я ее за плечи, и она заколыхалась, как пьяная.

— В чем дело, в чем дело, — повторила Тамара. — Вырезали мне кисту с голову ребенка величиной, а она переродилась на... — Тамара промолчала, — сейчас должны делать еще одну операцию, в онкоцентре на Каширке.

У меня помутилось в глазах, закружилась голова — чуть не упал.

— Ты понимаешь, что говоришь? — только и спросил я.

— Я-то понимаю, — грустно улыбнулась Тамара, — я уже смирилась. Это для тебя новость, вот ты и в шоке. Скоро свыкнешься!

На ее глазах заблестели слезы. Тамара резко повернулась и, подойдя к двери, заперла ее на ключ. Потом повернулась ко мне и начала медленно раздеваться. Я с ужасом смотрел на ее действия, а потом — на любимый, обтянутый кожей скелетик.

— Хочу быть с тобой, может, в последний раз! — грустно проговорила Тамара.

Я быстро скинул с себя все, и мы прилегли. Но ничего не получилось. Болевой синдром не позволил нам даже начать. Мы оделись и молча сели друг возле друга.

Потом Тамара надела свою телогрейку, в которой зимой бегала по утрам в туалет, и валенки. Мне дала тоже телогрейку и валенки тети Полли. Мы натянули на головы какие-то вязаные шапочки и пошли гулять. Я был одет в поездку почти полетному, кто знал, что в начале сентября выпадет снег и будут морозы? Снег, кстати, простоял почти месяц.

Красота в Мамонтовке — сказочная! Но она была нам не в радость. Мы молча шли, и каждый думал о своем. Догадываюсь, где были мысли Тамары, а мне не давали покоя такие: «Вот полюбил, как никогда, даже в книжках не читал о такой любви — не то что с первого взгляда, а с первого мгновенья, и тут же конец! Я знал, что болезнь эта никого не щадит, что онкоцентр, директором которого тогда был академик Блохин, в народе называли «блехинвальдом». Этот диагноз — приговор!»

Вот так невесело погуляли мы, потом переоделись, и я уехал в Курск. Лиля, видя, в каком настроении я приехал, естественно поинтересовалась, в чем дело. Скрывать я просто не смог бы, и рассказал все. Увидел, как побледнело ее лицо, как она лихорадочно стала думать о чем-то. Затем начала говорить по делу:

— Знаешь, у Войтенок есть свежий прополис, Сашин отец-то пчеловод. Прополис — это первое средство от этой болезни.

Затем — чистотел. Я знаю, что в поле за институтом растет чистотел, его можно собрать — это тоже помогает. Надо что-то делать, не сидеть же так! — завершила она свой монолог.

Но потом не удержалась и добавила:

— Опять «Тамара»? Что, это имя — твоя судьба? Про твоих Тамар-«иностранок» я знаю, Тамарка, которая Заец, сама пришла мне перед отъездом во всем. Прощения просила. Да я и так об этом догадывалась, но не стала мешать вам. Все равно ты кого-нибудь нашел бы себе, а эта — как-никак своя, управляемая. А теперь — еще одна Тамара! Видно, суждено тебе стать настоящим «тамароведом», не иначе!

Лиля как в воду глядела — ведь про предсказание Голоса я ей, конечно же, не рассказывал. Только не эта Тамара стала моей судьбой, и не следующая...

В пятницу я, нагруженный шариками прополиса и вениками чистотела, приехал в Мамонтовку. Тамара была довольна — она верила в народные средства.

— Только неудобно как-то получается, — призналась она, — и перед Лилей, и перед Бусей, я уже не говорю о его Розочке! Буся сильно переживает, даже плачет при встрече.

— Знает ли он что-нибудь про «это»? — неопределенно спросил я.

— Если ты имеешь в виду нашу близость, — серьезно ответила Тамара, — то не знает. Думает, что ты просто любишь меня — и все!

Когда Тамару положили в онкоцентр, мы с Бусей встречались у метро «Каширская» и шли к Тамаре вместе. Мы пере-знакомились со всеми четверьмя пациентками, лежавшими в палате.

Особенно подружились мы с молоденькой женщиной лет двадцати, тоже Тамарой, по фамилии Подруцкая. Она получила «пузырный занос» (хориоэмпителому), живя со своим любовником. Ей тоже сделали операцию, долго мучили химио- и радиотерапией, потом отпустили домой. Там она и умерла вскоре.

Мы с моей Тамарой были на ее похоронах. Губы покойницы все были покусаны. «Она терпела такие боли, что кусала губы», — призналась ее мама, плача.

Мы навещали Тамару Подруцкую дома во время ее болезни. Как-то почти перед смертью, она грустно сказала нам:

— А сегодня у... — и она назвала имя своего бывшего любовника, так или иначе виновного в ее болезни, — свадьба. Он ведь сосед мой, и я все знаю!

Моя Тамара тут же узнала его адрес и, проглотив стакан портвейна, вышла. Пришла она что-то через час, возбужденная, но довольная.

— Я устроила им там веселенькую жизнь! — рассказывала Тамара. — Позвонила и вошла как гость, сказала, что по приглашению жениха. А потом, уже за столом, встала с бокалом вина и рассказала, что жених обманул меня — он был якобы моим любовником, и мы подавали с ним заявление в загс. Еще рассказала про то, что он гулял и с моей подружкой, тоже обещал на ней жениться, и даже назвала имя этой подруги. Сказала также, что он заразил ее опасной болезнью. И высказав все, вылила бокал вина ему в лицо! Что тут поднялось! Невеста кинулась царапать жениху харю, гости кто куда, а я — за дверь. Ой, налейте что-нибудь, — попросила моя Тамара, — а то трясусь вся!

Бедная Тамара Подруцкая тихо улыбалась, и было видно, что она довольна. На улице я спросил Тамару, правда ли то, что она нам рассказала, и та серьезно ответила:

— За подругу мою я кому хочешь горло перегрызу!

В следующий раз мы видели Тамару Подруцкую уже в гробу с покусанными губами...

Моей Тамаре сделали операцию в октябре. Мы с Бусей и сестрой Тамары — Любой навестили ее уже в палате. Тамаре сделали серьезную операцию, называемую «гистеректомией». Мы спросили у нее, что можно ей приносить. И вдруг она сказала: «Водку или портвейн!»

Я быстро сбежал в магазин и минут через пятнадцать был уже опять в палате. Нам позволили остаться подольше.

— А теперь, — чуть приподнявшись от койки, сказала Тамара, — выпейте за мое здоровье и чтобы я долго жила!

Мы с удовольствием сделали это прямо из горлышка бутылки. А Тамаре, по ее просьбе, я дал пососать мой мизинец, обмакнутый в водку. Этого ей, на сей раз, хватило. Надо сказать, что тост, выпитый от самого сердца всеми нами, произвел свое действие. С момента операции прошло более тридцати лет и, чтобы не сглазить, со здоровьем у нее все нормально.

Другое дело, что уже более десяти лет мы не виделись — так повернулась жизнь. Но если из тридцати отнять десять, то получится двадцать. Двадцать-то лет мы прожили в постоянных встречах, в большинстве своем отнюдь не платонических. А первые года три мы прожили в любви, и любви страстной.

Не надо любить очень страстно! Такая любовь сопряжена с ревностью, ссорами, мордобоем и черт знает еще с какими пакостями! И чаще всего страстно любящие друг друга люди не связываются браком. Боятся измены, боятся, что не переживут ее, и так далее!

— Хорошее дело «браком» не назовут! — любила говорить Тамара.

Вот и не связали мы друг друга браком, хотя любовь была такой, что на энергии ее страсти можно было сталь варить!

Но опустимся с «высших сфер» на землю. Я уже должен был защищать докторскую диссертацию в Московском автодорожном институте (МАДИ). Тамару выписали из больницы за несколько дней до моей защиты. Она приехала в МАДИ и немного посидела в зале, думаю, больше для того, чтобы поглазеть на Лилю. Тамара постоянно носила парик, так как ее постригли наголо, когда делали химиотерапию. Конечно же, в постели она его снимала, но очень стеснялась своей бритой головы. А вообще — получилось очень сексуально! Потом даже мода пошла на бритые головы у женщин. Мы открыто встречались у Тамары дома, запираясь в ее комнате. Тетя Полли, хоть и вздыхала, но не возражала.

Однажды мы увидели в окно, как в дом вошел Буся. Это было так неожиданно, что мы едва успели отпрянуть от окна. Тамара в панике предупредила маму, что открывать дверь нельзя. Звонки в дверь продолжались довольно долго, и мы сидели почти в шоке. Наконец кошмар прекратился, и мы увидели в окно, как Буся прошел мимо дома. Открыв дверь, обнаружили полиэтиленовый пакет с бутылкой вина, тремя гвоздиками и запиской.

«Сволочи! — гласила записка, — я знаю, что вы дома, я вас видел в окне. Хотя б дверь открыли, я так устал с дороги! Выпейте за меня, что я такой покладистый! Буся».

ТОМОЧКА, СИРЕЧЬ МЭРИЛИН

В Курске после защиты диссертации меня встретили как героя. Женщины с восхищением смотрели на молодого «доктора», вызывая негодование Лили. А тут произошло, казалось бы, малозначительное событие. Стою я как-то у расписания экзаменов второго курса вечернего факультета, ищу свои группы и чувствую, что меня толкают локтем в бок. Оборачиваюсь и замираю от неожиданности — толкает меня улыбающаяся голубоглазая красавица лет двадцати, вылитая Мэрилин Монро. И надо же так случиться, что я, примерно за месяц до этого, сильно увлекся образом этой актрисы, часто видел ее во сне. Сотворил себе кумира, как говорится, и влюбился в него. И вот — встречаюсь с живой Мэрилин Монро!

— Ты из какой группы, что-то не припоминаю тебя! — обращается ко мне Мэрилин, а так как я молчу, продолжает, — чего, язык проглотил, что ли?

— Да я новенький, даже группы своей не знаю! А язык проглотил, потому что такую красавицу увидел! — подыграл я Мэрилин.

Глаза девушки внимательно осмотрели меня и, видимо, осмотром остались довольны.

— Трепач! — весело заметила она и медленно пошла прочь от расписания, видимо, рассчитывая, что я пойду за ней, но я остался на месте.

— Ладно, на лекциях встретимся! — обернувшись, сказала мне Мэрилин.

И мы встретились. Но не на лекциях, а у железнодорожной билетной кассы, где я стоял в «голове» огромной очереди. Мэрилин узнала меня и бросилась на шею.

— Вот ты где, дорогой, еле нашла тебя! — целуя в щеку, радостно щебечет она. А тихо на ушко: — возьми мне билет на Москву!

Я все понял — не хочет в очереди стоять! И озорной план вдруг созрел у меня в голове. Я взял два билета в купе международного вагона и подошел к стоящей поодаль студентке.

— Взял, отправление через полчаса, мы — в одном купе, — радостно сообщил я ей.

Она полезла в кошелек за деньгами, но я попросил спрятать деньги: «в следующий раз ты мне возьмешь!»

В портфеле у меня была бутылка душистого вина «Кокур», предназначенного для встречи с Тамарой. Но оказалось, что бутылка все-таки пошла по ее прямому назначению. Мэрилин Монро тоже оказалась... Тамарой! «Что, других имен нет, что ли?» — поразился я. Но, узнав ее имя, решил не сдаваться и идти до победного конца... Если эта Тамара окажется последней, то брак по любви с предпоследней мне обеспечен!

Томочка удивилась, когда мы подошли к международному вагону, и это удивление усилилось, когда она узнала, что в этом вагоне удобные двухместные купе. Оказавшись со мной вдвоем, она немного утратила свою браваду, стала тихой и скромной. Но «Кокур» все поставил на свои места.

Томочка осмелела, язык у нее развязался, и она рассказала, что работает секретарем у главного инженера одного из курских заводов и встречается с ним. Сейчас едет к нему в Москву.

— Он боится даже ехать вместе со мной, а в Курске мы и не встречаемся, так как он женат и жена работает в обкоме партии. Дрожит как цуцик перед ней! — с великолепным презрением высказалась Томочка. — Старый, пятьдесят лет ему, но кобель еще тот, а откажешь — ищи другую работу! А так и отпускает, когда надо, и премии выписывает...

Я вспомнил, что знаком с этим человеком — мы не раз ходили в баню одной компанией. Зовут его Василием Митрофановичем, Васей. Это мрачный, замкнутый тип, страшный матерщинник. Однажды он помогал мне в изготовлении какого-то стенда на его заводе и при мне ругал проштрафившегося начальника цеха:

— Ты, ... твою мать, почему хороший завод позоришь? Да я тебя..!

Мне нравилось, что он так суров с подчиненным, поскольку это было в моих интересах. Но столкнуться с ним как с соперником по любви мне не хотелось бы, от мата ведь не отмоешься...

Мы выпили еще, и я решился поцеловать Томочку. Она с охотой позволила мне сделать это и отвечала на поцелуй всем телом. Мы провели хорошую ночь и были довольны друг другом. Обратного договорились ехать тоже вместе. Она дала мне свой телефон, я же наврал, что у меня телефона нет. Томочке было трудновато произносить мое необычное имя, и она звала меня просто и мило — «Котя». Я же, в свою очередь, называл ее «Мэри» за необыкновенную схожесть с великой Мэрилин.

Как ни удивительно, а встреча с молодой красивой девушкой не затронула моей любви к Тамаре Ивановне. Мы, как и прежде, были нежны и страстны. Тамара долго была на больничном, а потом ее перевели на инвалидность третьей группы и стали платить пенсию.

— С пенсионеркой гуляю, — шутил я с близкими друзьями.

Томочке-Мэрилин я сказал, что работаю на Курском заводе тракторных запчастей и учусь на вечернем, на том же курсе, что и она. А в начале семестра мы неожиданно встретились у входа в поточную аудиторию.

— Привет! — крикнула Томочка и кинулась мне на шею.

Студенты странно посмотрели на нас, а я не знал, как себя и повести. Кивнув ей, я быстро занял место у доски, а она, ошарашенная, села на передний ряд. Я начал лекцию. В перерыве она подошла ко мне и спросила:

— Теперь тебя на «вы» называть? Зачем наврал, что студент?

Мне ответить было нечего.

— Я позвоню тебе! — тихо сказал я и отошел в сторону.

Узнав, что я ее преподаватель («молодой доктор наук», как меня называли в институте), Томочка зауважала меня еще больше. Примерно раз в месяц по пятницам она ездила в Москву на встречу со своим «старцем» Васей. Он останавливался у своего друга, и Томочка приезжала к нему туда. А сопровождал ее туда и провожал обратно в двухместном купе, конечно же, я.

И если «старец» боялся встречаться со своей юной пассией в Курске, то я таким трусом не был. Иногда, хотя бы раз в неделю, я уговаривал Томочку прогулять занятия и встретиться со мной у моего приятеля. Этот приятель, преподаватель с моей кафедры, жил у своей подруги, а его однокомнатная квартира пустовала. Вот он и давал мне ключи от нее.

Конечно же, в «маленьком» Курске все всем стало тут же известно. Всем, кроме, пожалуй, моей жены Лили, хотя я этого

боялся далеко не в той степени, как наш Митрофаныч. А тут мне — «повестка» в баню.

Периодически, по той или иной причине — дня рождения, повышения, выхода в отпуск, праздников — наша компания ходила в баню. В компанию входили кроме меня наш проректор, пара-тройка заведующих кафедрами, инструктор обкома партии и Митрофаныч.

С некоторым страхом я пожимал ему руку. Но тот ничем себя не выдал. Мы парились, делали массаж друг другу, выпивали пиво и кое-что покрепче, и у меня уже отлегло от сердца. Но тут я, в свой черед, лег на каменное ложе для массажа и меня взялся массировать Митрофаныч. Спину он мне промассировал нормально, и я перевернулся лицом к нему. Он промассировал ноги, подобрался к животу, груди, шее. И вдруг я чувствую, что Митрофаныч меня душит. Руки тут же разжались, но через пару секунд опять сдавили мне горло.

— Вась, ты что, оборзел, что ли? — тихо спросил я его.

— Брось Тамару! — так же тихо, но зловеще ответил мне «старец», — ты же, гад, женат!

— От такого слышу, — шепчу я ему, — ты сам, что ли, холостой?

Так мы во время массажа и не договорились. Но когда «врезали» еще по «ершу», я отвел «старца» подальше и «промыл ему мозги».

— Слушай, Вася, ты что хочешь, чтобы девчонка была только с тобой? Ты же ее отца старше! Другое дело, если вы поженились, но этим же и не пахнет! Да и встречаетесь вы нечасто, это не жизнь. Я — твой спаситель, если ты что-то понимаешь. Я вакуум в ее жизни заполняю. А ведь его может заполнить ее ровесник, жених, и тогда хана тебе! Ты мне водку должен ставить за то, что я сохраняю сложившийся статус-кво. Перевести на русский?

Митрофаныч молча выслушал меня и вздохнул.

— Люблю я ее, не знаю, что и делать! Убил бы жену, но греха боюсь, а развестись не могу — она же меня раздавит. Что мне делать? — этот суровый и некрасивый, как граф Жоффрей из «Анжелики», человек тихо заплакал.

— Вась, твою мать, прекрати, люди увидят! — испуганно уговаривал его я. Хочешь, брошу ее, если это надо! («Не дождешься, хрыч старый!» — думаю я про себя.)

— Нет, ты, пожалуй, прав! — вздохнул Митрофаныч. — Постарайся убедить ее, чтобы не сошлась еще с кем-нибудь, особенно с холостым. Я как-нибудь решу вопрос с женой или удавлюсь!

И, забегаая вперед, доложу вам, что я-таки однажды действительно выручил Митрофаныча. А было это так. Лиля как-то уеха-

ла с детьми на весенние каникулы в Тбилиси, и я пригласил Томочку вечером ко мне домой. Ее, видимо, заинтересовало, как я живу, и она пришла. «Переспали», выпили. У нее, как обычно, развязался язык, она и сообщила мне, что завтра едет на неделю в Киев к подруге.

— С Митрофаньчем? — спрашиваю.

— Клянусь, что нет! — отвечает она убежденно, — просто к подруге!

«Хорошо, — думаю, — проверим».

— Тамара, ты знаешь, что такое «пояс верности»? — спрашиваю я.

Кивает, слышала что-то.

— Так вот, если бы у меня был современный пояс верности, ты позволила бы мне его надеть на тебя? — продолжаю я. — Для общения с подругой это не повредит, а с мужиком быть ты не сможешь!

— Надевай, если не веришь! — гордо согласилась Томочка.

— Тогда я просто заклею тебе это место! — объявил я ей.

— Как заклеишь, а писать как я буду? — испугалась девушка.

— Не бойсь, все предусмотрено! — успокоил я ее.

Я посадил Томочку на стул и снял с нее трусики. Она молча наблюдала за моими действиями. Достал маленький тюбик циакринового клея, который мгновенно твердеет и растворяет его ничем нельзя. Нашел толстую авторучку «Паркер» и, не раскрывая ее, ввел куда следует примерно на половину длины. Томочка взвизгнула. Я надел резиновые перчатки и, быстро выдавив клей на волоски, обрамляющие ее самое любимое мной место, мгновенно соединил их. Клей тут же затвердел, склеив даже перчатки.

Я вынул ручку, с удовольствием поводил ее у своего носа и сказал обескураженной девушке:

— Теперь тебе можно будет общаться только с таким джентльменом, у которого член тоньше этой ручки. Но ведь это же совсем неинтересно! А приедешь «честной» — распломбирую тебя, срежу волоски и буду любить, как Данте свою Беатриче! Поцеловав мою Томочку в «пломбу», я одел ее и проводил домой.

— Будь паинькой в Киеве! — посоветовал я ей. — И знай, что я тебя жду в Курске!

Домой я возвращался довольный, что выполнил свой рыцарский долг за себя и за того парня, Митрофаньча то бишь.

Через неделю Томочка вернулась из Киева, и мы встретились на квартире у моего приятеля. На все мои вопросы Томочка презрительно отвечала: «Сам увидишь!» И я увидел то, чего никак не ожидал — пломба цела! Напрашивалось два варианта: первый — то, что она действительно ездила в Киев к подруге;

второй же я с гневом отмечаю, так как Томочка — юное провинциальное создание — не допустила бы такого разврата. Не подсказывайте, и другого тоже!

Одним словом, пломбу я распечатал, место пломбировки обработал бритвой и стал любить мою верную подругу как средневековый рыцарь свою даму, даже еще страстнее.

А новый «пояс верности» я хотел было запатентовать, но передумал. Все равно никто за идею не заплатит, будут пользоваться тайно, и попробуй подлови их!

Надо сказать, что моя Томочка-Мэрилин была большой авантюристкой в сексе. Откуда это — с рождения или научил кто — я так и не узнал. Но ее очень привлекал секс в необычных условиях. Нет, это не было непреодолимым либидо, когда уже становится безразличным, где ты находишься — на чердаке, в погребке или переполненном вестибюле метро. С таким явлением я уже встречался. Для Томочки же главным для сексуального возбуждения было непривычное окружение, экстремальные условия, что ли. И если в постели она была обычной молодой женщиной, не выделяющейся ничем особенным, то в экстремальных условиях она превращалась в настоящую женщину-вамп.

Я это понял с первых же наших встреч. Купе поезда, где мы были впервые близки, для Томочки — это тоже экстрим. Она раньше ни с кем в поездах не «сближалась». Поэтому и показалась мне необычайно страстной, по крайней мере, для своих восемнадцати лет. В привычных квартирных условиях она была просто ласковой и улыбчивой молодой женщиной.

Но вот как-то мы пошли в гости к одной ее подруге, жившей в доме на Красной площади (напоминаю, что жили мы не в Москве, а в Курске, где тоже есть Красная площадь, и она тоже главная в городе!). Родители подруги собрались в театр, а мы в это время планировали уединиться в одной из комнат. Но почему-то в театре им не понравилось, и они неожиданно заявили, к счастью, еще до того, как мы надумали уединиться. Успели выпить только немного вина — нашего любимого «Кокура». Наскоро попрощавшись, мы вышли и сели в лифт.

Томочка нажала кнопку первого этажа, лифт пошел. И вдруг с авантурным блеском в глазах Томочка предлагает мне подпрыгнуть в лифте вместе с ней.

— Это к счастью, Котя, это к сильной любви — вот увидишь! — скороговоркой выпалила она, и прежде чем я успел подумать о последствиях этого поступка, мы подпрыгнули.

Несмотря на то что мне шел тридцать пятый год и я уже был доктором наук, я ничего не знал о прыжках в лифтах. В Тбилиси, в доме, где я жил лет до двадцати, лифтов и в помине не было.

В Москве в общежитии МИИТа и «Пожарке» их тоже не встречалось. Лифт был только в нашем доме в Тольятти. Но прожил я там всего около года, причем лифтом почти не пользовался — боялся, что застрянет, это с ним частенько случалось. Поэтому о прыжках в лифте я и не задумывался.

Между тем молодежь, проживающая в многоэтажных домах, этим приемом пользовалась давно и успешно. Пока пассажиры стоят в лифте на полу, тот немного проседает и замыкает контакты. Если же высоко подпрыгнуть, то пол приподнимается, и размыкает эти контакты, лифт «думает», что в кабине никого нет, и останавливается, причем ни на какие нажатия кнопок больше не реагирует. Еще бы — ведь в нем вроде никого нет! Да и вызвать снаружи его уже нельзя. Я не знаю, как обстоит дело в новейших конструкциях лифтов, но в то время, да и сейчас в доме, где я живу, лифты именно такие. Вот молодежь и пользовалась этим приемом, чтобы «уединиться» хоть на полчасика, чего в большинстве случаев хватало.

Итак, наш с Томочкой лифт остановился, и свет в нем потускнел. Я опешил, но моя юная леди уверенным движением обняла меня за шею и притянула мою голову к своей. Я увидел необычайно близко вдруг ставшие бесстыжими прищуренные с сумасшедшинкой глаза. Из полураскрытого рта исходило частое, возбужденное дыхание со свежим душистым запахом «Коккура», который мы только что пили. Голова моя пошла кругом.

— Ну что, давай! — уверенно прошептали губы Мэрилин, и руки ее отпустили мою шею.

— Ты что, Мэри, сейчас монтер придет, как можно! — перепуганно бормотал я.

В бесстыжих Томочкиных глазах появилось легкое презрение, и она со знанием дела сказала:

— Монтер придет не раньше чем через час, и то если только кто-нибудь его вызовет.

Она нажала кнопку вызова и серьезно назвала адрес, номер подъезда и строго спросила, когда придет монтер.

Из трубки виновато отвечали, что сейчас монтер на вызове, но как только явится, его тут же направят...

— У нас есть час, не меньше — тебе хватит? — Томочка смотрела на меня глазами вампира.

— Мэричка, но я не готов, я не знаю, как это делается в лифте! — взмолился я.

Но Томочка, смеясь, снова приблизила мои глаза к своим, притянув мою голову чуть ли не за уши, и стала стыдить:

— Мой маленький Котя не знает, как это делается в лифте? Доктор наук не знает таких простых вещей? А вот я сейчас его научу, а потом приму экзамен, как ты у меня по теоремеху!

И она научила меня тому, «как это делается в лифте». О, это намного лучше, чем математика, сопромат, даже моя родная теоретическая механика! Как жаль, что это произошло со мной только единственный раз в жизни, но я его не забуду никогда! Как я ругаю себя, что больше не предложил сделать это ни той же Томочке, ни кому-нибудь другому. А сейчас уже поздно, да и выглядеть будет смешно и нелепо! Призываю вас, если есть такая возможность и вы еще молоды — попробуйте **это** в лифте! Если вы не знаете, как это делается, спросите у вашей дамы — молодые и красивые дамы это хорошо знают! А с немолодыми и некрасивыми лучше в лифтах не ездить. Идите пешком, так полезнее для здоровья!

После этого случая я понял две вещи. Первая: действительно, подпрыгнуть с красивой девушкой в лифте — это к счастью и сильной любви. Вторая: скорее всего, этот опыт был для Томочки не первым, думаю даже, что опыты проводились и в этом самом лифте в доме на Красной площади!

Другой раз моя юная леди пригласила меня к себе домой в отсутствие родителей. Мамы ее я не боялся — Томочка часто соединяла нас по телефону, когда я звонил ей.

— Поговори с тещей! — смеясь сообщала она мне и передавала трубку маме.

Мне было неловко отказываться и я, смущаясь и притворяясь более «культурным», чем был на самом деле, долго разговаривал с «тещей». Оказалось, что «теща» была моей ровесницей, и голос ее был почти неотличим от Томочкиного.

Однако отец Томочки, как человек уже немолодой и к тому же ответственный работник обкома партии (а партия тогда была только одна и к тому же очень страшная!), вызывал во мне ужас. Потом, пообщавшись с ответственными работниками этого обкома, я понял, что они нормальные, а часто даже веселые и озорные люди. Но тогда я этого не знал и боялся папашу невероятно. Когда я отказался пойти к ней домой, Томочка надула губки и привела мне неопровержимый довод:

— Я-то к тебе ходила, когда твоя жена была в Тбилиси, и ничего! А ведь мне тоже страшно было!

Честно говоря, я не заметил, чтобы Томочке было у меня дома страшно. Если бы это было так, то она не перемерила бы все наряды моей жены Лили (они были одинакового роста и комплекции), а тем более не попросила бы поносить ее шубу, пока та в отъезде.

Но довод был силен, и я наконец согласился. А зря, потому что в квартире Томочки я испытал второе в моей жизни сексуальное фиаско. Первое было у меня с царицей Тamarой в ее загадочной квартире в центре Москвы, после бессонной ночи,

проведенной под ее окном в виде барельефа. Второе же застало меня в комфортабельной, приветливой квартире Томочки, с такой страстной и ласковой молодой хозяйкой.

Дело в том, что не успели мы лечь, причем в удобную двухспальную родительскую постель, как в дверь позвонили. Звонки были долгими и частыми, они чуть не доконали меня. Ясно было только, что это не родители, у них имелись ключи. Но и чужой человек не стал так долго и настойчиво звонить. После небольшого перерыва, когда я худо-бедно снова почувствовал себя мужчиной, звонки возобновились. От ужаса я готов был залезть хоть в унитаз.

Но удивительно, что в период этих озверелых звонков Томочка чувствовала себя комфортнее всего. Казалось даже, что именно тогда она испытывала высшее удовольствие, но я не ручаюсь, мне было не до этого. Сейчас мне кажется, что Томочка сама инсценировала эти звонки, чтобы обстановка была по-экстремальней. Попросила, наверное, подругу-соседку периодически выходить из своей квартиры и звонить понаглее. Так повторялось раза три-четыре. Но мне этого было достаточно, чтобы временно стать полным импотентом.

Я чуть ли не на коленях упрямил мою суровую госпожу (а именно так и вела она себя во время этих ужасных звонков) отпустить меня восвояси. Полностью одетый, даже в галстук, я стоял наизготовку возле дверей, когда Тамара осматривала лестничную клетку и вызывала лифт. За это время я успел допить «из горла» початую бутылку нашего любимого «Кокура» и, услышав грохот прибывшего лифта, опрометью кинулся за дверь.

Анализируя происшедшее, я все-таки спросил мою Мэрилин, как она решилась использовать для наших предполагаемых утех родительскую постель.

— Просто она шире и удобнее моей, — искренне удивилась Томочка, — а потом, мама сама посоветовала мне это, узнав, что я приглашаю тебя.

Да, секс в родительской постели, эти страшные звонки в дверь одновременно с оргазмом — все это неспроста, все это сложнее моего примитивного понимания секса. И вообще Тамара — это имечко непростое, его с бухты-барахты, наверное, девочкам не дают!

С тех пор я просто не переносу громких звонков в дверь. Когда я слышу их сейчас, бегу не к двери, а подальше от нее — прятаться.

Или еще — надумали мы с Томочкой как-то в феврале в воскресенье поутру поехать к моим друзьям в деревню под Курском. Те собирались на охоту или на подледный лов рыбы, сейчас точно не помню, а теплый дом на это время оставался в нашем полном распоряжении.

Но деревенский дом, видимо, показался Томочке недостаточно экстремальным, она к отъезду опоздала, и друзья, не дождав-шись нас, уехали. Мы, не зная куда себя девать, зашли в рестора-н «Соловьиная роща». Он находился в живописном месте, в роще, где речка Тускарь впадает в речку Сейм. Ресторан еще пустовал, было около одиннадцати утра, и мы заняли одну из кабинок со столиком.

Мы, не торопясь, пили наш любимый «Кокур», закусывали, разговаривали. Приветливая официантка предложила нам про-гуляться в роще, оставив свои вещи в кабинке.

— Ресторан все равно пуст — сидите хоть до вечера! — за-метив наш настрой, посоветовала она.

Мы вышли. Солнце сияло и грело, снег слепил глаза. Томоч-ка повлекла меня в чащу, где было не так светло и как-то даже интимно. Привычные объятия за шею, знакомый бесстыжий взгляд прищуренных глаз. Что ж, погода и местность распола-гали, монтера или родителей ожидать не приходилось, народу — ни души!

Любовь в Соловьиной роще, да еще зимой — это романтич-но и экстремально. Так что мы оба остались довольны и верну-лись в свою кабинку допивать душистый «Кокур». Закусывали теплым хачапури и пирогом с грибами — фирменным блюдом «Соловьиной рощи». Часа через два мы снова пошли прогулять-ся, провожаемые понимающим взглядом нашей официантки.

Последний раз мы пошли «гулять» часов в восемь или девять вечера, когда было уже совсем темно. Мы остановились на по-ляне недалеко от ресторана. Приветливые огни и музыка отту-да, полная луна, освещавшая поляну с искрящимся от мороза снегом — ну просто сказка о любви! Я привычно повлек мою прекрасную даму к дереву, но она, топнув ногой, озорно прика-зала:

— Давай ляжем!

— Как ляжем? — удивился я. — На снег, в двадцатигра-дусный мороз?

— Да, ты постелишь свое комиссарское пальто и мы ляжем. Надоело все делать по-звериному! — насмешливо провозгласи-ла моя выдумщица-Мэрилин.

Я скинул мое теплое с меховой подстежкой кожаное пальто (еще то, что купила мне Таня) и расстелил его на снегу. Снег как перина, не менее полуметра глубиной! Мы удобно расположи-лись, все прошло прекрасно. И вот, лежим мы уже довольные на спине, глубоко дышим, любимся на полную луну... Вдруг из чащобы со страшным треском вырывается что-то подобное танку или бронетранспортеру и, резко затормозив, замирает прямо над нами. Перепуганные, мы приподнимаем головы и ви-дим... лося! Я редко видел лосей, тем более находясь в такой ро-

мантической обстановке. Этот огромный зверь с гигантскими рогами показался мне тогда размером с многоэтажку. Как Кинг-Конг, только лосиного племени!

Но особенно поразили меня не размеры лося, а... его глаза, обращенные прямо на нас. Наклонив над нами голову с огромными рогами-деревьями, освещаемый полной луной, зверь смотрел на нас с удивлением на лице, да, да, именно на лице. Глаза лося, казалось, вылезали из орбит от изумления — он смотрел на нас пристально, не мигая. О чем он думал тогда, за кого он нас принимал? Судя по размерам, и по тому, что он жил в черте города, с людьми он встречался частенько. Но, видимо, за свою жизнь он ни разу не видел, как два «гомо сапиенса» ночью, в двадцатиградусный мороз, лежат себе весело рядышком на снегу и, как ни в чем не бывало, попахивают молдавским «Кокуром»! Наконец лось громко и, как мне показалось, презрительно фыркнул, а потом так же внезапно, с таким же треском исчез в чаще.

Мы спешно вернулись в ресторан и посидели там до самого его закрытия.

Официантка позволила нам это сделать, хотя все гости уже давно ушли. Мы попросили ее подождать до одиннадцати, чтобы побить рекорд — двенадцатичасовое пребывание в ресторане. Правда, с небольшими прогулочками, но это не в счет — уходят же люди со своих столиков потанцевать или еще куда-нибудь. Вот и мы отлучались ненадолго по своим делам, на встречу с сохатым, например!

ЩУЧЬЯ ИКРА

Наступило лето, отпуск и пора спокойной любви. Без постоянных разъездов, конспиративных квартир и нелегальных встреч. Лиля — на Кавказ с детьми, а я — по «пробиванию диссертации в ВАКе», то есть в Москву к Тамаре. Тамара была уже вполне здорова, активна, только волосы на голове росли очень уж медленно — их еще несколько раз брили. Она начала уже прилично «поддавать» и, что хуже всего, ревновать меня. К жене, к неизвестным ей женщинам из ИМАШа, к той, с кем я иногда ежу в поезде. Я несколько раз не позволял Тамаре провозить меня на вокзал, понимая, что она не будет рада увидеть Томочку со мной в двухместном купе. Это и вселило в нее подозрения...

Несколько раз она приходила в ИМАШ, якобы к Моне по научным вопросам. Но кому надо и не надо заявляла:

— Видите ли, я — любовница Нурбея Владимировича!

Лора была возмущена до предела.

— Как ей не стыдно показываться в лаборатории, где все так любят и уважают жену Нурбея Владимировича! — такую мысль высказала она на «женсовете» лаборатории.

Моня хохотал до слез:

— Нет предела женскому ханжеству! Кто-то говорил бы, но только не Лора! Ведь вся лаборатория, даже весь институт знает, кто она тебе!

Тут самый раз вспомнить, что перед самой защитой докторской у меня завелся в Москве друг, настоящий и близкий. Это был сотрудник одного из сверхсекретных КБ, с которым мы вели хозрасчетную работу по супермаховикам. А кроме сугубо научно-технических вопросов мы сошлись с ним на сексуальной почве (бога ради, не подумайте ничего дурного!). Конечно же, он был знаком и с Лилей, и с Лорой, и с Тамарой, и с Томочкой.

Но Элия (это старинное еврейское имя), или, как я его называл, Элик, был сексуальным гигантом. Ему нравился секс втроем, но для этого нужен был надежный напарник-мужик. Который не разболтает никому, в том числе и жене (а Элик был женат, причем на очень доброй и красивой женщине!), да и не «наградит» ничем. И главное, понравится даме, которой уже нравится Элик.

И выбор Элика пал на меня. Теперь я, приезжая в Москву, утром же звоню Элику и узнаю: «задействован» ли я сегодня. Если нет — иду с вечера к Лоре (для меня она всегда была свободна) и на ночь остаюсь с ней — одной или с подружкой.

Если же «задействован», то на ночь иду все равно к Лоре, а днем «отрабатываю» дружбу с Эликом. Дело в том, что успех в таком предприятии выпадал «фифти-фифти».

Встречались мы обычно на конспиративной квартире, которую Элик снимал или «одадживал» у друзей. Сценарий был таков: я ждал у дома, когда Элик и «девочка» зайдут в подъезд. Минут через двадцать я звонил в дверь. Парочка уже обычно сидела на кухне и выпивала. Мне наливали, я присаживался, выпивали еще, а потом я выходил в туалет. В это время они заходили в комнату, «девочка» раздевалась и ложилась в постель. Я выходил из туалета и громко кашлял. Элик выходил из комнаты и объявлял вердикт.

Вариант первый (мрачно, с сожалением): «Девочка сказала, что ты ей физически неприятен! Прости, друг!» Мы целовались с Эликом, и я уходил к Лоре пораньше.

Вариант второй (радостно, скороговоркой): «Раздевайся на кухне и неожиданно войди минут через пять!»

Чего ради дружбы не сделаешь! Поступал, как приказано, и бесстрашно входил... Не надо нездоровых эмоций, ничего сверхъестественного не происходило, вы все видели это мил-

лион раз в соответствующих фильмах. Клянусь, что было все так, как там, без существенных отклонений!

Иногда «девочка» не устраивала меня, тогда я тут же, после первой рюмки, отзывал Элика и говорил: «Элик, я столько не выпью и не сумею помочь тебе! Прости друг!» Мы целовались с Эликом, и я опять же уходил к Лоре пораньше.

Но были и нестандартные случаи. Как-то раз я уже собрался сообщить Элику, что столько не выпью, но он сделал ужасные глаза и сказал: «Это невозможно! Она помогла мне купить мебель и я обещал ей групповуху! Кровь из носа — надо!»

Тогда я зашел на кухню снова, выпил стакан водки и снял с себя тельняшку. Элик выпил и тоже разделся по пояс. А надо сказать, что Элик — толстячок, такой жирненький, гладенький, красивый толстячок. Сама же «девочка» — еврейка, лет пятидесяти, упитанная и выглядевшая чуть старше своего возраста. Она сообщила Элику, что ни разу в жизни не изменяла своему мужу, видимо, тоже жирненькому толстячку. И вдруг решила изменить, причем сразу с двумя — анекдот!

Вот сидим мы с Эликом раздетые по пояс, пьем водку, базарим о чем-то, а «девочка» глаз не сводит с меня, так и шарит взглядом по моему телу. «Радуетя, дура, какое счастье ей привалило, — думаю я, — такого качка поиметь за какую-то мебель!»

И вдруг «девочка» спрашивает меня:

— Извините, пожалуйста, вы не обижайтесь, конечно, но я хотела вас спросить, вы что, больны чем-нибудь — у вас все тело в буграх!

У Элика глаза на лоб вылезли:

— Дура, это же мышцы!

— А почему у моего мужа или у тебя нет такого, наверное, молодой человек болен чем-нибудь?

Как Элик ни крутил пальцем у виска, как он ни призывал «девочку» вспомнить американские фильмы про суперменов, она была непреклонна.

— Я верю своим глазам, а не американским фильмам, которые я не смотрю. Ты привел мне больного молодого человека! — твердила упрямая пожилая «еврейская девочка» — «аидиш киндер».

Я быстренько, пока «аидиш киндер» не одумается, оделся и, поцеловав Элика, сказал: «Прости, друг, на этот раз я девочке, кажется, физически неприятен!»

Элик плакал и матюгался одновременно — весь труд, и труд тяжелый, безрадостный, падал теперь на него одного. Что ж, свою мебель надо самому и отрабатывать!

А в другой раз произошел курьез совсем иного рода. Как-то один знакомый, уезжая в длительную заграничную командировку, ус-

тупил Элику свою квартиру в центре Москвы. И Элик нашел девочку на всю ночь, о чем строжайше предупредил меня по телефону: «Явка обязательна!»

Что ж, обязательна так обязательна, встретились вечером. Я оказался физически приятен «девочке», и она мне тоже. Упитанная, плотная спортсменка лет тридцати, уже на тренерской работе. Сказала мужу, тоже спортсмену, что едет на день в командировку по делам в Калугу, мол, там вскоре должны проводиться соревнования и надо уладить формальности.

Мы улаживали эти формальности целую ночь. Но главное не в этом, а в том, что Элик устроил для нас званый вечер со всякими деликатесами, в том числе и со щучьей икрой. Я никогда раньше не ел жареную щучью икру, и она, в отличие от черной, мне очень понравилась, особенно под водку. Я съел ее почти столько же, сколько и знаменитый чеховский дьячок из Уклейки. Ему говорили: «Батюшка, это не каша!», а он отвечал: «Сам вижу, сын мой, что не каша!» «Батюшка, это целковый стоит!» А он: «Стоит, сын мой, стоит!» — пока не съел всю икру.

Я, конечно, всю икру не съел, но уж лучше бы доел ее до конца.

На следующий день Элик пригласил в эту же квартиру нас с Тамарой. Я предупредил его, что Тамара страшно ревнива и чтобы он вдруг не проговорился. Элик с пренебрежением выслушал меня и отрезал: «Ты знаешь, кого ты предупреждаешь? У меня первая форма секретности, я государственными тайнами владею! А ты про бабу, про ревность!»

Что ж, пришли мы вечером в гости к Элику. Я якобы только утром с поезда, весь вокруг Тамары увиваюсь, здороваюсь с Эликом, целую его, давно, дескать, не виделись. Все путем!

Усадил он нас за стол, и надо же было ему опять предложить мне эту щучью икру. А мне она вчера так приелась, что я и отвечаю: «знаешь, мол, я с детства не люблю щучью икру».

— А вчера так полкило слопал, — заворчал Элик и осекся.

Так и остался стоять этот «сверхсекретный агент» с открытым ртом.

Тамара перехватила мой красноречивый взгляд и медленно встала со стула. Я тоже медленно встал. Она схватила столовый нож со стола и — ко мне. Я — от нее. Так мы и бегали вокруг стола (а он был большим и круглым) минут пять, пока Тамара не утомилась. Она положила нож, присела, улыбнулась змеиной улыбкой и сквозь зубы сказала: «Тебе это так не пройдет!»

Мы с Эликом горячо убеждали ее, что это всего лишь шутка, что я никак не мог быть вчера здесь и так далее. Тогда Тамара попросила меня показать ей билет на поезд, которым я прибыл.

Билета, разумеется, не было. Номер поезда и время его прибытия я тоже точно назвать не смог — их через Курск шла целая куча.

И Тамара отомстила мне. Через много лет она призналась, что совратила Моню. Причем сразу же после вечера у Элика. Позвонила Моне в ИМАШ как бы по делу, встретились и пошли к нему на квартиру. Там и предали меня, сволочи!

Но это случилось всего раз. Моня признал факт измены дружбе, но один только раз. Сколько она потом ни соблазняла его, Моня не поддавался.

Вот как вредна для любви щучья икра! Не было бы этой щучьей (так и хочется сказать «сучьей»!) икры, не было бы и измены мне сразу двух друзей — Тамары и Мони!

ЗАГУЛ

Несмотря на некоторые трудности в ВАКе, меня вскоре утвердили в ученой степени доктора.

В тот же день мы с Тамарой обмывали мое утверждение в ресторане гостиницы «Националь», в том старом корпусе-коробке, что уже разрушили. Познакомился и танцевал я там с очаровательной шведкой лет четырнадцати, не по годам рослой. Та, в свою очередь, представила меня своей маме, тоже очаровательной, тоже шведке, но лет тридцати. Не успели мы по душам разговориться по-английски, как подошла Тамара и, надавав мне подзатыльников, увела прочь. Шведские «мать и дитя» хохотали от души.

А на следующий день выпивали мы уже в ИМАШе, в лаборатории, при закрытых дверях.

— Что это ты все с одной да с одной ходишь? — недовольно спросил меня один из сотрудников Мони, мой приятель по имени Алик, — да еще она и сюда повадилась ходить. Слопает она тебя и не моргнет! Хочешь новую бабу, молодую, лет двадцати? — предложил Алик. — Сегодня же!

И он набросал план действий. Я звоню на работу к Тамаре, говорю, что выпиваю сегодня допоздна с друзьями и там же остаюсь на ночь. Алик звонит своей «бабе» — молоденькой девушке, и предлагает встретиться, только чтобы та привела свою подругу. Встречаемся и идем на квартиру к Алику, где две комнаты — на всех хватит.

Разгоряченные выпивкой и масштабom планов, мы пришли на место встречи и обнаружили только Любу, знакомую Алика. «Моя», по имени Люда, должна была скоро прийти. Алик ее хорошо знал и, что греха таить, имел на нее определенные виды. Тут ему в голову пришел гениальный план.

Он отозвал меня в сторону и спросил, нравится ли мне Люба. Получив утвердительный ответ, он раскрыл мне свой план. Мы берем в магазине чего надо, Алик дает мне ключи и мы с Любой едем к нему на квартиру. Сам же он остается ждать Люду и приедет позже. Эта «легенда» — только для Любы. На самом деле Алик и Люда поедут к нему на дачу, а я остаюсь с Любой и поступаю с ней как заблагорассудится.

Но «хотели как лучше, а получилось как всегда». Иначе говоря, Люба-то со мной пошла, а вот Люда идти с Аликом отказалась. Они поссорились, и Алик уехал один. Мы же с Любой, утомившись ожиданием друзей, стали выпивать сами. А тут позвонил Алик и сказал Любе, что он сегодня к нам не приедет и мы можем поступать как захотим. Я услышал только, что Люба обозвала кого-то по телефону свиньей.

Мы допили все, что оставалось, и легли спать. Люба произвела на меня отличное впечатление, и уже утром я предложил ей взять отпуск и ехать со мной на море. Она согласилась. Я выезжаю днем в Мамонтовку и беру свой портфель. Тете Полли говорю, что с Тamarой все согласовано.

Вот тут кончается все хорошее и начинается один кошмар. В ИМАШ, где я сидел и точил лясы с Мoneй, звонит Тамара и строжайше приказывает мне прибыть в Мамонтовку. Иначе она едет к Бусе на субботу и воскресенье! Но у меня сегодня, то есть в пятницу, в шесть вечера встреча с Любой. Я иду на встречу с Любой, но ко мне подходит темноволосая девушка и называет себя Людой. Говорит, что Люба занята и попросила ее как подругу провести вечер со мной. Девушка мне понравилась, и я пригласил ее к Алику, благо сам он на даче.

Ближе к ночи Люда ни с того ни с сего собирается домой и, несмотря на мои протесты, уходит. Я в прострации: в Мамонтовку ехать уже поздно, одному оставаться — ох как не хочется. Звоню домой Любе, она предлагает мне завтра, часов в двенадцать, приехать к Алику на дачу — есть ко мне важный разговор.

Время уже за полночь, выхожу из дома немного проветриться и привести мысли в порядок. В телефонной будке стоит рослая, хорошо одетая красивая девка, почему-то босая, и пьяным голосом кричит в трубку:

— Гиви... твою мать, дай мне Шоту! Шота — ты? А где он? Тьфу, твою мать! — плюет в трубку и бросает ее висеть на проводе.

Я строго выговариваю ей, что так делать не следует, вешаю трубку и замечаю, что с грузинами, да и вообще с кавказцами дело иметь опасно...

— Тебя как зовут? — вдруг спрашивает девица с отчаянным выражением на лице.

«Влиц, — думаю я, — это же курам на смех: советую не иметь дела с кавказцами, а сам — при таком имени...»

И отвечаю ей по-еврейски — вопросом на вопрос:

— А тебя?

— Я Маша! — пьяным голосом отвечает девица, выходит из будки, берет меня под руку, — пошли!

— Куда? — в ужасе спрашиваю я.

— К тебе, ко мне — безразлично! Мне плохо — понимаешь? — заглядывая мне в глаза, быстро говорит босая Маша.

— Как не понять — самому плохо! — отвечаю я и, взяв грех на душу, веду Машу в квартиру Алика.

Мы выпиваем, что осталось, а осталось почти все; Маша несет какую-то ахинею про ее любимого Шоту и «пидараса» Гиви. Она плачет, целует меня и спрашивает, не грузин ли я, так как очень похож на ее Шоту...

Маша сама тянет меня в койку и ведет себя там очень страстно, приходится даже прикрывать ей рот, чтобы соседей не испугать. Потом мы выпили еще и забылись.

Просыпаюсь я часов в шесть, Маши нет рядом. На цыпочках выхожу из комнаты, а моя рослая босоногая фея, в чем мать родила, роется в ящиках Аликиного комода...

«Вот почему Шота "игнорирует" Машу — она же воровка!» — доходит до меня.

— Маша! — громко крикнул я, голая леди вздрогнула и выпрямилась, — у тебя туфли украли?

— Украли, — кивает она головой, как болванчик, — украли!

— Но разве это хорошо, — продолжаю я, — вот ты и ходишь босая! Квартира эта чужая, понимаешь ли ты, подо что меня подводишь? Ложись! — как офицер солдату, приказываю я.

Маша забежала в «нашу» комнату и мигом исполнила приказ.

«До чего ж хороша девица, — между делом думаю я, — и красива, и страстна — а воровка! Да и проститутка, уж точно! Жалко, а какой любовницей могла бы стать!»

Утром она выпила крепкого кофе, я — чаю. Даю ей двадцать пять рублей на туфли; не итальянские, конечно, но неплохие советские купить можно. И выпроваживаю с поцелуем за дверь. Мне пора ехать на дачу Алика, а это верст семьдесят на электроричке, а потом пешком километра четыре.

Преодолеваю этот кошмарный путь, калитка на участке открыта, стучу в дом. Двери открывает Алик и таращит глаза от удивления:

— Что случилось? Пожар, ограбление?

— Да нет, с квартирой все в порядке, а Люба — у тебя?

Глаза у Алика вытаращились по максимуму, и он только спросил:

— А с тобой тоже все в порядке? Что она здесь забыла?

Тогда я пояснил ему ситуацию, и он все понял.

— Девки сговорились и решили нас проучить — пока тебя, да и мне, видимо, надо ждать подлянку! Хочешь, оставайся — погуляем, выпьем, а хочешь — иди, выясняй отношения!

Я поблагодарил и побежал на станцию. У меня начиналось состояние лихорадочной любовной гонки, такое состояние Цвейг, если помните, называл «амок». Что делать? Звонить Любе, выяснять отношения? Ведь мы с ней договорились ехать на море. Кто лукавит — Люба или Алик? А вдруг Люба — у Алика на даче, спряталась в доме? Тогда зачем он приглашал меня остаться?

Еле дотерпел до прихода электрички, прибыв в Москву, наменял на вокзале двушек и принялся звонить по автомату.

У Любы в трубку ответил мужской голос, попросил назваться. А когда я это сделал, то послал меня матом подальше. Мне показалось, что говорил он с армянским акцентом. Тогда я снова набрал номер Любы, и когда услышал его «але?», то вслух вспомнил все самые грязные армянские ругательства. Я продолжал их вспоминать даже тогда, когда трубку повесили. Все — Любу надо вычеркивать!

Меня била лихорадка. Решено — звоню Бусе.

— Привет! — добродушно откликается Буся.

— Позови Тамару! — прошу я.

— Тамар, тебя! — кричит Буся, потом в трубке слышится перебранка, и Буся удивленным голосом отвечает мне: — Не хочет подходить! Разбирайтесь сами, не впутывайте меня в свои дразги! — уже кричит Буся и вешает трубку.

Я в бешенстве — куда податься? И вдруг я вспоминаю — Таня! Моя самая яркая любовь в молодые аспирантские и даже «кандидатские» годы! Звоню.

— Таня, я в Москве проездом, так хочу видеть тебя, как, зайти можно?

В трубке долгое молчание, а затем Таня отвечает:

— Хорошо, заходите, Нурбей Владимирович!

Заметно, что она немного выпила. Бегу, лечу к Тане. Успеваю взять бутылку и цветы. Таня дома одна, но смотрит странно, говорит на «вы».

— По какому случаю вспомнили обо мне? — с вызовом говорит Таня, на глазах ее блестят слезы, — узнали, что замуж выхожу?

Я только рот открыл. Вот этого не ожидал! Хотя женщина она — молодая, красивая!

— За кого? — интересуюсь я.

— Ты его должен знать, — в ЦНИИСе работает, кандидат наук, — и Таня назвала фамилию.

Я припомнил невысокого крепкого человека, боксера, кажется. Чуть старше меня, а вот как звать — забыл.

— Нурбей Владимирович, — Таня снова перешла на «вы» и голос ее стал серьезен, — подумайте, и если у вас отношения ко мне серьезные, то я дам ему отвод!

Я опять остался с открытым ртом. Таня плакала, уже не сдерживаясь. Я открыл бутылку, налил ей и себе. Выпив, она успокоилась.

— Сколько пережила, ты же ничего не знаешь! — только начала Таня, и тут раздался звонок.

Таня вышла открыть дверь и вернулась вместе с женихом. Жених с подозрением кивнул и вынул из портфеля бутылку водки.

— У тебя, я вижу, гости! — угрожающим тоном проговорил он, обращаясь к Тане.

— Брось ты, давай лучше выпьем! — предложил я и разлил мою бутылку по стаканам.

Молча выпили. Вдруг Таня, не выдержав напряжения, разрыдалась. Жених сжал кулаки.

— Уходите, Нурбей Владимирович, лучше уходите! — рыдая, причитает Таня. — Ничего хорошего из этого всего не выйдет!

Я только хотел спросить, из чего этого «все» ничего не выйдет, как вдруг получил резкий удар в челюсть. Из глаз — искры, сознание — сумеречное. Тут поднялся крик вперемежку с матом. Опомившись, я схватился за холодильник и нанес мой любимый удар ногой в живот обидчику. Тот падает, успев схватить меня за туфлю. А так как туфля была без шнурков, то свободно снялась и оказалась в руках моего оппонента. Зато нога осталась со мной. Таня обхватила жениха руками, не давая ему продолжать драку. Я осмотрелся, ухватил с холодильника непочатую бутылку водки и хотел было врезать обидчику. Но передумал, сунул ее за пояс и, как был без туфли, так и выскочил за дверь.

Но это уже был не я, а неразумный, одичавший зверь. Я помнил квартиру Буси на Сиреневом бульваре и решил ехать туда.

«Убью обоих гадов!» — вертелась пьяная мысль в голове. Но все-таки решил снова позвонить из автомата.

— Буся, я еду к тебе! — страшным, с моей точки зрения, голосом проговорил я, — убью и ее, и тебя! Ждите расплаты! — добавил я и повесил трубку.

Таксист не хотел брать меня полубосого, но я авансом заплатил ему десятку, и тот поехал. Уже вечерело, смеркалось быстро. Я зашел в знакомый подъезд, поднялся на третий этаж и позвонил в дверь. Никто не открывает. Прислушался — за дверью тишина, тогда я мухой слетал вниз к автомату, набрал номер Буси

и повесил трубку на проводе. Снова мухой на третий этаж к двери. Слышу, из квартиры доносятся длинные гудки. Вот сейчас поднимут, думаю, трубку, тогда я выломаю дверь и выполню свой «кровавый план» — режу или душу обоим! Но трубку не берут, и я в недоумении спускаюсь вниз. Куда девать себя, я вот-вот взорвусь, как бутылка с карбидом в канализации (мой любимый опыт в школьные годы)!

Мимо идут, обнявшись, трое парней и, шатаясь, горланят песни. Я подбегаю, молча кидаюсь на среднего, хватаю его за горло, пытаюсь задушить. Двое других, что по краям, опешили, но потом заколошматили меня, чем попало. Я упал, пытаюсь встать, но тут недодушенный средний наносит мне удар ногой в живот. Я снова падаю и теперь надолго — дыхание перехватило. Парни уходят, снова обнявшись и продолжая свою песню.

Приподнявшись, я прислонился к дереву. Нащупал бутылку — она цела и даже не выпала из-за пояса. Раскрыв рот, потрогал зубы, все вроде целы. Глаза тоже. Жизнь продолжается!

Вдруг вижу на дороге едущий навстречу мне УАЗик. Головую — остановился. Глянув на меня, водитель решил было не брать, но я его упробил.

— Ребята, на меня напали хулиганы и изббили. Довезите домой, заплачу сколько скажете!

Подобрали, повезли.

— Ты хоть знаешь, на какой машине едешь? — весело спрашивает водитель. — Это же «синий крест» — скорая ветеринарная помощь!

— Это точно по назначению! — нахожу я силы улыбнуться.

Дома (у Алика, разумеется!) я помылся и завалился спать. Проснувшись что-то в полдень, я убедился, что практически цел, даже синяков нигде нет. Порылся в старых вещах Алика, нашел подходящие ботинки, размером, правда, побольше моих. И снова стал думать свою думу — куда податься?

Вдруг мысль — Лора! Если, конечно, она не уехала на дачу — ведь сегодня воскресенье. Звоню, с замиранием сердца слушаю гудки, и вдруг Лора сама подходит к телефону. Делаю голос повеселее и побезразличнее:

— Лора! Привет! А ты чего не на даче?

— Ха-ха-ха, — загадочно смеется Лора, — а какие планы у тебя?

— Мои планы полностью совпадают с твоими! — отшучиваюсь я.

— Тогда приезжай! — тихо и загадочно зовет она.

И вот через час я звоню в знакомую генеральскую квартиру на Чистых прудах. В портфеле у меня «джентльменский набор» — две бутылки вина и цветочки. Лора встречает меня

празднично одетая, накрашенная и надушенная, с многообещающим взглядом. В комнате на столе — праздничная закуска, включая мои любимые маслины.

«Ах, Лора, ты, видать, тоже "на голодном пайке"! — удовлетворенно думаю я. — Тогда мы сегодня "два сапога пара"».

Ничего другого мне сегодня и не надо было — все происходящее в уютной и такой знакомой комнате Лоры было пределом мечтаний. «Хорошо, что не удалось убить вчера Бусю и Тамару!» — философски размышлял я, лежа с Лорой уже удовлетворенный.

А в понедельник утром мы с Лорой, как два голубка, вместе явились на работу в ИМАШ. Звонит телефон, и я привычно беру трубку.

— Але?

Пауза и после нее такой знакомый и любимый низкий голос:

— Ты в порядке?

— А что? — как обычно, «не по-русски», ответил я.

— А то, что мы с Бусей сидели в кустах и все видели. Как ты в одном ботинке с бутылкой водки за поясом гонял вверх-вниз по лестнице, как напал на чужих ребят, как они тебя отмутузили и как тебя забрала ветеринарная помощь! Что с тобой, чего ты хотел?

— Убить вас обоих хотел за прелюбодеяние, — с сожалением вздохнул я, — но, видишь, не вышло!

Мы помолчали.

— А теперь, — перешла на приказной тон Тамара, — немедленно приезжай ко мне во ВНИИТоргмаш, я хочу показать тебя народу, а то тут идут слухи, что ты меня бросил.

— Надо же, в Москве-мегаполисе, а слухи разносятся мгновенно, как в какой-нибудь Обояни! Однако бегу! — полностью осознавая свое поражение, покорно сообщил я и, поцеловав Лору, «почапал» в чужих ботинках во ВНИИТоргмаш, где работала Тамара.

Первым делом Тамара завела меня к своему начальнику и, подтолкнув вперед, сообщила:

— Слышь, бугор, эта пьянь и рвань вернулась!

Бугор незаметно подмигнул мне, я тем же макаром ответил ему, и меня повели дальше. Тамара заводила меня в разные комнаты и кабинеты, где сообщала одну и ту же новость, иногда добавляя:

— А кто-то говорил, что эта пьянь и рвань меня бросила!

Тамара немедленно оформила отпуск и повезла меня в Ма-монтовку. Появиться перед «тетей Полли» было для меня пуще ножа в печеньку, но я вытерпел и это.

— Проси у тещи прощения! — похлопывая меня по темечку, приказала Тамара.

— Простите великодушно, маменька, больше не повторится! — скосив глаза и испуганно мигая, пролепетал я.

— Да ну вас всех к лешему! — отмахнулась тетя Полли, и я, кажется, был прощен.

Мы хорошо выпили, попели немного в два голоса и легли спать.

«Нет, гулять, конечно, хорошо, но дома лучше, спокойнее!» — успел подумать я, уже засыпая после исполнения гражданско-супружеского долга.

ОДЕССА

Я предложил Тамаре поехать на море в Одессу, вернее рядом — в Ильичевск, к моему другу Феде Кирову, который постоянно приглашал меня в любом составе. Его жена Лера была демократичной женщиной, тем более Федя сказал ей, что Тамара — моя жена.

Встреча в Ильичевске была блестящей — вечером к нашему приезду стол был уже накрыт, а в качестве выпивки преобладало шампанское. Поддав как следует, мы уже почти ночью всей компанией отправились купаться на море.

Меня всегда поражали беспечность и безрассудство нас — русских людей. Едва держась на ногах, мы чуть ли не на четвереньках, как черепахи, заползли в море. Хорошо бы как черепахи морские, а то — как сухопутные, мы тут же стали тонуть. Я только и делал, что вытаскивал на берег уже почти захлебнувшихся Тамару и Леру, да и Федю пришлось долго толкать к берегу, так как прибой не позволял ему выплыть. И это все в крошечной тьме. Я аж отрезвел с перепугу.

По утрам я чаще всего ходил с Федей в его лабораторию — маленький домик на самом берегу моря. Там мы быстро решали возникающие научно-технические вопросы и, оставив сотрудников работать, шли купаться. К этому времени к нам присоединялись Лера и Тамара. Вечером же мы занимались одним и тем же — выпивали в квартире или, что было романтичнее, «в хижине дяди Феде», как мы прозвали лабораторию на берегу моря.

Федор очень любил Одессу, и мы часто наезжали туда. Мне Одесса не понравилась — люди там грубоватые, говорят очень громко, готовы обмануть тебя всегда и во всем. А женщины вообще ведут себя совершенно беспардонно.

Идем как-то всей компанией по пляжу, ищем место, где бы приземлиться. Видим — под большим зонтиком выпивает какая-то компания. И вдруг от компании отделяется и неровной походкой направляется ко мне жгучая брюнетка моего возраста в купальном костюме. Она машет рукой — остановись, мол.

Я стою в плавках и жду, что же будет дальше. А дама подошла, оценивающе оглядела меня с головы до ног и прокричала своей компании:

— Послушайте, этот чудак мне очень даже понравился!

И не обращая внимания на стоящих рядом Тамару и Леру, обнимает меня за шею и целует в засос. Я чуть губ своих не лишился от этого засоса — дама, видимо, решила взять у меня пробу желудочного сока на кислотность. Я вырывался, как мог, и освободился только с помощью наших женщин. А одесская львица, помахивая окороками, снова пошла к своим под зонтик.

Или другой пример. Зашли мы как-то в этот хваленый «Гамбринус», что на Дерибасовской. И что в этом «Гамбринусе» находили Куприн, еще кто-то там и восторгались им? Грязный подвал, пропахший прокисшим пивом и сигаретным дымом. С трудом нашли столик, смахнули с него рыбы скелеты и чешую, поставили свои кружки и положили раков. И тут же появляется фурия с грязной и мокрой тряпкой, обзывает нас «скотобазой», утверждает, что место нам не здесь, а «под Привозом». А затем начинает своей ужасной тряпкой вытирать столик, задевая наши кружки и наших раков. Я заметил, что у нее поранены почти все пальцы правой руки; пальцы перевязаны грязными бинтами, а поверх них надеты резиновые напальчники, похожие на детские презервативы. Вы после такого зрелища и такой встречи пришли бы снова в «Гамбринус»? Вот и я говорю...

Но настоящим шедевром нашего застолья в Одессе был вечер в ресторане, что на Морвокзале. Ресторан большой, красивый, стоял на сваях над морем. Выпили, конечно, неплохо, но не намного больше нормы. Я сижу, отдыхаю, Федя танцует с Лерой, а Тамара — с каким-то хмырем. Вдруг ко мне подкатывает наша официантка, толстая еврейка лет пятидесяти и огорошивает меня:

— А вы знаете, что ваша жена вот там целуется с каким-то чудачком, — и официантка пальцем указывает куда-то в глубь ресторана, — а я-то думала, что она интеллигентная женщина!

Я взбесился: нашла, где свои пьяные замашки демонстрировать! Обнаружив Тамару с этим хмырем, я влепил ей пощечину и, ухватив ее за край декольте, вырвал полосу до самого подола. Платье так и упало с ее плеч под аплодисменты присутствующих. Хмыря как ветром сдуло. А Тамара, оказавшись в нижнем белье, не осталась в долгу — хватает с чужого стола пустую бутылку и яростно разбивает ее о мою голову. Крик, шум... Прибегает наша официантка и требует оплаты по счету, прежде чем нас заберет милиция.

Лера подколола платье Тамары неизвестно откуда взявшимися булавками, Федя вытер у меня с головы кровь, и мы, рас-

платившись, собрались уходить. Официантка провожала нас со словами: «А я думала, что вы такие интеллигентные люди!»

Вышли мы на площадь у Морвокзала на остановку такси в весьма агрессивном настроении. Впереди нас в очереди была лишь одна компания, тоже четыре человека — пожилая еврейская чета и, видимо, их дети — мужчина и женщина нашего возраста.

Такси долго не было, и «антисемит» Федя стал приставать к пожилой чете (как оказалось, они отмечали «круглую» годовщину своей свадьбы), обвиняя их во всех бедах, в том числе и в отсутствии такси. В препирательства включились наши дамы и молодой еврей. А пока они ругались, я тихонечко отвел молодую еврейку за щиток с каким-то объявлением, и мы затеяли с ней поцелуйчики, все более увлекаясь этим занятием. Я до сих пор помню стремительно меняющееся выражение ее иссиня-черных глаз — сперва гневное, потом испуганное, затем восхищенное, а под конец — какое-то мученическое.

Но тут крики с остановки такси прервали наше занятие, и мы побежали на помощь в разные воюющие лагеря.

Посреди площади на спине лежал Федя, его пытались ударить ногами молодой и старый еврей, а Лера размахивала сумкой на ремне, отгоняя их от мужа. Тамара и старая еврейка растаскивали драчунов. Наконец Федя поднялся и накинулся на обидчиков. В этот момент из одноэтажного здания морской милиции, расположенной на площади над самой кромкой воды, выбежали милиционеры и потащили всех дерущихся «до себя».

А мы с молодой еврейкой припоздали, и нас не забрали. С грустью взглянув на щит, за которым нам так было хорошо, мы забарабанили в двери милиции — совесть взяла верх над чувством.

Вышедший милиционер пытался нас отогнать, но мы решительно заявили, чтобы нас тоже «забрали», ибо мы принадлежим к арестованным противоборствующим сторонам.

Сперва допрашивали еврейскую бригаду — с ними было все ясно, это была явно потерпевшая сторона. Затем их выпустили в предбанник и запустили «агрессоров», то есть нас. У меня единственного с собой был паспорт, и я, помахивая им, подошел к столу первым.

— Фамилия! — строго спросил лейтенант, составлявший протокол.

— Гулия, — ответил я, на что раздался веселый гогот милиционеров.

— Это не твоим ли именем назван наш флагман сухогрузов? — сказал лейтенант, указывая куда-то вверх.

Под потолком комнаты было длинное окно, в которое ясно было видно название пришвартованного корабля: «Дмитрий Гулиа». Я, конечно же, знал о таком корабле и даже был знаком с его капитаном. Этот корабль был назван в честь моего знаменитого деда.

Стараясь не волноваться, я сказал, что корабль назван не моим именем, но фамилией уж точно моей, ибо Дмитрий Гулиа — мой родной дедушка.

— А если я сейчас позвоню капитану и спрошу о тебе — он подтвердит?

Я ответил, что обязательно подтвердит, так как мы с ним хорошо знакомы — и я назвал имя, отчество и фамилию капитана.

Лейтенант захлопнул журнал протоколов, приветливо посмотрел на меня и предложил всем нам присесть.

— И чего вы связались с этими..! — лейтенант не стал вслух называть их обобщающим оскорбительным прозвищем.

Затем встал, вышел в предбанник и громко сказал: «Все свободны! И чтобы не хулиганили больше!» И, снова зайдя в комнату, он уже обратился к нам: «А если вам была нужна машина, зашли бы к нам, и мы вам помогли!»

Лейтенант вышел на площадь, где бедные евреи продолжали ждать такси. Он остановил первую проезжавшую мимо «Волгу», властно сказав водителю: «Отвезешь их, куда скажут!» — и записал номер машины. Мы сердечно попрощались с милиционером, а бедные евреи с тоской провожали нашу машину взглядами. Я помахал рукой молодой еврейке.

— Пусть вообразит, что с начальником целовалась! — горделиво подумал я, и эта мысль согрела мне душу.

Водитель попался говорливый. Он горячо поддержал взгляды Федора на то, кто виноват в убывающем количестве такси в Одессе, а также в других наших бедах, включая отсутствие воды «в кране». А когда мы проезжали по длинной одесской улице Цвинтер, он спросил нас, знаем ли мы в Одессе улицу, по одну сторону которой сидят, по другую — лежат, а посередине — едут? Оказывается, это и есть улица Цвинтер, по одну сторону которой — сплошные тюрьмы, а по другую — кладбище. И сама улица от этого последнего и получила свое название, ибо «цвинтер» по-украински и есть кладбище. Так весело мы доехали до дома Федора в Ильичевске.

Тамара взяла отпуск на месяц, а у меня отпуск — двухмесячный. Правда, я почти две недели из него провел в Москве в загулах, но на недельку я оставался «не у дел». И я решил хоть напоследок побыть добрым семьянином. И сделать это надумал так.

Родители моей жены Лили поменяли свой тбилисский дом на дом в городе Дунаевцы Хмельницкой области. А это недале-

ко от Одессы. Вот и договорились мы, что Лиля на обратном пути от родителей заедет в Одессу, и мы погостим у Федора и Леры. А по легенде, я сперва заеду к Федору один, чтобы разобраться с ним в научно-технических вопросах, а числа 15 августа Лилия подъедет в Одессу, я встречу ее и отвезу в Ильичевск.

Получилось так, что поезда в Москву и из Хмельницкого чуть ли не встречались на вокзале Одессы. Тамара знала о прибытии Лили, а та про Тамару, конечно же, нет. Кое-как я проводил одну и встретил другую — тоже очкастую блондинку, так что они едва не столкнулись лбами.

Но сюрприз ждал нас в Ильичевске дома. У Федора оказался в гостях начальник Ильичевского порта, который и при Тамаре часто заглядывал на огонек, и был знаком с ней, как с моей женой. Когда мы с Лилей приехали, начпорта поздоровался с ней, как со старой знакомой. А Федор учтиво так начинает их знакомить. Лилия протягивает руку, а начпорта сердится:

— Вы что, все разыгрываете меня, что ли? Я же с супругой Нурбей Владимировича давно знаком. Ну, подтвердите же хоть вы, Тамара! — взмолился начпорта.

— Ах, Тамара! — зашипела Лилия и бросилась догонять меня вокруг стола.

В отличие от «хилой» Тамары, гимнастка Лилия живо догнала меня и, как обычно, располосовала мне лицо. Начпорта так ничего и не понял, ведь Лилия с Тамарой были внешне очень похожи, но звали их, конечно же, по-разному.

Конфликт был вскоре улажен, мне смазали царапины йодом, и мы все весело сели за стол пить за прибытие Лили. Начпорта периодически вздрагивал и, как бы в шутку, приговаривал:

— Как это я вас сегодня разыграл, а?

СЕКСУАЛЬНЫЙ ДОМУШНИК

В Курске, вскоре после рекордной отсидки в ресторане с Томочкой и встречей с сохатым, я влюбился. Да, да — в очередной раз. В очередной раз в Тамару, и в очередной раз в преподавательницу английского языка. Моя самая первая Тамара преподавала английский на филфаке МГУ, а эта — шестая — всего лишь в Курском политехническом.

Мне часто приходили отчеты от д-ра Рабенхорста из Университета Гопкинса в Сильвер-Спринге, США. Я отдавал их переводить на кафедру иностранных языков, для чего взял на хозяйственную тему опытную (а может, скорее, красивую) преподавательницу.

Как настоящий педант я не отступил от своего стандарта: 160×55, моя ровесница, крашенная блондинка в очках. Сперва мы

подолгу засиживались за редактированием переводов у меня в кабинете и успели убедиться во взаимной симпатии. А затем, когда Лиля в очередной раз уехала во Львов с процентовками, я попросил у Тамары разрешения зайти поработать к ней домой. Я знал, что она разведена с мужем. Посмотрев на меня внимательно, она переспросила:

— Можно ли вам зайти ко мне домой? — и ответила загадочно. — Вам, Нурбей Владимирович, все можно! Только предупреждаю, вам у меня не понравится!

Жила Тамара в самом центре Курска — рядом с обкомом партии, на крутом берегу реки Тускарь, правда, до самой реки было далеко.

Мы договорились о встрече. Я положил в портфель «джентльменский набор» и встретил Тamarу у входа в обком. Она проводила меня дворами до своего полуторазэтажного дома старой постройки. Комнатка ее оказалась в полуподвале с окном, выходящим во двор.

— Подождите здесь, я зайду сама и открою вам окно. Вот так, придется по-партизански! — огорченно предупредила она.

Мне такое проникновение в жилье показалось хоть и романтическим, но странным. Открылось окно, подоконник которого чуть выступал над землей, к окну из комнаты был придвинут стул, и я, оглядевшись по сторонам, шмыгнул внутрь.

Комнатка была маленькая, подоконник — в уровень груди, а окно — высокое, под потолок. Оказалось, что эта квартира Тамары — коммунальная, в ней жили еще две семьи, одна из которых — пожилая пара, вызывала наибольшее опасение у Тамары. Женщина была смиренная и тихая, а вот ее гражданский муж — вышивоха и скандалист.

Квартира была без удобств, вода во дворе, туалет деревянный с выгребной ямой. Вот так и жила рафинированная интеллигентка-филолог с оксфордским произношением. Сам я в Оксфорде, правда, не был, но так говорили коллеги Тамары.

Чтобы отличить эту Тamarу от предыдущих, скажу, что фамилия ее (по мужу) — Хвостова, а отчество — Федоровна. Интересный народ — куряне, они букву «ф» произносят как «хв», а сочетание «хв» — как «ф». Слово «хвост» они сплошь и рядом произносят как «фост», поэтому фамилию Тамары они часто произносили как «Фостова», а отчество — как «Хведоровна».

Насчет своего мужа и его фамилии Тамара вспоминала с иронией. Он был журналистом и работал в одной из местных курских газет.

— Графоман, как и его предок, поэт граф Хвостов, — вспоминала о нем бывшая жена, — на все текущие события отзывается в своей газетенке заметками, часто даже стихами. Помните стишок графа Хвостова, посвященный какому-то наводне-

нию: «И сотни крав лежали навзничь, ноги вздрав!», вот и мой бывший благоверный — Гелий Афанасьевич Хвостов, пишет в том же духе!

Но вернемся к моему проникновению в комнату. Спрыгнув со стула, я тут же отошел от окна, и Тамара зашторила его плотной портьерой. Только тогда она включила свет, и мы сели за стол. Посидели с бьющимися от волнения сердцами пару минут, и потом я выставил «джентльменский набор». Тамара тоже достала кое-что из холодильника, и обычный для подобной «тайной вечери» пролог начался.

Мы почему-то спешили выпить, наверное, чтобы набраться храбрости. Был и брудершафт с переходом на «ты», был тост за любовь (тот, который «до брака, после брака» и т. д.), за успех безнадежного дела, а под конец — мопассановский шедевр с «братским» разделом вина.

Я понял, что Тамара Федоровна — женщина темпераментная и что она уже давненько одна. Блондинка-то она блондинка, а едва заметные темные волоски на верхней губе о чем-то говорили. Вино кончилось, и Тамара нервически спросила, снова переходя на «вы»:

— Теперь вы что, пойдете домой?

— Нет, — отвечал я, — жена уехала в командировку, и я могу не идти домой. Дети уже взрослые, лягут спать сами.

Тамара с удовлетворением восприняла эту информацию и как-то поспешно предложила:

— Тогда давайте же спать! — и мы как-то неинтеллигентно, в спешке, подминая друг друга, завалились на застеленную постель.

Оказалось, я не ошибся в оценке темперамента Тамары.

Потом уже, когда мы успокоились и отдыхали в постели на раскиданном белье, Тамара, неожиданно рассмеялась и рассказала мне анекдот: «Вопрос: что делают мужчины после полового акта? Ответ: пять процентов выпивают, пять процентов закуривают, а девяносто — бегут к жене домой».

— Ты к какой категории относишься? — спросила меня моя новая любовница, уже перейдя, разумеется, на «ты».

— Пока — к первой, было бы что выпить! — степенно отвечал я.

Выпить нашлось, Тамара оказалась запасливой. Спать, в прозаическом значении этого слова, мы легли только под утро. Я как-то забеспокоился, и это не ускользнуло от Тамары.

— Хочу предупредить — ты сам ночью с туалетом не разберешься, да еще когда в темноте будешь влезать в окно обратно, за домушника могут принять! У нас осталось достаточно пус-

тых бутылок, а утром мы их выбросим на помойку. Она-то рядом! — вздохнула Тамара.

— Отвернись только! — попросил я ее.

Бутылки были закупорены их же «родными» пробками и поставлены в угол.

— Только не забудь утром о содержимом бутылок, не вздумай **этим** опохмелиться! — серьезно предупредила Тамара.

— Я вообще не опохмеляюсь! — так же серьезно ответил я, и мы улеглись спать.

РАЗВОД

Я серьезно увлекся Тамарой, можно сказать, даже влюбился в нее. Интересно, что ее коробило мое имя, и она называла меня «Ник», точно так же, как и моя предыдущая Тамара-англичанка из МГУ.

Приехала из Львова Лиля, и я, чтобы оправдать свои опоздания домой, рассказал, что хожу в зал штанги на тренировки. Причем, чтобы наверстать упущенное, тренируюсь каждый день. А прихожу «выпимши» потому, что «отмечаемся» с ребятами после тренировок — традиция!

Уходя на встречу с Тамарой, я брал с собой полотенце, тренировочный костюм, штангетки и пояс, а уже на улице дополнял все это «джентльменским набором». Вечером же у Тамары я слегка смачивал водой свой костюм («пропотел на тренировке»), обильно смачивал полотенце («вытирался после душа») и приезжал домой. Иногда, когда я забывал увлажнять реквизиты у Тамары, мне приходилось это делать на улице.

Декан строительного факультета, мой приятель Толя Чижов, однажды утром полшутя-полузабочено рассказывает мне:

— Еду за полночь на машине мимо здания обкома партии и вижу: у водопроводной колонки стоит завкафедрой профессор Гулиа и, поставив портфель на сугроб, стирает под колонкой полотенце, тщательно выкручивая его. Нурбей, ты в порядке или нужна помощь?

Отвечать мне было нечего — даже самая буйная фантазия не могла подсказать мне ничего путного.

Так продолжаться долго не могло, и 19 ноября вечером Лиля выгнала меня из дома. Я три раза переспросил ее: «Что, мне действительно уходить?» И она трижды подтвердила мне: «Да, уходи, мне надоело!»

Я, как был в спортивном костюме, накинув куртку, вышел из дома и поспешил к Тамаре. В голове был сумбур — неужели я

взаправду, насовсем ушел из дома, бросил жену и детей? А потом понял, что это раньше следовало сделать — между нами уже давно не было никакого взаимопонимания. Малейшее разногласие сразу же перерастало в ссору с царапаньем «физиномордии» и обливанием меня вином, чаем, щами... Естественно, я заслуживал всего этого, но жить с семьей я просто физически не мог. Как кот, которого вздумали бы кормить фруктами, просто подох бы, и все!

У меня были совершенно другие представления о семейной жизни, и, по правде говоря, я в ней разочаровался. Но семью бросить не решался — думал, что так им будет хуже. Все это было ошибкой — почувствовав несоответствие менталитетов, надо было разбежаться немедленно!

Весь в этих мыслях я взволнованно шел по улице Ленина, направляясь к Красной площади, как вдруг яркая вспышка и пушечный грохот чуть не лишили меня сознания. Голова пошла кругом, и я схватился за дерево, чтобы не упасть. Что это — война, взрыв, глюки?

Нет, нет и нет — все объяснялось гораздо проще. В тот день, 19 ноября, страна отмечала День артиллериста и салютовала своим героям. А заодно она салютовала еще одному герою, нашедшему в себе силы наконец сделать решительный мужской поступок, прекративший садомазохизм в семье. И этот герой — я!

Одним словом, пришел я под праздничный салют к Тамаре, а на душе отнюдь не празднично — не нанес ли я им, «брошенным», вреда ради своего благополучия? Опять — дурак, хотя и профессор! Да разве справедливо основывать чье-нибудь благополучие на угнетении или принуждении другого? По современным понятиям — нет!

Если ты такой уж благородный — помоги материально, а не своим унижением и рабством. Так что могу дать совет, который может кому-то и не понравиться: если нет счастья в семье — уходите немедленно, не поражайте семью плесенью лжи, лицемерия и ненависти! Но материально семью обеспечьте, и сполна, чтобы не причинить оставшимся без «кормильца» ущерба. Как на Западе, чего тут нового выдумывать-то?

Вскоре мы развелись официально. А после суда забежали «отметить» развод в ресторан «Соловьиная роща», где и попробовали второй раз в жизни красное шампанское — белого не оказалось. Первый раз дефицит белого шампанского у нас был после регистрации брака в Тбилиси, и мы пили красное. А второй раз — при разводе! Теперь я за версту обхожу красное шампанское, видя в нем что-то зловещее.

Через неделю Лиля занесла мне на кафедру мой гражданский костюм и другие мелочи. А то я читал лекции в спортивном кос-

тюме. Кожаное «комиссарское» пальто, с которым в моей жизни было столько связано и на поясе которого я чуть было не повесился, жена мне не отдала — оно пошло детям на куртки. А вскоре меня выписали из полученной мною же квартиры, а куда — неизвестно, видимо, «в связи с переездом на новое местожительство».

Забегая вперед, доложу вам, что в те годы выписаться из квартиры «в никуда» приравнивалось к гражданской смерти. После этого дорога была только в бомжи. Я никуда больше не смог бы прописаться по той причине, что до этого нигде не был прописан. Значит, меня, как «вещи без места для нее», просто не существует. Аристотель смеялся над пустотой, как над «местом без помещенных туда тел». Советская же власть издевалась над непрописанными, как над «телами без мест, где они помещаются». Спас положение мой друг — проректор по хозяйственной части с музыкальной фамилией Алябьев, фиктивно прописавший меня в общежитие института.

«АБРИЁБШЬ АСПОРТ АБСТАЗАРА»

Вскоре меня утвердили в ВАКе в ученом звании профессора. Так как это утверждение давало существенный выигрыш в зарплате, я должен был «поставить баню» в своем клубе и «обмыть» аттестат профессора.

Мы собрались как-то вечером в нашем постоянном составе. Меня заставляли окунать аттестат в напитки, которые я поставил, и с него потекли чернила. Баня прошла весело. Вася сделал мне массаж и уже не душил, как раньше. Более того, он тихо поблагодарил меня за то, что я «оставил в покое» Томочку, и даже за то, что я «сохранил ее честь» перед поездкой в Киев.

«Вот сучка, все Васе рассказала! Ну и бабы пошли!» — философски подумал я про себя.

Сам я действительно «оставил в покое» не только Томочку, но и других дам, с которыми периодически нет-нет, да и встречался, и даже «заморозил» свои отношения с мамонтовской Тamarой. Она искала меня всюду, но я просто прятался от нее. Та все поняла и временно отошла полностью к Бусе, чему тот был, безусловно, рад.

Под конец в бане остались только я и инструктор обкома партии по имени Володя — остальные разошлись по домам. «Что это всех партийных начальников, начиная с Ленина, Володями зовут?» — подумал я. Инструктор, примерно мой ровесник, жаловался, что его против желания направили на работу в Курск из Москвы, где он родился и счастливо жил. На почве любви

к Москве мы с Володей почувствовали себя родными; пили на брудершафт и целовались. Затем он зашепел:

— Давай зайдем сейчас в ресторан «Октябрьский», он недалеко! Хочу пропить взятку, которую мне всучили сегодня. Понимаешь, надеваю пальто, а в кармане — пачка денег! Кто положил, за что — ума не приложу! А чтобы жене не досталось, давай все пропьем вместе!

Сказано — сделано. Мы вышли на улицу Троцкого, pardon, теперь Дзержинского, и Володя, не глядя по сторонам, стал посреди дороги, подняв руку. С визгом тормозов остановилась какая-то служебная черная «Волга». Водитель, разглядев лицо инструктора, живо открыл двери и пригласил нас сесть. Он что-то лакейски плел инструктору, а тот только важно произнес: «Ресторан “Октябрьский”!»

Минут через пять подъехали, выскочивший водитель резво отворил нам двери, и мы вошли в ресторан. Зал был почти пуст, время — позднее. Молоденькая вялая официантка неохотно подошла к нам и подала меню.

— Шампанского — десять бутылок! — приказал Володя, не глядя в меню.

— Шампанского нет! — устало произнесла официантка.

Володя внимательно посмотрел на нее и тоном, не терпящим возражений, приказал:

— Девочка, позови кого-нибудь из старших, кого-нибудь посерьезнее в общем!

А к столу уже неслась, переваливаясь, как утка, толстая женщина — директор ресторана.

— Какими судьбами, Владимир Никитич, а мы уже решили, что вы забыли нас! — гостеприимно улыбалась толстуха, — что кушать будете?

— Шампанского — десять бутылок! — повторил свой приказ Володя.

— Шампанского, быстрее! — бросила директор официантке, стоявшей поодаль с раскрытым от удивления ртом, и та умчалась.

Вскоре она принесла первые пять бутылок. Я с грустью рассказал Володе, как в прошлое посещение «Октябрьского» я случайно разбил витраж на потолке пробкой от шампанского. И что меня с друзьями чуть не выгнали из ресторана как хулиганов.

Володя, выслушав меня, взвинулся.

— Гады, жулики! Бей им витражи, открывай бутылки и бей, я отвечаю! — возбужденно кричал Володя, и сам открывал бутылки, направляя их пробкой в витражи.

Я тоже старался, но у нас ничего не получалось. То пробки попадали в переплет витража, то не долетали, то хлопались

в стекло недостаточно сильно. Потом я понял, что нам подавали охлажденное шампанское для начальства, а пробки из такого «стреляют» не так сильно, как из теплого, которое для «народа».

Все десять бутылок бесполезно были открыты. Посетители с интересом наблюдали за нами; официантка же безразлично смотрела на происходящее.

— Не везет! — констатировал Володя и, вспомнив поговорку: «Не повезет — и на родной сестре триппер схватишь!», — захохотал.

Мы с трудом выпили «из горла» по бутылке шампанского и, шатаясь, вышли, не расплачиваясь. Володя остановил какую-то машину, водитель которой, сняв шапку, поклоном приветствовал Володю.

— Отвезешь его домой! — приказал инструктор. — А если что, поможешь дойти до дверей квартиры.

Я стал прощаться с Володей. Целуясь со мной, он внимательно посмотрел мне в лицо и спросил:

— Слушай, я тебя часто вижу по утрам в обкоме партии на первом этаже. Ты что там делаешь?

— Сказать честно? — спросил я.

— Как на духу! — серьезно приказал Володя.

— В доме, где я живу с моей бабой, нет удобств, и мне приходится ходить «на двор» в буквальном смысле слова — там находится сортир с выгребной ямой. Но сейчас зима, и там над очком от большого числа посетителей выросла такая ледяная гора, что без альпинистского снаряжения забраться наверх невозможно. Беременные женщины и дети очень недовольны! А я, помня о заботе партии, бегаю «на двор» в ее обком. Там очень чисто, да он и от дома не дальше, чем наш сортир.

— Это что, правда? — спросил изумленный Володя.

— Век сортира не видать, — укусив ноготь, поклялся я, — но, конечно же, сортира приличного, к примеру, как у тебя!

Мы еще раз чмокнулись, я сел в машину, и повезли меня как барина домой. Водитель слышал наш разговор, и всю дорогу повторял с непонятной улыбкой:

— Вход в сортир только для альпинистов! Юмор!

Водитель, исполняя приказ Володи, решил все-таки проводить меня до двери квартиры. Было очень скользко, и он боялся, что я упаду. Путь шел мимо нашего «альпийского» сортира. Водитель глянул на ледяную, вернее, дерьмовую гору над очком, которая не позволяла даже прикрыть дверь и ужаснулся.

— Юмор! — только и произнес он.

Видя, что я остановился не у двери, а у окна в полуподвал, водитель, уже не удивляясь ничему, спокойно спросил:

— В окно, чай, будете лезть?

— В окно, милый, в окно! Такова моя спортивная жизнь! Ты знаешь, как будет по-абхазски «такова спортивная жизнь»?
— Нет, — простодушно признался водитель.
— Запомни: «Абриёбшь аспорт абстазара!»
— Абриёбшь! — как во сне повторил водитель и, проснувшись, добавил свое неизменное: Юмор!

РЕВНОСТЬ ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ

Одно время у меня работала секретаршей студентка-вечерница из той же группы, что и Томочка. Как на грех, блондинка и, вы не поверите, тоже звали Тамарой. Я на нее почему-то как на женщину не смотрел, даже имя это как-то прошло мимо моего сексуального внимания.

И как-то, уже после моего ухода из дома, вдруг эта Тамара приходит на работу перекрашенная в брюнетку, чернее воронова крыла. Я даже не сразу узнал ее. А на мой вопрос, почему она вдруг выкрасилась в такой необычный для Курска цвет, Тамара расплакалась и призналась, что в группе все считают ее моей любовницей.

— Блондинка, Тамара, на той же кафедре работаешь — и не любовница Гулии? Расскажи кому-нибудь другому!

Вот и выкрасилась в «отталкивающий» для меня цвет — черный. Не стал я огорчать ее тем, что самая красивая Тамара в моей жизни была именно брюнеткой... А вскоре моя секретарша и вовсе уволилась с кафедры, хоть я и уговаривал ее остаться и зарплату прибавлял.

Вот в такой атмосфере жили мы с Тамарой Федоровной, а отдушиной у нас было лето. И хоть у нас отпуск был двухмесячный, но и его не хватало, чтобы забыть курские сплетни и жилищные неурядицы.

Тамара не очень любила жару и море, поэтому мы решили первый месяц отдохнуть на озере Селигер, а во второй — поехать на недельку в Санкт-Петербург (тогда Ленинград). Три путевки в турбазу на Селигер достал мой друг с соседней кафедры доцент Толя Черный, и мы выехали туда втроем.

Нет, прошу вас, не надо плотоядно улыбаться! На сей раз все было культурно, чинно и благородно, хотя у наших коллег-туристов складывалось иное мнение. Их удивляло, почему мы жили в одном домике, хотя Толя спал в отдельной комнате. Им не давало покоя то, что Толя как огня боялся женщин, а они пытались «нахрапом» овладеть красивым и степенным брюнетом. Но он почему-то не замечал этих энергичных женщин! Женщин бесило то, что в походах мы всегда втроем садились

в одну лодку, и два мужика-гребца приходилось на одну «бабу», в то время как иные лодки вообще оставались без единого мужика — гребли «бабы».

И наконец их шокировало то, что в тех же походах мы втроем спали не только в одной палатке, но и в одном спальном мешке — «спальнике», правда, очень просторном. Они просто не замечали того, что Толя дежурил у костра первую половину ночи, а я с Тamarой — вторую. И в этот «спальник» мы ложились не сразу все, а поочередно — то мы вдвоем, то Толя — один.

Интересующиеся девицы подходили иногда к Толе с расспросами: простите, мол, великодушно, но не поделитесь ли вы с нами, что вы все время втроем делаете? На что Толя совершенно серьезно им пояснял, что мы — алкоголики, привыкли в своем городе всегда выпивать «на троих», причем именно в этой компании, и здесь не хотим бросать своей привычки.

— А то, что вы думаете, — продолжал Толя, — это чепуха, потому что алкоголь и секс — несовместимы!

Девицы серьезно кивали головами, но уходили все равно не удовлетворенные ответом Толи.

Но тут произошло событие, вызвавшее переполох в женской «фракции» турбазы, а она составляла подавляющую часть контингента наших туристов. Приехавшая недавно красивая блондинка из Армавира поразила сердце Толи. Сам он стеснялся подойти к ней познакомиться и поручил это мне. Но вдруг у Тamarы проявилась отрицательное качество, которого я раньше не замечал и из-за которого, как я понял, она и развелась с мужем. Черта эта — болезненная ревность и страшная, доходящая до абсурда, подозрительность.

Видя, что я хочу подойти к красивой блондинке, Тамара посмотрела на меня тяжелым взглядом, от которого я сразу почувствовал себя негодяем.

— Что, одной бабы тебе мало? — тихо прошипела она мне с оксфордским произношением, и сама пошла знакомиться с Аней — так звали блондинку. Вернувшись с ней, Тамара представила ей Толю, а потом уже и меня:

— А это Ник, мой муж!

С этого момента Толя и Аня были неразлучны. Женская «фракция» изгнала Аню из своего общежития, и Толя «поселил» ее в своей комнате в нашем двухкомнатном домике. Мы жили весело, но Тамара никогда не оставляла меня наедине с Аней.

И еще совсем уже дикий случай болезненной ревности у Тamarы. К нам в домик заходили две студентки-первокурсницы из Твери (бывшего Калинина). Девочкам было лет по восемнадцать, одна из них играла на гитаре, другая пела. Они выглядели, как мальчишки-подростки, — худенькие, сухие, с короткими

стрижками. Их тянуло к нам, как к старшим, интеллигентным товарищам, с которыми можно было поговорить без водки, сальных анекдотов и мата. И Тамара всегда принимала их радушно.

Но как-то, уже после знакомства Толи с Аней, девочки опять пришли к нам — попить чаю, поговорить и попеть новые песни. Я отчего-то развеселился, стал подпевать им, шутить. И тут опять тот же тяжелый взгляд Тамары и совершенно неожиданная реакция:

— Что, молодых девушек увидел, старый козел? (это она мне-то!) Пустил слюну от похоти? Что ж, иди, трахай их, видишь, они уже готовы дать тебе, обе сразу!

Девочки вытаращили глаза, не понимая, шутит Тамара или говорит всерьез.

— Ой, мы лучше пойдем! — пролепетали они и исчезли.

Потом Тамара извинялась и передо мной, и перед девочками, но они больше к нам не заходили. Сначала эти вспышки ревности у Тамары были эпизодическими, а потом, к сожалению, стали учащаться и усиливаться. Но на Селигере их больше не было.

Была на турбазе русская баня, которую за все наше пребывание топили всего один раз. Мы с Толей сумели протиснуться-таки туда. Веники достались нам почти без листьев, но, подвыпив, мы охотно «парили» ими друг друга. А наутро Тамара обнаружила у меня на боках, ближе к груди и животу, красные пятнышки типа сыпи. Излишняя эрудиция иногда вредит, и «ходячая энциклопедия» Тамара заподозрила меня в заболевании первой стадией сифилиса.

Я и сам знал, что недели через две после заражения этой болезнью нежные места на теле, чаще всего бока, покрываются красной сыпью. Но ведь я ни с кем «посторонним» не был уже давно, а попробуй докажи это Тамаре! Слезы, упреки, стенания... Мне даже показалось, что ее не столько беспокоила перспектива заболеть этой сложной болезнью, как моя «измена».

Тамара тут же пожаловалась пришедшему к нам Толе, он расхохотался и показал свои бока, тоже в такой же сыпи.

— Это мы вчера в бане исхлестали друг друга голыми вениками! — пояснил Толя, — что, у меня тоже сифилис?

Я был прощен. Прощен-то прощен, но осадок остался! И этот осадок поднимался при каждой шутке с женщиной, даже при мимолетном взгляде на более или менее интересный объект противоположного пола.

«Старый сифилитик! (это уже вместо старого козла), что слюни-то распустил на малолеток!» — эта фраза, громко произнесенная где-нибудь в транспорте, мигом сгоняла «малолеток» с поля моего зрения. Видимо, «малолетки» очень боялись сифилиса!

СПЛОТИМСЯ ЖЕ ПОД СИЯЮЩИМ МАГЕНДОВИДОМ!

Вскоре я невольно отомстил Тамаре. Приятельница Тамары Лера была директором пошивочного ателье в Ленинграде и пригласила нас погостить. Жила она в спальном районе Ленинграда, занимая с мужем небольшую квартиру. А ателье ее было в центре, в круглом здании бывших конюшен, близ речки, кажется, Мойки.

Ателье располагалось на первом этаже, и огромное окно выходило на людный тротуар. Были видны даже ограда у речки, а поодаль — церковь Спаса на Крови. На этом месте было совершено покушение на императора Александра Второго. Ателье закрывалось в восемь часов вечера, а открывалось в десять утра. Директор приходила сюда первой, а уходила последней.

В половине девятого вечера, когда в ателье уже никого не было, мы заходили туда с выпивкой и закуской. Лера встречала нас, и мы сидели все вместе в ее маленьком кабинете. Потом она уходила домой, закрыв ателье на ключ, а мы проходили в основное помещение, зашторивали окна и выключали свет.

Мы садились на софу, бутылки и закуску клали на столик рядом и, как в кино, смотрели из темного помещения на улицу. Летом в Ленинграде белые ночи; нам были видны и прохожие, и красивое здание церкви, и ажурный мостик перед ней. Незабываемые вечера!

На ночь мы укладывались на толстом паласе, на полу, и были весьма довольны шириной нашего ложа и его прочностью. Бельем Лера нас обеспечила. Утром к половине десятого мы были уже одеты, умыты, с собранными в газетный кулек остатками пиршества. Даже позавтракать мы к этому времени успевали, так как Лера оставила нам электрический чайник. Она заранее открывала ателье, выпроваживала нас, прятала к себе белье, а мы отправлялись гулять по Ленинграду.

Я не любил и сейчас не люблю посещений всяких там музеев и дворцов. Тут можно спорить — надо ли всем или не надо знакомиться с архитектурой и интерьером какого-нибудь дворца. Мне лично это неинтересно, я считаю, что непрофессионалы лезут не в свои дела, они просто «хочут свою ученость показать» потом перед знакомыми. Архитектору — архитекторско, дизайнеру — дизайнерско, а мне — вечер, а тем более ночь с блондинкой, даже на полу, милее всяких там чужих дворцов.

Но Тамара была другого мнения и потащила-таки меня в Павловск. Я страшно противился этому, и допротивился до того, что упрямил ее зайти в кафе по дороге. Как раз по левую

сторону бульвара, ведущего во дворец, находилось маленькое симпатичное кафе «Эльбрус» или что-то в этом роде.

Было одиннадцать часов утра, и вино, по правилам того времени, уже давали. Я налег на знакомый мне по убойной силе «Алабашлы» и скоро был «хорош». Оглядевшись вокруг, я увидел, что в кафе — одни евреи! Человек десять евреев сидели за большим столом и оживленно что-то обсуждали.

— Ага! Небось в Израиль хотят улизнуть! — решил я, достал чистый носовой платок, покрыл им голову, как истый иудей, и направился к их столу, составленному из нескольких столиков. Во мне по-пьянке проснулся актер. Тамара осталась сидеть за своим столиком.

— Шалом! — приветствовал я честную компанию.

— Шалом! — недоверчиво ответила мне компания.

— Вус э́пес махт аид? — подняв глаза вверх, риторически спросил я и сам же ответил: — аид дрейцих! (На идиш это означает: «Что делает еврей? Еврей крутится!»)

— Он сказал «э́пес» — это наш человек, это настоящий аид! — разволновался пожилой еврей с седыми пейсами. — Чужак сказал бы: «Вус махт аид?», но мы просим вас говорить по-русски, здесь, к сожалению, не все понимают по-идиш!

На это я охотно согласился, не дав себя долго упрашивать.

— Я не знаю, о чем вы здесь говорите, но ехать надо! — так начал я свою речь, — мы, московские евреи, считаем, что больше этого терпеть нельзя! Я был в Курске, и там тоже так думают, — я указал на Тамару, — вот эмиссар оттуда!

Компания обернулась к Тамаре и по-родственному закивала ей.

— Что пить будете? — услужливо спросил меня пожилой еврей.

— Вообще то, я уже начал «Алабашлы»... — замялся я.

— Понятно, а закусывать? — продолжал еврейский аксакал.

— А что здесь имеется кошерного? — озабочено спросил я.

— О, за это вы не волнуйтесь! — успокоил меня аксакал.

— Тогда полагаюсь на ваш вкус, — закончил я эту тему и перешел к отъезду на Землю Обетованную.

Я мимолетно кое-что слышал о трудностях и хитростях отъезда на историческую родину и сейчас излагал их от первого лица. Дело в том, что в одну из моих поездок в Москву я попал в купе (к моему ужасу двухместное!) с пожилой еврейкой из Америки, которая была в Курске в «агитпоездке». Она, видимо, приняв попутчика, то есть меня, за еврея, все мозги мне прокомпостировала перечислениями ходов и лазеек для быстрого выезда в Израиль. Вот они мне сейчас и пригодились!

— Не будем забывать, что наш Моше́ (пророк Моисей) сорок лет шел на Землю Обетованную, сам не дошел, но народ-таки

довел! И мы не должны жалеть ни времени, ни денег на отъезд домой!

А под конец я рассказал собравшимся одну из наиболее эффектных баек в том же ключе:

— Нет, а вы слышали, как наша Голда перехитрила этих агоев (неевреев) при отъезде на родину? (Речь шла о бывшем премьер-министре Израиля Голде Меир.) Таки она взяла с собой всю свою старую мебель, потому что мебель, видите ли, дорога ей была как память! А ящики, в которые упаковали мебель, забили платиновыми гвоздями. Чтобы я так жил, если кто-нибудь из вас отличит железный гвоздь от платинового, не по цене, конечно! И вот, я не знаю, но говорят, она так вывезла пятнадцать килограммов платины, а платина костен (стоит) много дороже, чем голд (золото)!

Пейсы заахали, заохали: «Да, Голда, наше золотце, — это голова! Сейчас таких нет!»

Я держался из последних сил. Меня мутило — мусульманский «Алабашлы» никак не «ложился» с кошерной закуской. Последний мой тост я уже не помню — о нем мне рассказала Тамара. Вроде я поднялся на слабеющих ногах, налил бокал «Алабашлы» и провозгласил:

— Так сплотимся же под сияющим Магендóвидом (Звездой Давида), который вывел нашего Моше́ и наш народ куда надо!

И выпив бокал, свалился без чувств под стол. Меня подняли, осторожно вынесли наружу и положили на бульварную скамейку, целиком спрятанную в кустах. Тамара обещала «моему народу», что побережет меня от милиции и вытрезвителя. «Вынос тела» состоялся примерно в час дня. Проснувшись около семи вечера, я жалобно запросил воды и валидола, но услышал в ответ:

— Пьянь еврейская, я шесть часов сижу у тебя в ногах, как какая-нибудь Сара возле тела своего Абрама! Если ты не поспешишь, то ночевать будешь в питерской синагоге, а я пойду к Лере одна! — пригрозила Тамара.

Поняв, что сейчас шутки неуместны, я собрал последнюю волю в кулак, встал на неверные ноги и, поддерживаемый Тамарой под руку, побрел к станции, напевая печальную песню:

*В воскресенье мать-стару-у-ха,
К во-ро-там тюрьмы пришла,
Своему родному сы-ы-ну,
Пе-е-регачу принесла!*

Вот такой сионистской выходкой я отомстил Тамаре за необоснованную ревность. Отомстил, но не излечил ее от этой досадной болезни...

КОБЕЛЬ РЫЖИЙ И КОБЕЛЬ ЧЕРНЫЙ

Постепенно пылкая страсть к Тамаре Федоровне стала утихать, и печальную роль в этом сыграла ее беспричинная ревность. «Есть ревность — значит, должна быть и причина», — решил я, и возобновил свои поездки в Москву. Во-первых, я действительно подзабросил свои научные связи в Москве, во-вторых, меня очень тяготило «замораживание» отношений с Тамарой Ивановной. Я ее продолжал любить, и без нее мне было трудно. Да и вообще — вместо одной «взрослой» жены приобрел вторую, да еще и ревнивую — куда это годится для «вольного казака»?

Прибыв в Москву, я позвонил во ВНИИТоргмаш Тамаре Ивановне и попросил «аудиенции».

— Ресторан «Прага», семь вечера; встреча у входа, — получил я деловой ответ.

Тамара встречала меня так, как будто и не было перерыва в наших отношениях. Я рассказал, что разводился и мне было не до поездок. Тамара внимательно посмотрела мне в глаза и поинтересовалась, чем был вызван этот шаг. Взгляд мой блудливо забегал, и я наплел что-то про эффект «критической массы» отношений.

— Все ясно! — жестко сказала Тамара. — Загулял в Курске, город маленький — вот и «критическая масса». А сейчас все это надоело, и опять приплелся ко мне! Что ж, я женщина отходчивая и прощаю тебя!

Мы, как голубки, поцеловались прямо в зале ресторана и поехали в Мамонтовку.

— Ну что, зятек, болтает тебя, как дерьмо в проруби? — ехидно спросила тетя Полли, когда снова увидела меня в своей квартире.

— Маменька, не хамите профессору! — шутливо заметила ей Тамара и завела меня в свои апартаменты.

Знакомая любимая комнатка, зелень, лезущая прямо в раскрытое окно, наша постель, видевшая столько любви! Зачем было все это бросать и менять «шило на мыло», простите за вульгаризм! Жениться на Тамаре и переехать в Москву! Но тут же вспомнил Аликово: «Слопает она тебя и не моргнет!» и поутих в своих мечтаниях.

А утром, до похода в ресторан, я, конечно же, посетил Моню в ИМАШе. Мой друг был возбужден, восторжен и романтичен. Оказывается, он познакомился с юной девушкой — художницей, и влюбился в нее. И, как уверял Моня, она — в него тоже.

— Я тебя должен обязательно с ней познакомить, ты тоже влюбишься в нее! — плел какую-то ахинею Моня. А может, и не

совсем ахиною — нация-то у Мони хитрая! Затекает, небось, какую-нибудь комбинацию!

Дело в том, что Моня за долгие годы брака, практически не изменял жене, хотя и не любил ее. Женился он «в отместку» своей любимой невесте, которая бросила его почти перед свадьбой и вышла за другого. Ну, и Моня тут же женился на первой подвернувшейся девушке. «Одноразовое» соращение его Тamarой Ивановной было единственной его изменой жене, если это можно так квалифицировать. А тут — невооруженным глазом видно, что влюбился.

Моня, как на духу, выложил мне, что его Ольга — француженка по национальности, внебрачная дочь скрипача-француза, учившегося в Московской консерватории. Она необычайно талантлива: прекрасно рисует, поет и играет на гитаре. Работает в Большом театре бутафором-декоратором. Ей всего двадцать один год, а выглядит она еще моложе. Зато страстна необыкновенно: сама звонит в ИМАШ в лабораторию и прямо во время работы тащит его к себе домой на Таганку. Потом, правда, отпускает, опять же, на работу. Вечерами они могут встречаться лишь урывками — Моне надо спешить в семью.

— Так что, она тебе девушкой досталась? — поинтересовался я.

— Нет, какой там девушкой! — отмахнулся Моня. — Она успела переспать с такими известными артистами, — и Моня назвал мне две фамилии очень известных и любимых народом артистов с таким пафосом, как будто это он сам с ними переспал.

Назавтра я приехал из Мамонтовки в ИМАШ уже с собранным портфелем, готовый вечером уехать в Курск. Моня тут же повел меня на встречу со своей Олей. Эта встреча, оказавшаяся роковой для меня, так и осталась в памяти: солнечный, но не жаркий день, сквер перед Политехническим музеем, зеленая скамейка в сквере...

— Запомни, ты фотограф из ИМАШа, начальник фотолаборатории; я работаю у тебя, ты мой начальник!

— Зачем тебе это вранье, ты же и фотографировать не умеешь! — упрекнул я его.

— Так надо, так надо! — делая страшные глаза, прошептал мне на ухо Моня, потому что со скамейки встало и направилось к нам интересное существо, подобного я себе не представлял.

По рассказу Мони я нарисовал себе портрет этакой «девицы-вамп», страстной высокой брюнетки в теле, с яркой косметикой на лице и массивными серебряными украшениями на руках и шее. Еще бы — француженка, художница, соблазнительница!

А к нам подошла с виду школьница, маленького роста худенькая блондинка с короткой стрижкой, огромными серо-голубыми глазами и полными розовыми губками. Форменная малолетка! Одета эта малолетка была в протертый до дыр голубой джинсовый костюм и мальчишковые ботинки. Ни следа косметики, ни одного украшения! Было даже непонятно — девочка или мальчик это.

Она поцеловалась с Моней, за руку жеманно поздоровалась со мной и неожиданно низким голосом сказала:

— Привет, фотокоры! Как жизнь? — как будто мы были ее сверстниками, а не солидными дядьками, намного старше ее.

— Да все щелкаем затворами, — осторожно ответил я, вспоминая, чем же все-таки занимаются «фотокоры».

— А затворы-то все оружейные! — подыграла мне Ольга, и я, смутившись, посмотрел на Моню.

— Скажите правду, мальчики, — Оля встала между нами, взяв нас обоих под руки, — небось, на КГБ работаете?

Я в ужасе отвел взгляд от памятника Дзержинскому, стоявшего на площади перед зданием КГБ и, в свою очередь, подыграл Ольге:

— Он, — я указал на Моню, — из Госстраха, а я, — указав на здание КГБ, — из Госужаса!

Оля громко захохотала, а Моня шикал на нас, пугливо озираясь по сторонам.

— Приглашаю вас на пятнадцатый этаж в «Огни Москвы»! — вдруг предложил я. — Отличная погода, приятная встреча; посидим, выпьем, и, может, мне удастся завербовать Олю! — пошутил я.

Долгий внимательный взгляд Оли дал мне понять, что она оценила двусмысленность шутки.

Моня отказывался, тараща глаза и уверяя нас, что он на работе, но мы его уговорили. Я не знаю человека, которого не восхитило бы первое пребывание в кафе «Огни Москвы», особенно если находишься на веранде. Вот бы после «разгрома» гостиницы это чудо сохранилось, как, впрочем, и сама гостиница! Оля была на пятнадцатом этаже впервые, и на ее художественную натуру это посещение произвело большое впечатление. Плюс шампанское и привлекательная компания.

Посреди трапезы Моня забеспокоился и заспешил на работу. Оля хватала его за руки, что-то шептала ему на ухо, и до меня донеслось только слово «Таганка», но кавалер был неумолим. После ухода Мони Оля матюгнулась на его счет, и мы продолжили нашу встречу вдвоем.

Меня удивила ее коммуникабельность: первая перешла со мной на «ты», даже «брудершафт» не понадобился; сразу же

стала использовать в разговоре «ненормативную» лексику, причем делала это с большим изяществом. Моню от ее словечек аж в краску бросало — сам он, взрослый мужик, никогда не использовал мата. В довершение всего Оля курила сигареты — и готов образ этакой интеллектуальной дюймовочки-«эмансипэ». Женственности в этом образе было маловато.

Наконец мы покинули кафе, и Оля попросила проводить ее на Таганку. Поезд отправлялся поздно вечером, и мы пошли на Таганку пешком. Спустились на набережную Москвы-реки, перешли мост через Язу и по Николаямской добрались до Земляного вала. Перешли его, и тут Оля остановилась у магазина.

— Давай зайдем ко мне и выпьем немного, — совсем по-детски, надувая губки, попросила Оля. — А то у меня ничего нет дома!

Мы зашли в магазин, купили вина — мадеры, которая, оказывается, нравилась нам обоим, и какую-то закуску, совершенно не интересовавшую Олю.

— От этого Мони ничего не дождешься, — жаловалась мне Оля, — ни посидеть с ним, ни полежать толком не получается! Тут же бежит к своей нюшке! — обиженно надула губки дюймовочка.

Оля жила в Большом Дровяном переулке, в двух шагах от Садового кольца. Квартира на бельэтаже, двухкомнатная, коммунальная. Оля занимала большую комнату с альковом, а соседка — старая бабка-«коммунистка», как называла ее Оля, — маленькую.

— Вот и черного кобеля привела, — как бы невзначай пробормотала бабка, — а то все рыжий ходит... Бабка явно намекала на огненно-рыжего Моню. Но Оля так шикнула на «коммунистку», что та мышью юркнула к себе в комнатку.

Огромная комната Оли была почти без мебели — в алькове узенькая тахта, посреди комнаты маленький стол, а у стены — полки, частично занятые книгами, а частично — посудой. На стене — гитара. Окно нараспашку, и в него лезли ветки деревьев, растущих у самого дома. В это открытое окно хорошо был слышен бой кремлевских курантов. Звуки в Олиной комнате были гулкими из-за пустых стен.

По дороге Оля начала рассказывать про свою жизнь, и этот рассказ продолжался дома. Оказывается, мама ее «согрешила» с французом из Парижа, учившимся в консерватории. У нее родилась дочь, то есть Оля. А потом французский папа уехал к себе на родину в Париж, а Оля с мамой остались в Москве. Мама вышла замуж и ушла жить к мужу, а комнату свою оставила Оле. Как и фамилию — Филиппова; а отчество оставил папа — его звали Лери, и Оля была «Лериевна». Фамилию отца она не знала, но, если надо, обещала узнать у матери.

Ну и я, чтобы совсем не завратиться, рассказал Оле, кто я на самом деле, а для чего Моне было делать меня фотографом — не знаю.

— А чтобы просто соврать, он жить не может без вранья, — сердито проговорила Оля, — в первый же раз напел мне, что он импотент; пришлось доказывать ему обратное. Всю дорогу врет — я-то ведь позвонила ему на работу и спросила, кем он работает. Узнала также, что он женат и имеет двоих детей. А ты? — вдруг спросила Оля.

— Я — вольный гражданин французской республики! — ответил я, как зачарованный.

Эту фразу я с завистью повторял про себя много раз, а услышал ее впервые в Сочи у одного из причалов на пляже. Я отдыхал как-то там с женой, и мы вечером стояли на причале, посемейному поругиваясь. А рядом стояла уже взрослая, лет сорока еврейская пара и тоже поругивалась на идиш. Она — полная яркая брюнетка, он — седоватый, породистый, элегантный хлыщ в превосходном сером костюме. Хлыщ не знал, куда девать себя: он то отворачивается от Сары (так я прозвал ее про себя), то отодвигался от нее. Но она упрямо пилила его, ела поедом. Только и слышалось: «поц», «койфт», «дайне моме» («хвостик», «купи», «твоя мать»).

Когда она довела его уже до белого каления своими «дайне моме», хлыщ гордо выпрямился и хриплым баском спросил ее на идиш: «Дайне моме лози какен мит блумен?» (вольный перевод: «А что, ты сама из панов?», буквально: «А что, твоя мама какает только цветочками?»).

И вдруг к причалу подруливает прогулочный катер-глиссер, хлыщ быстро сбегает вниз, запрыгивает в него, и оттуда громко кричит своей Саре:

— Мадам Люнгарс! Вы, наверное, забыли, что я — вольный гражданин французской республики! — катер газанул и тут же скрылся из виду, увозя машущего рукой хлыща в прекрасную даль, подальше от назойливой Сары...

Я так позавидовал этому хлыщу — неужели мне никогда не удастся сказать эту гордую фразу: «Я вольный гражданин французской республики!» И вот я в первый раз громко и гордо произнес ее...

Мы выпили еще. Оля закурила. Вдруг она решительно затушила сигарету о тарелку и подошла ко мне. Сидя на стуле, я был лишь немногим ниже. Она обняла меня за шею и стала чувственно целовать, мягко затягивая мои губы в свои. Вот этого-то я и не ожидал! Я пытался встать, но Оля силой усаживала меня снова.

Наконец мне удалось встать, но Оля, обняв меня за спину, притянула к себе и поволокла, да, да — поволокла к алькову. Эта

почти невесомая школьница-дюймовочка волокла мастера спорта по штанге «у койку».

— Оля, — наконец не выдержал я, — а как же Моня? Что мы ему-то скажем?

— А мы ему ничего говорить не будем, не обязаны! — Оля настойчиво с каким-то нечеловеческим упорством продолжала тащить меня, и когда я уперся сильнее, укоризненно посмотрела на меня снизу своими голубыми озерами и прошептала:

— Теперь ты еще скажешь, что и ты тоже импотент!

«Ну уж нет, — подумал я, — этого ты от меня не дождешься!» — и дал увести себя в альков.

Оля оказалась не по росту страстной — Моня был прав. У нее не было ни начала, ни середины процесса, у нее всю дорогу был один конец. И никакого контроля за поведением в постели: свою ладонь я постоянно прижимал к ее губам, иначе бабка-«коммунистка» давно была бы рядом и замучила бы нас своими советами. Благо дверь в комнату мы так и не заперли.

Мы спонтанно засыпали, просыпались, вставали, выпивали вина, разбавленного водой, ложились снова, и я опять прижимал ладонь к ее губам. Когда руки были заняты, я зажимал ее губы своими и не позволял ей беспокоить соседей.

Утром я, мотаясь как тень, поднялся и попросил разрешения выйти на улицу — позвонить в Курск. Телефона в квартире Оли не было.

— Что Моне-то скажем? — успел я все-таки спросить Олю, выходя из дверей.

— Ты уехал в Курск вчера вечером, а я пошла в гости к тете, я постоянно хожу к ней, — в ответе Оли чувствовался опыт, — сюда он не посмеет прийти, на моей работе ответят, что меня нет. А тетин телефон он не знает. Успокойся, не съест тебя Моня! Что за мужики пугливые пошли!

Я с почты позвонил домой Медведеву, потом на работу Тамаре Федоровне. Она ждала меня утром и беспокоилась. Легенда была для всех одинакова — не сумел достать билетов, но сегодня вечером выеду обязательно.

Когда я вернулся к Оле, она уже встала, сварила кофе и поджарила яичницу — яйца взяла в долг у «коммунистки». У Оли не было даже холодильника.

— Бабке сказала, что выхожу за тебя замуж, — похохатывая, с сигаретой в зубах, обрадовала меня Оля, — и ты скоро переедешь жить ко мне. Чтобы не возникала, если ты будешь приходить!

— Оля, это же надувательство, а если придет Моня? — недоумевал я.

— А бабка знает, что Моня мой любовник. А что, нельзя иметь и мужа, и любовника? — опять, надув губки, возмутилась Оля.

«Ну и баба, — подумал я, — такого экземпляра я еще не встречал! Да это же богема — гуляет, встречается с мужиками, поет, играет на гитаре, работает в театре, ходит куда и когда хочет... Живет как на облаке. Реальная жизнь ее не касается, она ее не хочет и замечать. И внешность инфантильная, школьница седьмого класса и то старше выглядит! Мужа и любовника ей подавай!» — рассуждал я сам с собой.

Ну а меня начала точить назойливая мысль: «Что, если мне действительно жениться на ней? Она очень молода, простодушна, умна, страстней женщины я еще не встречал; терять мне нечего, а получить кроме молодой жены, разумеется, я могу мечту жизни — Москву! Кто может этому помешать? Один Моня, — ссориться с ним ни за что не буду», — решил я.

День мы с Олей провели, как и вчерашний вечер. Да, здоровье с этой дюймовочкой нужно иметь бычьё! Но такое у нас имеется, — хвастливо констатировал я. Оля проводила меня на поезд и на полном серьезе, надувая губки, просила не оставлять ее надолго:

— Видишь ли, после тебя мне никого не хватит! Так что, ты развратил меня и теперь не имеешь права бросать!

Я уехал в Курск в глубокой задумчивости...

АВАНТЮРА

Понятно, что в Москве препятствием для женитьбы на Оле был Моня. Ну а в Курске — Тамара Федоровна. От Тамары Ивановны улизнуть было намного проще — не впервой!

Через неделю — я снова в Москве. Для «понту» я реанимировал хоздоговорную тему с предприятием Элика, где соисполнителем включил ИМАШ, а именно — Моню. Элик был заинтересован в теме, так как она совпадала с финансируемым направлением на его предприятии. Моня готовил практическую апробацию для своей докторской диссертации, которую он уже начал писать. А я получал формальную причину ездить в Москву, когда только заблагорассудится.

Я с опаской ждал встречи с Монею, вдруг Оля проболталась! Но Моня встретил меня восторженно:

— Знаешь, Оля всю неделю только о тебе и говорила. Ты и умный, и красивый, и галантный! Постоянно рисует тебя «по памяти», — и Моня вынул из своего ящика рисунок карандашом на листке обычной писчей бумаги. Если бы я не знал, что это рисунок, я бы решил, что передо мной фотография. Это был творческий метод Оли — она в точности передавала каждую черточку на лице, каждую складку на одежде. При этом выдер-

живала все полутона — черно-белая фотография, одним словом. Конечно же, на этом рисунке я был изображен очень выгодно — на лице было философское выражение человека, уставшего делать людям добро. Причем, на лице совершенно трезвом, чего, собственно, память Оли зафиксировать не могла бы — тут нужно было приложить воображение!

— Я бы сказал, что Оля влюбилась в тебя! — вдохновенно продолжал Моня, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Ну, хорошо, она влюбилась в меня, не она первая, не она последняя! — тоном усталого от успехов ловеласа отвечал я ему, — ну и что с этого? Это же твоя баба, да она и не в моем вкусе. Мне нужна «фемина», а это — то ли школьник, то ли школьница, да еще и с сигаретой в зубах. Моня, а ей действительно двадцать один год? Не связался ли ты с несовершеннолетней малолеткой? — поинтересовался я, опасаясь за Моню, а тайно — и за себя.

— Успокойся, я ее паспорт видел! — ответил Моня и вывел меня в коридор для какого-то секретного разговора. — Слушай, у меня к тебе предложение, только не отвечай мне сразу «нет», не подумав. Женился бы ты на Оле, — и быстро добавил, видя, что брови у меня поднялись выше физиологического предела: — фиктивно, разумеется, фиктивно! Ты прописался бы у нее — жилплощадь позволяет, и устроился бы на работу в Москве. Хватит тебе шастать по провинциям! А потом найдешь себе другую жену, женишься хотя бы на своей Тамаре Федоровне. Или будешь «липовым» женатиком, чтобы никто из твоих будущих баб претензий не предъявлял — это же мечта ловеласа!

— Моня, я понимаю, что ты спишь и видишь, как бы потрафить мне. Спасибо тебе, друг, за это! А что ты, выражаясь на твоем карайларском языке, будешь с этого иметь? Иначе твой альтруизм вызывает подозрение!

Моня наклонил голову, потупил взгляд и зарделся. Видно, тема эта его действительно волновала.

— Видишь ли, — Моня понизил громкость голоса до порога слышимости, — я не могу оставить семью, а жена не дает мне встречаться с Олей. Я так люблю Олю, что жить не могу без нее...

Моня еще ниже опустил голову и чем-то напомнил мне влюбленного Митрофаньча в бане. Ему впору было бы сейчас и слезу пустить. Я аж похолодел от ответственности за отводимую мне роль.

— Если Оля формально будет твоей женой, я смогу с ней встречаться как бы у тебя в гостях. И Капа (он с трудом произнес это имя, обычно он говорил «жена») ни о чем не догадается. Ты же видишь, мое предложение обоюдовыгодное! — Моня решил наконец посмотреть мне в глаза, — да и для Оли это

выгодно, это повысит ее статус в глазах общества, она станет «профессоршей»! Да и материально ты ей поможешь — ведь такой брак немалых денег стоит!

Я все больше понимал, с каким умным, но совершенно не знающим жизни человеком меня столкнула судьба. Ведь реальная жизнь — не шахматы, тут одним анализом ходов не обойдешься!

— Хорошо, допустим, я соглашусь, а Олю ты спросил? Ведь она тебе физиномордию за это исполосует! Уготовить юному созданию такую роль! — я чуть руки себе не заломил от фари-сейского сострадания «юному созданию».

— Оля все знает и согласна! — твердо ответил Моня. — Ей тоже надоели фокусы моей Капы; только она категорически не хочет знать ни о каких деньгах с твоей стороны, она хочет помочь тебе совершенно бескорыстно! — добавил Моня.

— Нам! — поправил я и подумал: «Оля действительно умная девчонка, и отчаянная авантюристка вдобавок!»

— И последнее, Моня. Мы взрослые люди, и я хочу, чтобы мы все предусмотрели. Дело затевается не на неделю и не на месяц, а что, если мы с ней по-пьянке или по обоюдному согласию, конечно, без насилия с какой-нибудь из сторон, начнем жить как мужик с бабой, что тогда? — я задал Моне вопрос «в лоб»!

И опять глаза «долу», опять девичий румянец.

— Я бы очень не хотел этого, — тихо сказал Моня, — но даже если это и произойдет, ты же не будешь возражать, если я иногда буду приходить к вам, то есть к ней, в гости?

— И будешь трахать мою жену? — жестко добавил я.

— Послушай, брак-то будет фиктивным, все это ведь будет понарошку! — всерьез возмутился Моня.

— Шучу, шучу, — рассмеялся я, — на фиг она мне нужна, эта пигалица. Что я, баб полноразмерных в Москве не найду, что ли?

Но и хитрая «пигалица», и вся эта авантюра с женитьбой меня увлекали все больше. Честным и правдивым, и то относительно, в этой аванюре был только Моня. Мы с Олей должны были играть сволочные роли, выхода из создавшейся ситуации я не видел — не ссориться же с Монею. Или отказываться от брака, перспектива которого уже достаточно увлекла и «женуха», и «невесту».

— Но периодически ночевать у Оли мне придется, — практично рассудил я, — а то бабка, да и другие соседи заявят, что, дескать, брак фиктивный и все такое. Брошу в комнате какой-нибудь надувной матрас и буду спать на нем. А днем буду сдувать его и прятать — пусть бабка и соседи с подругами, которые

нет-нет, да заглянут к Оле, видят, что койка-то у нас одна. Значит, и брак всамделишный!

Сказано — сделано! Мы зашли в «Спорттовары», и я купил там надувной матрас (опять надувной матрас!). Потом зашли в магазин на Николаямской (бывшей Ульяновской), взяли вина, закуски и зашли к Оле.

— Оба кобеля вместе! — вытаращив глаза, только и вымолвила бабка, выглянув из своей комнаты.

— Ошибаетесь, товарищ! — широко, по-партийному, улыбаясь, парировал я, — кобель только один, рыжий, — и я указал на Моню, — а я жених! Прошу не путать!

Оля грозно «шикнула» на бабку, и та в изумлении исчезла. Пока Оля с Мoneй готовили стол, я надул матрас. Я видел, с какой ненавистью Оля смотрела на это резиновое чудо, но развеселившийся Моня ничего не замечал.

Мы выпили за любовь, как положено, до брака, во время брака, после брака, вместо брака и за любовь к трем апельсинам. Я и Моня держали бокалы в руках, а Оля чокалась с нами. Со мной она чокнулась, когда я произносил слова «во время брака», а с Мoneй — при упоминании «любви к трем апельсинам». Но и это ускользнуло от внимания счастливого Мони — его хитроумный план осуществлялся, и это вызывало у него эйфорию. Не думал он тогда, что этим хитроумным планом он перехитрил самого себя.

Потом Моня, сделав страшные глаза, заспешил домой, а Оля деланно пыталась его задержать и оставить. Я деланно пытался уйти прогуляться на полчаса в магазин, но Моня предложил выйти всем вместе, проводить его до метро.

— А там хоть в магазин, а хоть в загс! — пытался пошутить он, но Оля надавала ему за это «шалабанов» по башке.

— Лапочка, ты же знаешь, что я сейчас не могу, лапочка, вот подожди немного, тогда... — выкручивался из своего положения Моня, протискиваясь к дверям.

Мы с Олей проводили Моню до метро (которое оказалось всего в пяти минутах ходу), а на обратном пути зашли в магазин. Когда мы вернулись обратно, я ласково улыбнулся опять высунувшейся из своей комнаты бабке, и она хитро подмигнула мне в ответ. Зайдя в комнату, я стал запирать дверь, Оля же с рычанием львицы набросилась на ни в чем не повинный матрас и, выдернув из него пробку, стала топтать его ногами, выдувая воздух. Я протягивал к бедному матрасу руки, как бы пытаюсь уберечь его, но жест мой был понят превратно.

— И не надейся! — прорычала Оля и потащила меня в койку.

Вскоре мы купили другую койку, по ширине занимавшую весь альков. Оля объяснила Мone, что подруги «не понимают,

как на такой узкой кровати можно спать вдвоем с женихом». А на новой — и трое свободно улягутся!

Говоря о троих, Оля оказалась на редкость предусмотрительной...

Интересно и то, что мы с женой до сих пор пользуемся этой кроватью. Кровать, как скрипка: она не стареет, она — наигрывается. Коли так, то наша кровать — это наигранная, старинная, виртуозная скрипка Страдивари. Спать на ней — это спать на истории секса!

Если для Мони дело было сделано, то для меня — лишь наполовину. Надо было еще как-то подвести Тамаре Федоровне «научную базу» под мой грядущий переезд в Москву. Я стал понемногу эту базу подводить. Дескать, в Курске с квартирой для нас ничего не светит. Да и я «подмочил» свою репутацию разводом. А у моего друга Мони...

И я пересказал Тамаре предложение моего друга Мони насчет фиктивного брака, упирая на заинтересованность в этом Мони и Оли. Рассказал, как они безумно любят друг друга и чего стоило Моне уговорить Олю на фиктивный брак, как Оля плакала и категорически отвергала эту авантюру, как заплакал уже Моня и сказал, что тогда им, по всей вероятности, придется расстаться. Как в конце концов, словно в индийском фильме, заплакали они оба, и Оля согласилась быть моей женой, фиктивной, разумеется. И тут заплакал уже я, чувствуя, на какую авантюру я иду и как обижаю этим мою Тамару.

И чего, наверное, не случилось даже в индийских фильмах, заплакал и четвертый участник событий — Тамара Федоровна. Ей не понравилась эта идея, но она понимала, что лишиться счастья столько народу она просто не вправе. Тем более я заметил, что фиктивный брак с Олей ненадолго. Она найдет себе настоящего жениха, того же Моню, если он разведется с женой, а я заберу Тамару к себе в Москву. Но это была перспектива уже настолько далекая, что мы ее и не обсуждали...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! При ближайшем рассмотрении паспорт Оли оказался «подпорченным». Об этом не знал даже Моня. Но у каждого или почти у каждого из нас имеется свой «скелет в шкафу».

Оказывается, Оля числилась замужем за одним известным (поменьше Нуриева, но из той когорты!) танцовщиком, которого обвинили по 121-й статье УК в мужеложстве. Тогда за это сажали, и артистическая богема уговорила Олю фиктивно расписаться с ним, чтобы это помогло ему избежать наказания. Она ездила на суд (все происходило в родном городе Нуриева), но спасти его не смогла, так как тот сам признался в своей нетрадиционной сексуальной ориентации. «Мужа» посадили, а штамп в паспорте остался. И чтобы развестись с ним, Оля потратила

около года. Интереснее всего то, что «муж», которого Оля бескорыстно спасала, не захотел давать развода. Пришлось, по совету одного юриста, «поискать» его в Москве и Подмосковье. А когда там его не обнаружат (да и не могли обнаружить, ибо тюрьма была совсем в другом месте), объявить его «пропавшим или умершим». Наконец в сентябре следующего, 1977 года Оля оказалась разведенной, и мы подали заявление в загс.

Август мы с Олей провели в... подмосковном пионерлагере. Оказывается, Оля на лето устроилась пионервожатой в этот самый лагерь, а дома оставила его адрес (я как жених, разумеется, имел ключи от квартиры и комнаты). Этот же адрес имел и Мони, который чуть ли не каждый день слал ей телеграммы из Сочи, где отдыхал с женой Капитолиной и детьми. Телеграммы адресовались «пионервожатой Ольге» и содержали строчки из «поэз» Игоря Северянина.

В день моего приезда Оля получила очередную телеграмму и была в бешенстве — весь пионерлагерь читал эти телеграммы и хохотал над ними. Простим их — пионеры не знали запрещенного тогда «гения». Ну, скажите, как еще они могли отреагировать на полученную в день моего приезда телеграмму:

«Как плодоносны зпт как златотрубны зпт снопы ржаные моих поэз вскл»

А ведь Оля не знала обратного адреса Мони и не могла запретить ему присылать ей такую ахинею.

Она жила в отдельном домике, где с согласия заведующей пионерлагерем поселился и я. Первым делом мы съездили на почту и попросили не доставлять телеграммы. На почте нас поняли — они и сами ухохатывались над Мониными «телеграммопоэзами».

Дождливый август мы провели, развлекая пионеров: Оля играла на гитаре и пела пионерские песенки, а я показывал им фокусы и делал стойку на столе, выпивая при этом стакан вина через соломинку.

В сентябре начались занятия, и я уехал в Курск.

ИСПОРЧЕННАЯ СВАДЬБА

К невесте в Москву я приезжал обычно утренним поездом. Покупал на Курском вокзале цветы и пешком шел до дома — там минут 10 — 15 хода. И вот приезжаю после почти месячного перерыва на революционные ноябрьские праздники в Москву. Покупаю у азербайджанцев три большие розы на длинных стеблях и бегу на Дровяной. Открываю дверь, а Оля лежит в постели. Обычно она к моему приходу уже встает. Целую ее и замечаю: что-то не так. Она вся какая-то сумрачная, глаза воротит.

Кладу цветы на стол и вижу, что одна роза отделяется от стебля и падает. Братья-кавказцы в очередной раз «надули» меня — посадили отпавший цветок на стебель, как на кол. Оля увидела это и горько усмехнулась — все одно к одному! Поняв, что Оля вставать не собирается, я начал было раздеваться, чтобы лечь с ней.

— Не делай этого, — мрачно сказала Оля, — можешь не жениться на мне, но я тебе все расскажу. Я подхватила... — и она назвала так хорошо знакомую мне болезнь, подаренную когда-то доцентом Летуновой.

— Оля, но для этого надо, как минимум, трахнуть с больным. Это Моня? — спросил я, не веря себе.

— Нет, ты что! — испугалась Оля. — Но он теперь тоже знает об этом.

И Оля рассказала банальную историю о своей встрече в какой-то компании с совершенно неизвестным ей студентом. Они выпили, и он проводил Олю до дома, с заходом в квартиру. И остался там до утра. Бабка-«коммунистка» была очень недовольна и даже обещала «донести» все жениху. А через несколько дней утром приходит медсестра из вендиспансера, застаёт Олю дома и сообщает, что такой-то больной сообщил о связи с ней.

Оказывается, бравый студентик успел заразить какую-то замужнюю женщину, а муж у нее — человек «серьезный». Почувствовав симптомы «африканского вождя», муженек скрутил женушку и добился признания. Разыскал этого студента, набил ему морду и сообщил в вендиспансер. А там, под угрозой уголовного дела, разузнали о всех его связях.

Олю обследовали и начали лечить. Но не так, как лечился я, а по варварской «утвержденной» методике, поведенной мне Тamarой по фамилии Заец. Курс лечения — уколы каждый день, затем «провокация». Не проходишь ее — опять курс лечения. И подписку взяли, что ни с кем никакого «баловства», иначе уголовное дело.

— Ты меня теперь бросишь? — надувая губки, печально спросила Оля.

Я утешил ее, что уже болел этой болезнью, которая, к сожалению, иммунитета не дает. И обещав, что все-таки женюсь на ней, попросил по мере возможности с «посторонними» больше не трахаться. С Мoneй, дескать, разрешаю, а больше ни с кем! Оля клялась и божилась, что теперь... Заклялась хрюшка на помошку не ходить!

Оля была страшно рада, что я ее простил, но попросила на время лечения уехать в Курск либо пойти жить к Мone. Потому что в диспансере предупредили — пить, как и трахаться, категорически нельзя!

— А чем еще мы будем с тобой все праздники заниматься? — наивно спросила Оля. — Я вообще изведусь вся. К свадьбе излечусь — и тогда все наверстаем!

Регистрация брака была назначена на 27 ноября. Я оставил ей денег на свадебное платье, туфли, кольца, на другие расходы и сказал, что уеду обратно в Курск. Так я и хотел поступить, но...

Был последний рабочий день перед праздниками. Я зашел в ИМАШ и увидел в лаборатории Элика. Моня тут же отозвал меня в сторону и с ужасом сообщил о болезни Оли. Рассказал, что он ходил проверяться, но у него все в порядке. За кого он сильнее переживал, за себя или за Олю — непонятно.

Элик был очень рад видеть меня. У него, видите ли, сегодня не хватало партнера по его сексуальным шашням. Я согласился, Элик тут же позвонил, куда следует, и мы ушли. И я с удовольствием завалился с ним на его конспиративную квартиру. Не успели мы «приложиться» к бутылке, как в квартиру позвонили, и радостный Элик впустил... сразу двух женщин. Рослые, в теле, как сейчас говорят «тёлки», слегка поддатые, они ввалились в квартиру, принесли с собой запах духов и праздничную атмосферу.

Между тостами я спросил-таки на ушко Элика, почему это их две? Он очумело поглядел на меня и ответил, что это означает — каждому свое, или, правильнее, каждому своя. Я, будучи педантом, все-таки переспросил: «в таком случае которая из них моя?»

— Выбирай! — бросил мне Элик и занялся разливанием вина.

Выбирать не пришлось, так как меня самого выбрали. Одна из дам, представившаяся Галей, села на софу рядом со мной и предложила выпить на брудершафт. Я не заставил себя уговаривать и в очередной раз вспомнил проверенный мопассановский способ. Галя аж завизжала от восторга — оказывается, и она не читала Мопассана. Пришлось пить на брудершафт и со второй дамой — Ниной.

Элик же способа этого не признавал: если уж в рот попало вино, то расставаться с ним — грех!

Первую ночь мы провели вчетвером у Элика, а на следующий день Галя забрала меня к себе на квартиру. Я поначалу подумал, что это какие-нибудь «девушки по вызову», а они оказались обычными «порядочными» незамужними женщинами, инженерами, сотрудницами Элика.

Мы с Галей — роскошной блондинкой, почти «Купчихой» Кустодиева, прекрасно сошлись во вкусах. Более того, она меня даже кое-чему научила в благодарность за мой мопассановский поцелуй. Так сказать, «в порядке обмена передовым опытом», что было актуально в то социалистическое время. Галя пригласила меня заезжать к ней и впредь.

Закончились праздники, и я с тяжелым сердцем поехал в Курск.

У меня голова пошла кругом от навалившихся проблем. Я все воспринимал всерьез, и это было большой нагрузкой на мою «буйную головушку». А она (головушка) оказалась не готовой к таким перегрузкам.

Что ж, ко дню регистрации брака выехал я в Москву, встретился с Олей, которая, как оказалось, еще была не готова исполнять свой супружеский долг. Или в диспансере издевались над ней, или она действительно не выдержала теста на «провокацию». Зато она приобрела длинное свадебное платье, почему-то зеленого цвета, лаковые туфли на каблуках и обручальные кольца с «алмазной гранью». Оля, привыкшая к удобным джинсам, постоянно путалась в платье и спотыкалась на каблуках, тихо матюгаясь при этом.

К нам подъехал на такси Моня, а в загсе уже ждали нас Алик и подруга Оли — Зоя, свидетельница со стороны невесты. Моим свидетелем был Алик, так как Моня наотрез отказался от такой роли. Он счел ее аморальной (вот еще моралист выискался, Жан-Жак Руссо карайларского разлива!).

Нас в темпе и весело зарегистрировали, сфотографировали, напоили шампанским, попотчевали Мендельсоном. А оттуда мы уже на двух такси поехали в ресторан «Седьмое небо» на Останкинской башне, где Моня и Алик, оказывается, зарезервировали места.

— Предупредили бы меня, черти, — возмутился я, — а вдруг я денег с собой не взял!

— Ничего, богатенький Буратино, — успокоили меня «черти», — мы бы тебе одолжили!

К сожалению, было облачно, и панорама Москвы была скрыта. Сидели в круглом зале, как в самолете: ярко светило солнце, а внизу плыли облака. Солнце как-то нереально быстро двигалось вокруг нас, но это, оказывается, сам зал вращался на башне, как на оси.

Выпили шампанского за «советскую семью образцовую» и вскоре спустились. Время пребывания там было регламентировано. Выйдя из ресторана, пошли на квартиру Оли и там продолжили свадебную пьянку.

Зоя, красивая, но наивная девушка, подруга по «художественному цеху», все приговаривала Оле: «Как я тебе завидую!» Я даже заметил Зое: «А где ты сама-то раньше была?», за что Оля сердито оборвала нас.

Настало время провожать гостей. Алик и Зоя, поцеловав нас, вышли из квартиры, а подвыпивший Моня все не уходил. Он как-то глупо стоял у двери и моргал мокрыми глазами. Оля выталкивала его за дверь, а он пассивно сопротивлялся. Я предло-

жил ему остаться, но разъяренная Оля уже грубо вытолкала его вон.

— Этого только **сейчас** нам не хватало! — в сердцах сказала она.

Мы остались вдвоем и снова сели за стол. Оля смотрела на меня грустным долгим взглядом ребенка, которому из-за ангины не позволяют есть мороженого. А это «мороженое» сидит рядом за столом и издевательски ухмыляется.

Я, шутя, рассказал Оле анекдот про комедию, драму и трагедию: «Комедия — есть кого, есть чем, да негде! Драма — есть где, есть чем, да некого! Трагедия — есть кого, есть где, да нечем!» Так вот у нас, выходит — трагедия! — патетически заключил я.

Оля вскочила, ударила кулаком по столу и риторически спросила:

— Неужели так ничего и нельзя сделать?!

Я залез в карман, медленно достал из него блестящий паке-тик и поволил им перед носом у Оли.

— Что это? — недоуменно спросила она.

Оказывается, чистая душа, она даже никогда не видела наших маленьких резиновых защитников. Слышала, что есть такие, но не использовала и даже в руках не держала их. А ведь они могли бы оградить Олю от постигших ее, мягко выражаясь, неприятностей.

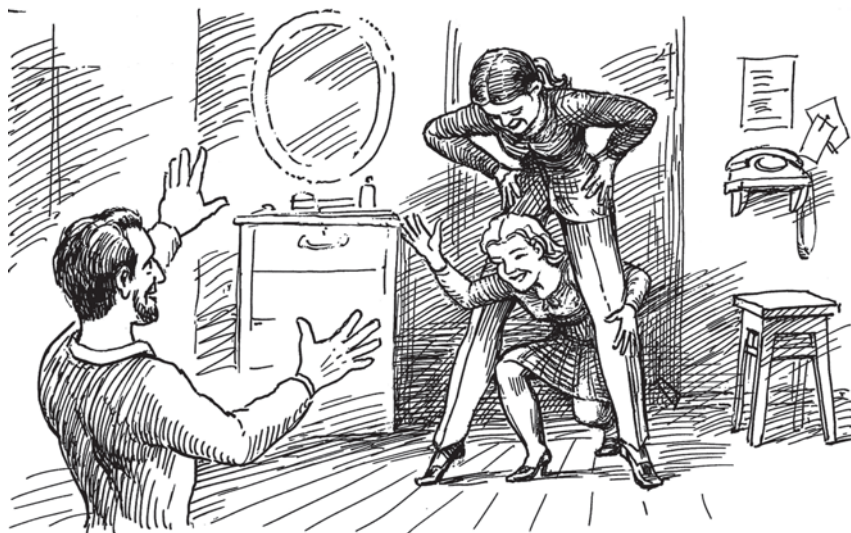
— Пардон, а как же ты предохранялась от беременности всю свою активную половую жизнь? — удивился я.

— Не такую уж и активную, — обиделась Оля, — я не предохранялась никак. Просто не беременела, и все!

Я аж протрезвел от наивности теперь уже моей жены. Так она могла родить от кого угодно, может сделать это сейчас от Мони, да мало ли с кем еще ее потянет переспать. А я буду официальным отцом этому ребенку! Надо как-то срочно учить ее уму-разуму, а не то «подзалететь» могу и я сам.

«Резиновый друг» выручил нас, но не вполне удовлетворял. Олю раздражали все эти лишние, с ее точки зрения, манипуляции, и удовольствия от такого «разделенного» общения она не получила.

«Дитя природы, — думал я, — и это в Москве в конце двадцатого века! А еще француженка!»

Глава пятая

ДВАЖДЫ МОСКВИЧ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЖЕНУШКИНЫ НРАВЫ

Поезд подходит к Курскому вокзалу, но ни Мони, ни Оли не видно, хотя обещали, гады, встретить. «Начинаются сюрпризы!» — подумал я и, вздохнув, вышел из вагона.

Двенадцать минут пешком — и я «у себя» дома. Открываю одну дверь, другую — пусто. Даже бабка-коммунистка не выглянула. Сажусь на стул, жду сюрпризов. И вдруг — с топотом, громкими воплями и хлопанием дверей в комнату врываются мои «родственнички» — Оля и Моня. Оля кидается мне на шею, наносит множественные поцелуи, Моня тоже целует меня в щечку... Опоздали, оказывается, к приходу поезда. Я даже не спросил, ночевал ли Моня здесь у Оли. Какое теперь это имеет значение?

Я среди своих, меня любят, чего же еще надо? Я уже «дважды москвич Советского Союза», а это много. Да, звание это далось мне немалой кровью! Надо зарабатывать гордое звание москвича, это не то что родился в Москве сам собой, безо всякого труда, и считаешься москвичом!

Звание «дважды москвич Советского Союза» можно сравнить разве только с аналогичным «дважды еврей Советского Союза». Звание такое получали те евреи, которые непродуманно или поддавшись вражеской агитации, соблазну, уезжали из СССР в Израиль. А намучившись там, хлебнув полную чашу горя и страданий, снова с невероятными трудностями возвращались обратно на родную советскую землю.

Так и я, в свое время необдуманно и поддавшись корыстной агитации, покинул Москву. И, заслуженно намучившись в своих скитаниях, с невероятными хитростями, но все-таки вернулся в любимый, добрый город!

На работу я поступил не теряя ни дня — 2 января 1978 года, и сейчас работаю там же — в Московском государственном индустриальном университете (МГИУ). Каждое утро, молясь, я упоминаю «мой университет-кормилец».

Наступили трудовые будни, работа со студентами, аспирантами, докторантами. Это я так высокопарно называю моих друзей — Осю Юдовского и Моню.

Мой бывший студент Ося Юдовский поступил в аспирантуру ИМАШа и часто бывал у нас с Олей дома. Я предпочитаю работать со своими учениками дома, они становятся настоящими членами моей семьи. Иногда даже и «сменщиками».

Уехав как-то уже из Москвы в Курск на выходные дни к Тамаре Федоровне, я оставил Осю у себя дома. В понедельник утром, прибыв домой, я застал Осю с закатанными штанинами за уборкой квартиры. Посуда вся перемыта, пол в комнате блестит. В холодильнике (который я уже успел купить) запас продуктов. «Неужели Оля становится настоящей хозяйкой?» — удивился я. Но Оля с серьезным видом лежала в постели, накрывшись одеялом до подбородка, и курила.

Оля приказала Осе выйти на кухню и попросила меня присесть, мрачно пояснив:

— Чтобы ты не упал, когда услышишь новость!

Я тут же присел, и Оля медленно, цедя каждое слово и затягиваясь дымом, покаялась мне, что переспала с Осей.

— Ты же знаешь — я долго не могу без мужика! — без комплексов призналась мне молодая жена, — а он как раз был дома. Сопrotивлялся долго! — затянувшись сигаретой, добавила Оля. — Но он мне не понравился, и **это** произошло только раз!

Я вызвал из кухни Осю. Он понял, что мне все известно, и, войдя в комнату, упал на колени и стал истово, как монах, креститься. Не часто увидишь еврея, крестящегося на коленях, и я невольно рассмеялся.

— Простите, Нурбей Владимирович, я не виноват! — каялся Ося.

— Я понимаю, тебя изнасиловали! — съехидничал я.

— Всего один раз, — чуть не плакал Ося, — а потом два дня мне твердили, какое я ничтожество по сравнению с вами! Но я перемыл все полы, в том числе в прихожей и на кухне, готовлю обеды, мою посуду, бегаю за сигаретами. Оля уже два дня не встает, я кормлю ее с ложечки в постели!

— Хорошо, что хоть не грудью! — издевательски добавил я.

— Врешь! — перебила его до того молчащая Оля, — врешь, я вставала! В туалет ты, что ли, за меня ходил? — она совершенно искренне обиделась.

— Ну и жена мне попалась! — в очередной раз изумился я. — Выходит, если ее кормить в постели, ничего не заставляя делать и сексуально «обслуживать», то она будет вставать разве только в туалет! А если... Нет, хватит плодить лежачих больных! — решил я и стянул с Оли одеяло. — А ну, вставай, бездельница, лентяйка, а кроме того, и сама знаешь кто! Не то надаю сейчас подзатыльников по-кавказски!

Ворча, как маленькая россомаха, Оля поднялась и вместе с Осей приготовила завтрак. Пока я ел, она играла на гитаре и пела сочиненную ею же песню на английском языке.

— А ты говоришь, что я бездельничала! — сердито оправдывалась Оля. — Я текст и музыку сочиняла!

Песня была действительно приятной на слух, не понял, правда, о чем она. О чем-то очень сложном и непонятном для простого русского человека.

После этого случая Ося бывал у нас лишь эпизодически, когда я приглашал. Работать «по науке» мы стали в ИМАШе или у меня на кафедре.

Но Олины сюрпризы продолжались.

Однажды, придя домой после занятий еще днем, я увидел в гостях у моей жены незнакомую юную девушку с яркой еврейской внешностью. На шее у нее висела цепочка с магендovidом — на это в те годы мало кто решался. Оля с этой «аидиш киндер» («еврейским ребенком») пила сухое вино. Одна пустая бутылка уже лежала на полу, другая была чуть почата.

Я быстренько присоединился к девичьей компании и стал наверстывать упущенное. Вдруг «аидиш киндер» встает, подходит неверной походкой ко мне, смотрит преданно в глаза и шепчет, улыбаясь: «Дядя, я тебя хочу!»

Вытаращив глаза, я взглянул на Олю. Та мрачно сидела молча и наконец процедила:

— Я не возражаю, я же виновата перед тобой!

— Не бойся, дядя, я — совершеннолетняя, могу паспорт показать! — так же завлекательно улыбаясь, продолжает «аидиш киндер».

На какую-то секунду я чуть не поддался соблазну, но, решив, что так сразу не стоит делать из дома бордель, я предложил ей:

— А не хочешь ли ты молодого айда, моего аспиранта? Гениальный парень! — рекламнул я Осю.

— Мы все гениальные! — парировала «айдиш киндер», — что ж, зови!

Я выскочил на улицу, позвонил по автомату в ИМАШ. К счастью, Ося оказался на месте. Через четверть часа он прибыл к нам, причем уже с бутылкой. Я стал рядом с Осей, обнял его за плечи и гордо провозгласил:

— Цвэймэ михитунэм («два друга» на идиш)!

«Айдиш киндер» расхохоталась.

— Ты произнес это как негр по-китайски! Знаешь, есть грубоватая поговорка на идиш: «Майнэ поц ун дайнэ пунэм — цвэймэ михитунэм!» («Мой хвостик и твой лоб — два друга!»). Не отсюда ли ты взял свое выражение?

Я согласился, что именно отсюда. Элик часто использовал эту поговорку, и я захотел блеснуть своим знанием идиш перед юной еврейкой. Мы сели выпивать вместе, и я подвинулся поближе к Оле. Чувствуя, что разговор у молодых не клеится, я буквально прижался к жене. «Айдиш киндер», пошатываясь, снова подошла ко мне и, взяв меня за руки, призналась:

— Дядя, а я все равно хочу именно тебя!

— Девочка, — чуть ли не в истерике вскричал я, — у меня молодая жена, не совращай меня, пожалуйста! Наш пророк Мошэ (Моисей) за это не похвалил бы!

Авторитет Моше подействовал, и «айдиш киндер», взяв за руку виновато улыбавшегося Осю, вышла с ним за дверь.

— Оля, ты брось у меня, вернее, у себя, бардаки устраивать! — строго предупредил я жену.

— Я же не для себя — для тебя стараюсь! — самоотверженно заявила Оля. — Но если не хочешь — больше не повторится. Клянусь!

«Заклялась хрюшка...» — еще раз подумал я и, конечно же, оказался прав.

Прошло месяца два, за которые я все пытался приучить Олю к женственности. Заставлял ее красить губы, подводить глаза, ухаживать за волосами, носить женскую одежду, а не джинсы с «гренадерскими» ботинками. Оля долго чертыхалась, спотыкаясь на каблуках или попадая тушью в глаза, но эту пару месяцев она выглядела отлично. Тушь и тени выгодно подчеркивали ее большие глаза, помада — полные, красивой формы губы, ровные белые зубы. Отросшие волосы украсила модная прическа, платье и туфли на каблуках «вытянули» карманную фигурку вверх и придали ей девичью стройность. Особенно тяжело давалась мне борьба с курением: я доставал ей антиникотиновые жвачки и пластыри, воровал у нее из карманов сигареты и спички.

На какой-то момент мне показалось, что я заставил ее стать женщиной, но все рухнуло сразу. Оля как-то заявила опять в прежнем виде и с сигаретой в зубах. А на мой (простите за каламбур!) немой вопрос она мрачно ответила: «Если я не нравлюсь тебе такой, можешь разводиться. Но ломать себя я больше не могу. Не вышло из тебя Пигмалиона!»

Хорошо хоть, приучил ее сдавать белье в стирку. А то раньше она просто выкидывала грязное белье и покупала новое. Естественно, свое «исподнее», да и ее тоже, стирал я. Она считала стирку занятием, не достойным себя.

По вечерам у нас часто бывали гости. Приходили, в основном, театральные приятели Оли. Она почти в каждом театре была «своей» и знала многих известных актеров. Как-то к нам в гости нагрянула компания молодых актеров с театра на Таганке. Не смущаясь нашей коммуналкой, они быстро расставили бутылки на столе. Оля сняла со стены гитару и принялась петь свои песни. Я был зол на шумную компанию и, подвыпив, начал щедро материться. Вдруг один из актеров, усатый и похожий на грузина, спрашивает меня:

— Тебя как зовут?

Так как я был при бороде, то ответил:

— Называй меня Хоттабыч!

— Послушай, Похабыч, ты поменьше бы матюгаться не мог? — нарочито вежливо попросил меня «грузин».

— Называй меня правильно — Хоттабыч! — потребовал я.

— Перестань матюгаться — буду, а пока ты и есть Похабыч! — не сдавался «грузин». Его поддержали и другие, в том числе Оля.

Я, ворча: «ходят тут всякие», пошел на уступки «народу» и по мере сил прекратил материться. А потом, когда актеры ушли, Оля рассказала мне, что тот «грузин», с которым я препирался, был известным актером Леонидом Филатовым.

— Это — большой талант, он и стихи пишет, ты о нем еще услышишь! — пообещала мне Оля.

А вот насчет бардака на дому Оля свою клятву, конечно же, не сдержала. Однажды заявляется вечером вместе с необыкновенной подругой — великаншей двух с лишним метров ростом. Когда они вошли в дверь, я решил, что или одна — на ходулях, или другая — на корточках. Припомнился рисунок из пособия по кинологии: «Сенбернар и тойтерьер». Или из истории кино: «Пат и Паташон». Девушка была в брюках и обтянутой кофте, круглолицая синеглазая шатенка. Имя — до боли знакомое — Тамара.

— Я привела тебе самую высокую красавицу Москвы! — гордо провозгласила Оля. — Рост — два метра два сантиметра!

Тамара-каланча, как я ее сразу же прозвал про себя, поразила мое воображение — такой высокой девушки в моем «послужном списке» еще не было. Я уже немного «принял на грудь» и тут же попросил Олю пройти между ногами у Тамары. Великанша расставила ноги, совсем как Колосс Родосский, а Оля, слегка пригнувшись, «проплыла» у нее между ног, как корабли между ногами Колосса. Мы выпили, вернее, добавили, потому что все были уже «хороши». Вдруг Оля вызывает меня на кухню якобы помочь ей.

— Хочешь, Тамара останется, а я уйду на ночь к тете? — с горящими интригой глазами, спрашивает Оля. — Ты ей понравился, она останется, если я уйду, мы договорились! — быстро прошептала мне на ухо женушка.

— Оля, для чего ты делаешь это? Мне непонятны твои поступки! — недоумевал я.

— Я тебя люблю и хочу, чтобы тебе было хорошо. К тому же я виновата перед тобой! — обосновала свой поступок Оля и, поцеловав меня, выскочила за дверь.

Я зашел в комнату и сообщил Тамаре, что Оля ушла к тете. Тамара засмеялась, и лицо у нее зарделось. Мы выпили с ней за любовь и поцеловались. Пришлось опять вспоминать старика Ги де Мопассана.

МАРОЧКА-КАЛАНЧА И ЕЕ МАМА ВИКА

Тамара Ивановна, что из Мамонтовки, любила говорить, что постель всех уравнивает. Я очень боялся, что не слажу с Тамарой-каланчой, как какой-нибудь мопс с московской сторожевой. Но гениальная Тамара Ивановна опять оказалась права — в постели мы с великаншей оказались действительно равны. В самые ответственные «рабочие» моменты губы наши были математически точно друг перед другом. Оказывается, весь рост человека — в ногах. Длинные ноги — большой рост. Поэтому если ноги убрать в стороны, а лучше вообще, простите, задрать кверху, то дама-великанша — прекрасная пара даже для коротышки. Великий коротышка, завсегда́тай Мулен Руж Тулуз Лотрек, говорят, тоже так считал.

— Неудобно как-то перед Олей получается, — призналась мне моя рослая леди, — подружкой ей вроде прихожусь, и вот, выходит, мужа отбиваю!

Я аж похолодел. Меня, оказывается, отбивают, то есть за меня хотят замуж! Это с такой-то дискриминацией по росту! И ведь реальная опасность этого существует — зовут ведь Та-

марой. Осталось только после нее еще с одной Тамарой спознаться — и на тебе, можно жениться. И целовать жену при встрече не в щечку, а в грудь, прямо в сосочек — ибо именно на этой высоте располагались мои губы!

Тамара заметила мой испуг и тут же успокоила:

— Да не пугайся ты, никто тебя не отбивает! Неужто мы можем пожениться? Да это курам на смех! Прямо в загсе все от хохота помрут! Так, повстречаться не на людях, переспать вместе иногда — другое дело. Да, послушай, — неожиданно предложила Тамара, — а что, если ты вечером зайдешь ко мне домой. На ночь останешься, с мамой познакомлю!

Мне снова пришлось изменяться в лице.

— Да не бойся, мама у меня совсем не такая, как у других. Она скорее подруга мне, чем родительница. Всего на шестнадцать лет старше меня, ей всего тридцать пять. Моложе тебя, выходит, на три года. А красавица еще та — вот увидишь. Рост — сто шестьдесят, худенькая, моложе своих лет выглядит. Это я в отца такая рослая. Сама-то я его не видела, мама рассказывала. Сразу после моего рождения загремел в тюрьму, а потом мама за другого замуж вышла, за еврея — Мариком звали, погиб он год назад в аварии...

Тамара замолчала, но было видно, что-то вертится на языке. Не дает покоя. Даже вина вчерашнего из стакана нервно так отхлебнула.

— Знаешь, Марик этот, отчим мой, как две капли воды на тебя похож был. Я чуть язык не проглотила, когда тебя первый раз увидела. Ну, может, ты чуть помоложе него, и борода потемнее — у него с проседью. Мама после его гибели, похоже, умом тронулась. Ничем не интересуется, никуда не ходит, все только про него и вспоминает. О мужиках даже думать не хочет. Ушла с работы (она врачом работала), устроилась уборщицей в магазин «Чай» напротив дома... Да, я на Кировской живу, как раз напротив «китайского магазина», «Чай» называется. Интересное место! Прошу тебя, зайти ко мне! Я тебя встречу возле этого магазина и проведу к себе, только позвони мне, как подойдешь!

Я дал себя уговорить, ну не арестуют же меня дочь с матерью-красавицей. От Таганки — рукой подать («и ногой поддать» — не могу не добавить!). Оле написал записку, что иду на вечеринку к друзьям, могу и не прийти на ночь, если выпью сильно. И после работы, часам к семи отправился на улицу Мясницкую, тогда Кировскую. От метро позвонил Тамаре по автомату, и она встретила меня у магазина «Чай». Забыв было про ее рост, я снова почувствовал себя пигмеем, оказавшись рядом. Но в сосок целовать не стал, только обнял за талию, почти на уровне моих плеч.

«Джентльменский набор» — цветы, шампанское и бутылка моего любимого «Хереса» — уже лежал в моем объемистом портфеле. Интересный дом напротив магазина «Чай», рядом с Главпочтамтом! Не знаю даже, переделали ли его сейчас, но тогда, в конце семидесятых, там были чудо-квартиры. Лифт был спроектирован так, чтобы довозить людей с парадного прямо в квартиру, просторную, как площадь (правда, он, наверное, с октябрьского переворота не работал). Клеть этого лифта, размером с большую комнату, нынешние жильцы использовали как кладовую. Масса комнат, подсобных помещений, какие-то закутки. Тамара с матерью проживали в двух комнатах, причем мама жила в проходной, что меня вначале удивило. Дома ее, правда, пока не было.

— Мама с Мариком раньше в моей комнате жила, а я — в проходной. А потом, как его не стало, — подыскав слова, произнесла Тамара, — она просто не смогла находиться в этой комнате. Любила его до помешательства, вот и не могла перенести одиночества в столь знакомом интерьере.

Мы расположились за столом в комнате Тамары, окна которой выходили прямо на вывеску «Чай» этого роскошного и загадочного магазина.

— Ник, — так стала называть меня Тамара, — а ведь я не сказала маме, что ты так похож на Марика. Просто предупредила, что приду с другом. Близким. И ее ровесником, — казалось, язвительно договорила Тамара.

Я с некоторой нервозностью ждал прихода матери Тамары — Виктории Ивановны, попивая с ее дочерью «Херес». В восемь вечера магазин «Чай» закрывался, а к девяти мама обычно приходила.

«Гуд ивнинг, мамми» почему-то пришло мне в голову по аналогии с «гуд монинг, мамми!» в ту злосчастную встречу с матерью моей первой Тамары. Я сидел лицом к окну, глядел на надпись «Чай» и ждал, когда оттуда придет уборщица Виктория, мать Тамары. Дверь была за моей спиной, и я еще больше нервничал по этой причине. Наконец в соседней комнате открылась дверь, и кто-то вошел. Я-то знал, кто, и задергался. Тамара встала и вышла в другую комнату. Прошло минуты три, в дверь комнаты постучали, и она открылась. Я вскочил и обернулся. В дверях стояла худенькая стройная молодая женщина в косынке, из-под которой выбивались золотые вьющиеся волосы. Зеленые, широко раскрытые глаза смотрели на меня с удивлением, сменявшимся ужасом. Розовые ненакрашенные губы в страхе приоткрылись, словно мама Вика увидела призрак.

— Марик! — в ужасе прошептала она и судорожно ухватилась за Тамару, стоящую за ней и едва помещающуюся в дверях

по высоте. — Марочка, кто это? — срывающимся голосом прошептала она, глядя то на меня, то снизу вверх на «Марочку», как она назвала Тамару. Она так называла ее после того, как полюбила Марика, чтобы похоже было. А до этого она ее Тоймой, как все, звала.

— Это мой друг, мама, зовут его Ник. Ну, похож немного на дядю Марика, все люди немного похожи друг на друга — две руки, две ноги, посреди... Голова, голова посреди, — успокоила Марочка маму, ужас которой уже стал переходить в возмущение.

Мама Вика понемногу успокоилась, даже улыбнулась, я галантно поцеловал ей руку и усадил за стол. В темпе открыл шампанское и разлил по граненым стаканам.

Выпили. Я стал плести что-то, на мой взгляд, смешное. Тамара смеялась, а мама Вика неотрывно смотрела на меня непонятым взглядом. Казалось, в этом взгляде были и радость, и восхищение, и слезы одновременно. Я быстро разливал шампанское по стаканам, и дамы, к моему удивлению, тут же выпивали содержимое.

Когда шампанское закончилось, я разлил остатки «Хереса», но вскоре закончился и он. Я растерянно посмотрел на Тамару. Она быстро вышла и, полная достоинства, вернулась с бутылкой водки, большим куском колбасы и батоном хлеба. Мы принялись за дело всерьез.

Марочка, она же Тамара, разговорилась, стала рассказывать про университет, где училась, про своих друзей-коротышек (меня покорило это прозвище друзей), про баскетбольную команду, где она играла. Я тоже не отставал, рассказывая старые и не очень анекдоты нейтрального характера. Мама Вика молчала, но, к моей радости, уже стала улыбаться и даже иногда отрывала от меня взгляд, переводя его на дочку.

Надо сказать, Тамара была права, назвав маму красавицей. Какая-то типично русская нежность была во всем ее облике. Типа Марьи-царевны или Аленушки у пруда. Понравилась она мне, одним словом. И ни одной общей черты с дочерью, хотя Тамара тоже была интересной, но по-своему. Может быть, рост мешал оценить достоинства ее внешности.

Наконец, что-то часов в одиннадцать, мама Вика откланялась и, извинившись, пошла спать.

— Вы меня не стесняйтесь, молодые (это я-то молодой!), — произнесла она не очень трезвым голосом, — я сплю крепко. Если нужно выйти куда-то, Ник, ты выходи, я не замечу. Я сплю крепко, — повторила мама Вика и, пошатываясь, вышла к себе в комнату.

А мы с Марочкой допили оставшуюся водку и стали истоиво целоваться. Чему-то мы оба были очень рады — то ли встрече

на новой территории, то ли благосклонному отношению ко мне мамы Вики. А вскоре и завалились в койку, то есть в Марочкину постель, оказавшуюся достаточно широкой. Мама Вика оставила эту кровать Марочке вместе с комнатой, отказалась спать на ней без Марика.

Я еще и еще раз убедился, что «постель всех уравнивает», вспомнил про роль ног в этом деле и про мудрость Тамары Ивановны, поведавшей мне об этом феномене. А потом заснул крепким счастливым сном человека, довольного жизнью. Даже не подозревая, чем эта ночь в этой загадочной квартире закончится для меня.

Часов в шесть утра я проснулся, с трудом вспомнил, где нахожусь, и осмотрелся. Марочка, спящая рядом, показалась мне чудом красоты. Рост ее заметен не был, а под утро, говорят, гипоталамус командует особой железе мужского организма выбросить в кровь тестостерончику. Мой гипоталамус, видимо, не забыл это сделать, и либидо охватило меня железной хваткой. Но, несмотря на это, я все-таки решил выйти по-быстрому в туалет, чтобы потом не было помех удовольствию.

Накинув Марочкин халатик, который мне был до пола, я неслышно прошмыгнул через комнату мамы Вики и заскочил в туалет. Через минуту я снова осторожно приоткрыл дверь в мамину комнату и остолбенел. В полутьме при свете ночника я увидел маму Вику в белой ночной рубашке и с распущенными длинными золотыми волосами. Мама Вика стояла у меня на пути, раскинув руки, как красивое привидение.

Я остолбенел, проглотив язык, не в силах произнести даже «гуд мониторинг, мамми!». Тем временем мама Вика крепко обхватила меня руками за голову, притянула ее к себе и медленно, с удовольствием стала целовать меня в губы. Но это еще полбеда, с этим легко можно было смириться. Я услышал, как в перерывах между поцелуями губы ее тихо шептали: «Марик, дорогой! Марик, дорогой!»

Потемневшие от тусклого света ночника ее глазищи при этом в упор смотрели на меня. Мне стало жутко, и я чуть не завопил. Я не знал, обнимать мне в ответ маму Вику, отвечать на ее поцелуи или нет. Я тупо молчал, позволяя ласкать и целовать себя, и мое серое вещество (мозга, конечно!) не давало вразумительного ответа на русский вопрос: «Что делать?».

Тут дверь в Марочкину комнату отворилась, в проеме появилась великанша без халатика (вы не забыли, что в нем я вышел?), которая, в свою очередь, тоже остолбенела.

— Ну, мать, ты даешь! — наконец вымолвила Марочка, скорее с удивлением, чем с гневом.

Мама Вика сняла одну руку с моей шеи и досадливо махнула ею Марочке: «отстань, мол, не мешай!»

— Ну, тогда не будите меня до восьми! — сердито проговорила Марочка и зашла к себе, захлопнув дверь.

Мама Вика, продолжая целовать меня, настойчиво, как русалка в омут, стала увлекать меня в свое ложе. Подтолкнув меня слегка, она сперва посадила, а потом уложила в свою постель. Я заметил, что постель узка. «Куда же ляжет сама мама Вика?» — неожиданно пришло мне в голову. Та же, стоя над постелью, стянула с себя через голову рубашку и, наклонившись надо мной, потушила ночник на стене. Я успел только заметить, как она стройна, бела и привлекательна. Мама Вика, которая и по годам была моложе меня, выглядела и вовсе девочкой. Особенно при свете ночника.

Дальше рассказывать не буду. Все сами, небось, знаете.

Теперь, когда у нас в стране, оказывается, секс есть, фильмов соответствующих — немерено. А тогда все это было запретным плодом, поэтому особенно сладким. И это утро с ма..., нет, просто Викой, было для меня сладко-запретным вдвойне. Рядом-то через дверь лежала моя, казалось бы, новая любовь — дочь той, которая сейчас была для меня слаще всего на свете...

Но все кончается. А у нас финал был таков. Я, конечно же, позорно заснул, прозевав момент, когда Вика встала. Но, обнаружив себя посреди постели, я понял, что она и не ложилась. Видимо, и не спала. В комнате ее не было. Я вскочил, посмотрел на часы — было около десяти. Заглянул в комнату Марочки — нет и ее. На столе записка: «Поешь, что найдешь в холодильнике. Звони, мы любим и ждем тебя! Дверь захлопни. Мара, Вика».

Вот чертовки, ведьма и ее дочь! Кто писал записку, интересно? Да, дочь хороша, но мама... нет, просто Вика! Чудо какое-то из волшебной сказки. А не приснилось ли мне все это — пришла в голову и такая мысль, но три бутылки, стоящие на полу у дверей, напомнили о вчерашнем вечере. Я поочередно опрокинул все три бутылки себе в рот, нацедил капель по шестьдесят каждого напитка и слегка забалдел. Есть не стал, оделся, вышел и, как было указано в записке, захлопнул за собой дверь.

Дома признался Оле, что был у Тamarы. Она лежала в постели и курила.

— Сама свела, теперь нужно будет походить к ней немного. А то неудобно так сразу и бросать! — оправдывался я перед молодой женой.

А про маму Вику — ни гу-гу! Может не так понять, молода еще!

— А я и не возражаю, я еще виновата перед тобой! — успокоила меня Оля. — Да и вообще, ты же не в рабство ко мне пошел. Поступай, как считаешь нужным! — успокоила меня Оля и, погасив сигарету, притянула к себе в постель.

С замиранием сердца позвонил я вечером моим любимым дамам — Маре и Вике. К телефону подошла Мара. Она слегка пожурила меня за распушенность в первую же ночь у нее дома. Пока Вики не было дома, Мара призналась мне, что такого от матери не ожидала. Но утром, встретив счастливую, довольную маму, решила: ну что, убудет от нее, Мары, если она подарит маме хоть немного счастья, поделившись с ней любовником. Пусть решит, что Марик воскрес, хоть и ненадолго.

— Надолго тебя не хватит! — резонно заключила Мара. — Не разведешься же ты с Олей, чтобы стать моим отчимом, хотя это было бы и забавно. И, кроме того, тогда сожительство твое с мамой было бы недопустимым развратом! А так — я буду закрывать на это глаза, лишь бы маме было хорошо!

Раза два в неделю я посещал дом напротив магазина «Чай». Сперва все было по-прежнему. Часов в шесть утра я выходил в туалет. Вика делала вид, что спит, отвернувшись к стене. Возвращаясь обратно, я наклонялся над ней и начинал водить ладонью по ее талии, бедрам, груди. И с каждым прикосновением тело Вики вздрагивало, как от удара электрическим током. Она начинала тянуться, выгибаться, как в судорогах, а затем внезапным броском охватывала меня руками снизу и притягивала к себе. Когда ширины кровати не доставало, она, вскочив с нее и подняв меня, стягивала матрас и одеяло на пол. Мы кидались на них и, радуясь простору, давали волю своим фантазиям. Заканчивалось все обычно: я просыпался, когда никого уже не было дома.

Я грел себе завтрак и ел в свое удовольствие. Принимал душ, чистил зубы. Соседей по «нашей» большой коммуналке я почти не встречал. А если и встречал, то вежливо здоровался, получая такой же ответ.

Постепенно Вика «захватывала» меня все больше и больше. Как-то во время нашего совместного ужина и возлияний Вика начала за столом тянуться и выгибаться, как по утрам в постели. По ее телу пробегали судороги, искажающие ее прекрасное лицо, глаза ее умоляли дочь о чем-то. Мара, прекрасно понимая, в чем дело, сердилась и швыряла вилку. Потом говорила одно и то же:

— Ну, мать, ты даешь! Совсем невтерпеж, что ли?

Бедная Вика, чуть ли не со слезами на глазах, смущенно кивала.

— Ладно, можешь забирать! Только к утру отдашь, слышишь! — милостиво разрешила дочь матери.

Вика жадно хватала меня за руку и уводила, не забывая послать воздушный поцелуй доброй дочке. Я тоскливо и виновато оглядывался на Марочку, но уводить себя позволял. Сперва я

ухитрялся возвращаться к ней по утрам, а потом Вика завладела мной целиком. Я стал какой-то сексуальной игрушкой, и я даже знаю, как эта игрушка называется.

И вот как-то в один из моих визитов в дом на Мясницкой, то бишь Кировской, я не застал там Мару. Меня с удовольствием приняла Вика и уже было решила затащить в койку, как пришла Мара с... приятелем. Молодой высокий человек, однокурсник Мары — Миша, как она его представила.

— Это моя мама, — начала представлять нас Мара, — а это мой... — она замялась.

— Папа! — подсказал я к вящему удовольствию Вики. — Только неродной! Но Марочку люблю, как родную! — не со- врал я.

Пили в тот вечер много и весело. В результате я свалился под стол, и забрала меня Вика. Утром я проснулся, вышел, как обычно, в туалет и, возвратившись, ошалело спросил у Вики:

— Теперь мне что, к Марочке идти? — я по-пьяни позабыл, что давно уже не захожу к Марочке и по утрам.

— Ты что, да у нее же Миша! Групповуху, что ли, хочешь устроить? — захихикала соблазнительница Викуля. И притянула меня к себе в очередной раз.

Днем я окончательно понял, что стал участником какой-то непонятной игры. Моя, теперь уже бывшая, Мара стала приводить любовника! Вика обретала надо мной все большую власть. А ведь у меня была еще и молодая, требовательная (к счастью, только в сексе!) жена Оля. И некоторые другие женщины, которым тоже надо было уделять внимание. Да и Оля не утратила своей привычки приводить ко мне своих подружек.

— Я же виновата перед тобой, вот и привела тебе лучшую девушку Москвы! — возбужденно шептала она мне в очередной раз на кухне, в то время как «лучшая девушка Москвы» в комнате смущенно отпивала вино из бокала.

И я решился: позвонил вечером в дом напротив магазина «Чай». Трубку снимала Вика, но я молчал. Наконец, к телефону подошла Мара.

— Марочка, дорогая, я хочу поговорить с тобой, чтобы только мама не вмешивалась. Марочка, я не могу больше играть в твоего папочку! Мне очень нравится Вика, я люблю ее, но у меня есть и жена. Она плачет, жалуется, что я изменяю ей, — нагло вру я. — Оля молода еще, я не могу так издеваться над ней! — совсем обнаглев, продолжаю я свое вранье.

— Маму жалко! — наконец говорит Мара. — Это для нее вторая смерть Марика. Она же при мне так и называет тебя: «Мой Марик». Но когда-то это надо было кончать, и я тебя понимаю. Хорошо, хоть немного мама была счастлива!

Мара замолчала.
— А от себя ты ничего не хочешь сказать мне? — совсем обнаглев, спросил я.
— Что ж, с тобой поначалу тоже было хорошо! Но ведь ты сам понимаешь... — кончила разговор моя седьмая Тамара.
На том и расстались.

ОЛЯ + МОНЯ

Вся эта история произвела на меня гнетущее впечатление. Но Оля не прекращала своих опытов по сводничеству, каждый раз мотивируя это заглаживанием якобы своей вины передо мной. И вот как-то вечером она опять появилась с симпатичной брюнеткой, устоять перед которой, особенно после совместных возлияний, не было никакой возможности. На ночь моя жена, как обычно в таких ситуациях, исчезла.

Утром, встретившись с Олей, я велел ей побожиться, что баб больше она мне приводить не будет.

— Мне с лихвой хватает и тебя, пока, по крайней мере! — честно признался я жене.

— Договорились, замetano! — быстро согласилась Оля, — баб больше не будет!

Недели две мы прожили спокойно: гостей было не так уж много, и Оля никак не «чудила». И вот однажды вечером приходит она под ручку с незнакомым мужиком. Оба чего-то улыбаются. Я здороваюсь, вежливо приглашаю гостя за стол, ставлю бутылку.

— Вова, — представился мне смазливый блондин лет тридцати пяти, — доцент института иностранных языков имени... Да не все ли равно, чьего имени? Очень, очень рад с тобой познакомиться! — и улыбается белоснежной улыбкой.

Оля тихо хихикает. Вова присел рядом со мной, взял стакан и попросил:

— Называй меня, пожалуйста, тоже на «ты»! И давай выпьем на брудершафт за это!

Мы, скрестив руки, выпили, и Вова взасос поцеловал меня в губы. Я, вытаращив глаза, смотрю то на Олю, то на Вову, ничего не понимая. Оля давится от смеха. Вова нежно погладил меня по бороде и сладко прошептал:

— Какой красивый мальчик, я просто влюбился!

— Ребята, тут что-то не так, — недоуменно пробормотал я, вы что, пьяны или дурите меня?

— Все путем, — вдруг вступила Оля, — ты же сам просил больше тебе баб не приводить, вот я и привела красивого мужика! Чем он тебе не нравится?

— На предмет чего? — поинтересовался я. — И кто кого должен трахать, тоже поясните, пожалуйста!

— Ну, зачем же так грубо! И что за слово «трахать», разве в этом смысл отношений! А почему нельзя любить друг друга, как друзья, как родные души? Нурбеша, давай станем друзьями! Разве это плохо? — Вова, говоря эти слова, нежно поглаживал мне руку, преданно заглядывая в глаза.

— Нурбеша — это ново! — заметил я. — Ну, давай дружить, если хочешь, только не лапай меня, жена ведь смотрит, ревновать будет! Ну что ж, тяпнем за вечную дружбу!

И мы «тяпнули». Потом еще. Водка кончилась, и Вова побежал в магазин.

Оля была возбуждена и страшно довольна. Пока Вова бегал в магазин, Оля горячо убеждала меня:

— Это нечто новое, сейчас вся творческая элита не отвергает это! Не обижай человека, он очень одинок, а трахаться со всем не обязательно!

Прибежал Вова, принес литровку виски. Мы выпили за творческую элиту, за любовь до брака... и так далее, потом просто бормотали: «Бум!» Меня повело, хватаясь за все, я поковылял к кровати и рухнул. Вова продолжил тосты с Олей...

Я проснулся часов в шесть утра — захотелось пить. Я заметил, что лежу поверх одеяла, а рядом лежит что-то непонятное, тоже одетое. Батюшки-светы, да это же мужик белобрысый! Откуда он здесь, да и где я сам?

Осмотревшись, я понял, что нахожусь в своей койке в комнате на Таганке. Где же Оля? Обернувшись, я увидел Олю, тоже одетую, на тахте, которая служила нам тайным ложем до женитьбы. Я перелез через мужика и, выпив воды, сдвинул Олю к стенке и лег с ней. Постепенно стала возвращаться память, и я припомнил вчерашний вечер. Растолкав Олю, я приказал ей рассказать все, как было.

— Ничего не было, выпили вы с Вовой, ну и завалились на койку вместе. Не бойся, вы оба заснули мгновенно, оба одетые, так что ничего и быть не могло! Вова — хохмач и хороший парень, не обижай его, когда проснется! А теперь поспим немного, голова болит! — попросила Оля.

У меня самого раскалывалась голова, и я заснул. Утром Вова заспешил на свои занятия, и Оля его проводила. Я притворился спящим. Вова поцеловал меня в щечку, Олю тоже и ушел.

Занятий у меня сегодня не было, и я решил выспаться. Мы разделись и перешли на широкую постель. Оля стала приставать.

— Или ты больше не будешь спаривать меня с бабами, мужиками, животными, растениями, или я не буду поддаваться на твои приставания, то бишь — на любовь! — предупредил я Олю.

Оля клятвенно обещала не спаривать меня больше ни с кем, и я поддался на ее приставания, то бишь — на любовь.

Вот, рассказываю я про нашу с Олей веселую жизнь, а как же Моня? Ведь он все затевал, как ширму для своих хитрых целей. Но Оля стала избегать встреч с ним, и если встречались, то только в моем присутствии. Причем держала она его в «черном теле». А Моня смотрел на нее, моргал и чуть не плакал.

Однажды он попытался ей в чем-то перечить. Оля вспылила и отчитала его:

— Как смеешь ты, несчастный кандидат наук, спорить с профессоршей? — и это было сказано без тени юмора.

Или как-то Моня разлил в комнате какую-то жидкость — чай там или кофе. Оля накинулась на него: она, дескать, день и ночь блюдет чистоту жилья, а Моня только и «гадит» вокруг себя. Да, да, именно так и сказала — «гадит»!

Бедный Моня рванул на себе рубашку, только пуговицы полетели и с истеричными причитаниями стал вытирать ею пол. Я отчитал Олю, заставил ее пришить пуговицы «взад» и выстирать рубашку.

Был теплый апрель. Я вечером, в первый раз после зимы, открыл окно и стряхнул вниз пыль с карниза. И из-под окна метнулась чья-то фигура.

— Моня! — разглядел я, — Моня, что ты здесь делаешь?

Но мой друг стоял неподвижно у дерева посреди двора.

Я выбежал во двор и подошел к Моне. Он стоял у дерева с отсутствующим выражением лица, а из глаз ручьями текли слезы.

— Моня, ты что, пьян? — спросил я.

Но тот только молча покачал головой. Я затащил его в комнату. Мы с Олей тормошили его, замучили вопросами, но Моня не отвечал. Пытался улыбнуться сквозь слезы, но глаза все равно оставались печальными.

— Развожусь с Капой! — наконец выдавил он из себя. — Не могу больше жить с ней. Я ночами стою у вас под окном, слушаю все ваши разговоры. Я знаю, что вы живете друг с другом как муж с женой и обманываете меня. Когда вечером вы задерживаете шторы, я становлюсь на ящик и подсматриваю за вами в щелку. А зайти не могу — стыдно!

Я слушал моего друга, не зная, что и отвечать ему. Оля гладила его по голове и целовала, плача при этом. Индийский фильм, да и только! Оставалось разве только запеть всем вместе: «Ду-ниа, а-а-а!» и заплясать босиком.

Но мы не стали этого делать, а «врезали» водки. Русские же мы, в конце концов, — и я, и Моня карайлар, и французенка Оля! На ночь мы Моню не отпустили. Я хотел было лечь на узенькую тахту, наше первое ложе, по дружбе уступив свое место

Моне, но Оля запротестовала и предложила улечься втроем на наше брачное ложе. Тогда мы с Монею оба замотали головами.

— Нечего разврат устраивать! — авторитетно, по-профессорски заявил я и предложил бросить монету. Но Моня уже стелил себе на узенькой тахте.

Ночью Оля была активнее обычного, и мне едва удавалось затыкать ей рот. Я заметил, что Моня не спит и внимательно наблюдает за нами.

— Вуайерист херов! — подумал я, но решил, что это — безобиднейшее из половых извращений.

Моня поселился у нас. После работы он приходил, и мы ужинали втроем. Иногда он просился немного полежать на широкой койке: бока, видите ли, он отлежал на узенькой. Ну и лежал он на нашем брачном ложе, пока мы сами не заваливались туда спать. Я заметил, что Моня обычно лежит, уткнувшись носом в подушку, вынюхивая что-то.

— Фетишист чертов! — заключил я, но решил, что годится все, кроме разве только садизма.

У Мони после смерти его отца осталась отличная двухкомнатная квартира у Филевского парка. Туда он перешел, уйдя от семьи. Но фактически с апреля жил у нас с Олей.

А после майских праздников у нас на Таганке начался капитальный ремонт. Нас хотели отселить на край города, но мы не согласились. Формально мы продолжали жить в нашей квартире, а фактически перешли к Моне в Филю.

Бабку-коммунистку отселили в наш же дом, этажом выше, в пустующую комнату. Стало быть, в нашей квартире освободилась комната, и мы могли претендовать на нее. Моня первый «додул» до этого и вместе с Олей отправился в райисполком требовать освободившуюся площадь. Мне было неудобно что-либо требовать от властей и я, отдав им паспорт, отказался идти вместе.

Олю и Моню подняли в исполкоме на смех. Они сумели попасть к самому председателю, и тот заявил, что почти тридцать метров на двоих — это достаточно, ну а то, что муж — доктор наук и профессор, значения не имеет.

— А если бы он был токарем, вы попросили бы отдельную комнату для станка? — осмеял их председатель.

Но Моня хорошо знал законы — ученым тогда полагалось дополнительно двадцать метров площади, причем неоплачиваемой. А главное то, что у него родственница — прокурор, и не простой, а бывший замгенерального.

Последовал прокурорский запрос в наш райисполком, и нас через неделю срочно вызвали повесткой для получения ордера. Повестка начиналась так: «Поздравляем вас...»

Тогда уж я согласился пойти забрать ордер — это можно! Но Моня на всякий случай сопровождал нас, чтобы мы чего-нибудь не «выкинули». Мы забрали ордер, расписались, сказали «спасибо» и ушли обмывать его к Моне.

Там у Мони в большой комнате стояла широкая койка — на ней спали мы, а в маленькой — узкая, там лежал Моня. А если честно, то первую половину ночи он не лежал, а стоял в дверном проеме, наблюдая за нами.

— Вуайерист чертов! — шипел я ему, зажимая рот Оле, чтобы она не визжала или стонала слишком громко, — дрочмейстер херов! — пытался прогнать я его, замечая действия, не свои — собственные простому вуайеристу.

— Невозможно работать! — протестовал я, видя, что призрак Мони не пропадает из проема.

— Оставь его в покое! — шептала мне на ухо Оля, — тебе было бы лучше, если бы он приперся к нам третьим?

Я замотал головой, продолжая работать.

Хитрец Моня, задумав отвлечь меня от моей жены, стал, как это раньше делала Оля, приводить по вечерам дамочек. Боюсь, что это делалось с молчаливого согласия моей жены. Что он говорил этим дамочкам, не знаю, но весь вечер он «сводил» меня с очередной гостьей. Иногда его затея удавалась, и я с гостьей оставался на ночь в одной комнате, а Моня с Олей, естественно, в другой. Мои попытки объединить всех «жильцов» квартиры в одном порыве в одной комнате и даже койке отклика не получили. Вернее получили, но отклик был негативный.

Тогда я применил хитрость. Так как Моне я не мог запретить приглашать в его квартиру гостей, то я решил сильно снизить свою собственную котировку. Как только я слышал, что Моня пришел с очередной подружкой, я спешно напяливал на себя пижаму его покойного отца, бывшего весьма полным человеком. На живот и на зад я подкладывал по малой подушке, на голову надевал ночной колпак, тоже принадлежавший отцу Мони.

В таком карикатурном виде я и появлялся перед Мониной гостьей. Та, конечно, хваталась за сердце, видимо, Моня все-таки сообщал, что ее приводят для знакомства с другом-спортсменом, молодым и красивым. Перед ней же предстával толстый стареющий джентльмен с оттопыренным задом и толстым брюшком, причем уже в ночном колпаке.

Но если гостья даже после такого знакомства сразу же не убегала, я демонстративно выдергивал подушки и снимал колпак. Гостья была счастлива от такого преобразования и уже точно оставалась на ночь. Однако, желая сохранить семью и оградить молодую жену от явного разврата, я все-таки уговорил Моню больше дам не приводить. А ему никто не был нужен, потому что любил Олю. Вот так мы и жили.

Между тем в мае у меня произошла встреча, сыгравшая решающую роль в моей жизни.

Я всегда хотел иметь дома кошку, особенно сиамскую, просто мечтал об этом. Но куда бы я ее раньше привел? В общежитие — нельзя. К Тамаре Федоровне — тоже. А в моей квартире в Курске было не до этого — или скандалы, или пьянки, или криминальный интим. Наконец-то я заимел большую квартиру, и настала пора заводить кошку.

ТАМАРА ВОСЬМАЯ — МАЛЕНЬКАЯ

В ИМАШе в соседней лаборатории работала женщина по имени Инна. Она общалась с Лорой и часто заходила в комнату, где бывал я. И когда речь зашла о кошке, Инна сообщила, что у ее подруги Тамары (меня насторожило это имя и, как оказалось, не зря!) как раз имеется породистая сиамская кошка. Кошку эту оставила Тамаре ее подруга, надолго уехавшая за рубеж работать. А создание это (имеется в виду кошка) беспокойное, за ней требуется тщательный уход. И Тамара хотела бы передать ее еще кому-нибудь «в хорошие руки». Инна созвонилась с Тамарой, которая работала в Президиуме Академии наук СССР, и после работы мы пошли на встречу с ней. По дороге Инна рассказывала:

— Ты не думай, что если Тамара работает в таком месте, то она — академик или другой большой начальник. Она — сотрудница библиотеки, получает очень мало, живет с дочкой, и на кошку у нее денег не хватает. Правда, дочка живет у бабушки, а с мужем Тамара в разводе, так что тут у тебя может быть личный интерес и помимо кошки!

Инна рассказала, что Тамара по национальности болгарка, так как отец ее болгарин, хотя и москвич. Он тоже в разводе с матерью Тамары, в общем, коллектив в ее семье — женский.

Тут мы подошли к станции метро «Ленинский проспект», и у входа я увидел худенькую, небольшого роста девушку — смуглую, с темными волосами и глазами. «Точно, болгарка!» — подумал я и оказался прав — это действительно была Тамара. Губы у нее были полные, яркие, а форма глаз а-ля Людовик XIV, когда у переносицы углы глаз приподняты, а у висков — опущены, иными словами, «раскосые наоборот».

Эта «мышка» подошла к нам и тоненьким детским голоском поздоровалась.

— Оля выглядит школьницей, но хоть голос имеет низкий, — подумал я, — а у этой что внешность, что голос — начальная школа. И как такая может еще и дочку иметь, непонятно! Мы

пошли по улице Вавилова и скоро подошли к дому Тамары. Жила она на четвертом этаже, лифта не было, потолки высоченные — аж запыхались, пока поднялись.

По дороге мы с Инной зашли в магазин и я, по ее совету, купил бутылку марочного коньяка. «Тамара пьет только хорошие коньяки!» — предупредила Инна.

Квартира оказалась коммунальной. Тамара жила ближе всех к входной двери, за стеной ее комнаты была лестничная клетка. Обстановка напомнила мне жилище Оли на Таганке. Присутствовал, правда, шкаф с дверцей, выпадающей каждый раз, когда ее открывали.

Нас встретила красивая сиамская кошка; она промяукала пару раз басом и лениво пошла к кормушке, где лежало несколько небольших нетронутых рыбин. Кошка тосковала по хозяйке, почти не ела и вела себя беспокойно. Звали кошку Мелиской.

Животное мне понравилось, и мы решили «отметить» его передачу мне. Открыли коньяк, разлили по стаканам, а закусьвать... оказалось нечем. Не было даже кусочка хлеба или рафинада. Тамара стала отбирать рыбу у Мелиски, но кошка возражала.

«Сам ни гам, ни людям не дам!», кошка шипела, царапалась, но свою рыбу не отдавала. Насилу отобрали, и Тамара быстро отварила ее. А я держал кошку на руках и уговаривал ее успокоиться. Рыба-то все равно останется здесь, а Мелиска уедет со мной. Так что зря она борется за свою еду. Но кошка царапалась и раздраженно покусывала меня за руку.

Наконец Тамара принесла рыбу, и мы выпили за передачу Мелиски. Коньяк с кошачьей рыбой — это что-то новое, но пошло ничего. Я запихнул Мелиску в авоську и понес ее на улицу. Там остановил такси, и мы с кошкой поехали к Моне в Фили, ибо я предполагал до окончания ремонта подержать Мелиску у Мони.

Моня в восторге не был, тем более Мелиска буянила: она прыгала на шкафы, орала басом, царапала все и всех вокруг. В довершение всего она «сходила» прямо на Монино одеяло, и взбешенный Моня потребовал экстрадиции Мелиски.

Что было делать? Опять переговоры с Инной, Тамарой, и я еще раз зашел в знакомую уже квартиру, неся Мелиску в авоське обратно. Кроме нее я нес с собой бутылку мадеры, но уже с закуской. Оказалось, что Тамаре вино нравилось больше крепких напитков, а коньяк любит сама Инна. Так раскрылась хитрость Тамариной подруги. А еще Тамара курила, что ей совсем не шло. Я хотел приударить за ней, но из-за этого куренья чуть не отложил своего намерения. Выпили, посидели, Мелиска злобно сверлила нас глазами со шкафа. Тамара была молчалива и проронила всего несколько фраз за весь вечер. Говорил в ос-

новном я. Договорились в выходные пойти купаться на пруд где-то на Юго-Западе. Туда часто ходили Тамара с Инной. И я составил им компанию.

Пруд, окруженный бетонными берегами, был чистым и благоустроенным. И тут я увидел Тамару в купальном костюме, причем достаточно «бикинистом». Я был просто потрясен античной красотой ее тела — это была настоящая древнегреческая богиня, не знаю только, какая именно. Чуть похудевшая Венера Милосская, только с руками и ногами. А если быть точным, то Тамара была буквально фотографической копией со скульптуры «Девушка-рабыня, выставленная на продажу». Это что-то из Древней Греции; может, ваял не сам Фидий, но кто-то из его компании точно!

Одним словом, я забыл про курение и решил всерьез приударить за Тамарой. Инна, сама толкавшая меня на это, почему-то была моим поведением недовольна и вскоре ушла домой. Мы гуляли до вечера, зашли в какое-то кафе неподалеку и даже целовались. Я проводил Тамару до дома, но наверх она меня не позвала.

Своих «атак» я не оставил, и они вскоре увенчались успехом. Как-то, возвращаясь после концерта из Кремлевского дворца съездов, я снова проводил Тамару домой. Мы хорошо выпили в буфете, да и с собой захватили бутылку. Тамара снова было решила не звать меня наверх, но я попросил ее пустить меня хотя бы в туалет.

Сходив в туалет под пристальным взглядом пьяной старухи-соседки, я зашел в ванную. Но вышел «озираемый» уже всем старухиным семейством — дочкой, тоже Тамарой, слегка выпившей, цыганом Леней, почти трезвым, маленьким ребенком-цыганенком, совершенно трезвым, а также собаками — хином и пекинесом. В комнате, где жила вся эта веселая семейка, были еще и рыбки в аквариуме, но они решили не покидать своей естественной среды обитания ради праздного любопытства.

Я вежливо сказал соседям: «Бон суар!» и зашел к Тамаре. Уже заходя в комнату, я увидел, что дверь напротив приоткрылась и в ней показалась молодая, весьма красивая женщина. Мы, осмотрев друг друга, кивнули и зашли каждый к себе. То, чего так не хотела Тамара, сбылось — мы с соседями повидались.

— Теперь пойдут разговоры, — переживала Тамара, — они такие сплетники! Красавицу, кстати, зовут Людмилой, но она замужем! — язвительно добавила Тамара, заметив мой интерес.

Мы выпили бутылочку вина, прихваченную «из Кремля», и я стал приставать к Тамаре. Она как-то формально и по-провинциальному посопротивлялась, но силы были явно не равны. Все, что должно было произойти, произошло. А сразу же после

«этого» Тамара заявила мне, что она была против, и я ее изнасиловал.

— Давай, — говорю, — сейчас позвоним в милицию и сделаем заявление. Все обстоятельства против меня! Пришли вместе, поздно и выпивши. Я зашел в туалет под надзором соседей. Вместе распили бутылку, после чего я изнасиловал хозяйку. Бьюсь об заклад, что под дверью стояла и все слушала перманентно пьяная соседка. Все факты работают против меня! — заключил я.

— Тогда давай спать! — спокойно предложила Тамара, что мы и сделали.

Это было роковой ошибкой. Оказывается, Тамара совершенно не предохранялась. Как и Оля, она была «дитем природы», еще более наивным и безынициативным. Чтобы отличать мою новую Тамару от всех предыдущих, я прозвал ее про себя «Тамарой-маленькой». Действительно, она была существенно меньше по габаритно-массовым показателям (простите за техницизм!) всех моих предыдущих Тамар, особенно последней — «каланчи».

Дома на меня сразу накинулись Моня и Оля: «Где пропадал всю ночь, почему не позвонил?»

— Да если бы я мог позвонить, я бы приехал! — соврал я. — И потом, я создал вам условия для измены вашему мужу и другу. И надеюсь, что вы воспользовались этим!

Оля — в слезы, Моня обвинил меня в цинизме и жестокости. «Все перевернулось вверх ногами в нашей дружной семейке», — подумал я и предложил закончить прения.

— Ну, нажрался я у приятеля, вы довольны? Как-нибудь све-ду вас с ним, он вам понравится!

Прием, который оказала мне Тамара, и наша первая ночь мне не понравились. Не вызывали восторга и соседи по квартире. Чтобы не встречаться с ними, я в дальнейшем выходил в туалет по ночам, ощупью добираясь в темноте туда и обратно. Походив к Тамаре еще несколько раз до летних отпусков, я распрощался с ней до осени. Она без эмоций отпустила меня на лето, и мы расстались. А осенью просто не встретились и, казалось бы, позабыли друг про друга.

РАСТОРГУЕВО

В сентябре ремонт таганской квартиры был закончен, и мы с Олей снова переселились туда. Будучи развращен Олиными экспериментами по «спариванию», да что греха таить, и всей предыдущей жизнью, я стал самостоятельно приводить домой подруг на ночь. Олю это почему-то бесило, она тут же уходила

из дома, а меня просила «отпустить» даму до такого-то часа. А потом мы с ней договорились так: если я привел даму, то ставлю мелом на входной двери кружочек — занято, дескать! А когда дама уйдет, то я должен был этот кружочек стереть, и тогда Оля могла заходить домой. Телефона-то в квартире не было, а как еще прикажете поступать? Оля все это время просиживала в скверах или гуляла по улицам неподалеку.

Но беда была в том, что кружочки эти я стирать забывал: либо к уходу дамы бывал уже усталым и пьяным, либо потому что просто спал. И бедная Оля иногда ходила по улицам всю ночь. Утром она все-таки заходила домой в истерике, рассчитывая встретить соперницу, а той-то уже с вечера не было! Оля очень обижалась на меня за эти забытые кружочки, просто простить не могла. Даже намного позже, когда вспоминала про них, начинала плакать. Недавно Оля приезжала из Америки, куда эмигрировала позже описываемых событий, уже солидная такая, без былых причуд (Америка-то уму быстро научит, там не у Пронькиных...), ну и встретились мы за бутылкой шампанского.

— Все, что было между нами плохого, я забыла; только эти меловые кружочки как вспоминаю — плачу! Не могу, — говорит, — простить тебе этого!

Но думаю, я все-таки выпрошу у нее прощения когда-нибудь, не умирать же так, не прощенным! По факсу или e-mail'у, но выпрошу. Оля добрая, надеюсь, простит!

Под конец Оля предупредила, что на кружочки она больше реагировать не будет, но я, конечно, позабыл это и привел-таки подружку. Завел в маленькую — бывшую «бабкину» комнату, где была узкая резервная тахта, а тут Оля врывается. Шум, матперемат, так и расстался с подружкой «не солоно хлебавши».

Поэтому-то я и снял дачу в Расторгуево и на зиму, чтобы избежать этих сцен. Тамара Федоровна же, видя, что Оля и на лето отпускает меня, и на зиму в Расторгуево, поверила-таки, что брак у нас фиктивный. И, кроме того, я выторговал у Оли право приводить, если надо будет, Тамару Федоровну на Таганку. Но только ее одну!

Иногда я разыгрывал Олю за нетерпимость к подружкам. Просил, например, Моню лечь на наше брачное ложе к Олиному приходу и накрывал его одеялом, а кругом разбрасывал женское белье. Оля бесилась и однажды чуть не задрала Моню на смерть прямо на койке.

Или как-то нашел на улице ногу от женского манекена, спрятал, а потом однажды положил на наше брачное ложе свернутое одеяло, а к нему приставил эту ногу в чулке, спустив ее носком на пол, прикрыв простыней «туловище» мнимой дамы. На стол поставил вино в бокалах, а сам остался в трусах. На входных дверях же нарисовал заветный кружочек.

Жду жену, попиваю вино, читаю газету. И вдруг слышу рычание и рев дикого зверя — это Оля, увидев ненавистный кружочек, в ярости открывает дверь. Я выбегаю в прихожую в трусах и умоляю ее не кричать — дама, дескать, уважаемая, жена «большого человека», притомилась и уснула. Не будить же ее так грубо! Оля ворвалась в большую комнату, стрижка на ее голове так и поднялась дыбом, как иглы у ежика.

— А ну, сука, шалава, вставай сейчас же! — диким голосом заорала бедная Оля и схватила «суку» за ногу. А нога-то и отвалилась! Оля завизжала от ужаса, не понимая, в чем дело.

— Вот, ты ногу у человека оторвала, что теперь делать! — тараща глаза, завопил я.

Насилу Оля «врубилась» в суть дела, и тогда, схватив в руки первую попавшуюся тяжелую вещь, а именно книгу философа Гегеля «Феноменология духа», запустила ею в меня. А потом впала в длительную истерику. Долго после этого она видеть не могла эту ненавистную ей ногу, а я частенько, особенно при гостях, наливал в нее вино (нога-то была полая!) и, как из рога, пил из этой ноги.

— Другие пьют рогом, а я — ногом! У нас демократия! — пояснял я недоумевающим.

Итак, для интимных встреч я стал использовать дачу в Расторгуево, но покоя мне не было и там. Однажды уже в декабре я выделил в Расторгуево день специально для консультаций Осе Юдовскому. День мы с ним поработали, прерывая занятия прогулками по природе. Поблизости от дачи было кладбище (из-за чего я по вечерам боялся даже в туалет выходить) и небольшие озера. Лед на них был еще гладкий, на нем — тонкий слой снега, который легко стирался ботинками, а под снегом лед казался почти черным, и на нем можно было легко писать слова. И я, недолго думая, вывел ботинками трехметровые буквы: «Долой КПСС!». Перепуганный Ося тут же принялся их лихорадочно стирать.

— Нурбей Владимирович, как вы можете такое писать, увидят с вертолета — арестуют!

— А как узнают, что это мы писали? — поинтересовался я.

— Не **мы**, а **вы**, — поправил Ося, — а узнают по почерку; дайте мне защитить диссертацию, а потом пишите, что хотите!

Теперь, живя в Америке, мой ученик, миллионер Ося, наверное, уже не боится писать на американских озерах: «Долой КПСС!». Если у них озера вообще замерзают!

Вечером выпили и спокойно улеглись спать. А ночью, что-то часа в два, вдруг раздается стук в окно. Моя кровать была как раз близ него. Я испуганно вскочил, включил свет и посмотрел в стекло. А там маячит зеленое и бледное лицо, и окно-то как раз выходит на кладбище.

«Кранты! — решил я, и с истерическим криком заметался по комнате, — не иначе привидение!»

Вскочивший на мои крики Ося всмотрелся в окно попристальнее и успокоил меня:

— Так это же Тамара Федоровна!

Ося знал Тамару Федоровну еще по институту, да и по многочисленным встречам в Курске.

— А как она могла оказаться тут ночью? — не поверил я.

— Вот у нее и спросите! — посоветовал Ося.

Мы открыли дверь дачи и не без страха пустили замерзшую Тамару внутрь. Она была в зеленом пальто и в мохнатой зеленой же шапке. Вина у нас уже не оставалось, но она привезла бутылочку мадеры с собой. Оказывается, она летела в Курск с Урала, где была в командировке. А самолет сделал посадку в Домодедово, которое рядом с Расторгуевом. Вот Тамара и решила навестить меня на даче, без какой-нибудь гарантии, что я в эту ночь именно там. Взяла такси и приехала. Что она делала бы, не застань меня здесь, даже не представляю! Поэтому я дал ей один ключ на всякий случай, если надумает вдруг меня ночью проверять, а на даче пусто. Хоть переночевать можно будет.

Застав меня с Осей, Тамара успокоилась, хотя продолжала подозрительно поглядывать на нас. Тогда я и пояснил ей, что один здесь ночью я бы не остался и за кило золота. Не будь Оси, не попала бы она ночью на теплую дачу, а делала бы на природе невесть что. И ее грязные подозрения я отметаю напрочь! Мы переместили Осю в соседнюю маленькую комнатку и плодотворно переночевали. Вечером Тамара уехала в Курск поездом.

А ключом от дачи Тамара Федоровна не преминула воспользоваться. И получилось это так.

Встречая в ИМАШе Инну, я иногда спрашивал у нее про Тамару-маленькую.

— У нее все о'кей! — говорила обычно Инна. — О тебе и не вспоминает, у нее много поклонников!

Но как-то Инна призналась, что Тамара была беременна от меня, сделала аборт, причем очень поздний, и долго болела после этого. На мой вопрос, почему мне об этом ничего не сказали, Инна поинтересовалась:

— А чем бы ты смог **нам** помочь?

— Хотя бы деньгами, ведь это всегда нужно, врачу заплатить или на что другое... — неуверенно сказал я.

— АбORTы у нас делают бесплатно, да и вообще **мы** здесь общались без тебя! — как-то вызывающе ответила Инна.

Так и не разобравшись, кто это **мы** и кому это **нам**, я понял, что на восстановление отношений с Тамарой-маленькой после всего произошедшего рассчитывать нельзя. И зачем-то пригласил Инну в Расторгуево.

Она долго колебалась, но впереди были выходные дни, и все-таки согласилась. Инна несколько раз предупредила меня, чтобы не вздумал приставать, и я уже пожалел, что пригласил ее. Но, так или иначе, мы приехали в Расторгуево, взяли в сельмаге вина с закуской и пошли на дачу. Выпили, погуляли по глубокому снегу, вернулись, еще выпили. И легли спать каждый на свою койку. Я на свою — широкую, а Инна на Осину — узкую.

Как настоящий педант, я, дав слово «не приставать», так и поступил. Заснул себе без всяких дурных мыслей. И вдруг среди ночи меня будят... поцелуем. Я уже был готов вскочить и кричать от страха, но увидел, что это Инна. Видимо, пожалела о сказанной фразе. Пришлось нарушить слово джентльмена, причем два раза — еще под утро. Правда, я бы сказал, что с моей стороны это было скорее «непротивление натиску партнера». А «сопротивляться» я слова не давал.

В субботу мы встали поутру, выпили чаю, неторопясь собрались и выехали в Москву. Причем срезали путь до вокзала: Инна куда-то спешила. Заметьте, я про все эти мелочи не зря рассказываю!

На Павелецком мы расстались, и я заспешил домой на Таганку. Оля еще валялась в постели и пришлось к ней попроставать; ведь никакого обещания, запрещающего это делать, я не давал.

Мы еще лежали в кровати, когда прозвучал звонок в дверь. Оля, чертыхаясь, встала и отворила; через минуту она вошла в комнату и хмуро бросила мне:

— Это к тебе, Тамара Федоровна!

Я не поверил: Тамара никогда не бывала на Таганке. Накинув халат, я вышел за дверь — Тамара почему-то никак не хотела заходить в квартиру. Наконец она согласилась зайти и присела на кухне. Я присел рядом, а Оля ушла в комнату. На лице Тамары было выражение высшей степени презрения, как у Станиславского в его мимических портретах.

— Я только что из Расторгуева, — медленно цедила она, — там горячий чайник, мокрые зубные щетки, женские следы на снегу до туалета — какая-то «киска» шла в туалет и обратно! Кого приглашал на дачу?

Я внимательно слушал Тамару, уверен был, что и Оля слышала ее слова.

— Оля! — крикнул я, и послушная жена явилась передо мной, «как лист перед травой», — где я был ночью?

— Как где? Дома, разумеется!

— А вот Тамара утверждает, что я был в Расторгуево, да еще с какой-то «киской»! А я тем временем спал у себя на квартире, в маленькой комнате, — подчеркнул я, чтобы Оля не ляпнула вдруг, что мы в одной койке спали.

— А кто же тогда был в Расторгуево? — допытывалась Тамара.

— Хорошо, — сказал я, — давай поедem в Расторгуево, и там на месте разберемcя!

Мы собрались и, к неудовольствию Оли, уехали. Пока мы ехали, шел сильный снег. Тамара все беспокоилась, что следов «киски» не останетcя. Но она ошиблась. На участке действительно отчетливо проглядывались следы киски от дверей в сторону туалета, но без кавычек — настоящей киски.

— Вот следы киски — милого животного, вот чайник — он холодный, а вот зубные щетки — они сухие! — констатировал я. — Где «вещдоки»?

Под натиском этих доводов Тамара сдалась. Я с ужасом узнал, что мы с Инной утром чуть не столкнулись по дороге с моей ревнивой леди. Если бы не срезали путь до вокзала.

Тамара устала и перенервничала. Поэтому мы сняли пальто, выпили вина, которое взяли по дороге. Потом снова разделись основательнее и помирились действием.

Так мы мирились и отдыхали весь субботний день и в воскресенье до вечера, а вечером я посадил Тамару на Курский поезд «Соловей».

Домой я пришел совершенно обессиленный. Но поскольку чувствовал себя виноватым перед Олей, эту вину пришлось тоже заглаживать...

РАЗВОД, ЕЩЕ РАЗВОД!

Моня наконец развелся с женой, но свободным так и не стал. Капа звонила ему на работу, требовала немедленно явиться домой по той или иной причине. И тот, «поджав хвост», бежал, куда ему велели. Оля с Мoneй стали подрабатывать аудиторами; сейчас эта работа так называется, а в те времена они просто проводили ревизию бухгалтерских документов и их списание. Бухгалтерскую макулатуру вывозили грузовиками. Какое право они имели на эту деятельность — не знаю, вероятнее всего, никакого, но зарабатывали прилично. Даже моего студента-отличника и друга Сашу брали себе в «подмастерья», но я запретил уродовать хорошего студента.

Работа, а вернее «халтура», снова сблизила Олю с Мoneй, и в мае Оля объявила, что едет отдыхать с Мoneй на все лето. Сам Моня трусливо от меня прятался, заявив по телефону, что если я разрешу, то они едут, ну а если нет — так нет! Кстати, телефон к тому времени нам провели, чему мы с Олей были страшно рады.

Мне не жалко было отпускать Олю — ничего нового или вредоносного Моня с ней не сделает. Но страх, что бестолковые в сексуальном отношении мои друзья могут «заделать» ребенка, покоя мне не давал. Еще бы, ребенок будет считаться моим, если даже будет рыж, светлоглаз и странноват, как Моня. И я высказал свои опасения Оле.

— Тогда давай разведемся! — просто предложила она.

Меня покорило ее легкомыслие: то уверяет, что любит больше всех на свете, а то — давай разведемся! Но предложение было заманчивым; тем более она заявила, что про развод мы никому не скажем. У меня создалось впечатление, что моим друзьям так хотелось поскорее умотать на море, что им было все равно каким способом.

Моня сопровождал нас в загс, а мне просто неудобно было туда показываться. Молодая и красивая начальница загса — Марина с такой симпатией отнеслась ко мне во время бракосочетания, что не хотелось огорчить ее разводом. В результате Оля с Моней буквально втащили меня в приемную к Марине, как раз тогда, когда она выходила из кабинета.

Оля была, естественно, не в свадебном платье, а в разодранном джинсовом костюме и кепчонке. Моня тоже был в своем обычном виде — мятых брюках, ковбойке и с брезентовым рюкзаком за спиной. В рюкзаке было все: книги, рукописи, плащ на случай дождя, продукты, которые попадались ему по дороге и которые без особой очереди можно было купить. Довершали портрет всклокоченные рыжие волосы и безумные глаза гения. Моню часто «брали» на улице и тащили в вытрезвитель, хотя он был «резв как стеклышко», или «сухой как лист».

Марина тут же узнала меня и спросила, что нам надо.

— Вот, на развод меня ведут! — пожаловался я.

— Хорошо, заходите ко мне, — огорченно пригласила нас Марина, — а этому что здесь надо? — и она сердито указала на Моню.

Тот тут же выскочил за дверь, чуть не прищемив свой рюкзак.

— Рассказывайте, в чем дело? — предложила Марина, усадив нас перед собой.

Оля стала возмущенно рассказывать, что я целые дни пьянствую и даже... На это «даже» я поднял кверху палец и спросил Олю:

— И мне тоже можно рассказать про твои «даже»?

Оля мотнула головой и продолжала.

— Хорошо, обойдемся без «даже». Он не дает мне свободы действий, не пускает меня... — и она осеклась.

— Куда не пускает? — ехидно переспросила Марина.

— На море с этим рыжим другом! — выпалил я.

Оля укоризненно взглянула на меня.

— Оля, ты же знаешь, что я всегда рублю правду-матку! — испуганно оправдывался я.

— Про матку бы помолчал! — презрительно бросила мне Оля. — Я что, не имею права ехать на море с другом, без каких-нибудь грязных намеков? — обратилась она к Марине.

— Эх, а я полагала, что вы — серьезные люди! Особенно вы, Нурбей Владимирович, вы произвели на меня такое солидное впечатление! Все сейчас разводятся, вот и я, начальник загса, представляете, тоже развожусь!

Я посмотрел на красивую, умную, добрую Марину и осторожно, «по-еврейски», спросил:

— И как скоро вы будете свободным человеком?

Мой вопрос взорвал Олю.

— Что, теперь Марине хочешь жизнь испортить? Вы, Марина, не верьте ему! Такой алкаш, такой кобель, а подходит культурно, как Дон Жуан какой-нибудь!

Марина тихо хохотала, закрыв лицо руками. На крики Оли Моня открыл дверь в кабинет и оглядел всех безумным взглядом. Марина захохотала в голос, уже не прикрываясь.

— Все ясно! — констатировала она. — С вами бесполезно говорить о супружеском долге, о браке, о семье; вы живете на каком-то своем облаке, и у вас свои законы! Заходите, — она написала дату на бумаге, — и я вас разведу. Все!

Мы развелись, и Оля вернула себе девичью фамилию. Ей не нравилось, когда все спрашивали у нее: «А какая у вас нация?»

На Останкинской башне развод отмечать не стали, ну а дома выпили втроем прилично. Моню на радостях развезло больше всех, и он стал требовать, чтобы сегодня Оля спала с ним. Я не возражал. Но Оля огрела его, как и меня раньше, гегелевской «Феноменологией духа», отчего Моня мгновенно поумнел и улегся на узкую тахту. Ну а мы с Олей — по привычке на наше брачное ложе.

Моня взял отпуск за несколько лет (он все последние годы не брал отпусков, гулял неделю-другую, просто не являясь на работу), и они собрались уехать на все лето! Мне сказали, что будут звонить и рассказывать, где и как отдыхают.

Я проводил «мою семью» на Курский вокзал, мы еще выпили в их двухместном купе (видать, подхалтурили прилично!), и, грустный, пошел домой. Время было дневное, но я выпил и делами заниматься не мог. Сажу дома у телефона, брошенный молодой женой, которая без стеснений уехала на море с любовником, и от мыслей этих чуть не плачу.

«Лора? — задумываюсь я, сняв трубку, — нет, там все конечно! Галка с Нинкой? — давно не встречались, неудобно как-

то. Тамара-маленькая? — нет, после всего, что произошло, мне туда хода нет. А почему именно маленькая? Почему не обычная, то есть мамонтовская Тамара Ивановна. Тут даже в Курск ехать не надо!»

Звоню во ВНИИторгмаш, с замиранием сердца жду ответа. И вдруг родной, низкий, необычайно красивый и сексуальный голос спрашивает: «Вам кого?»

— Томуля, ты простишь меня? — как можно жалобнее пролепетал я.

— Нолик, Ноличка! (она так иногда меня называла), — радостно прокричал голос на том конце провода, — да нечего нам прощать друг другу! Все хороши, кого не вороши! Где встретимся?

— Давай на Таганке, у входа в театр. Но ты не бойся, я тебя туда не поведу, там поблизости другой театр есть — двух актеров! — ответил я ей загадкой.

Договорились на пять вечера. Я сбегал в магазин, принес чего надо. Прибрал брачное ложе, да и вообще в квартире. Потом уже вспомнил, что этого нельзя делать, пока уехавшие не доберутся до места. «А если бы они во Владивосток поехали — неделю сидеть в грязи?» — разозлился я и решил, что все эти приметы — туфта. Но оказалось, не совсем.

Стою я у Театра на Таганке и размышляю — что за лапшу повесить на уши Тамаре. А потом решил — говорить только правду, ведь я же не профессиональный лгун. Тем более Тамара — свой человек, она все поймет и простит!

И вот из дверей метро выскакивает улыбающаяся Тамара и близорукими глазами ищет меня. Я машу ей рукой, она перебегает дорогу, и мы встречаемся. Целую ее и ощущаю далекий знакомый запах волос, кожи, вкус губ. Это же все мое, родное! Это ее голос — единственный из миллионов! Почему же моей женой стала не она, а другая?

Странная штука — жизнь: человек предполагает, а Господь располагает! Вот я был законным мужем совершенно другой женщины, а теперь она катит в поезде с моим лучшим другом! Но тут я вспомнил признание «моего лучшего друга» Мони о соращении его Тамарой Ивановной и вернулся на землю.

А на земле, на родной таганской земле, рядом со мной — моя самая большая любовь! И мы бодрой походкой зашагали к Дровяным переулкам, где находился **мой**, заметьте, **мой** собственный дом!

Тамара с интересом наблюдала, куда это я ее веду, но вопросов не задавала. Но когда я открыл ключом входную дверь и впустил ее в просторную квартиру, она не удержалась и спросила: «Чья это квартира?»

— Моя! — гордо ответил я.

Тамара молча включила свет и стала осматривать помещение. Внимательно посмотрела на широченную кровать в алькове, на рисунки, висящие на стенах. Фотографии не было ни одной, а рисунков — много. Здесь же не фотограф живет, а художник! Рисунки были карандашом и пастелью; а изображен на них был один и тот же человек — я. В задумчивой позе; в плавках и со штангой; с рюмкой вина; а также замечательный динамичный рисунок, где я пляшу лезгинку с кинжалом в зубах, а Моня с копной рыжих волос и невероятно хитрой улыбкой, как рыжий Мефистофель, выбивает из фортепиано дикую мелодию. А я уж под нее выплясываю! Все, как и имело место быть в жизни!

Тамара, конечно же, узнала Моню и удивленно спросила, кто все это рисовал.

— Художника приглашали, — уклончиво ответил я, — по фамилии Водкин-Опохмелидзе.

— А не Сутрапьяна или Стограммовича? — продолжила Тамара, хорошо зная притчу про хмельные фамилии, — а может, японца Токанава-Тояма?

Тамара осмотрела большую кухню, ванну, где без труда бы поместился сам «дядя Степа», а заодно и умылась.

— Соловья баснями не кормят! — провозгласила Тамара, садясь за стол на кухне, — наливай, если есть что!

— Ты забыла украинского художника Наливайко, — напомнил я, разливая вино по стаканам.

— За любовь после брака! — провозгласил я и выпил свой стакан.

Тамара отпила свой стакан и недоуменно спросила: «Ты что, не женился второй раз?»

— Обижаешь, я уже и со второй женой успел развестись! И вот, живу здесь, работаю в вузе в Москве.

— А я еще не развелась! — вздохнула Тамара.

Тут я, в свою очередь, прикусил язык.

— И кто у нас муж? Буся? — высказал я единственно возможный вариант.

— Держи карман шире, евреи со своими женами не разводятся. За Лешей-алкашом я замужем. Помнишь такого?

Я аж рот раскрыл от удивления.

— Чего удивляешься? Ты, что ли, сам по большой любви женился? Тогда почему так быстро развелся? Да и вообще, может ли у тебя быть настоящая любовь к кому-нибудь, кроме меня?

— Нэт, нэ можэт, нэ за что! — я перешел на кавказский акцент.

— Вот и ладушки, — примирительно сказала Тамара, — мне тоже надоело в Мамонтовке жить и в туалет зимой за сто мет-

ров бегать! А так я вот разведусь, как ты, и квартиру в Москве получу. Потому что наш с Лешей дом под снос назначен!

— Тогда пьем за любовь до брака, имея в виду нашу с тобой большую любовь и, возможно, брак в будущем! — поправился я.

— Тогда компромиссный тост — за любовь вместо брака! — предложила Тамара, и мы дружно выпили.

Посидели мы неплохо, а потом отлично полежали на нашем с Олей широком брачном ложе.

Вечером позвонил Ося, как обычно по научным вопросам, и мне в голову пришла практичная мысль. Я спросил Осю о его планах на лето. Он, конечно же, ответил вопросом на вопрос: «А что?»

— А ничего, хочу поехать с подругой летом в Киев, жилья не найдется?

— Для вас — всегда пожалуйста! — обрадовался Ося. — Летом я в Москве, осенью защита диссертации! Вы зайдите к родителям, они выдадут вам ключ от моей квартиры, я им позволю. Вы — мой лучший благодетель и друг, родители молятся на вас!

Тамара обрадовалась моему предложению съездить в Киев, она там никогда не была. Мы жили с ней на Таганке до июля, начался отпуск, и мы поездом выехали в Киев. Нас приветливо встретили родители Оси (он, конечно же, сказал, что Тамара — моя жена) и выдали ключи от его квартиры.

Время мы в Киеве провели отлично. Побывали в Лавре, ходили по гулким подземным ходам, смотрели на мощи святых. Были в знаменитой Владимирской церкви, расписанной Васнецовым, где на главных воротах изображен князь Владимир в плаще с орнаментом в виде множества свастик. Купались и загорали на Днепре в любимом мной Гидропарке и жарили шашлык в Колыбе. А еще тренировались на стендах, воздвигнутых самодельщиками на берегу Венецианской протоки за мостом.

И, конечно же, посетили знаменитые «Курени» — ресторан на берегу Днепра, где мы сидели в курене с высокой конической соломенной крышей и смотрели на Днепр.

Так вот, в этом ресторане мы познакомились с парой, возможно, тоже выдающей себя за супругов, и так сблизилась, что покинули курень, обменявшись партнерами.

В эйфории мы бродили с новой дамой по тропинкам днепровского склона и целовались. Только спустя час мы вспомнили о наших возлюбленных и принялись их искать. Обнаружили у шоссе, они сидели на пне и беззаботно целовались.

Куда бы делась Тамара без ключа от квартиры в незнакомом городе, ума не приложу! Но такие мелочи ее не волновали! Ну, забрал бы ее, допустим, этот парубок к себе на ночь (в чем я

сильно сомневаюсь!), но ведь потом Тамара домой не попала бы, ибо адреса не знала! И что бы я делал со своей новой партнершей, тоже не знаю! Нет, понятно, что бы делал, но разве это дело, когда твоя баба с кем-то пропадает?

В Москву мы вернулись в отличном настроении и хорошей форме. Тамара выглядела лучше, чем когда-либо раньше или позже. Мы пригласили Бусю на Таганку, он сперва ворчал опять что-то типа «одной семьей живем...» Но потом восхищенно оглядел Тамару — загорелую, стройную, отдохнувшую, в белом шелковом платье, очень шедшем ей, и ревниво бросил:

— У хорошего хозяина, видать, была, если расцвела так!

— Да уж, обслуживали по первому классу, не то, что некоторые! — начала было лезть на рожон Тамара, но я замял разговор по-кавказски:

— Обижаешь, дорогой, не для себя — для друга старался! — и я протянул обе руки к Бусе.

Посмеялись, выпили; Буся похвалил меня за переезд в Москву и пожелал успехов «дважды москвичу Советского Союза».

ТАМАРА — ОЛЯ — ТАМАРА

В начале сентября Оля с Моней вернулись в Москву. Прибыли они утром, и мы с Тамарой были дома. Оля, еще не видя Тамары, уже была «на взводе», она нервически покрикивала на Моню, а тот виновато суетился. Первым увидел Тамару Моня, он обрадовался ей, и они расцеловались. А тут вступила Оля:

— А это еще кто такая?

— Давайте познакомимся, — предложил я. — Оля — любовница Мони, Тамара — моя любовница; остальные знакомы друг с другом достаточно близко!

Оля заворчала, но крыть было нечем. Я отозвал бывшую жену в сторону и шепотом сообщил ей, что Тамара временно поживет со мной в маленькой комнате. А Оля, как я понимаю, будет жить с Моней в большой или переедет к нему...

— Неправильно ты все понимаешь, — перебила меня Оля, — я с Моней поссорилась, в лучшем случае мы будем просто знакомыми. Я полагала, что мы с тобой будем жить, как и раньше, только без регистрации. А теперь мне придется заниматься другими делами...

Оля всхлипнула и сквозь слезы сообщила, что беременна.

— Успокойся, от Мони! — сказала она, видя, что у меня глаза вылезли на лоб. — Мы устроились в Сочи в гостинице, и этот чудак на букву «м» выдал меня за своего сына-школьника. В гостинице поверили и поселили нас в одном номере. Тогда в Сочи у нас все еще было в порядке. А потом мы морем переплыли

в Одессу, вернее, в Ильичевск к Феде, и там уже я поняла, что залетела. Подождали еще месяц, думали, может быть, обойдется, но нет — все ясно, залетела! Советуюсь с Моней, оставим, говорю, первый раз все-таки. А он наотрез — ни в коем случае, иначе утоплюсь в море! Делай аборт — и все! Так и порешили, поэтому я скоро лягу в больницу!

«Каким же я оказался предусмотрительным! — мысленно похвалил я себя, — что развелся! — Иначе Оля обязательно родила бы, и я, «средний по величине рогатый скот», всю жизнь...» Как татары, мудрый народ, говорят: «Пять минут сигаргá, на всю жизнь каторгá!»

Моня как-то засуетился и быстро ушел, а мы отметили приезд Оли. Женщины быстро подружились, и к вечеру мы вместе прогулялись по набережной Яузы, что была в пяти минутах хода. Оля постелила себе в маленькой комнате на узкой тахте, а нам разрешила спать на широком брачном ложе (на котором, собственно, я сплю и по сей день, но только совсем с другой Тamarой).

Скоро Оля легла в больницу, ей сделали аборт, но как-то неудачно или что-то там обнаружили, поэтому задержали в больнице еще на месяц. Мы с Tamarой регулярно ее навещали и тайком приносили вино. А женщины в палате из излишков своих обедов готовили закуску. Моня не посетил Олю ни разу. Чего он боялся — не поймешь!

Когда Оля вышла из больницы, Tаmара взяла над ней шефство. Она водила ее по художественным вузам, чтобы Оля могла поступить туда. Были в Суриковском (что в двух шагах от нашего таганского дома), в Строгановском, Текстильном, где есть специальность художника по тканям. Но почему-то каждый раз Оля, приходя с беседования, где она показывала свои работы, ложилась лицом вниз на постель и громко редела. В ее работах специалисты «не нашли школы», понимаешь ли! А на то, что рисунки всем нравятся, им наплевать!

Новый год мы встретили втроем и, как ни странно, очень весело. Были сильнейшие холода, около сорока градусов мороза, все боялись и нос показать наружу. Тогда я разделся до плавок и босиком, сильно выпивший, вышел во двор. Я там ходил, размахивал руками, пугал случайных прохожих. Дамы смотрели на мои подвиги в окно. Тогда я впервые и узнал о своей нечувствительности к холоду, благодаря чему позже стал «моржом».

А уже поздней весной Tаmара развелась со своим Лешей и загуляла. То есть стала пропадать из дома. Мы с Олей переживали, но стали тайком от Tамары «встречаться». Если Tаmара до часа ночи не приходила, то Оля перебиралась ко мне в брачное ложе.

Однажды Тамара пришла часов в семь утра, изрядно пьяная. Высокомерно заявила, что выходит замуж за пожилого, но очень богатого человека по фамилии Вагин. Все хвасталась: «Вагин приказал, Вагин послал» и тому подобное. Я разозлился.

— Слушай, — говорю, — а когда ты выйдешь замуж за него, то переменишь свою фамилию?

— Конечно, — гордо ответила ничего не подозревающая «невеста», — я буду госпожой Вагиной!

— Нет, дорогая, перемени ударение, ты будешь просто Вагиной! — убил я ее своим каламбуром, — а если ты вагина, или по-русски еще проще, то катись отсюда колбаской по Малой Спасской. А лучше — скажи «деду», своему престарелому Вагину, «в Москву еду!» То есть из Мамонтовки — к нему, деду, в Москву!

И я, на радость Оле, выпроводил Тамару за дверь. Ну, не примет ее «жених», поедет домой в Мамонтовку, это недалеко.

Мы снова зажили с Олей как прежде. Но она была уже ученой — попросила в больнице, чтобы ей поставили «спираль» против беременности. Так что мы были раскованы в своих действиях, не то что раньше. Кроме того, очень раскрепощало меня то, что я уже не был связан с Олей брачными узами. Я, кажется, стал понимать грузина Коридзе, который «в нэволе нэ размножается»!

Летом мы поехали в Сухуми к маме в гости. Мой старший сын Владимир, который жил там же вместе с бабушкой, женился на своей институтской подруге Лене. Я, конечно же, не говорил, что развелся, и мама ожидала мою новую жену Олю. Когда же увидела нас вместе, только спросила: «А кто этот мальчик?»

Оля быстро сошлась характерами с сыном и невесткой, ну а мама никак не хотела признавать Олю женщиной.

— Я слышала, что в Москве существуют однополые браки, неужели у вас такой, а? Как стыдно! — тихо говорила она мне.

Соседи по дому видели, как Оля в джинсах, закинув ноги на ветку олеандра, с сигаретой в зубах, «резалась» с сыном во дворе в карты. И они тоже отказались признавать в ней женщину, тем более жену «большого абхазского ученого». Гомосексуализм на Кавказе исторически широко распространен, и соседи решили, что я привез на юг своего «мальчика». Но они простили мне эту слабость, как «большому абхазскому ученому».

Вернулись мы в Москву — и не можем выйти из метро к своему дому — не выпускают. Мы вышли с Таганской-радиальной и увидели на площади огромную толпу. Мы решили, что это связано с Олимпийскими играми, но заметили, что все взоры направлены на Театр на Таганке.

— Что случилось? — невольно спросили мы у людей.

— Высоцкий умер! — ответили сразу несколько человек.
Это было настолько неожиданно, что мы аж онемели.
«Власти убили, не иначе!» — подумал я, но формально оказался не прав.

Оля заплакала, мы постояли еще немного и пошли домой. Помянули любимого барда и занялись своими делами. Меня ждал трудовой год, а что ждало Олю — не знаю. Скорее всего, опять «халтура» с Мoneй, игра на гитаре и пение. Рисование Оля забросила, как только узнала у «спецов», что у нее нет «школы». Так все оно и оказалось — «халтура» у Оли с Мoneй была, а былой близости с ним уже не возникало. Близость зато была у нас.

Я регулярно ходил в ИМАШ, нужно было работать с Мoneй по его докторской тематике. Ося успешно защитил диссертацию и уехал работать в Киев, на прежнее место. В Москву он приезжал часто.

Как-то я увидел Инну, она весело меня приветствовала и таинственно пригласила в свою комнату после работы. «Не иначе понравилось в Расторгуево и хочет повторить!» — решил я, но ошибся. В шесть вечера я зашел в комнату к Инне и увидел на столе колбу с какой-то прозрачной жидкостью, бутылку газировки и два гамбургера. По какому-то случаю пьянка, и это неплохо!

Инна заперла дверь, чтобы не беспокоили уборщицы, и мы врезали за встречу. В колбе оказался спирт, его иногда выдавали, как мы шутили, для «протирки электронной оптики». Уже захмелели, а причины «застолья» я не обнаруживаю.

— Инна, — не выдерживаю я, — скажи, в чем дело, ты снова хочешь переспать со мной или к чему мне готовиться?

— Нет, — фыркнула Инна, — про это забудь, а вот красивую бабу я тебе «подобрала». Она, оказывается, как-то видела тебя и «не возражает»! Едем?

Кто же будет возражать против красивой бабы, тем более что она сама «за»? Я позвонил Оле, предупредил, что еду по делам, и мы с Инной выпили за успех «безнадежного дела». Если бы Инна знала, за какое «безнадежное дело» она пьет!

Мы остановили горбатый «Запорожец», за рулем была дама. Она согласилась подбросить нас, хотя предупредила, что только учится водить.

— Я езжу очень медленно, но зато не возьму с вас денег! — весело предупредила она.

Инна села с ней рядом и показывала дорогу. Почти через час мы подъехали к дому... Тамары-маленькой!

— Инна, ты что мне голову морочишь! — вскричал я, — или я не вижу, куда мы приехали?

Инна поблагодарила даму-водителя, извинившись за мою горячность, и мы вышли.

— Я тебя веду к Людмиле, помнишь такую красивую женщину? — пояснила мне Инна. — Она с мужем развелась и сейчас свободна. А Тамару не бойся — у нее полно поклонников. Она ушла из Академии наук и сейчас работает официанткой в ресторане «Охотничий». Ты представляешь, какой у нее там контингент? Приходит домой к часу ночи, а встает поздно, ты ее и не увидишь.

Людмила действительно была очень красива, и я, будучи подшофе, согласился зайти. Пошли мы «через магазин», где я приобрел вина. Пока Инна звонила в дверь, я стоял поодаль с бьющимся сердцем. Наконец Людмила открыла, и я прошмыгнул к ней в комнату.

Было около девяти вечера. Мы прилично набрались, сидели, шутили, смеялись. Было жарко в комнате, и я разделся до плавок. К тому же я так выглядел выгоднее, чем одетый.

Когда пьешь много вина, извините, часто бегаешь туда, «куда король пешком ходит». Я выразительно посмотрел на Людмилу:

— Иди так, там все спят, — успокоила она меня.

И я пошел, карабкаясь за стены темнящих коридоров, с трудом вспоминая дорогу в туалет, куда по ночам ходил из комнаты Тамары. После яркого света в туалете дорога назад показалась еще темней и запутанней. Я, напрягая всю свою память, шел на «автопилоте»; наконец нащупал дверь и вошел.

В комнате горел ночник, и у кровати почти раздетая Тамара снимала с себя чулки. Ничего не понимая, я замотал головой. Тамара взглянула на меня и спокойно спросила:

— Нурик, это ты?

Я закивал, дескать, да, она не ошиблась.

— Откуда ты? — продолжала Тамара, не меняя тона.

— Из дому, вестимо, — поколебавшись ответил я.

— Прямо так в плавках и шел? — не удивляясь, спросила Тамара.

— А то как же! Нам, грузинам, все равно... — но дальше не стал продолжать.

— Садись, коли пришел, — пригласила Тамара и накинула халатик.

Я присел на детскую кровать с проваленной сеткой, и колени мои тут же оказались выше головы.

В таком положении застала меня разъяренная Инна, отворившая дверь без стука. С Тамарой она и не поздоровалась.

— Вставай, пьянь, мы тебя по всей квартире ищем! — кричала она, пытаясь натянуть на меня свитер, — уже думали, что ты в унитаза провалился!

— Инна, добрый вечер, — спокойно поздоровалась Тамара, — присядь, поговорим спокойно!

— Я в твоих советах не нуждаюсь! — сверкнула на нее глазами Инна и выскочила из комнаты.

Через минуту она забросила в дверь мои шмотки и исчезла.

Так я и остался на ночь у моей «рабыни, выставленной на продажу». Я повинулся, что ничего не знал о состоянии Тамары после наших встреч; к тому же Инна сказала мне, что я **вам** не нужен.

Тамара грустно улыбнулась:

— Как она здорово за нас двоих решила!

Потом Тамара без обиняков призналась, что она и сейчас беременна после лета. Она была на Азовском море в пионерлагере с дочкой. Сама устроилась на работу, а дочка отдыхала там же. Познакомилась с «вожатым» — и вот результат.

— Зато сегодня можно не опасаться, — рассудительно добавила она.

Мы последовали этому совету и не ошиблись.

Утром я спросил Тамару, что заставило ее перейти из Академии наук в официантки.

— Хотела больше зарабатывать, — призналась она, — а оказалось еще хуже. Обсчитывать клиентов я не могу, а обворовывают свои же. То скатерти украдут, то посуду. За все платить надо, да еще и откупаться — ведь предполагается, что официант обязательно обсчитывает клиента! Надо уходить — а то так и до тюрьмы недалеко. Уже вся в долгах!

Я оставил Тамаре сто рублей, что были у меня с собой, и решил зайти днем к ней в ресторан пообедать и разведать обстановку. Круглый, как цирк, ресторан «Охотничий» был неподалеку от станции метро «Ботанический сад». Днем внутри было почти пусто. За дальним столиком резались в карты два клиента, за другими, составленными вместе, расположилась цыганская компания.

Узнав, какие столики обслуживает Тамара, я присел за один из них. Ждал долго, хотя народу не было. Наконец подошла невозмутимая Тамара, поздоровалась, спросила, что буду заказывать.

— Ты хоть узнала меня? — удивился я.

— Конечно, я же не пьяная! — спокойно ответила она.

Я заказал что-то и ожидал, что Тамара не возьмет с меня денег. Но она долго считала, путаясь в расчетах, и наконец насчитала восемь двадцать. Я обиженно заплатил и обещал прийти к закрытию ресторана проводить ее домой.

В полночь я подошел к «Охотничьему». Последние клиенты выходили из ресторана. Шел бойкий разбор проститутток, они перебежали от одного автомобиля к другому. Какие-то мужики персчитывали пачки денег, передавая их друг другу.

«Бежать надо отсюда Тамаре, пока цела!» — решил я.

Тамара вышла одной из последних, и я взял такси. Таксист, уверенный, что я «снял» девушку, начал сальные разговоры. Потом понял, что мы давно знакомы и замолчал.

В комнату мы прошмыгнули незаметно. А утром Тамаре надо было рано вставать, а я хотел поспать еще. В туалет я, по привычке, вышел под утро, пока все спали, и спокойно отдыхал. Часов в десять я собрался встать, одеться, выждать, пока в квартире все затихнет, и потом тихо выйти, захлопнув за собой дверь.

Но вышло иначе. В комнату, резко отворив дверь, вбежали две маленькие собачки — хин и пекинес. Уставившись своими «нерусскими» мордами, они начали облаивать меня. Я отмахивался от них тапочкой, пока вечно пьяная старуха-соседка, ворча и рассматривая меня, как экспонат, не выгнала собак из комнаты. Сон как рукой сняло, я, быстро собравшись, ушел.

Вскоре Тамара легла в больницу на аборт, и я навещал ее там.

«Вот судьба-то какая у меня — навещать не от меня беременных!» — подумал я и решил, что лучше все-таки, что не от меня. Греха меньше!

Я настоял, чтобы Тамара, как и Оля, вставила «что-то», предохраняющее от беременности, и теперь спокойно общался с моими «малогабаритными» дюймовочками. Чтобы не совершать «челночных» рейдов между Таганкой и Ленинским проспектом, я стал приводить Тамару домой. Оля была недовольна и не уступила нам наше широкое «брачное» ложе.

ГОЛУБЫЕ И ВНУЧАТЫЙ ПЛЕМЯННИК ВОЖДЯ

С молчаливой и замкнутой Тамарой-маленькой Оля общего языка так и не нашла. Она просто терпела ее, раздражаясь по каждому случаю, а как-то всерьез заявила Тамаре, что она тут не «прописана». Та же ей возражала, что с московской пропиской она имеет право находиться, с согласия жильца, в любой квартире города Москвы. Так мои дамы соревновались в знании бюрократического жилищного кодекса.

К Оле в гости приходили разнообразные типы и типчики. Однажды у нас в квартире произошла интересная встреча, после которой я решил все-таки ночевать у Тамары. Заявилась «сладкая парочка» голубых, пассивная компонента которой, некто Сергей, давно уже был нашим общим знакомым.

Весьма представительный, интеллигентный и красивый парень вызывал большой интерес девушек. Сам же он их органически не переносил.

Как-то мы с Сергеем ехали в автобусе, и некая очень интересная девушка толкнула его при резком повороте машины. Она с очаровательной улыбкой извинилась, но взбешенный Серега стал на нее орать и, главное, брезгливо тереть и чистить костюм, которого девушка коснулась. Та чуть не в слезы, но я подмигнул ей и предложил толкнуть меня: «Мне это будет только приятно!» — сообщил ей я. Девушка хитро заулыбалась.

Так вот, Оля вместе со «сладкой парочкой», уже выпившие, расположились за столом на кухне. Мы с Тамарой к ним присоединились. Активная компонента парочки, Мишка, совсем еще юнец прыщавый, безумно любил и ревновал своего Серегу, ну а тот был непрочь пофлиртовать.

— Я — черная моль, я — летучая мышь... — завлекаяще пел Серега, строя мне глазки.

Тамара с интересом наблюдала эту сцену, видно было, что она видит такое впервые. Сергей был очень красив, и я невольно залюбовался им.

Тут вышедший из себя юнец Мишка, не спускавший глаз со своей любви, взревновал, вскочил и стал кричать на меня:

— Что ты так смотришь на него? Бери, бери — я дарю его тебе! Я же вижу, что ты кадришь его!

Мы еле усадили нашего Отелло.

— Мишенька, почему ты так легко даришь меня ему? — томно произнес Серега, указывая на меня изнеженным, усталым жестом. — Ты что, уже не любишь меня больше? — и Серега в очередной раз подмигнул мне.

Мишка упал на грудь Сереге и, обняв его, зарыдал. Серега гладил его по голове и приговаривал:

— Не пойду я ни к кому от тебя, потому что я — твой навек!

Забегая вперед, скажу, что родители Мишки настояли-таки, чтобы их сына забрали в армию, оторвав его от любимого. Ну а пока они переживали апогей любви. Хочу только признаться, что слово «апогей» использовано мной здесь лишь случайно, и оно не имеет ничего общего со словом «гей».

«Друзья» попросили оставить их на ночь, и мы положили их на нашу с Тамарой узкую тахту. Сами же мы — я, Оля и Тамара, улеглись втроем на «брачное ложе». Но это был не сон, а мученье. Я лежал между моими дюймовочками и не знал, как себя вести.

Тамара спокойно спала, а Оля, напряженная, как струна, следила за каждым моим движением. Лежать на спине мне надое-ло, но как только я начинал поворачиваться к Тамаре, меня хватили «за грудки» и возвращали на прежнее место. Не мог я свободно распоряжаться ни своими руками, ни ногами.

— Я не потерплю в нашей квартире разврата! — грозно прошипела мне на ухо Оля, чем вызвала мой гомерический хохот,

разбудивший не только Тамару, но и спавшую в соседней комнате «сладкую парочку».

Так вот, чтобы не приучать Тамару к «разврату» в нашей с Олей квартире, я отправил ее жить к себе и навещался туда, предварительно позвонив по телефону. Я настоял, чтобы Тамара ушла из этого ресторана, откуда она уже начала приходить подшофе, и устроилась в НИИ, хотя там платили немного.

И еще, Тамара одержала над собой очень важную победу — бросила курить. Одновременно и навсегда, сделавшись яростной противницей этого вредного и неэстетического занятия. Это был первый на моей памяти случай успешного отказа от курения.

Приближался Новый год, и я раздумывал, с кем его мне встречать. В Курск ездить уже не хотелось; Тамара-маленькая встречала Новый год с дочкой и мамой, там я был неуместен. Оля традиционно встречала этот праздник в семье тети. Я уже подумывал возобновить отношения с Тамарой Ивановной, если она еще не стала женой богатея, и встретить праздник с ней.

Но тут вдруг мне звонит Элик и взволнованно предлагает встретиться в ИМАШе. Встречаюсь и вижу, что мужика так и распирает от желания высказаться. Мы вышли с ним в коридор, и Элик серьезно пожимает мне руку: «Поздравляю тебя, ты породнился с Лениным!»

— Чего угодно ожидал, только не родства с вождем мировой революции, которого к тому же принципиально не переношу. Спасибо, дорогой, может, расскажешь, как это меня угораздило? — поинтересовался я.

— Слушай сюда внимательно! — начал со своей любимой фразы Элик. — У меня есть знакомый молодой генерал «из органов» по фамилии Ульянов. Мастер спорта по вольной борьбе и с виду качок! Говорят, внучатый племянник Ленина. Правда, в голове всего одна извилина, ну от силы полторы! Как говорят в нашем народе: «Баим поц ликт ауф дер пунэм!» (на идиш: «Будто "хвостик" поперек лба лежит»). Кстати, у него жена здесь в ИМАШе работает — кандидат наук, Ликой зовут.

И вот этот Ульянов через свою жену Лику в ИМАШе просит меня свести его со специалистами по вентиляции. Что он собирается там вентилировать — бомбоубежище или, скорее, свой коттедж, не знаю. Но помню, что твоя Тамара...

— Которая? — перебиваю я его, чтобы разговаривать предметно.

— Ах да, ты же тамаровед! Докладываю — Тамара Ивановна, которая работает во ВНИИТоргмаше. Помню, что она как раз по работе занимается вентилицией, и у них есть бригада типа «шараш-монтаж» в этом направлении.

— Свожу я, значит, вчера Ульянова и Тамару в кафе «Кудесница», что рядом, на Лермонтовской площади. Выпили по стакану коньяка, Тамару твою развезло. Но договориться успели, телефонами обменялись. Выпили еще, она что-то ему на ушко нашептывать стала. Потом Тамара отзывает меня и просит ключи от моей «конспиративной» квартиры. «Ему, — говорит, — неудобно, он женат на какой-то твоей знакомой!» Дал ей ключи, не мог же отказать твоей ближайшей подруге, — всерьез заметил хитрец Элик, — а сегодня утром здесь же в ИМАШе их мне отдает сам Ульянов. И хвастает: «Не успел двери запереть, она тут же кидается на меня, валит на койку, раздевает сама. "Ты, — говорит, — самый красивый мужик в моей жизни, одни чистые мышцы! Мой бывший тебе в подметки не годится!" Ну, поползала она по мне, сколько надо, потом отвалилась, и мы стали выпивать. Я и спрашиваю, а кто это твой бывший? "Да это приятель Элика, доктор наук, мастер спорта по штанге!"» Вот такая история имела место. «Знаешь, Элик, — говорит Ульянов, — если бы не вентиляцию мне в коттедж устанавливать, ни в жисть с такой не стал бы! Как баба — никуда не годится, не возбудила она меня ни капли! Да и болтушка страшная, черт знает что может наговорить!» Ну, положим, он и сам болтун порядочный, даром что из «органов»! — высказал свое мнение о генерале Элик, и спрашивает: — Что делать с Тамарой будем? Ведь это измена, предательство! — возмущенно провозгласил Элик, ударяя кулаком по перилам лестницы.

— А ничего, — спокойно ответил я Элику, — убью ее как-нибудь при встрече!

А сам вскипел весь внутри, все-таки любил и ревновал я Тамару Ивановну бешено.

«А зачем же мне убивать свою любимую Тамару? — вдруг подумал я. — Убить надо обидчика, генерала Ульянова! Или его жену трахнуть в отместку — она же здесь рядом, в ИМАШе! А лучше и то, и другое!» — стал распаляться я и вдруг отчетливо представил Тамару, ползающую по голому телу здоровяка-генерала. От ярости у меня помутилось в голове, и я чужим отрывистым металлическим голосом проговорил:

— Убивать Тамару не будем! Будем трахать жену Ульянова! А генерал от досады сам помрет!

Постепенно я успокоился, и первое, что увидел — это вытаращенные глаза Элика.

— Что с тобой, ты вроде как бы не в себе? — Элик трясет меня за плечи. — Да и голос у тебя странный! Что ты сказал — будем трахать жену генерала? Я — не буду, а ты — как знаешь! Это интересно, но опасно! Что, думаешь, он застрелится с доса-

ды? Да он скорее тебя сам застрелит! Ты что, серьезно все это или для понту?

Но бурный поток эмоций Элика был прерван — в коридор вдруг выбежал Мотя и позвал меня:

— Иди, Тамара Ивановна «на проводе»!

Таинственное существо эта Тамара Ивановна! Всегда появляется вовремя, чувствует, гадюка, что о ней вспоминают. Я это много раз замечал! И тут возникла у меня идея разыграть ее, а заодно и отомстить за измену.

Разговорился с ней, будто бы ничего не случилось, будто бы вчера вечером только и расстались. Приглашаю ее на встречу в то же кафе «Кудесница», вроде удобно, близко от ИМАШа.

Встречаемся, берем по стакану мадеры, выпиваем, а я и говорю:

— Спасибо тебе, Тамара, спасибо! — и кланяюсь чуть ли не лбом в стол.

— За что, дорогой? — вкрадчиво спрашивает Тамара.

— А за то, что породнила меня с вождем мировой революции! — серьезно отвечаю я.

— Ты что буровишь, охренел, что ли? — занервничала Тамара.

— Тогда я расскажу тебе небольшую историю, посмотрим, как ты ее прокомментируешь. Должен был я вчера срочно передать Элику один отчет, ему сегодня его на работу возвращать надо. Звоню на его «конспиративную» — никого нет. А я как раз поблизости находился, дай, думаю, зайду и положу отчет на стол. Ключи от этой квартиры у меня всегда при себе. Подхожу к дому и вижу: в подъезд входит здоровенный мужик и ты с ним рядом. Тебя сильно «ведет», выпила, значит. Заинтересовался я: с кем и зачем моя любимая идет в квартиру Элика. И тихо за вами поднялся. Вы захлопнули дверь, а я подождал немного и неслышно отворил ее. Если что, извинюсь и скажу, что я тоже вхож сюда, ключи, дескать, имею. Но вы были в комнате, там и свет зажгли, а в прихожей — темно. Вы так были собой заняты, что на прихожую и внимания не обращали. Мужик рухнул на койку, а ты его раздевать кинулась. Раскидала шмотки по комнате и ну по нему сверху ползала, по голому-то! По мне почему-то ты так не ползала, у нас все по-людски было! Все бы ничего, но ты стала своего «бывшего» хулить. Ну, думаю, ты Бусю имеешь в виду, а ты и говоришь: «Доктор наук, мастер спорта, мол!» Грустно мне стало, не захотел я эту вашу порнушку дальше досматривать, тихо вышел и закрыл за собой дверь. А сегодня утром в ИМАШе вижу того мужика, он Элику ключи передавал.

— Кто этот здоровый? — спрашиваю я Элика.

— Это генерал Ульянов, — отвечает он с гордостью, — внучатый племянник самого Владимира Ильича!

— Поэтому я и говорю тебе, Тамара, большое русское спасибо, что породнила меня с вождем мирового пролетариата!

Тамара, молча, с ненавистью смотрела на меня, сжимая в руке стакан. Казалось, она хочет запустить им в меня. Но я поднялся и, продолжая говорить: «Спасибо тебе, Тамара, спасибо!», спиной пошел к выходу, а там уже дал деру. От нее всего можно ожидать, когда она в ярости!

НОВЫЙ ГОД В МАРФИНО

Я снова зашел в ИМАШ; мне стало еще грустнее. С кем же мне Новый год-то встречать? И вдруг кто-то подходит ко мне сзади и закрывает глаза ладонями. Меня взял ужас — так могла поступить только Лора, но ее уже полгода как нет. Кто это? Я обернулся и увидел Инну. Но она же со мной разругалась у Тамары в комнате! Нет, ничего, улыбается.

— Ну, как у тебя дела с твоей официанткой? — первым делом спросила Инна.

— Да ничего, — ответил я, не обращая внимания на ее интонацию при произнесении слова «официантка». — Кстати, она теперь работает в НИИ.

— Старшим научным сотрудником? — с сарказмом спросила Инна.

— Нет, младшим! — без тени юмора ответил я.

— Где Новый год-то встречаешь, небось, со своей...

— Научной сотрудницей, — подсказал я Инне, — нет, она с дочкой и мамой, а я вот свободен!

Инна чуть не подпрыгнула от радости.

— Ой, давай поедem в Марфино, там так хорошо, так весело! — защебетала Инна. — Я там как-то встречала Новый год — это прелесть! А какая там вокруг красота!

Инна рассказала, что в Марфино (это ближнее Подмосковье) — пансионат, в который дают путевки на работе у друзей Инны. Там легко можно взять двухместный номер, а Новый год встретить в столовой, которую на праздники преобразуют в ресторан. Всю организационную часть Инна берет на себя, за мной только деньги.

Я согласился, и выезд был назначен днем 31 декабря. Оле и Тамаре сообщил, что еду с друзьями по кафедре на подледный лов рыбы в профилакторий ЗИЛа. А сам встретился с Инной в назначенном месте (уже позабыл где), мы сели в служебный автобус и поехали.

Шутки, прибаутки, бутылка по рукам — и мы уже в Марфино. Инна взяла наши паспорта, и вскоре мы уже осваивали наш уютный двухместный номер со сдвинутыми друг к другу кроватями. Я предложил было Инне опробовать койки в деле, но она отказалась, заявив, что у меня лишь одно на уме.

Странная женщина эта Инна! Я так и не понял, что у нее самой на уме. Едет с мужиком с ночевкой на дачу и предлагает ему не приставать к ней. В результате пристаёт сама. Знакомит то с одной, то с другой своей подругой, живущими в одной квартире дверь в дверь. Ссорится, а потом предлагает вместе встречать Новый год. Устраивается со мной в одном номере и тут же заявляет, что у меня на уме одно, а у нее — что-то другое. Что же это такое «другое» у нее на уме?

Мы встретили Новый 1981 год в ресторане пансионата, и там познакомилась с компанией из двух женщин и одного парня. Парень был молодой, мрачный и какой-то нерусский. Он сопровождал одну из женщин и был похож на ее охранника. Женщина эта была жгучей брюнеткой, лет тридцати пяти с резкими и властными движениями.

Вторая дама тех же лет, русая, с нежными чертами лица, веселая хохотушка. Брюнетку она называла Луизой, а та ее — Машей. У охранника было такое необычное имя, что я его даже не запомнил. Им, наверное, мое имя тоже показалось бы странным, поэтому я представился новой компании как Николай — Ник.

— Трепач! — резко отозвалась на мое новое имя Инна, но я заметил ей, что так меня крестили.

Мы изрядно выпили, причем я как-то органически влился в новую компанию, а к Инне подсел мужик, похожий на армянина, плохо говоривший по-русски.

Выпивка и танцы были в самом разгаре, Луизин охранник вроде начал «кадрить» Машу. Луиза отозвала Машу на минутку, и как мне показалось, дала ей за это «втык». Но я ошибся с «точностью до наоборот».

Я сидел и с интересом наблюдал шуры-муры Инны с армянином, как вдруг подошла Луиза и тихо шепнула мне на ухо: «Иди за мной, но чтобы заметно не было!» И, петляя между танцующими, она вышла в коридор. Я же, шагах в десяти, следовал за ней. Луиза дошла до какой-то комнаты, посмотрела на ее номер, вставила ключ и открыла дверь. Быстро втолкнула меня внутрь и заперла дверь.

— Не бойся, это номер Маши! Быстро! — приказала она мне, и во мгновение ока разделась.

Я спешил как мог, но от Луизы, конечно же, отстал. Мы нырнули в свежую постель Маши и энергично предались делу. Я хотел поцеловать Луизу, но она отвернулась и прошептала:

«Помаду размажешь!» Процесс был бурным и скоротечным, но, судя по всему, Луиза была удовлетворена. Она почему-то поблагодарила меня, что было для меня откровением, и невероятно быстро оделась.

— Ну, поговорим потом, — шепнула мне Луиза, — а теперь запири за мной дверь и минут через пять выйди. Ключи отдашь Маше. Если вдруг будут спрашивать — ты был у себя в номере и переживал за поведение своей сучки Инны!

И Луиза исчезла. Запирая за ней дверь, я вспомнил исторический анекдот про жену герцога де ля Мера и барона д'Ариньяка:

«Герцог будто бы расхваливает барону свою жену:

— Как моя герцогиня красиво одевается!

— А как быстро! — добавляет барон».

Точно, эту герцогиню звали Луизой.

Когда я вернулся в ресторан, никаких изменений там не нашел. Инна мило беседовала со своим кавказцем, попивая вино. Маша танцевала с нерусским охранником, а Луиза сидела одна и деловито закусывала, запивая газировкой. Меня поразило, что с момента нашего с Луизой ухода из ресторана прошло всего минут пятнадцать.

«Ну и стахановцы же мы!» — с гордостью рассудил я.

Танец закончился. Охранник подошел к Луизе, а я — к Маше. Та смотрела мне прямо в глаза, прыскавая от смеха.

— Ну как, порезвились в темпе? Койка-то моя в порядке? А то отвечать ты будешь!

Мы присели с Машей к краю стола, я прихватил бутылку вина и мы выпили. Я, конечно же, спросил у Маши, кем придутся друг другу Луиза и этот нерусский парень.

— Здесь длинная история! — отвечала Маша. — Короче, Луиза замужем за подпольным миллионером. Он, кобель, сам гуляет, но жену блюдет. Вот и нанял парнишку с Кавказа охранником. Как он с этой работой справляется — сам видишь. Отпустил жену Новый год справлять с охранником, а сам в загул пошел.

— Кстати, — вставила Маша, — я сама тоже замужем, но муж у меня моряк, капитан, он больше в плаванье, чем дома.

— А я холост, вернее, разведен! — похвастался я. — Вот, приятельница привезла сюда, а сама, видишь, что выделяет!

Маша внимательно посмотрела на меня, и вдруг спросила:

— Ключи от вашего номера у нее или у тебя?

— У меня, а что? — не понял я.

— Иди быстрее, забирай свои шмотки и айда ко мне в номер! Ключи мои у тебя, не перепутай со своими! — хохотнула Маша. — А свой отдашь Инне. Скажешь, что обиделся на ее поведение!

Уговаривать меня было делом излишним. Шмотки — в портфель, дверь — на замок. Портфель оставил у Маши, а сам вызываю Инну на разговор. Она пьяненькая, встать не может, язык заплетается.

— Говори при нем, это — мой друг, от него секретов нет!

— Еще лучше! — деловито констатирую я. — Вот ключи, я ухожу! Объяснять причину надо?

Инна покачала головой и как-то брезгливо взяла ключи. Я поклонился и ушел.

Маша ждала меня у выхода из ресторана. Захватив бутылку вина со стола, я вышел, и мы направились в номер, из которого я вышел полчаса назад. Постель оказалась еще теплой, что не ускользнуло от внимания Маши. В отличие от Луизы Маша никуда не спешила; она была очень ласкова и обстоятельна.

— Луиза тебя похвалила и мне посоветовала, — призналась Маша, — говорит, если бы не этот черт нерусский, никогда бы его тебе не отдала. А так — пусть хоть подружке перепадет, чем этой сучке Инне!

Мы с Машей почти не вылезали из номера. Даже еду заносили сюда, а вино брали в буфете. Иногда раздавался условный стук в дверь, и Маша осторожно открывала ее. К нам врывается вся затравленная Луиза и мгновенно начинала раздеваться. Маша чаще всего заскакивала в туалет и сидела там, пока мы не выволакивали ее обратно. Луиза второпях заметила как-то, что будь койка пошире, можно было бы порезвиться и втроем. После чего пулей выбегала из номера.

— Втроем, втроем, — передразнила ее Маша, — даже не спросила, нравится ли мне этот разврат! А как это тебе нравится: вбегают, когда ей приспичит, как к себе, и подавай ей, видите ли, готовенького! Наглость какая!

Я заметил Маше, что подруга из-за этого «Мухтара» в затруднительном положении, а ей ведь тоже хочется! Сама-то она уступила своего мужика, так что не надо жадничать. Мы-то свое всегда возьмем — Луизу жалко!

В пансионате мы пробыли до второго января, после чего нас погрузили в автобус и отвезли в Москву.

Маша жила в Красногорске (это почти Москва), в двухкомнатной квартире с мужем. Расписание прибытий его корабля Маша знала наизусть, да и он всегда звонил из Ленинграда перед приездом. Детей у них не было, и мы договорились встречаться дома у Маши.

— Конечно, Луиза тоже нет-нет да припрется, когда ты будешь у меня, с этим надо смириться! — вздохнула Маша. — Живет-то она в моем доме. Но тебя жалко, ты же не двуличный — всех подряд обслуживать!

Я тоже вздохнул, соглашаясь с Машей, но уверял ее, что ради любви к ней я готов обслуживать и еще пару-другую баб при условии, что они будут симпатичными. Мы посмеялись над моими словами, как над шуткой. Но очень скоро обстоятельства сложились так, что «сказка стала явью». Человек предполагает, а Господь располагает. Вот Он и подбросил мне для испытания физических и нравственных сил еще трех (заметьте, не пару и не две пары, а среднее арифметическое между этими значениями!) дам, отказаться от которых было по разным причинам уже никак нельзя! Вот и получилось у меня — по бабе на каждый день недели! А виагру тогда еще не продавали, так что приходилось, как в северокорейской «чучхе», опираться только на собственные силы!

ТАМАРА ДЕВЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Я, имея достаточный опыт в изобретательском деле, устроился в патентное ведомство внештатным экспертом для подработки. Штатным куратором у меня был молодой человек по имени Олег, быстро ставший моим другом. Сидим мы как-то с Олегом и работаем, а в комнату вдруг входит нечто такое, от чего у меня отвисает челюсть и из рук выпадает лист бумаги. Мне показалось, что комната осветилась золотистым светом, исходящим от этого «нечто». «Нечто» было необыкновенной красоты женщиной лет тридцати с ярко-золотыми волосами, небесного цвета глазами и ярко-розовыми губками. Кто видел этикетку от сыра «Виола», тот может представить себе эскиз или абрис этой женщины. Но действительность была куда эффектней этого абриса: улыбка, выражение глаз, поза, голос — все это завораживало.

— Кто это? — только и спросил я у Олега.

— Это наша Тамара (опять, опять, опять — Тамара!), переводчица с английского из патентной библиотеки. Фамилия у нее, как у шведского кинорежиссера, Бергман. Не ты, Нурбей, первый, не ты последний из тех, кто терял сознание от одного взгляда на нее. Забудь и не пытайся! — грустно посоветовал мне Олег.

Милое создание ворковало с сотрудницами отдела, периодически бросая взгляды на нового человека, то есть на меня. Поворковав, Тамара-переводчица вышла, а я стал выталкивать Олега из комнаты:

— Пойдем, познакомишь меня с ней!

Олег вышел один и минут через десять вернулся, загадочно улыбаясь. Он вывел меня в коридор и пересказал разговор с Тамарой:

«Тома, ты понравилась нашему профессору! — затравливаю я ее.

— Этот молодой и здоровый хмырь — профессор? — удивилась Тамара. — Женат, наверное?

— Не угадала: недавно развелся, квартира в центре! — продолжаю заводить я ее.

— Врешь, такого не бывает! — раззадорилась красавица.

— Бывает, Томочка, только долго такое состояние не длится! Спешу, и он попадет именно в твои сети! — дразню я ее.

— Заметано — знакомь! — решила Тамара. — Зови его сюда.

— Да придет ли, не знаю, — начинаю сомневаться я, — скромн уж очень!

Тамара аж вскочила от нетерпения.

— Тогда выведи его в коридор и стой с ним, а я пройду мимо и поздороваюсь, так и познакомимся. Он по-английски понимает?»

— Я сказал, что ты понимаешь, так что готовься! — и Олег стал «выгуливать» меня в коридоре.

Минут через пять появляется наша красавица, глазами так и сверкает. Заметив нас, останавливается и с американским акцентом (никогда не был в Америке, как, впрочем, и в Оксфорде, но думаю, что акцент был именно американский!) здороваются:

— Хэлоу, Олег! Хау ду ю ду, профессор?

Олег, улыбаясь, кивнул, я же решил поздороваться по всей форме:

— Хау ду ю ду! Вэри глэд ту миит ю! Май нэйм из Ник!

— Ой, мне надо решение писать! — забеспокоился Олег и убежал в комнату.

Мы отошли в конец коридора и начали общаться. Помню только, что мы, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. Она не отводила взгляда, да и я не решался этого сделать. Мы не заметили, как к нам подошел Олег и спросил:

— Вы домой пойдете, а то уже пять?

Мы, оказывается, простояли так свыше двух часов! О чем говорили — не помню, я был как под гипнозом. Тамара была классным специалистом по очаровыванию, а я и не хотел ей противиться. Мы прошли пешком от патентной библиотеки до Киевского вокзала по Бережковской набережной. Было тихо, падал редкий снег; я не верил, что рядом со мной идет такое совершенство и что оно в принципе может быть моим. Мне показалось, что я всю жизнь смотрел не туда, встречался не с теми, любил не тех! Вот женщина моей мечты, чудо со снежинками на золотых волосах, на золотых и ненакрашенных ресницах...

На Киевском Тамара простилась со мной, сказала, что живет в Кунцево и что у нее сегодня еще много дел дома. Она дала

мне свой домашний телефон, а я ей — служебный. Живу, дескать, пока в одной квартире с бывшей женой, мало ли что она может ответить по телефону. По глазам вижу, что Тамара сомневается. Тогда я подвел ее к фонарному столбу, вынул паспорт и, извинившись, попросил прочесть запись. Она внимательно прочла, но только спросила:

— Почему же вы сказали, что зовут вас Ник? А можно я буду называть вас «Нур»?

«Нур — это ново», — подумал я и согласился, хотя заметил, что крещен Николаем, а стало быть, я Ник, особенно по-английски.

Домой я шел уже «по уши» влюбленным в Тамару. «Господи, опять и опять влюблен в Тамару. Это рок, это какое-то наваждение! Такого не бывает — это фетишизм чистой воды! В человека, наконец, влюбляюсь или в имя? И если эта Тамара все-таки станет моей, то она будет последней, предпоследней или какой?»

Была пятница, и этот день, вернее ночь, — для Ольги. В субботу днем я обычно (если нет других, я бы сказал — особо конфиденциальных встреч, о которых я пока и не решаюсь рассказывать) приезжал к Маше, та сообщала об этом Луизе. У Маши я проводил выходные, а в понедельник рано утром уезжал. Конечно же, все это до приезда ее мужа из плавания (не приехал бы он только неожиданно, тем более ночью!).

По средам я оставался на ночь у Тамары-маленькой, и если планы не менялись, то и на следующую ночь. В моем распорядке оставались две ночи — с понедельника на вторник и следующая. Это на все непредвиденные случаи — встречи на «конспиративной» квартире у Элика, поход к Моне или другим друзьям с ночевкой и тому подобное. А бывало, что и эти ночи я проводил дома с Олей.

И вот, кое-как дожив до понедельника, я снова в патентном ведомстве, конечно же, для того чтобы видеть Тамару. Олег счастлив — я успеваю «расчистить» завалы решений, накопившихся почти за месяц.

Наконец вызываю Тамару в коридор. Уходим в тупичок у окна и общаемся. Оказывается, и отчество у нее под стать фамилии — «Витольдовна», налицо скандинавские корни. Вот откуда картинка с сыра «Виола»! Выясняется, что Тамара разведена, у нее дочка — школьница-первоклашка, и нежелательно, чтобы ребенок видел в гостях чужого дядю, поэтому меня и не пригласила в пятницу. Но в понедельник ее из школы забирает бабушка и ведет к себе на ночь. Так что сегодня, если я свободен, то могу зайти к ней в гости...

Счастье само идет в руки, ведь в понедельник я — «ничей»! Едем вместе домой к Тамаре, около дома у нее какой-то «спец-

магазин», где все есть. Загружаемся и поднимаемся в лифте на восьмой этаж. Квартира двухкомнатная, отлично ухоженная — Тамара хорошая хозяйка! Пока я смотрю телевизор, Тамара мгновенно готовит красивую закуску. Открываю шампанское, и — тост за любовь! Выбираем за любовь до брака, до нашего, разумеется! Все очень культурно, чинно и благородно!

Пьем на брудершафт (ведь мы до сих пор на «вы») и целуемся. Тамара Мопассана читала, и все хорошо помнит, так что наивного восторга не было. В беседе с хозяйкой я жалуясь на нехватку времени для работы. Перечисляю Тамаре, сколько книг опубликовал за последнее время, сколько изобретений сделал.

— Да, — удивляется она, — и где только ты время на все это берешь? А ведь еще занятия!

— Сижу допоздна, — вру я, — до двух-трех ночи, а в выходные — весь день. Втянулся в работу — и вроде бросать нельзя! — не краснея, жалуясь я. — Скоро должна выйти новая книга, название интригующее — «Инерция», я тебе ее подарю!

— А много ли за книги платят? — невинно интересуется Тамара.

— За лист около ста — ста пятидесяти рублей, — рассказываю, а когда вижу изумленное лицо Тамары, поясняю: за печатный лист, а это 16 страниц в книге. Вот новая книга будет около десяти листов, значит, гонорар — тысяча пятьсот рублей.

— Все равно хорошо, это мой годовой заработок! — подсчитывает Тамара.

Мне хочется выпить еще, но Тамара убирает бутылку.

— Я так не хочу видеть тебя пьяным, весь шарм пропадает, — раскрывает свое кредо Тамара. — Ты можешь сегодня не пойти домой? — загадочно спрашивает она.

— Могу, я же свободный человек! — гордо объявляю я.

— Тогда, если хочешь, можешь остаться у меня! — шепчет моя красавица.

— Хочу! — не веря в самую возможность этого, тихо отвечаю я.

— Тогда раздевайся и ложись! — включая ночник и выключая верхний свет, шепчет Тамара, — а я зайду кое-куда!

Она заходит в ванную, а я тем временем быстро, пожалуй, даже быстрее Луизы, раздеваюсь и — под одеяло. Жду, сердце вылетает из груди. Наконец в сумерках появляется белое стройное тело, оно быстро движется к постели, и шмыг ко мне!

«Вот это женщина, — успеваю подумать я перед тем, как логическое мышление покинет мою голову, — все нужное успела сделать, не то, что мои бестолковые "дюймовочки"!»

Тамара Витольдовна — фемина на все сто процентов — и красива, и умна, и сексуальна, и хозяйка хорошая, наверное,

и мать замечательная. Одно только плохо — не переносит пьяных мужиков! Ну что ты будешь с ней делать, разве только обманывать, но это же грешно!

Я стал бывать у Витольдовны с понедельника на вторник, и это органически вписалось в мой график, тем более после веселой парочки «Луиза-Маша» хочется чего-то культурного и возвышенного, в нравственном, конечно, смысле этого слова.

Не подозревал я, что на Тамаре девятой — Тамаре Витольдовне — и закончится моя «тамароведческая» карьера. Ибо не будет у меня больше новых Тамар. Теперь Голосу, сделавшему мне столь замысловатое предсказание, надо будет проделать невероятную работу, чтобы отвадить меня, по уши влюбленного, от моей последней Тамары и обвенчать с предыдущей. И еще — неслыханное дело — заставить гордую и независимую скандинавку отказаться от жениха и самой нести корону над головой его невесты! Воистину неисповедимы пути Господни!

Глава шестая и последняя

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ФИНАЛ

ГЕНЕРАЛЬША ЛИКА

Вскоре мой график сделался еще напряженнее. А произошло это так. Как-то во вторник после работы в ИМАШе состоялась пьянка. День рождения чей-то или что-то еще. Позвали меня, тем более вторник как раз для таких случаев и предназначался. Подошла Инна, которая опять мне все простила. Выяснились подробности Нового года в Марфино. Оказывается, Инна здорово поссорилась со своим армянином, потому что она оставила его у себя в номере, но потребовала не приставать. Армянин не вынес такого садомазохизма и устроил скандал. А мы с Луизой и Машей были так заняты, что, в отличие от всего пансионата, даже не слышали об этом.

Когда выпили прилично, Инна решила познакомить меня с еще одной своей подругой, на сей раз из ИМАШа.

— Она умница, кандидат наук, старший научный сотрудник, может, ты слышал — ее фамилия Ульянова, Лика Ульянова...

— Ульянова, — переспросил я, холодея, — жена генерала Ульянова?

— Ты что, знаешь ее мужа? — поинтересовалась Инна.

— Знаешь, мы с ним — дальние родственники; но Лика пока не знает об этом. Инна, я очень хотел бы познакомиться с Ликой!

Инна сбегала и привела бледную худенькую женщину лет тридцати пяти. Она чем-то напоминала монашку — строгое выражение на красивом, как из мрамора изваянном, белом лице, черное платье с белым воротничком, гладко причесанные русые волосы.

Взгляд ее почти постоянно был устремлен «долу»: «Ну и жена у этого кобеля-генерала, — подумал я, — монашенка нетронутая! Может, генерал, как тот Коридзе, в нэволе нэ размножается?»

— Я хочу выпить за нашу Лику Мизинову! — провозгласил я тост, поскольку меня выбрали, как обычно, тамадой.

— Я — Ульянова! — серьезно поправила меня Лика, видимо, не очень знакомая с Чеховым.

— Еще лучше, — вдохновился я, — за Лику — родственницу вождя! Она столь же красива, как и умна, она — мечта Данте, Петрарки, а если говорить о присутствующих — то и моя!

За столом засмеялись и поддержали тост. Лика посмотрела на меня долгим взглядом и, привстав, чокнулась со мной. Вечер продолжался, я отпустил множество комплиментов по адресу Лики, обменялся с ней служебными телефонами.

А днем, после лекции, секретарь нашей кафедры, красивая Ира, сообщает мне, чтобы я позвонил в ИМАШ по такому-то телефону.

— Кому? — спросил я Иру.

— Женский голос сказал, что вы сами знаете! — невозмутимо ответила Ира.

Звоню узнать, кто мной интересовался, но только я произнес «алло», тихий женский голос сказал мне:

— Нурбей Владимирович, вы же обещали позвонить мне утром!

Вспомнил — это Лика Мизинова, вернее, Ульянова!

— Лика, я только что с лекций! Просто не мог раньше!

— Мне так и сказали, что вы на лекции. Вы можете подойти к памятнику Лермонтову, что около ИМАШа? — тихо, но настойчиво спросила Лика.

— Буду через час! Не поздно? — спросил я.

— Как раз! — последовал ответ.

Разные мысли вертелись в голове, когда я стоял в скверике у памятника Лермонтову. Лика что-то хочет узнать у меня про своего мужа — была первая мысль. Я нужен ей по какому-то делу, вроде вентиляции в коттедже, — это вторая мысль. А третья... но я не успел ее сформулировать, так как неожиданно меня взяла под руку Лика и тихо сказала:

— Пойдемте быстрее, здесь могут быть знакомые.

Мы свернули к сталинской высотке — тогда Министерству транспортного строительства, и пошли вправо мимо книжного и ювелирного магазинов. Там Лика завела меня в подъезд, и мы проследовали в лифт.

— Куда мы едем? — только и спросил я.

— Сейчас узнаете! — твердо ответила Лика, глядя мне прямо в глаза. — Вы помните, что сказали мне вчера вечером? Что вы любите меня с первого взгляда! Это шутка? Не шутите с женщинами, эти шутки глупы и неприличны, как говорил Козьма Прутков. За эти шутки надо отвечать!

Лифт остановился на этаже, и Лика, достав ключ, открыла одну из квартир. Мы вошли внутрь, и я огляделся.

— Это квартира генерала Ульянова? — только и спросил я.

— Нет, это квартира моей подруги Люды, которая сейчас на работе! — засмеялась Лика и достала из холодильника початую бутылку белого вина.

И тут до меня стало доходить понемногу, что эта «монашка» — таковая только с виду, наверно, я ее вчера раззадорил, и она загорелась идеей. Что ж, осрамиться нельзя — ведь она жена мастера спорта, здорового человека!

Мы едва успели выпить по бокалу вина, и я даже не вспомнил о старике Ги де Мопассане, как Лика, без всякого брудершафта, даже не переходя на «ты», обняла меня за шею и стала осыпать поцелуями. Ей так не терпелось, что она стала раздеваться, не прекращая целовать меня. Я не поспевал за ней. Раздевшись, Лика кинулась на застеленную постель и легла на спину, держа правую руку на сердце.

— Послушайте, как бьется мое сердце, — задыхаясь, попросила она.

Я приложил ухо к ее груди и ощутил сильные, гулкие и необыкновенно частые удары, на опытный слух, не менее 120 — 130 в минуту.

— Это от страсти, я так хочу вас! — прошептала мне на ухо Лика, и мы прекратили мыслить и поступать логически, остался один инстинкт — верный, четкий и безошибочный! В квартире мы были одни, а стены в сталинских домах толсты, и я не стал даже прикрывать Лике рта. Мне были так удивительны эти крики и стоны от худенькой, казалось бы, слабой и хрупкой женщины, кандидата наук!

«Что ей, мужа не хватает, что ли?» — сверлила меня мысль, и я не знал, как удовлетворить свое любопытство.

— Лика, твой муж, говорят, мастер спорта... — начал я, но смех Лики прервал мой вопрос.

— Я смеюсь, потому что ты перешел со мной на «ты» без разрешения, — пошутила она. — Я знаю, что ты хочешь сказать:

муж — здоровяк, а у жены хватает еще сил искать связей на стороне. Так? Мы с тобой теперь близкие люди, и я отвечу тебе. Ты знаешь, что такое в спорте «химик»?

— Тот, кто принимает стимулирующие средства, в первую очередь анаболические стероиды. Раньше был неробол, а сейчас — это ретаболил, метандростенолон...

— Да, да — или просто «метан». Ты знаешь, сколько пустых упаковок из-под этого «метана» я находила каждый день дома? А как я сама делала ему уколы ретаболила? Это же масляный раствор, через тонкую иглу он не проходит, а толстых игл генерал, тогда еще полковник, боялся. Я грела этот ретаболил, и только тогда он медленно проходил через тонкую иглу в ягодицу моего Владислава — однофамильца вождя! Вот он и стал мастером спорта, чемпионом Москвы! Что скрывать, спорт помог ему повышаться по службе. Но его гипоталамус — есть такой центр в основании желудочка мозга — после длительного приема допингов отказался выполнять свои прямые функции. Он перестал подавать команды эндокринной системе, в частности, на выработку тестостерона и других гормонов, необходимых мужику. Тебе понятно, что я говорю, ведь ты сам спортсмен? А знал бы ты, что было в первые два-три месяца, когда он только начал принимать анаболические стероиды! Он был неутомим в постели, число актов доходило до пяти-шести за ночь. И главное — желание, или либидо, было у него постоянно. Это были фантастические месяцы в моей жизни! Я так привыкла к такому режиму, что потом, когда либидо упало почти до нуля, да и возможности тоже, я чуть с ума не сошла. Ты представляешь, ценой огромных усилий и выдумки, — Лика хитро улыбнулась, — я вызывала у него эрекцию, но она длилась какую-то минуту, не более. Он и, тем более, я ничего не успевали за этот миг. И я стала изменять ему, иначе бы просто свихнулась! Пока он был сильным мужиком, я не обращала внимания на его интеллект. А теперь, когда мой муж превратился просто в какой-то бесполезный шкаф, весь его интеллект, вернее его отсутствие, вылезло наружу. Я стала его просто ненавидеть, мне противно стало спать с этим сильным животным в одной постели. Вот мы и дошли до жизни такой. Он, конечно, знает, что я ему изменяю, обещал пристрелить, если поймает! Вот я и конспирируюсь, как могу.

— Лика, а сейчас у тебя есть кто-нибудь кроме меня? — почему-то задал я неджентльменский вопрос.

— А у тебя? — по-еврейски, вопросом на вопрос, ответила Лика. — Вчера ты меня просто ошеломил своим интеллектом и юмором. Ты помнишь, что в любви мне признавался? И вот можно сказать, я за ночь тебя полюбила. Ну а днем эта любовь только усилилась! — с улыбкой добавила Лика.

«Какое счастье, что я в своем дремучем Тбилиси так и не смог достать этих анаболических стероидов! — подумал я, — ведь я бы их стал принимать без раздумий, лишь бы побить мировой рекорд в жиме! Выходит, с Тамарой у Ульянова была одна видимость! Видать, сильно понадобилась ему вентиляция в коттедже, если пошел на такой риск — потерять реноме!»

— Сам-то ты как обошелся без этой гадости? — поинтересовалась Лика, — ведь вы силовики, поголовно сидите на допингах?

— В то доисторическое время, Лика, приходилось обходиться своим собственным тестостерончиком! — посетовал я. — Вот и результаты тогда были хилыми...

— Зато сейчас «нехилые»! — похвалила Лика и повалила меня на постель, совсем как Тамара ее мужа Ульянова. Естественный тестостерон тут же дал знать о себе, даже в «перевернутом» состоянии...

Вот так график мой еще более уплотнился. В ночь с понедельника на вторник Тамара Витольдовна, со вторника на среду ночной отдых с Олей (если она только позволяла мне это!), а в среду после лекций — Лика Ульянова. Вечером же в среду я бежал к Тамаре-маленькой.

Она стала с удивлением замечать, что я в первую ночь, а именно в среду, слабее, чем в следующую, то есть в четверг. Я объяснял это тем, что почти за целую неделю бездеятельности половая функция расстраивается — ее ведь тренировать надо!

— Так тренируй ее! — наивно посоветовала мне Тамара-маленькая, — я разрешаю!

— С кем это ты разрешаешь? — осторожно переспросил я ее.

— Как с кем? С Олей! Ты же с ней живешь в одной квартире, — удивилась Тамара.

— Ах, с Олей, — вспомнил я, — да разве с бывшей женой потренируешься! — посетовал я и решил больше не развивать эту тему.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

И наконец мой график в один прекрасный день уплотнился до предела. Предела как физического, вернее физиологического, так и временного: число еженедельно «обслуживаемых» дам достигло числа дней в неделю. А случилось это вот как.

Во вторник утром, часов в десять, после ночи с Тамарой Витольдовной я обычно посещал ИМАШ. Мы с Монею коротко консультировались по научным вопросам и хоздоговорной теме с предприятием Элика. Затем уже я шел либо к себе на работу,

либо в другие места. Вечер у меня был свободен, и я распорядился им как хотел.

И вот подхожу я к готическому сводчатому входу в ИМАШ на бывшей улице Грибоедова и вижу Тамару Ивановну. Вид у нее был настолько решительный, что я надумал ретироваться. Кто ее знает, как она может мне отомстить за разоблачение ее интимных связей с родом Ульяновых!

Но Тамара Ивановна быстро подбежала ко мне и... с ходу рухнула на колени. Вот так на коленях, обхватив руками мои ноги так, что я не мог и сдвинуться, она смотрит на меня снизу вверх и скороговоркой повторяет: «Не бросай меня, обещаю, что не брошишь!»

Ученый люд, идущий на работу в ИМАШ, сперва шарахался от такой душещипательной сцены, но потом замирал в отдалении и наблюдал, чем же все это кончится. А среди этого «люда» проглядывались и мои знакомые — известные русские и нерусские ученые.

Я быстро обещаю не бросать мою Тамару Ивановну, поднимаю ее с колен и завожу в ИМАШ. Уже там, на пятом этаже (где лаборатория Бессонова), в полутемном коридоре она попросила прощение за историю с «этим импотентом Ульяновым».

— Сорвалась, с кем не бывает! Очень уж он мне приглянулся своими мышцами. А внутри оказался гнилым — не мужиком вовсе.

— Ты не хочешь обсудить этот вопрос с его женой Ликой, она здесь, даже на этом этаже работает? — поинтересовался я.

— В любой момент! — глядя прямо мне в глаза, ответила Тамара.

Она также рассказала о новостях в ее жизни. Старый хрен Вагин был изгнан. Тамара получила прекрасную однокомнатную квартиру в новом доме у станции метро «Южная». И сказала, что любит она только меня и верна только мне (кто бы сомневался!). Приглашала зайти в гости, причем именно сегодня: есть неотложное дело и помочь могу только я. Уточнил у Тамары, опасное ли это дело и как мне планировать ночь (что сообщить Оле — приду я домой или нет).

— Сообщи, что не придешь, а не получится — узнаешь, по крайней мере, с кем она трахается, пока нет тебя дома! — посоветовала циничная Тамара.

Тамара наскоро рассказала мне, что уже на новой квартире она завела любовника по имени Дима, лет на десять моложе ее. А потом опять:

— Прости, прости, прости меня — сорвалась! Привязался он ко мне, как к матери. После работы приходит прямо ко мне домой, обедает, ужинает, спит у меня. Денег при этом не дает.

Сказал, что женат, детей нет; жена в длительной загранкомандировке, но вчера должна была приехать. А вечером этот Дима звонит и говорит, что все рассказал жене, и заявляет, что завтра хочет переселиться жить ко мне, даже чемодан упаковал. Мне он на фиг не нужен, да еще чтобы жил у меня как нахлебник, — возмущалась Тамара. — А потом позвонила женщина, представилась женой Димы и заявила, что придет ко мне завтра вечером к восьми часам вместе с Димой (она, видите ли, хочет выяснить, чем такая «старуха» приворожила ее мужа) и что она как жена будет за него бороться. Мне слова не дала вымолвить! Ты мне должен помочь, мы не один год знакомы, должны выручать друг друга. Мы откроем им дверь, я сделаю вид, что Дима мне незнаком, что все это какая-то авантюра. Тебя я представлю как мужа, ты возмутишься и прогонишь их. Вот и все дела! Ты же артист, тем более перевоплощаться в моего мужа тебе не так уж сложно!

Дом был рядом со станцией метро «Южная», седьмой этаж, квартира хоть и однокомнатная, но с большой кухней. В комнате — широченная кровать, отделенная ширмой; здесь же небольшой низкий стол с двумя креслами по обе стороны. На столе бутылка «Мадеры».

Я попробовал кровать — улегся на нее и попрыгал лежа. Удобная, импортная, матрас — ортопедический. Встал, откупорил бутылку, отпил немного, налил Тамаре. Узнал, что для гостей припасены еще две такие же бутылки.

— Что-то я давно не перевоплощался в твоего мужа, — задумчиво сказал я, — боюсь, что позабыл, не получится!

Тамара намек поняла, взглянула на часы — еще и шести нет. Времени для перевоплощения навалом! Ну, перевоплотились мы в супругов, так чтобы еще на ночь немного доперевоплотиться осталось. Я опробовал ортопедический матрас. Ничего не скажешь — удобно!

Встали; я надел Тамарин махровый халат, она — легкий шелковый халатик. На улице конец марта, весенняя грязь, а в квартире тепло и уютно. Не успели мы допить первую бутылку, как в дверь звонок.

— Открой ты, открой ты! — в ужасе заметалась Тамара.

Я грозно спросил: «Кто там?» и заглянул в глазок. Там виднелись искаженные фигурки высокого мужчины и маленькой полной женщины. Приоткрыв дверь, я спросил, кого им нужно все-таки?

— Тамару Ивановну! — как-то стервозно проговорила женщина, и я впустил их.

Гости выстроились вдоль стены, мужик поставил на пол чемодан. Тамара из-за моего плеча удивленно осматривала «пришельцев».

— Разговорчик к вам будет! — так же стервозно продолжала толстая баба.

— Томуля, тапочки гостям! — приказал я, и Тамара послушно принесла их.

Гости, раздевшись, переобулись, и я пригласил их на кухню. Мы сели за кухонный стол, и гость поставил на стол бутылку водки.

— Томуля, у нас в холодильнике «Мадера», достань, пожалуйста, да и рюмки с бокалами. Закуски какой-нибудь, да поскорее! — все приказывал я, а Тамара, как покорная жена горца, серой мышью бегала по квартире.

— Итак, чем обязаны? — спрашиваю я гостей.

Дима, высокий молодой мужчина, похожий на студента, очумело смотрит на меня; его жена — полная женщина, явно старше его, похожа на сову. Я так и прозвал ее про себя — «Совушка».

— Нам бы с Тамарой Ивановной, — проканючила Совушка, но я сурово прервал ее.

— Тамара — моя жена, а в доме хозяин — я. Все вопросы — через меня! — продекларировал я.

— Мне, конечно, неудобно, но мой муж Дима, — она указала на очумевшего студента, — любовник вашей супруги...

Тут уж пришла очередь очумевать мне. Я встал и, выпучив глаза, грозно вскричал, обращаясь к Тамаре:

— Это правда?!

Тамара же привычно падает на колени и обхватывает мои ноги, точь-в-точь как сегодня утром перед входом в ИМАШ. Лицо вверх, глаза молящие:

— Не бей меня, прошу, не бей, я не знаю этих людей, не бей меня, господин! — «в страхе» лепечет Тамара.

И тут вдруг случилось непредвиденное. Совушка тоже бросается на колени, подползает ко мне и, протягивая вверх белые полные руки, бубнит:

— Не бейте ее, простите, не бейте женщину, пожалуйста!

Дима застыл за столом, как соляной столб. А я рванул на себе халат, обнажив мышцатую и волосатую грудь, завопил благим матом:

— Всех порешу! И тебя, сучку, и хахаля твоего, и эту провокаторшу! Всем кровь пуцу! — и я ловко схватил со стола большой кухонный нож, которым Тамара резала колбасу.

Дима как сидел молча, так молча и рухнул на колени передо мной рядом с женой и любовницей. Этого я не ожидал. Надо было что-то делать. Я скинул с себя халат и зашвырнул его в угол. В одних плавках, играя мышцами, я поворачиваю нож острием к себе.

— Или себя порешу, раз вы все такие культурные! — заорал я, неумело пытаясь ткнуть себя ножом в живот, но подскочившие Тамара и Совушка не дают мне этого сделать. Они хватают меня за руку и пытаются вырвать нож. Побледневший Дима молча стоит на коленях, не в силах ничего предпринять.

Смех душит меня, и я могу испортить весь эффект. Я бросаю нож на пол и, закрыв лицо руками, захожусь в рыданиях, то бишь в диком хохоте. Бегу в комнату и кидаюсь лицом вниз на постель. Тамара мигом откупоривает бутылку «Мадеры» и мухой несет ее мне. А гостям приказывает:

— Садитесь за стол! — и те срочно подчиняются.

Я отпиваю вино из горла и вопросительно смотрю на Тамару. Та шепчет мне на ухо:

— Ты велик! Ты — Качалов, да нет — Мочалов, да нет, бери повыше — сам Щепкин Михал Семеныч! Но — заканчивай перевоплощение, а то дойдешь до Отелло!

Я отпиваю еще и кричу: «Халат мне!»

Выхожу к гостям на кухню с початой бутылкой в руке и спрашиваю Тамару, указывая на Диму:

— Ты знаешь его?

— Нет, господин, в первый раз вижу!

— А ты ее? — спрашиваю я на сей раз Диму.

— Да нет, откуда, впервые сейчас вижу! Жена до подлости довела — подавай ей любовницу или развод! Не верит, что я один жил, ее только и ждал! А телефон и адрес Тамары Ивановны у меня были в книжке записаны, она наш консультант по вентиляции в институте. Думаю, она женщина с юмором, простит, а тут на мужа напоролась! Простите великодушно, что так поступили с вами!

И супруги опять рухнули на колени.

— Хорошо, на сегодня прощаю! — свеликодушничал я. — Но вы играли в опасную игру! Вам повезло, вы напоролась на интеллигентного человека. Не рискуйте так больше! А теперь давайте выпьем мировую! — и я налил по полному стакану водки Совушке и Диме. Нам с Тамарой — по такому же, но мадеры.

— За любовь! — проревел я. — И пусть на дне этих стаканов останется столько капель, сколько мы желаем друг другу зла!

Дима проглотил водку, и Совушка, давась, выпила все. Для нас же с Тамарой стакан мадеры — дело привычное. Я разлил остаток водки супругам и заставил их выпить. Дальше мы стали пить мадеру. Скоро мы все перецеловались и даже запели что-то.

— А может быть, нам устроить «айнэ кляйнэ групповухэн», — попытался предложить я, но Тамара вовремя закрыла мне рот ладонью.

Внезапно Совушка стремглав сорвалась с места и бросилась в туалет. Но не успела: похвалилась в углу выпивкой и закуской. За ней кинулся Дима, подхватил ее за спину одной рукой, чемодан — другой, и супруги исчезли за дверью. Я в глазок наблюдал, как Совушка уже на площадке продолжала свою похвальбу едой и питьем.

Но эту «похвальбу» Тамара прибрала только утром. Мы слишком выложились на перевоплощении, организм требовал разрядки и отдыха. Цель была достигнута — Дима с супружницей исчезли и больше о себе не напоминали.

Решил я для присмотра за Тамарой, чтобы она больше богатых дедов и бедных студентов не кадрила, ходить к ней по вторникам. Вместо Оли, для которой у меня теперь оставалась только одна пятница.

СПЛОШНЫЕ СЮРПРИЗЫ

Получил я встряску от Тамары Ивановны, подошел черед Лики. Первые две встречи с ней прошли на высоте, я почти влюбился в нее. Ученый человек — и в койке грамотен. Лика научила меня многому, чего я в свои сорок с лишним лет просто не знал. Порнофильмы тогда только стали появляться, да и то без особых «излишеств», а у меня даже «видака» своего не было. Что-то удавалось посмотреть у Маши в Красногорске, но в общем я был, конечно, профаном в «вычурном» сексе.

Лежим мы как-то с Ликой голова к голове. А она вдруг начинает поворачиваться ко мне «вальтом», ногами к голове то есть. Я поворачиваюсь за ней, ну, думаю, подушка ей высока или что другое мешает. Но она смеется — замри, лежи так! Только после я понял, что она хочет вытворить, моя ученая выдумщица! «Такой способ, — говорит, — “шестьдесят девять” называется, только произносится по-французски».

Ну и разные другие штучки, от которых дети уж никак родиться не смогут, тоже показала.

«Эх, — думаю, — если бы в Азии и Африке народ был бы научен всему этому, то никаких противозачаточных средств не надо, и демографические проблемы сами собой бы решились!»

Я думаю, что спад рождаемости у нас в конце 80-х и начале 90-х годов был связан именно с распространением порнофильмов и обучением простого народа нетрадиционному сексу. В Китае и Индии бы такие курсы ввести — сразу упадет рождаемость!

Но я, кажется, заболтался. Так вот на третью встречу Лика прибегает, запыхавшись, проскакивает мимо меня и, не оборачиваясь, бросает на ходу: «Иди за мной». В лифт сели порознь,

а к квартире Люды я подошел один. Дверь открылась, и Лика втащила меня в квартиру.

— Меня один тип преследует, — пожаловалась она, — проходу не дает.

— Может, набить ему морду? — простодушно предложил я, но Лика прервала меня.

— Фу, как грубо, точно как мой Владик! — фыркнула она. — Да что с вами, «силовиками», тонкие проблемы обсуждать. Вы все только одно и знаете: «морду, морду!».

Лика засмеялась и, поцеловав меня, пригласила в постель. Меня все время мучил вопрос: что, подруга Люда спала на том же белье, что и мы? Или Люда сама меняла это белье? Потому что Лика никогда не перестилала постель. А потом меня взяло сомнение: а есть ли вообще «подруга Люда» или, что вероятнее, Лика сама снимает эту недешевую квартиру? Но неужели только для встреч со мной? Этот вопрос, вернее, его вторая часть, разрешилась сама собой. Потому что не успели мы еще разыграться как следует, в дверь позвонили.

Лика приподнялась и встревоженно прислушалась. Звонки настойчиво повторялись, причем по какому-то коду, вроде азбуки Морзе. Она встала и накинула халатик. Лика открыла дверь и тут же захлопнула ее. Вошла с кем-то на кухню, слышался взволнованный быстрый разговор.

«Люда пришла домой за чем-то», — мелькнула у меня мысль, но «Люда» почему-то разговаривала совсем не женским басом.

Наконец ко мне заходит моя раздумянившаяся «монашка» и, целуя меня, предлагает принять к нам в «компанию» третьего.

— Это очень хороший, чистый мальчик! Ты его, наверняка, видел в ИМАШе. Я ему не могу, не имею права отказать! Потом все расскажу!

Я вспомнил «оргии» с Эликом и его дилетантками. Это же мука одна! Нам приходилось все делать по очереди. Сперва, конечно, Элик — как хозяин, потом уже я — как «кооптированный». А сейчас, когда хозяйка — Лика, как будет строиться очередь?

Но очереди не потребовалось. В комнату вошел, застенчиво улыбаясь, абсолютно голый аспирант Витя из соседней лаборатории.

— Здравствуйте, профессор! — зардевшись, пробормотал он, и мы пожали друг другу руки.

А мастерица Лика уже расставляла нас на кровати друг перед другом, как шахматные фигурки, правда на коленях, а затем и сама «втиснулась» между нами. Мне понравилась моя позиция по отношению к Лике — она была уважительной для меня. Я понял это и улыбнулся Лике. Она понимающе подмигнула мне, и действие началось.

Потом, уже насмотревшись нескромных фильмов, я понял, что все у нас было как по-писаному; видимо, Лика имела доступ к генеральской фильмотеке и хорошо изучила ее.

Но окончание акции было не так уж обычно. Я, пардон, успел завершить свои дела пораньше и «выпал» из творческого процесса. Лика мигом развернулась на спину, обхватила Витю ногами за талию и притянула к себе. Руки она положила себе за голову, а подбородок задрала кверху, закатила глаза и тихо постанывая, задавала темп.

Эту фантастическую картину я помню до сих пор. Она мне здорово помогает, когда в общении с дамами вдруг сил не хватает. Витя своей короткой белокурой бородкой водил по шее Лики, по ее маленьким упругим грудям с розовыми сосками. Он целовал ее в раскрытый рот, в глаза, в шею, покусывал за поднятый нежный подбородок. А функциональные части тела продолжали свою ритмичную работу, словно отделившись от всех этих «телячьих нежностей».

Вдруг Лика резко приподняла голову, глаза ее широко раскрылись, взгляд был отрешен и направлен куда-то в пространство. Обхватив Виктора руками за спину и царапая до крови острыми красными коготками, она стала притягивать его к себе. Судорожные стоны, совсем не коррелирующие с ангельской внешностью Лики, огласили квартиру. А тут к этой «музыке» прибавились скромные, явно сдерживаемые, басовитые нотки ее бородатого молодого партнера.

Я, как законченный вуайерист, зачарованно наблюдал за этим необыкновенно красивым, полным божественной эстетики зрелищем. Я запоминал его малейшие нюансы, чтобы вспоминать потом. И, как оказалось, не зря!

Как говорится в народе, кончил дело — гуляй смело! Лика, закончив, по-видимому, очень важное для нее дело, разгулялась. Она велела нам приодеться, посадила за стол, налила вина и поставила закуску. Я по ходу дела поинтересовался диссертационной работой Виктора, дал ему ряд полезных советов. Лика корректно попросила нас «не болтать лишнего» в институте и, заявив, что сегодня ей все понравилось, предложила встречаться по средам вместе.

— Как скажет профессор, — снова зардевшись, как гимназистка, произнес аспирант Витя, — он здесь старший, ему решать.

— Интересно, — обиделась Лика, — а я кто здесь?

— Ты самая младшая, самая красивая и беззащитная, — отвесил я неуклюжий комплимент, — мы оба будем верно служить тебе и защищать от невзгод, как родную сестру!

Лика, проворчав что-то про неуместность термина «родная сестра», осталась довольна подтверждением нашего статуса.

Тем же вечером я навестил Тамару-маленькую, и от нее тоже получил «сюрприз». Ну, не могут дамы обойтись без маленьких сюрпризов, ничего не поделаешь!

Всегда спокойная и невозмутимая, Тамара была как-то необычно возбуждена, казалось, даже немного пьяна. Мы выпили еще, а когда дело дошло до койки, Тамара вдруг предложила мне сегодня лечь... «вальтом»! Я, вспомнив Ликиного «вальта», или «шестьдесят девять», ужаснулся развращенности моей маленькой приятельницы, но дело, как оказалось, обстояло даже хуже.

— Я виновата перед тобой, — опустив голову, как проштрафившаяся школьница, сообщила Тамара, — я изменила тебе сегодня! Шла по двору, а там один мужик выгуливал собаку. Я спросила, что за порода, то да се, а он пригласил меня к себе на чай. Кстати, он в нашем доме живет, — обрадовала меня Тамара. — Оказалось, что не на чай, а на коньяк, и все остальное получилось само собой, очень неожиданно... Мне теперь неудобно перед тобой, я не знаю, как правильно поступить...

— Но, по крайней мере, не спать же «вальтом», как импотенты или развратники. Что призналась — правильно сделала! Но в дальнейшем постарайся сдерживать себя, не иди на скорые компромиссы с нравственностью. А то одна мисс так часто шла на компромисс, что он у нее превратился в компромиссис! — процитировал я известный каламбур. — Но если этот хмырь «наградил» нас чем-нибудь, придется, конечно, ему морду бить!

— Нет, он порядочный человек, женатый! — горячо вступилась за своего «новенького» Тамара.

«Плохо, конечно, что она "слаба на передок", — подумал я, — но хорошо, что хоть признается! Выбирать не приходится, надо воспитывать коллектив, какой есть!» — вспомнил я свою преподавательскую деятельность.

Я понял, что у меня нынче неделя сюрпризов и приготовился к Олиному «выходу». И, конечно, оказался прав. Придя домой в пятницу вечером, я не обнаружил ни Оли, ни записки. Правда, исчезла со стены и гитара, что меня немного успокоило. На ночь моя бывшая жена не явилась. С одной стороны, это хорошо, я хоть разок в неделю выплыву без исполнения своих «бывших» супружеских обязанностей. Но с другой стороны, могла бы хоть записку оставить или позвонить наконец. Вот если бы я пропустил «нашу» пятницу и не явился домой, какой был бы скандал!

«Всем можно несерьезно относиться к своим обязанностям, кроме меня! — возмутился я. — Вот и я тоже тогда начну сачковать и пропускать свидания!»

В довершении этой недели сюрприз, правда, приятный, преподнесли мне Маша с Луизой. Муж Луизы уехал в командировку

ку на несколько дней, и она осталась у Маши на воскресенье. Мои дамы встретили меня вместе, в соблазнительных пеньюарах и слегка под хмельком. Мечта кочующего прелюбодея!

Ночь мы провели вместе, благо ширина кровати позволяла. Цвет волос в темноте не различишь, а по комплекции Маша и Луиза совпадали. Так что я всю ночь путался, и это забавляло моих дам. Они даже новую игру придумали. Задернув плотные шторы, мы обеспечили в комнате почти полную темноту. И я должен был назвать имя прелестницы, с которой в данный момент общался. Зажигали свет, и если я оказывался прав, то продолжал общаться с ней же. Если ошибался, то переходил в собственность к той, чье имя называл. И много других милых шалостей придумывали мои изобретательные дамы, чтобы порадовать меня, себя, да и полезный опыт на будущее приобрести!

МИСС ГРОЗНАЯ

Чемпионом по преподнесению мне сюрпризов была все-таки, конечно, Тамара Витольдовна, чего с первого взгляда и не скажешь. Такая красивая, умная и хозяйственная! Но, как оказалось, стержовности ей занимать не приходилось, и это был ее главный недостаток. Прежде всего это касалось ее поведения в постели. Она была там настоящим эгоистичным диктатором. Об ее эгоизме, вернее даже нарциссизме, говорило хотя бы то, что на мой довольно часто задаваемый вопрос (чаще всего именно в постели): «Томка, ты меня любишь?», она садистически отвечала: «Нет! Я однолюбка и уже успела полюбить!» «Кого?» — возмущался я, прекращая телодвижения. «Успокойся, себя!» — говорила она мне с улыбкой инквизитора, и я, успокоившись лишь отчасти, снова возобновлял свою деятельность.

С одной стороны, в постели с ней было легко — нужно было только полностью утратить свою инициативу. Делай, как приказано, — и все! Например: «Энергичнее! Перевернись на спину! Теперь обратно! Опускайся ниже! Еще ниже, деревня! Вот так, молодец! Теперь перевернись! (недоумение: «а я уже разок ведь переворачивался?») По-другому перевернись, аул кавказский! А еще профессор! А теперь снова перевернись и меня саму переверни! Как, как — на животик, забыл, что ли?»

После традиционно бурного завершения (с ее стороны!) этого сложного, изощренного, но прекрасного действия, Тамара несколько минут лежала неподвижно, а потом обычно говорила:

— А теперь спать, мне утром на работу!

— А я? — следовал мой возмущенный вопль.

— А я, а я... — следовала пошленькая присказка в рифму и приказ не шевелиться, а то...

Это «а то!» могло быть и переводом в другую комнату на досыпание, а то и вообще изгнание среди ночи на улицу. Однажды я осмелел и после такого «одностороннего» акта заявил своей жесткой партнерше:

— Томуль, я тебе новое имя придумал — Эмис!

— Это почему же Эмми? — заинтересованно переспросила Тамара.

— Не Эмми, а Эмис — «эгоистичная мастерица изощренного секса», — смело расшифровал я аббревиатуру «Эмис», уже готовясь к репрессиям.

«Эмис» оценила мое творчество и внимательно посмотрела на меня своим раскрытым правым глазом (я лежал обычно справа от нее), не решив еще, видимо, наказывать или поощрять меня за творчество. Я замер, как кролик перед очами, вернее одним правым оком, удава, ожидая своей участи.

Однако на сей раз глаз любимой женщины миролюбиво закрылся, Тамара повернулась ко мне спиной и милостиво разрешила:

— Ну, давай, если не передумал, только скорее!

Я согласно закивал головой в темноте и быстро приспособился к предложенной мне позиции, кстати, не такой уж плохой. Этот тайм (гейм, раунд и т. д.) был если не самым кратким, то, по крайней мере, одним из самых оперативных в моей жизни — я все боялся, что моя Эмис передумает.

— А знаешь, — вдруг слегка повернувшись ко мне, прошептала Тамара, — лучше называй меня просто «Мисс» — «мастерица изысканных сексуальных страстей». Не такая уж я «эгоистка», чтобы специально отмечать это. И слово «изощренный» чем-то напоминает «извращенный», «изысканный» — лучше. А «Мисс» — это даже как-то по-молодежному. К тому же я ведь действительно «мисс», ты же меня замуж не зовешь?

Я понял, что мне сейчас лучше всего тихо заснуть... Деспотизм моей мисс Тамары особенно касался вопросов выпивки. Когда я приходил к ней в понедельник вечером, то имел право принести только бутылку шампанского, больше не позволялось. И беда, если я позволял себе выпить самостоятельно, как говорят, «на вход». Никакие уловки не помогали, и Витольдовна, учуяв запах спиртного, изгоняла меня из квартиры на радость Оле.

Оля, кстати, объявилась на следующей неделе после исчезновения. Но где обитала, так и не сказала. Я обзвонил известных мне подруг, ее тетю, Моню, но нигде ее не оказалось. Мне, правда, посоветовали не волноваться, ибо такие внезапные «уходы» за ней и раньше водились.

Я проявил максимум изобретательности и все-таки обманул алкогольную бдительность Витольдовны. Купив в аптеке про-

даваемую тогда без рецепта спиртовую настойку травы стальника крепостью в 70 градусов, я припрятал с десяток пузырьков глубоко под ванну. А за ужином, уже выпив вместе с Тamarой по бокалу шампанского, я «пачкался» каким-нибудь соусом и отправлялся в ванную мыть руки. Там, открыв кран, я с быстротой молнии лез под ванну, доставал пару пузырьков настойки и залпом принимал ее, запивая водой из-под крана. Пустые пузырьки же запихивал обратно под ванну, только в другой конец. Выйдя из ванной, я сидел за стол довольный и продолжал допивать шампанское.

— Что это тебя с бокала шампанского так развезло? — подозрительно приняла ко мне Витольдовна, но «не пойман — не вор!».

Однако, сколько веревочке не виться, а конец, известное дело, будет. Обнаружила моя мисс все мои пузырьки с остроумной латинской надписью: «Тинктура онанидис» (это по-латыни и есть «Настойка стальника») и предъявила их мне. И сколько я ни убеждал строгую даму, что «тинктура онанидис» — это лекарство от онанизма, которое мне прописал врач, не помогло. Я был изгнан, но через несколько дней помилован и призван снова.

— Только без своих «онанидисов» на спирту, — предупредила строгая кураторша, — уж лучше не лечись от онанизма!

После этого случая я дал ей прозвище «Грозная». Тамара Грозная, или Мисс Грозная, так и называл.

Только и мы ведь не лыком шиты — свое соображение имеем! И я снова придумал, как перехитрить мою тираншу. Сажу как-то за столом, ем изысканные закуски, а в рот не лезет! Выпить страсть как хочется! И я набираю номер телефона Мони.

— Друг у меня заболел, надо спросить про здоровье! — поясняю я моему куратору.

— Моня, как здоровье? — спрашиваю я, услышав его жующий голос в трубке. — Что, скорая помощь? И дома никого нет? Погоди, я через полчаса — у тебя!

— Ты что с ума сошел, какая скорая помощь? — испуганно бормочет по телефону Моня, но я уже лечу к нему.

— Томочка, с другом плохо, надо спешить! Я скоро приду, он рядом живет! — одеваясь, информирую я Тамару.

— Попробуй только нажрись там, увидишь у меня! — уже на лестнице предупредила меня грозная мисс Тамара.

Я только рукой махнул и сел в лифт. От «Кунцево» до «Филевского парка», как говорят в народе, «рукой подать и ногой поддать». Минут через двадцать я уже звоню Моне в дверь.

— В чем дело, ты что, с ума сошел...

— Сойдешь тут, — перебил я его, — когда ни капли выпить не дают. Что у тебя есть?

— Ты же знаешь — стальник в избытке! Сколько? — поделовому подошел к вопросу Моня.

— Моня, дорогой, я у тебя видел стеклянную кружку Эсмарха, далеко ли она? — спешно откупоривая пузырьки, спросил я (для тех, кто не знает: кружка Эсмарха — это емкость для клизмы).

— Ты что, шизанулся, зачем тебе кружка Эсмарха? — удивился Моня, но кружку достал.

Я залил туда грамм триста настойки стальника, разбавил таким же количеством воды, попробовал прямо из кружки на вкус и, закрыв краник на клистире, ввел последний куда следует.

— Теперь себе налей, я же не алкоголик, чтобы пить один! — потребовал я.

— У меня нет второй кружки Эсмарха! — взвизгнул ошалевший Моня.

— Зачем? Зачем тебе кружка Эсмарха? Ведь у тебя нет ненормальной бабы, которая не позволяет тебе выпить. Ты — счастливый человек, у тебя сейчас вообще нет бабы! Никто не экспериментирует над тобой, никто не командует тобой, никто не изменяет тебе, никто не исчезает из дома на ночь! Пей, дорогой, как человек, — из стакана! — произнес я пылкий, но выстрадаанный монолог.

Мы чокнулись с Мoneй, он своим стаканом, я кружкой Эсмарха; я открыл краник и поднял кружку повыше.

— О, я понял! — вдруг взволнованно прокричал Моня, — я сделал открытие! Вот почему в старых песнях поют: «Поднимем кружки!» Видимо, в старину все делали так, как ты сейчас, и чтобы жидкость пошла в организм, поднимали кружки, как и ты! Но я не понимаю, зачем тебе понадобилось пить таким странным способом?

— Потому, что и у тех древних мужиков, как и у меня сейчас, бабы были садистками и не позволяли выпить, а по прибытию домой — обнюхивали. А этому способу меня знакомый шофер научил из Тольятти. Ни один гаишник не мог догадаться, пока кровь на пробу, наконец, не взяли. Действует сильнее и запаха нет!

Я дождался, пока вся жидкость вытечет из кружки, потом вымыл ее и положил на место.

— Ты хоть закуси, там же больше пол-литры! — и Моня протянул мне здоровенный огурец.

— Не влезет! — заявил я, критически взглянув на габариты огурца.

— Извини, зарпортовался! — пробормотал Моня. — А ведь выгодно — и закусывать не надо!

Я бегом бросился в Кунцево, ведь спиртное, употребленное таким образом, действует гораздо быстрее, чем через желудок. Когда я звонил в дверь Тamarы, меня уже хорошо «забрало».

— Нажрался! — с кровожадной улыбкой констатировала мисс Тамара Грозная.

— Постыдись, филолог, — тихо ответил я ей, — Моню без лифта на горбу тащил — не полезли носилки в лифт и санитары стали уезжать. А человек умирает — с животом что-то у него. Ну, взвалил я его себе на спину и потащил по лестнице! Устал, еле хожу, а ты: «нажрался, нажрался!» Можешь обнюхать, если не веришь!

Тамара Витольдовна деловито приказала: «Дыхни!» и повчарочьи обнюхала меня.

— Извини, погорячилась! — признала свою ошибку Витольдовна и ласково пропустила меня к себе в квартиру.

«Знала бы, дурочка, где нюхать надо, по-другому бы заговорила!» — мелькнула у меня крамольная мысль, но я тут же отогнал ее.

Еще один сюрприз устроила мне Тамара Витольдовна уже в октябре, и в городе Киеве. Предыстория такова. Защищал диссертацию у нас в институте мой старый приятель из Киева Юра Дзюба. Я был у него оппонентом. Диссертация сама по себе была хороша, да и Юра был моим хорошим приятелем, так что расхваливал я его на защите как мог. Мне даже нарекание от Совета было: «оппонент» для того, чтобы критиковать, а не расхваливать.

Одним словом, защита прошла блестяще, и Юра пригласил меня к себе в гости в Киев.

Кстати, тем летом мы с Тамарой Витольдовной уже были в Киеве, погостили у Оси Юдовского, там же, где раньше я останавливался с Тамарой Ивановной. Конечно же, мне пришлось «отпрашиваться» у Оли и Тамары-маленькой, дескать, друга навестить надо.

А Тамара Ивановна сама отпросилась у меня на Чегет, где стала бывать последнее время. К Маше как раз приехал «на побывку» ее муж-капитан, причем на все лето. Лика же, как замужняя женщина, поехала со своим генералом куда-то в военный санаторий. Страсть как не хотела ехать, но брак обязывает!

Вот мы и провели лето в Киеве. Конечно же, характер свой Тамара Грозная проявляла, но выгнать меня из Осиной квартиры уже не могла. Более того, в Киеве она была подчеркнута деликатной, уступчивой и ласковой. Прикидывалась, конечно же, по необходимости! Но ей настолько понравилось в Киеве, что она упросила меня взять ее с собой еще раз в октябре, как раз после Юриной защиты.

Мы остановились у Юры в его однокомнатной квартире в девятиэтажном доме на Нивках, а сам Юра на время нашего пребывания ушел жить к другу. Только просил присмотреть

за его собакой Найдой, которую к другу было взять нельзя. Мы выпили, конечно, у Юры; он пробыл с нами до позднего вечера, чуть ли не до полуночи, а потом уехал. Я вышел во двор в майке и спортивных брюках проводить Юру, а заодно выгулять собаку.

Найда сделала свое дело, и мы пошли обратно домой. В подъезде я остановился, а куда дальше идти — не знаю! Ведь я не только не посмотрел на номер квартиры, а даже этажа не запомнил! Зрительной памяти — никакой, а кроме того, я сильно «набрался». Сели в лифт, я пытаюсь поднять Найду, чтобы она хоть носом ткнула в нужную кнопку, но она только визжит и отбивается.

Вернулись на улицу: я знаю, что у Юры балкон выходит во двор, что этаж не первый и не последний. А какой — хрен его знает, балконы все одинаковые. Начинаю кричать, задрал голову: «Тамара, Тамара!» На балкон вышли две тетки: «Чего надо?»

— Ничего, я свою Тамару зову, — отвечаю я.

— Ты не ори среди ночи, а поднимись к своей Тамаре и там с ней разговаривай! А то милицию вызовем!

Тогда мы снова зашли в подъезд — на дворе нулевая температура, весь дрожу от холода. Найда испуганно смотрит мне в глаза и подвывает. Что делать, садимся в лифт и останавливаемся на каждом этаже. Выходим в длинный коридор, подвожу собаку к каждой двери — вдруг узнает квартиру.

Наконец на пятом этаже Найда уверенно свернула направо и пошла в самый конец коридора. Звоню в дверь, готовый к извинениям, но дверь открыла злорадно улыбающаяся Витольдовна.

— Что, пьянь, орешь во дворе? Номер квартиры не мог запомнить? — стала она мне, замерзшему, выговаривать. Найда аж залаяла на нее.

— Ты слышала, как я тебя зову, и не вышла на балкон? Я же замерзнуть мог! — поразился я

— Одной пьянью меньше было бы! — неосторожно ответила Тамара и схлопотала по синяку под каждым глазом. Правда, они проявились только утром.

Я расвирепел от такого предательства и стал одеваться, чтобы уйти. Куда, и сам не знал, только бы подальше от нее. Тамара же, сделавшись неожиданно ласковой, еле удержала меня, подводя прямо к койке.

Наутро, когда к нам зашел Юра, она уже рассмотрела свои фингалы и очень переживала. Юра успокаивал ее, но втайне был на моей стороне — это же надо, на балкон не выйти!

Ничего, купим большие темные очки и догуляем неделю в Киеве. Потом она даже вспоминала об этой поездке с удовольствием.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

И самый таинственный, я бы сказал даже, мистический сюрприз от Витольдовны случился как раз в Новый 1982-й год. Объявив всем своим дамам, что опять еду на традиционный подледный лов рыбы, сам поехал на встречу Нового года к Витольдовне.

К слову, мой женский коллектив ни численно, ни персонально не изменился; поведенчески все продолжалось почти в прежнем духе, даже дни «посещений» не изменились.

На новых женщин я уже смотреть не мог. Вернее, мог, если сказать по-английски «мэй» — в смысле «желал». А вот если сказать по-английски «кэн» — ну никак не мог чисто физически!

Сами войдите в мое положение, и поймете — это же турецкий султан со своим гаремом! Были, правда, преимущества: содержать этот весь гарем не приходилось, но присутствовали и недостатки: все «жены», кроме двух, жили в разных местах и ничего не знали друг о друге. Только Оля была обо всех слышана и живо интересовалась моей сексуальной жизнью. На всякий случай я ее предупреждал, что кому говорить, если позвонят.

А красивую Иру, секретаря нашей кафедры, не предупредил (Заратустра не позволил), и получались курьезы. Как-то пока я был на занятиях, мне позвонили.

— Вам жена звонила, просила перезвонить домой! — невозмутимо сообщает Ира.

Я смотрю на нее вопросительно и осторожно спрашиваю:

— А она не представилась?

Ира, не меняя выражения лица, уточняет:

— У вас что, несколько жен?

Мне приходится ловчить, говорить, что с одной я уже развелся, но она **еще** меня своим мужем считает, а на второй только хочу жениться, но она **уже** считает меня своим... Я посоветовал Ире как-нибудь похитрее узнать имя жены, если она позвонит еще.

— Вам звонили две жены, и обе Тамары, причем с разными голосами! — уже волнуясь, сообщает мне Ира на следующей перемене.

— Черт побери, что же делать? — спросил я у Иры. — Посоветуйте же хоть что-нибудь.

— Я советую попросить их называть номера телефонов, по которым надо звонить! — высказала гениальную мысль Ира.

Я чуть не расцеловал ее за такую мудрость.

— Итак, если в дальнейшем позвонит жена и попросит перезвонить домой, спрашивайте ее, пожалуйста, номер домашнего телефона. У профессора, дескать, трудности с памятью и он просит напомнить номер! — поучал я Иру, и она без улыбки воспринимала это.

Когда мы с Ирой сейчас, спустя двадцать лет, вспоминаем это — ухохатываемся! Но я немного отвлекся от встречи Нового года у Тамары Витольдовны.

Она кроме меня позвала еще двоих гостей — молодых супругов. Выпивки было много (сам тащил), и все начиналось не плохо. Как часто пишут: «Ничто не предвещало беды». Так как вина было много, а запретов не было вообще, то я, конечно же, нажрался в свое удовольствие, и нажрался по-черному, в стельку, как сапожник, до чертиков, по-пороссячьему, до потери пульса... Еще нужны синонимы? И устроил дебош с рукоприкладством. Это у меня бывает редко, но если случается, то протекает очень эффектно.

Последний раз, сильно нажравшись, я устроил добрый дебош в ресторане «Чернигов» в Киеве во время летнего пребывания там с Тамарой Грозной. Дрались все — и стар и млад, причем все со всеми. Мне удалось в одном конце зала скорчить из себя «бедного еврейчика» и жаловаться, что меня обижают. В другом же конце зала я изобразил из себя крутого антисемита и призывал устроить «им» показательный погром «для науки».

Тамара вовремя сбежала с поля боя и наблюдала его со стороны. Она то плакала, то истерически хохотала, наблюдая за побоищем. Получив пару затрещин и разбив в кровь кулаки о чьи-то «физиномордии», я ретировался и, стоя рядом с Тамарой, тоже наблюдал бой со стороны.

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» — так писал Руставели, но в данном случае он был бы не прав. Я, хоть и наблюдал теперь бой со стороны, несомненно, был его организатором и стратегом. И я же, сбежав в ближайшее отделение милиции, первым сообщил о побоище в «Чернигове». То есть я одновременно стал и миротворцем. Если кто помнит это побоище летом 1981 года в ресторане «Чернигов» (что в Киеве на Виноградаре), то знайте же, кто его автор!

Но дебош на квартире у Тамары вызвал бегство наших гостей, и моя грозная мисс гонялась за мной по квартире с туалетным ершом в руках. Тогда я надел свою мохнатую шубу, шапку, и, чтобы как-то развеселить Тамару, стал одетым под душ, как Ипполит из знаменитой кинокомедии.

Это хоть и развеселило Тамару, но, будучи грозной, она все-таки вытолкала меня за дверь квартиры, отхлестав по лицу унитаэным ершом. Время — без четверти двенадцать, скоро должны бить куранты. Поливая лестницу горячей водой, стекающей с моей шубы, я вышел на улицу, надеясь найти хоть какой-нибудь транспорт. А там — около тридцати мороза! Что делать? Возвращаться? Никогда! Меня избили по лицу дерьмовым унитаэным ершом! Меня — мастера спорта, гордого русского ученого!

Я присел на скамейку возле подъезда, поднял мокрый воротник шубы и... забылся.

Очнулся я, лежа лицом вниз на каком-то мокром коврикe. В спину веяло холодом, а над головой сетевое радио передавало бой курантов. Я прислушался: «Поздравляем с Новым годом!» — весело проговорили чьи-то голоса по радио.

С трудом приподнявшись на колени, я обнаружил себя... в своей собственной квартире на Таганке. Я лежал на коврикe в прихожей; входная дверь была открыта настежь, и ноги у меня даже высывались за порог. На стене орало радио.

Я встал на ноги, захлопнул дверь, снял с себя шубу и шапку. Интересно то, что мокрая шуба нисколько не застыла, на ней не было ни сосулек, ни снега. Если я вышел, вернее, был изгнан, из дома Тамары без четверти двенадцать, минут десять я прокантовался на улице, на скамейке, то на весь путь от Кунцево до Таганки я затратил около пяти минут! Да за такое время и на реактивном самолете не долетишь!

Я так испугался, что почти протрезвел. Звоню по телефону Тамаре, которая вытолкала меня из квартиры всего пятнадцать минут назад. Она хватает трубку и спрашивает, где я. Говорит, что тут же за мной выбежала на улицу, но никого поблизости не обнаружила.

— Ты не поверишь, — сам не веря себе, говорю я, — звоню тебе из моей квартиры на Таганке.

— Опять врешь! — жестко заявила Тамара Грозная.

— А ты проверь, перезвони мне! — предложил я и повесил трубку.

Через минуту раздался звонок. Изумленная Тамара убедилась, что я за пять минут перелетел почти через всю Москву.

— Такого не бывает! — медленно произнесла она, конечно же, не веря в реальность происшедшего.

— Сам знаю, что не бывает, но объяснить не могу! Пока! — закончил я разговор и повесил трубку.

Я разделся, принял горячий душ, повесил сушить мокрую одежду.

Наведя справки, я обнаружил, что такие «телепортации» — не редкость, и им есть даже научное объяснение. Но сейчас приводить его — не время и не место.

ВОЗВРАТ К ПРЕДПОСЛЕДНЕЙ

Ночами, вечерами, а иногда и днями — мои любимые дамы. Всем — забота, внимание, любовь. «Всю неделю вкалывал и вот сегодня вырвался наконец к тебе!» — этой фразе они почему-то верили. Кроме Оли, которой уже поднадоел постоянный

состав «сводных сестер» и которая горячо советовала мне обновить его. Я же им был очень доволен и все бегал по заветному кругу.

Когда я впервые посмотрел фильм Георгия Данелия «Осенний марафон», я частично узнал в его герое себя. Но мне бы его заботы! У него и баб-то было в четыре раза меньше, и хоздоговоров не было, и научную работу он вел хилую, да и то сроки срывал! Мою «двужильность» я объяснял спортивным прошлым, а также умением все делать быстро. «Бис дат, кви цито дат!» (Латынь: «вдвойне делает тот, кто делает быстро!»)

Статья занимала у меня не больше дня, заявка на изобретение — тоже. Книгу среднего размера я писал (по готовым, конечно, материалам) месяца два, но много времени шло на работу с редактором и художником. Отчеты по хоздоговорам, все оптом, писал примерно недели две. А остальное — это каждодневная жизнь и текущие заботы, победы и поражения. И не знаю, выдержал бы я такую нагрузку, если бы не сильнейшая релаксация с моими любимыми дамами! Будь у меня одна, хоть сама Мэрилин Монро, надоела бы тут же! Даже с моей любимой Витольдовной, которая скучать не давала, месяца не выдерживал, что в отпуске, что дома.

Случилось в этом году так, что муж Маши должен был приехать в конце мая и быть в Москве аж до конца августа (он брал отпуск обычно на лето). Тамара-маленькая отправилась в пионерлагерь, расположенный в селе Ивановское, что возле известной теперь своими водами и водками Черноголовки. Лику муж забрал в санаторий в начале июня. Оля в это же время отправлялась отдыхать с тетей и ее семьей. Тамара Ивановна, как обычно — на Чегет, и осталась в Москве у меня только мисс Витольдовна. Кстати, дочку она тоже отправляла в конце мая в пионерлагерь.

А к тому времени почему-то моей мисс приспичило стать миссис: «Уж, замуж, невтерпеж — пишутся через «ж» без мягкого знака», как написано в учебнике по правописанию русского языка. Да и я стал подумывать — не жениться ли мне в очередной раз. Женщина она красивая, умная и хозяйственная, правда, стержовная немного, но это, решил я, с замужеством пройдет. Поэтому, получив от дам тайм-аут как минимум на месяц, а как максимум — на три, я решил предложить Витольдовне вариант. Поживем, дескать, вместе июнь, а в начале июля поедем в Сухуми, где я познакомлю тебя с мамой и детьми как мою невесту. Я даже письмо об этом маме написал и показал Витольдовне. Она подумала, согласилась, и я переехал жить к ней.

Что такое переехал? Забрал пару рубашек, всякую мелочь, рукописи — как раз портфель и набрался. Стали жить-пожи-

вать, но добра не наживать, ну почти, как современные муж с женой. Правда, иногда я видел кошмарные сны и просыпался весь в поту от ужаса. Меня патологически пугал вариант, где я путаю дни недели и дам, «приписанных» к этим дням. Но потом привык. А вот Тамара так и не смогла привыкнуть спать вместе. Стоило мне во сне повернуться или, не дай бог, всхрапнуть (вообще мне никто об этом не говорил, кроме Витольдовны), как Тамара просыпалась и пыталась перейти в детскую комнату.

Но это полбеда. А беда состояла в том, что я привык к определенному режиму сексуальной жизни и этим замучил бедную Витольдовну. Как пелось в частушке времен кампучийской революции и коммунистического зверя-диктатора Пол Пота: «Загребу, замучаю, как Пол Пот Кампучию!»

Она сперва держалась из последних сил, а потом взмолилась.

— Не могу столько! И как ты только раньше всю неделю воздерживался?

Я объяснял непонятливой мисс, что держался потому, что спал в постели один, а теперь, с такой красивой женщиной спать раздельно — преступление! «Мы что, для того пожениться хотим, чтобы спать врозь?» — задавал я Витольдовне провокационный вопрос.

Раньше на отдыхе тоже возникла подобная проблема, но там Тамара целый день отдыхала, а вечером выпивала со мной и была в общем на взводе. А тут — работа, да и выпивать каждый день она отказалась. У меня, конечно, был маленький резиновый баллончик вместо кружки Эсмарха, на всякий «пожарный» случай. Но Тамара стала буквально спаивать меня, чтобы я заснул и не требовал отдачи супружеского долга. Она плохо представляла себе режим жизни закаленного в питье и сексе хлыща и чахла с каждым днем. Я оказался для нее действительно вроде Пол Пота для Кампучии.

— Послушай, мисс, может, пойдешь еще раз на компромисс? — шутливо уговаривал я мою «сожительницу» на очередное грехопадение.

— Знаешь, если мисс часто идет на компромисс, то он превращается у нее в компромиссис! — съязвила мне она моей же любимой присказкой.

— Думаю, что это тебе не угрожает! — философски заметил я ей на это.

— Что ты имеешь в виду? — взвинтилась Витольдовна.

— Успокойся, совсем не то, о чем ты подумала! — парировал я. — Ты же не идешь на компромисс, вот тебе ничего и не угрожает! — лицемерно успокоил я разволновавшуюся мисс.

Когда я уже решил брать билеты для поездки на отдых в Сухуми, которые заказал заранее на начало июля, она мне позволила на работу и сказала неестественно скрипучим голосом:

— Дождь идет, плохое настроение, ты знаешь, **я тут подумала и решила** (это было ее любимым выражением), не поеду я с тобой в Сухуми. Приходи вечером, заberi свои вещи!

Я, конечно же, ожидал этих слов, но только после отдыха в Сухуми. Однако лучше разобраться сейчас, чтобы не портить лета на ругань и упреки. Тем более в Сухуми, при родных. Что ж, пришел вечером и сложил вещички.

— Может, ляжем на прощание? — предложил я.

Тамара возмущенно указала мне на дверь. Пожав плечами, я вышел.

Дело в том, что, уезжая в Ивановское, Тамара-маленькая пригласила меня приехать к ней, уверяла, что там можно хорошо отдохнуть и квартира на съем есть. Оставила план маршрута, телефон директора пионерлагеря, по которому можно до нее дозвониться. Вечером же, придя домой, я дозвонился до Тамары-маленькой и сообщил, что хочу приехать. Она искренне обрадовалась и сказала, что завтра же «забронирует» квартиру, вернее, маленький частный домик.

А утром, часов в восемь, раздался телефонный звонок. Звонила Витольдовна, просила срочно встретиться у метро «Кунцевская». Я был свободен и через час уже стоял в назначенном месте. Тамара пришла нарядно одетая, хорошо причесанная, «причепуренная» и надушенная моей любимой «Красной Москвой», где, как говорят, содержится мускус.

Увидев ее, почувствовав этот знакомый запах, я так непреодолимо захотел с ней «у койку», что все сжалось внутри, аж дыханье сперло. «Спокойно, спокойно, джигит, — сказал я себе, — не давай себя оседлать! Ты сделал выбор, и не мельтеши теперь, как цанцар!» («Цанцар» или «цанцари» — грузинское слово, означающее человека малодушного, слабовольного, необязательного, у которого «семь пятниц на неделе», «перекаати поле» и тому подобное. Не могу даже подобрать точного русского синонима!)

— Нур, сердце разорвалось на десять частей! — целуя меня, сладким, манящим голосом заговорила соблазнительница Витольдовна. — Зря я тебя обидела, каюсь и беру свои слова назад! Давай сейчас зайдем домой, а потом поедем вместе в Сухуми!

У меня так засосало внутри, что в глазах потемнело от желанья. «Вот она, сирена Одиссеева, губительница мужиков! — твердил я самому себе. — Улисс выдержал, а ты, мастер спорта, силовик, и поддашься! А Тамара-маленькая, бесхитростная и простодушная, зря будет ждать тебя! Обещал ведь, а еще мнишь себя европейцем!»

— Тамара, у тебя семь пятниц на неделе, а у меня — только одна! Я уже обещал другой женщине провести с ней лето. Ко-

нечно, после того, как ты мне указала на дверь. Не я нарушил слово, а ты. И тебя я не подвел, не подведу и другую женщину, которой обещал!

— Ах, ах, у тебя есть и другая женщина! — запричитала Тамара. — А я-то тебе верила!

— Ни ты мне девственницей не досталась, ни я тебе нецелованным! — жестко сказал я Тамаре. — Будем хоть честны и верны слову. Я обещал поехать с тобой и поехал бы, но ты отказалась. Тогда я дал слово другой и теперь сдержу его, если только она сама не пойдет на попятную. Такова уж наша мужицкая доля!

— А как же мое лето, мой отдых? Куда я поеду? Ведь я уже вышла в отпуск! — проговорились Тамара: она облегчила мне расставание.

— Надо было думать, когда указывала мне на дверь! Чао-какао! — я «сделал ручкой» и зашел в метро. — Господи, спасибо тебе, что не дал мне смалодушничать!

Этим же днем я прибыл в Ивановское через Черноголовку. Это сейчас мы знаем Черноголовку как мощного производителя водки и газоды; а тогда это был знаменитый поселок весьма серьезных физиков. Что-то они опасное для человечества производили, а что — не было дано знать простому народу.

Мы встретились в детском саду, и Тамара пошла показывать мне наш домик. Домик принадлежал местному жителю — Витьке-горбуну, доброму, но сильно пьющему парню. Сдал он этот домик нам дешево, а сам жил у какого-то приятеля. Комната в домике была одна, с койкой у печки, которую не топить было почему-то нельзя. Так что мы ночами просто плавали в поту от жары. Иногда Витька, уже сильно пьяный, приводил в домик своих друзей, и если они допивались до положения риз, то оставались и на ночь. А нам приходилось перешагивать через валяющиеся на полу тела.

Туалет был во дворе, и туда нужно было проходить мимо собачьей будки, где на цепи сидела большая и свирепая с виду собака. Ее пасть, при натянутой как струна цепи, находилась в миллиметре от тела человека, проходящего в туалет. И именно этого миллиметра не хватало разъяренному чудовищу, чтобы насмерть задрать страждущего. Поэтому иногда человек так до туалета и не доходил — страх делал свое дело раньше.

Но несмотря на все эти страсти, все было здорово и весело. Сексуальный режим Тамару-маленькую в отличие от Тамары Грозной вполне устраивал. Не мешала даже жаркая печь, пьяные тела на полу и свирепая собака. Тамара-маленькая все воспринимала спокойно и как подарок от Бога. «Айнэ гутэнэ гебрэ-тэнэ ганц ист айнэ гутэнэ габэ дэр Готт», как любят говорить

евреи на своем идиш, если я не успел подзабыть этот прекрасный язык.

Я привез с собой фотоаппарат с автоспуском; мы наводили его на нашу койку, закрепляли и фотографировались во фривольных позах. Они подчас были настолько новы и оригинальны, что я таких не встречал даже в спецжурналах. Приятно сейчас бывает взглянуть на эти фотографии и вспомнить молодость. Телосложение у обоих партнеров было тогда на зависть — будь это сейчас, наши «фотки» можно было бы продавать любителям «клубнички» и делать на этом неплохой «гешефт»!

Купались мы в озере, вода в котором была хоть и прозрачной, но с рыжим оттенком. Наверное, присутствовали соли железа или что-нибудь подобное. Тамара совсем не умела плавать, и я научил ее этому искусству именно в этом озере.

— Плыву, неужели я плыву? — удивленно кричала Тамара, делая круги по озеру; плавала она «по-собачьи», но очень быстро, почти как ильфопетровский Скумбриевич.

Я взял с собой в Ивановское томик Зоценко, и мы на полянке у озера читали книгу вслух, оглашая окрестности заразительным хохотом. Читаем так однажды, смеемся и чувствуем, что потемнело как-то вокруг. Поднимаем взгляд — о, ужас! Над нами сплошные любопытные коровьи головы. Огромные, как «мичуринские» сливы, глаза коров, вернее, молодых телок, с наивным любопытством уставились в книгу Зоценко — задние животные теснят передних, и рога «ближних» коров уже начинают тыкать нам в бока. Слюна из их ртов капала прямо на страницы нашей книги.

Тут я вскочил, схватил коврик, на котором мы лежали, и стал стегать им коров по любопытным мордам. Те же стали испуганно пятиться назад, и мы, освободившись из коровьего плена, быстро ретировались.

Оказывается, мимо проходило стадо; коровы — животные любопытные, они заинтересовались, что там такого смешного нашли эти хитрые люди, и решили сами проверить. После этого случая мы в самых интересных местах книги тревожно поднимали головы, оглядываясь — нет ли вокруг любопытных рогатых тварей?

На этой же полянке мы иногда выпивали, приглашая в компанию подругу Тамары — Нину. Эта Нина, высокоинтеллектуальная худенькая женщина, была прирожденной спорщицей.

Пасущиеся рядом коровы и их пастухи слушали обрывки наших с Ниной фраз: «монотеизм», «нравственная парадигма», «демиург», «теософия»... И другие, столь же непонятные, сколь совершенно бесполезные для коров и их пастухов выражения. К общему знаменателю мы с Ниной никогда не приходили.

И чему только могли научиться пионеры и пионерки, многие из которых были уже великовозрастными, от такой вожакой? Им лучше бы послушать про гигиену секса, а то все кусты вокруг были увешаны использованными презервативами. А тут, видите ли, «нравственная парадигма»! Но вопросы секса для Нины были закрытой темой.

Вот так отдохнули мы с Тamarой-маленькой почти что до самого сентября. С ней было в меру весело, в меру сексуально и в меру спокойно. Никаких коллизий, сцен, скандалов, упреков, запретов, нравочений и других атрибутов сосуществования полов. Я **«подумал и решил»** (прямо цитата из мисс Витольдовны!), что для жизни это не так уж плохо. Витольдовне бы поучиться такой толерантности!

КАДРЫ РЕДЕЮТ

В конце августа мы вернулись в Москву. Меня ждал целый ряд сюрпризов. Прежде всего, дома я нашел Олю с мужиком, которого она представила «своим другом Юрой». Еврейская внешность, возраст — чуть постарше меня. Юра как-то саркастически поздоровался со мной, сказав что-то вроде «премного слышаны про вас». Оля, наверное, выболтала! Но испытав мое костоломное рукопожатие, Юра стал вести себя поскромнее.

Оля наедине сообщила, что она будет жить у Юры и освободит для меня квартиру.

— Можешь встречаться здесь с кем хочешь! И вообще, — Оля перешла на шепот, — я планирую уехать жить за границу! Да, да, не удивляйся! Юра — еврей, я выйду за него замуж и уеду с ним в Израиль, а там — в Америку! Но у меня к тебе две просьбы, как к другу и бывшему мужу. Первая: напиши справку, что я как бывшая жена нахожусь у тебя на содержании. Не тарашь на меня глаза — иначе наша советская власть будет судить меня за тунеядство, я же официально не работаю! Вторая просьба серьезнее: я освобождаю тебе квартиру, поэтому собери мне, пожалуйста, денег на обустройство за границей. У тебя есть в запасе годик-полтора. Тысяч пятнадцать хватит, рублей, конечно!

— Один доллар — шестьдесят копеек! — глубокомысленно напомнил я Оле официальный курс доллара.

— Не надо, не надо! — возмутилась Оля. — На «черном» рынке за доллар аж три рубля дают!

— А на «белом», то есть при выезде за кордон, меняют шестьдесят копеек на доллар, — настаивал я.

— Господи, да не все ли тебе равно, на сколько долларов я сумею разменять твои рубли! Чем больше дадут, тем лучше! — миролюбиво заключила Оля.

Я согласился собрать денег, благо откладывал все гонорары за книги, оплату за научную работу и изобретения. Оля для меня была близким человеком, я ей многим обязан, да и виноват изрядно перед ней. Итак, Оля исчезала с моего сексуального горизонта.

Далее, позвонив Тамаре Ивановне, я узнал, что она привезла с собой из Чегета жениха, который живет у нее. Но она пока твердо не решила (а может, это он не решил), выходить за него замуж или нет.

— Прогоню — будем с тобой встречаться как раньше; выйду замуж — найду способ, как изменять мужу! — жизнерадостно сообщила Тамара. — А пока — беру тайм-аут!

Но новость, которую я узнал в ИМАШе, была просто ужасной. Мне сообщили, что у Лики на море утонул муж — Владислав Ульянов. Это было ужаснее еще и оттого, что опять сбылись мои слова, которые я сказал в своем «особом состоянии».

Мне остается только рассказать, как ушли с моего горизонта Маша с Луизой. Муж-миллионер бросил-таки Луизу. Их общую большую квартиру он оставил себе, а Луизе купил однокомнатную в Бирюлеве. Спорить с таким «крутым» мужем опасно, вот Луиза и уехала на громадное расстояние от Красногорска. К Маше она почти перестала приезжать. Так распалась наша веселая тройца...

С Машей я продолжал еще некоторое время встречаться, но встречи эти были лишены прежней остроты и новизны. А вскоре они и вовсе прекратились: Маша нашла себе «молоденького мальчика» (так, по крайней мере, она сама мне сообщила) — студента. Маша довольна, студент, по ее словам, тоже. Вот так студенты сменяют профессоров на их «посту», что поделаешь — диалектика!

Таким образом, к зиме 1982 года я остался в несвойственной для меня моногамной связи не только с одной-единственной Тамарой, а именно с Тамарой-маленькой, но и вообще с женским полом. Поэтому на встречу Нового года ни на какой «подледный» лов рыбы я не поехал. Тамара-маленькая постоянно интересовалась моими планами на этот счет, но я успокоил ее. Зима, дескать, теплая, и лед на нашей реке не установился.

Оля «выбыла» с Таганки, а мы с Тамарой (буду называть ее только по имени, так как других Тamar у меня уже просто не осталось!) стали жить там вместе. Это, разумеется, было удобнее, чем постоянно разбираться с пьяной старухой и ее нерусскими собаками, цыганом-зятем, полупьяной дочкой и другими

соседями Тамары. Включая красивую Людмилу, несостоявшаяся любовь с которой вернула меня снова к Тамаре. Конечно, Тамара навещала своих родных — маму и дочку, выделяя на это обычно субботу и воскресенье. Ну и меня иногда навещали по этим дням особо конфиденциальные гости, о которых знала только Тамара и тайну которых я обещал не разглашать. Так что о моей моногамной жизни можно было говорить лишь с некоторой долей условности.

На встречу Нового года Тамара «достала» (не забывайте эру постоянного дефицита!) две бутылки вкуснейшей брусничной наливки. Это, конечно, помимо традиционного шампанского. 31 декабря вечером я заглянул в почтовый ящик и помимо пары поздравительных открыток нашел письмо с конвертом издательства «Детская литература». Я туда еще месяца два назад сдал рукопись своей книги «В поисках энергетической капсулы» и ждал решения на нее. Уверенный в том, что под Новый год мне могут прислать только положительный ответ, я вскрыл конверт и огорченно прочел отказ. По каким-то мифическим причинам издательство отказывает в публикации книги, которую само же заказывало! Взбешенный, я разорвал письмо на мелкие кусочки и стал топтать его. Апофеозом вечера стал выход Тамары.

Желая, видимо, вспомнить свое официантское прошлое, она разместила на маленьком подносе три бутылки — две с брусничной наливкой и шампанское. Затем, поставив этот поднос на одну руку и пританцовывая, понесла его в большую комнату, где стоял стол. Но навыки официантки, имевшиеся у Тамары в минимальной степени, уже были полностью утрачены. Поднос соскользнул с руки, и, по закону Аристотеля, первым упало на пол шампанское, а на него уже и наливка.

К сведению гуманитариев: Аристотель справедливо считал, что тяжелые предметы падают быстрее легких (опыт Тамары — это лишнее тому подтверждение!). Галилей вроде бы, бросая шары с пизанской Падающей башни, доказал, что это не так и все тела падают одинаково. Но я раскопал первоисточники и показал, что Галилей этого не доказывал. А потом сам доказал, что Аристотель все-таки был прав.

Утверждают, что Ньютона активизировало на его открытие падение яблока на голову. Меня же — опыт с бутылками, поставленный Тамарой. Но первой все-таки упала тяжелая бутылка шампанского, а на нее — более легкие бутылки брусничной наливки. И я с ужасом наблюдал на полу кроваво-красную пенящуюся лужу, в которой среди осколков бутылок плавали клочки разорванного злосчастного письма.

До чего же полезны бывают эти наблюдения для ученых людей! Они могут привести как к адекватным, так и к неадекват-

ным последствиям. Адекватным последствием, хотя и не скоро, стало математическое доказательство первоочередности падения на Землю тяжелых тел по сравнению с легкими. Хотя это и противоречит «нерусскому» ученому — Галилею, но, тем не менее, я не шучу.

Теперь о неадекватных последствиях. Сильнейший стресс, вызванный одномоментным лишением меня всей выпивки на Новый год и «потерей» книги, всеми последствиями обрушился на его виновников. Поскольку с письмом я уже расправился — осталось разделаться и с Тamarой. Одним движением я бросил ее на кровать и уже хотел было «пустить кровь», но потом решил, что это будет слишком быстрым и легким наказанием. И тут, вспомнив частушку про то, как жестокий Пол Пот расправлялся со своей Кампучией, стал проводить эту же экзекуцию с Тamarой. И делал это как под бой курантов, так и под «Голубой (в хорошем смысле этого слова) огонек»! Экзекуция длилась до самого утра, и я ставил кухонным ножом соответствующие зарубки на койке.

Утром же, когда прошло сильнейшее головокружение, достигнутое без капли спиртного, я подсчитал число зарубок. Оно оказалось двузначным и «круглым» — десять! Правда, десятая зарубка была поменьше других, что вроде бы дало основание считать эту цифру девятью с половиной.

Так до сих пор этот факт остался спорным для нас с Тamarой. Хотя в чем разногласие — в каких-то пяти процентах? Да это вполне приличная точность для современной науки, тем более сексологии, скорее даже сексопатологии! Можно было, конечно, повторить эксперимент, но для этого нужно было бы как минимум уничтожить все спиртное в доме под Новый год, что, согласитесь, отдает садизмом!

Судя по встрече Нового года, этот год должен был быть для нас полным стрессов и гипертрофированного секса. Но, видимо, суеверным приметам верить нельзя. Прежде всего, сразу после праздников я созвонился со знакомым редактором издательства «Детская литература». Тот с извинениями сообщил, что такое письмо было отправлено мне только потому, что издательство забыло включить книгу в план выпуска на 1983 год. А если такое письмо не отправить, то виновные в этом останутся без премии. Книга же будет выпущена в самом начале 1984 года, она одобрена, и аванс скоро будет отправлен на мой счет в Сберкасса (тогда так назывался Сбербанк).

На начало июня была назначена защита диплома моего друга-студента Саши, и он, постоянно консультируясь со мной, стал завсегдаем нашей квартиры на Таганке. Так как мы нередко, а если честно, то всегда, выпивали с ним, Саша частенько оста-

вался у нас и ночевать. А утром, в отличие от меня, ему трудно-
вато было вставать.

Тамара же, уволившись еще в конце прошлого года из своего НИИ минералогии, всю весну устраивалась на работу в НИИ технического стекла, пребывая в статусе безработной. Я с некоторым подозрением оставлял Сашу дома, наедине с его абстинентным синдромом и моей Тамарой. Тем более их симпатия друг к другу и не скрывалась. Когда мы, выпивая вместе, доходили до «ты меня уважаешь?» и целовали друг друга, то Саша с Тамарой делали это с особой нежностью и длительностью. А кроме того, Саша всех женщин на кафедре, включая красивую Иру и мою будущую невестку Наташу, называл не иначе как «Тамарочка». Ира деликатно обратила мое внимание на это, и я заинтересовался данным феноменом. Как-то спросил Сашу без обиняков, какие чувства он испытывает к моей Тамаре, раз всех вокруг называет ее именем.

Но тот, глядя прямо мне в глаза преданным ученическим взглядом, ответил:

— А какие, по-вашему, чувства я должен испытывать к любимой женщине моего любимого учителя?

Я счел этот ответ достойным джентльмена, и мне стало стыдно за мой неинтеллигентный вопрос. А если даже у них имеется «легкий флирт», то и Бог с ними, пусть радуются жизни. Лишь бы от этого флирта дети не рождались! Но Тамара, как я уже упоминал, была застрахована от таких последствий. Кому же будет плохо, если двое людей, которых я так люблю, еще будут любить и друг друга? Тогда чувство это будет логически замкнуто; пелось ведь в песне тех лет: «Любовь — кольцо!»

Но переводить это чувство в полный коллективизм отношений я считал, как минимум, преждевременным. Ведь студент — это еще даже не аспирант, как, например, Виктор из ИМАШа. Это, скорее, ближе к школьнику, а школьник — табу для преподавателя!

РЕЛАКСАЦИЯ В ГУДАУТАХ

К лету я получил бесплатную путевку в дом отдыха на Черное море в город Гудауты. Это рядом с Сухуми, и я мог легко заехать туда после отдыха. Туда же должна была приехать и Тамара в конце июля.

До этого я никогда не бывал в домах отдыха и мало представлял себе, что это такое. Больницу я уже знал, там вроде лечат. На турбазе ходят в походы, но в общем это — бардак! Мне бывалые люди сказали, что дом отдыха — тоже бардак, и это меня обрадовало. Но на всякий случай я взял с собой и работу.

Гудауты — маленький городок, и до места я дошел пешком. В путевке было записано, что это дом отдыха номер такой-то Совпрофа или там чего-то еще. А оказалось, что это — дом отдыха имени моего дедушки Дмитрия Гулиа.

Прямо в холле, куда нас запустили по приезду, на стене висела огромная, писанная маслом картина: «Д. И. Гулиа на могиле Тараса Шевченко». На ней дедушка стоял с обнаженной головой и развевающимися по ветру седыми волосами у могилы Кобзаря на крутом берегу Днепра.

Поселили меня в одной комнате с восемнадцатилетним пацаном Мишей. Я был удивлен таким подбором контингента. Но мне пояснили, что присутствие солидного пожилого (это с их точки зрения!) человека не даст разгуляться юному созданию.

За стеной жила такая же пара — двадцатилетняя девушка и пожилая тетка лет шестидесяти. Кстати, меня с этой девушкой разделяла лишь тонкая стенка, сантиметров в пять толщиной. Можно сказать, что мы спали рядом, практически в пределах прямой сексуальной досягаемости, если бы, конечно, не стена. Но обо всем этом я узнал попозже.

А пока я, сбегав за прекрасным портвейном «Букет Абхазии», пригласил Мишу отметить заселение. То есть я с ходу начал воспитательную работу с молодежью. Бутылок было много, Миша от страха ахнул и попросил позволения выйти. Через пару минут он появился с очаровательным созданием примерно его же лет, но противоположного пола. Я сразу же позавидовал Мише — девушка была стройной, красивой, с глазами цвета сирени и длинными русыми волосами. Этакая русалка, Лорелея в сухопутном исполнении. Девушку звали Ирой, и оказывается, именно она жила за стенкой в соседней комнате.

Мы выпили, закусили арбузом, который еще раньше притащил Миша, выпили еще, перешли на «ты». А затем Миша вдруг отпросился на море. И ушел без Иры. Я с недоумением спросил у нее, почему он ушел один, а Ира с не меньшим недоумением переспросила, почему она должна была уйти с ним. Выяснилось, что Ира вовсе не была девушкой Миши. Просто ее соседка с места в карьер принялась читать Ире нравоучения, и та вышла отдохнуть от них в коридор. А тут возвращается Миша из туалета, куда, оказывается, он и отпросился.

— Чего скучаешь? — без обиняков спросил он Иру.

— Да соседка нудная попалась, всю плешь проела! — пожаловалась девушка.

— А идем к нам, у меня сосед — клевый мужик, уже пить сели! — предложил Миша.

Вот так и появилась эта парочка у нас в комнате.

— Тогда что, продолжаем тосты? — недоверчиво спросил я.
— Золотые тосты продолжаются! — задорно проговорила Ира и подняла свой стакан.

Она была приятно удивлена, когда узнала, что наш дом отдыха носит имя моего дедушки. И, рассмеявшись, рассказала, что на картине в холле волосы у дедушки развеваются в одну сторону, а листья на деревьях — в другую.

— Куда же ветер дует? — весело удивлялась Ира.

Мы с Ирой вместе искупались в море, пошли на ужин, где я поменялся местами с ее соседом по столу. Потом гуляли вокруг танцплощадки, и Ира пригласила меня зайти потанцевать. Я отказался, сказав, что не люблю танцы (причем «не люблю» — это очень мягко сказано!). Но я не обижусь, если Ира оставит меня и уйдет танцевать одна. Она подумала и не пошла на танцплощадку.

Мы гуляли до позднего вечера, и когда я проводил Иру до ее комнаты, в коридоре было уже безлюдно. Я узнал у Иры, у какой стены она спит. А потом сказал ей, что я сплю (вернее, лягу, а буду ли спать — вопрос) на расстоянии ладони от нее.

— Ира, я возьму сверло и проделаю дырочку между нами! — пошутил я.

— На уровне глаз или ниже? — серьезно поинтересовалась Ира.

— И здесь и там! — стал заводиться я.

— Успокойся! — тихо сказала мне Ира и неожиданно поцеловала меня в губы. — Стена нам не помешает. Но не сегодня! Иди к своему Мише и постарайся его не изнасиловать! — захихикала она и проскользнула к себе в дверь.

Конечно же, я никак не мог заснуть. Ощущение того, что не будь стены, я бы легко дотянулся до любой точки Ирино тела, не давало мне уснуть. Постучать в стенку я боялся — догадается старая карга-соседка. Я тихо скребся в стену, но ответа не получал.

Тогда я стал думать и гадать. Мне сорок четыре года, Ире — двадцать. Разница существенная, но не катастрофическая, тем более я спортивен, выгляжу и одеваюсь по-молодежному. Учусь Ира в Киеве в Политехническом, живет в общежитии, потому что прописана у родителей в Конотопе. Русская, мечтает о Москве. Я сказал ей, что разведен, даже паспорт показал — там печать, что брак расторгнут. Такой молодой женщины у меня еще не было, если говорить о серьезных связях, а не об одной ночи. Я совершенно не сомневался, что близость у нас будет — не сегодня, так завтра. Ира — девушка умная, хорошо учится, думает о карьере всерьез. Свой брат — технарь! И начитанная (я исподволь тестировал ее) — и «Фауста» Гете, и Зоценко,

и Рабле, и Ильфа с Петровым — все читала. Даже «Манон Леско» читала, хорошо помнит и любит это произведение. С ней не соскучишься! Прекрасно плавает, занимается бальными танцами, даже участвовала в каком-то чемпионате.

Но — замужем. Муж — тоже из Конотопа, сейчас в армии, еще год служить. Моложе ее почти на год. Детей нет. Вот и все исходные параметры. Мне она откровенно нравится. На ее фоне Тамара, та, с которой я живу в настоящее время как с женой, блекнет. Но я не мальчик, хорошо помню обманчивость первых впечатлений.

«Главное — не шустрить!» — мудро решил я и зевнул. Сон оказался сильнее эмоций, и я заснул.

На завтрак я не пошел — не было аппетита. Я влюбился! Днем была экскурсия в Новоафонские пещеры. Я уже бывал в них не раз, а Ира — нет. Кто бывал там, тому не надо говорить о сказочном зрелище и сильнейших впечатлениях от подсвеченных разноцветными огнями подземных залов. И это под соответствующую музыку! Даже холод (плюс 11 градусов) не снижает восторга от посещения пещер. Я как человек бывалый взял с собой бутылку и свитер для Иры. Все оказалось кстати. Мы часто отставали от экскурсии, скрываясь за углом, пили вино «из горла» и целовались.

Приехали домой мы под вечер. Миша сидел в комнате и резался в карты с приятелем. Я шепнул ему на ухо, и мальчики исчезли. Ира тенью проскользнула в комнату, и я запер дверь. Нет, несмотря на юность, страстной она не была. Вела себя очень осторожно, постоянно прислушивалась, не стучат ли в дверь. В нужный момент прикрывала мне рот рукой: «Чтобы карга не услышала!» — пояснила мне Ира, когда я недовольно замотал головой. Я проявил заботливость и успел спросить Иру, как поступать, чтобы не навредить ей.

— Об этом не беспокойся! — поспешно ответила она.

Когда все было кончено, я, привстав, оглядел это юное худенькое совершенство с не по-русски темными сосками на девичьих грудях, задорным взглядом сиреневых глаз и четко очерченным темно-розовым ртом. И, не в силах сдержаться, рухнул опять на все это совершенство...

Все повторилось почти так же, как и в первый раз. Только под конец она уже не стала прикрывать мне рот рукой, а, захватив мои губы в свои, заглушила нежелательные звуки. Тут я головой уже не стал мотать, хотя задыхался, как и раньше.

К приходу Миши мы, уже остывшие и отдохнувшие, потихоньку потягивали «Букет Абхазии». Я проводил Иру до ее двери — всего два метра! — и, поцеловав, пожелал спокойной ночи. Сам я спал, как говорят, без задних ног и без снов.

А на следующий день мы с Ирой поехали в Новый Афон самостоятельно. Сойдя с автобуса, мы зашли в парк с прудом, в котором плавали белые и черные лебеди. Я показал Ире кафе «Лебедь», где давным-давно, в 1948 году, мои дядя и мама гуляли с самим поэтом Симоновым, и официант сказал им свою великую фразу: «Земной шар к вашим ногам!» Я же — восьмилетним мальчиком был при моей маме.

Задумав ухватить лебедя за шею и извлечь его на берег, я уже подманил было его куском хлеба, как заметил, что к Ире подошел рослый красивый милиционер в форме. Я испугался и побежал к ним.

— Ты — Нурбей Гулиа? — с улыбкой спросил милиционер.

— Да, а ты кто? — недоверчиво поинтересовался я.

— Меня зовут Иван, или Ваня, а фамилия — как у тебя! Мы — родственники! Мы всегда смотрим твои телепередачи («Это вы можете!») и гордимся тобой. Я хочу с тобой сфотографироваться на память!

Иван поманил к себе фотографа, который сидел поблизости, и дал ему «вводную». Фотограф стал расставлять нас живописнее. Я представил друг другу Ивана и Иру.

— А кто тебе эта девочка? — спросил Ваня и вдруг догадался: — дочка?

— Бери повыше — жена! — с гордостью сказал я.

Ваня пустился в извинения, но я пояснил, что она несколько моложе меня, поэтому даже милиционер может ошибиться. Фотограф сделал свое дело, и Ваня пригласил нас посидеть в кафе «Лебедь». Мы пили «Псоу» и закусывали фруктами, совсем как тогда, тридцать шесть лет назад с мамой, дядей Жорой и Симоновым...

Ваня рассказал, что в Гудаутском районе живет много «гулиевцев», то есть людей с нашей фамилией.

— Хорошо бы нам всем встретиться! — высказал свою идею Ваня, — пока ты с женой здесь, кто знает, встретимся ли мы еще когда-нибудь!

Иван как в воду глядел. Молодой, здоровый начальник Ново-Афонского отделения милиции, Иван через несколько лет погибнет, сбитый на полном ходу машиной. Начнется война с Грузией, в которой кто-то из родни и знакомых погибнет, кто-то переедет жить в Россию. А с Иваном, действительно, я больше так и не встретился...

Насчет нашей «фамильной» встречи Иван предложил следующее. Он берет на себя за сегодня-завтра договориться, как он сказал, о «съезде» гулиевцев в селе Куланурхва, близ Гудаут. Ваня рассылает «гонцов» по всей Абхазии и вызывает гулиевцев на съезд, который должен будет состояться послезавтра —

в воскресенье. Куланурхва — родовое гнездо гудаутских гулиевцев, их там больше, чем в других районах Абхазии. Кроме того, жители этого села берут на себя обязанности и хлопоты принимающей стороны.

Ваня просил нас куда-то не уходить из дома отдыха в воскресенье с утра, так как за нами приедет машина и отвезет на съезд. Он попросил назвать ему номер нашей комнаты, но я поспешил заверить его, что мы будем ждать машину на скамейке у входа.

— Не стоит въезжать на территорию дома отдыха и искать нас, особенно если машина — милицейская, а посланник — в форме! — пошутил я.

Сам же я боялся разоблачения наших псевдосупружеских отношений с Ирой.

СЪЕЗД ГУЛИЕВЦЕВ

И вот в воскресенье мы с Ирой едем в Куланурхва. Машина оказалась не милицейской, а обыкновенной «Волгой», которую вел тоже Гулиа — другой мой дальний родственник. Через полчаса мы уже подъезжали к дому, как оказалось, отца Вани. Перед воротами на поляне уже стояли, как насчитала Ира, сорок три автомобиля. И они продолжали прибывать.

Иру мои родственники тут же определили на кухню — женщине не пристало находиться среди джигитов. На этой кухне под открытым небом уже толпились жены и дочери гостей. Они с охотничьим интересом набросились на Иру с расспросами. Та только и прибегала ко мне: «Где мы живем в Москве?» или «Сколько комнат у нас в квартире?» и даже «Есть ли у нас дети и сколько их?» Конечно же, хитрые абхазские бабы сразу же смекнули, что Ира, по их терминологии, моя «пляжная» жена, но виду не подавали.

Меня же предварительно посадили с самыми почетными гостями — старцами не моложе восьмидесяти лет. Был среди них и мой полный тезка — Нурбей Гулиа, перешедший столетний рубеж. Но он смотрел на нас, как на детей, не заслуживающих интереса аксакала. Он то и дело топорщил седые усы, делал страшные глаза и привычно сжимал рукоятку кинжала, висящего у него на поясе.

Еще до «посадки» за огромный праздничный стол нам подали вина — «Изабеллу», которое готовил сам хозяин. Какой-то местный парень, видимо, молодой милиционер, помогавший хозяевам в их делах, задумал почему-то доказать, что москвич, то есть я, физически слабее местных джигитов. То он стул тяжелый мне подаст за ножку, а я беру и долго разговариваю,

держа его на весу. То гирию двухпудовую притащит и на свой позор предложит мне соревноваться с ним в ее поднятии. То затеет армрестлинг, и сами понимаете — чем это для него кончалось. А все это с интересом наблюдали женщины из открытой кухни и оживленно обсуждали.

Наконец мой соперник не выдержал и с криком: «Вах!» (не путать с латинской транскрипцией слова «**вах**» — **бакс!**) выхватил из-за пояса пистолет Макарова. Нет, не для того, чтобы от обиды пристрелить меня, а всего лишь чтобы посоревноваться по стрельбе на меткость. Опытный Иван взялся организовать соревнования. На ветку дерева надели пустую бутылку из-под шампанского и принялись по очереди палить по ней из этого ПМ. Но то ли расстояние было велико, то ли подействовало выпитое вино, но никто в цель не попадал.

«Не подведу родную Москву!» — поклялся я сам себе, держа пистолет в обеих руках. Так я стрелял из моего допотопного пневматического пистолета, переделанного под мелкокалиберный. Но мой был раза в два тяжелее, чем этот ПМ, поэтому я довольно твердо держал пистолет в руках и, конечно же, попал. Бутылка с грохотом разлетелась, и в наступившей тишине я слышу громкий назидательный голос Иры из кухни: «А мой Нурбей не только сильнее ваших мужей, но и метче стреляет!»

Что тут поднялось! Милиционеры, задетые за самое живое, затеяли такую пальбу по горлышку бутылки, оставшемуся висеть на ветке, что Ивану как начальнику пришлось грозно командовать отбой.

Нас стали сажать за праздничный стол. Я потребовал, чтобы моя жена села рядом со мной. Старики долго совещались и решили: «Пусть садится, но на полстула дальше от стола!» А еще на полстула дальше посадили местную девочку Оксану, которая должна была подсказывать Ире, как ей вести себя за кавказским столом. Ни пить, ни есть этой девочке, в отличие от Иры, не полагалось.

Тамадой выбрали самого почетного гостя — профессора из Сухуми Ризабей Гулиа. Он был уже достаточно стар и болен, но согласился приехать на съезд, раз такое дело. Пить он почти не мог, поэтому этот вопрос был как-то решен без нарушения кавказских «законов». То ли он только провозглашал тост, а свой рог передавал для выпивания специально назначенному человеку, то ли как-то еще похитрее. Первый тост Ризабей поднял за нашу большую и дружную семью гулиевцев. А дальше сказал такое, что сразу развеяло у меня праздничное настроение.

— В прошлом году, отдыхая в санатории, я познакомился с пожилой русской женщиной из Смоленска, — Ризабей, подняв руку, пресек раздавшееся было хихиканье. — И она, узнав мою

фамилию, спросила, знал ли я Владимира Гулия, который воевал рядовым в войне с Германией. Я ответил, что Володя Гулия — мой родственник и он погиб на войне. Женщина вздохнула: «Погиб, значит, все-таки!» — и рассказала следующее.

«Наши войска, отступая, оставили Смоленск. И вдруг, в уже занятом немцами городе, ко мне в домик на окраине Смоленска вечером постучался наш солдат. Я на свой страх и риск пустила его. Он объяснил, что пытается пробиться к своим, и попросился переночевать, назвав свое имя — Владимир Гулия. А утром, уходя из дому в неизвестность, сказал, что у него в Тбилиси остались жена и младенец — сын. Владимир снял висящую у него на шее на шнурке мягкую туфельку-пинетку и передал мне: "Я уже не надеюсь найти своих, боюсь попасть в плен. Не хочу, чтобы враги издевались над этим дорогим мне предметом. После войны отошлите, пожалуйста, ее по этому адресу", — и он оставил мне адрес, который я, конечно же, потеряла».

— Можно, я пришлю вам эту туфельку? Она до сих пор у меня в Смоленске, — спросила у меня женщина.

Я оставил ей свой адрес и осенью прошлого года я получил эту туфельку. Она пролежала у меня до сих пор, ну а сейчас я с okazji взял ее с собой!

И старик вынул из кармана плоскую, будто спрессованную, мягкую кожаную туфельку младенца, висящую на черном ботиночном шнурке. Я подошел к Ризабей и он, поцеловав меня, передал эту реликвию мне под аплодисменты присутствующих. Представив на мгновение, что мог испытывать мой отец, молодой человек, уже не надевавшийся выжить, отдавая чужой женщине свой самый дорогой амулет, я не смог сдержать слез. Подходя к своему месту за столом, я заметил, что и Ира утирала слезы. Я спрятал эту пинетку, а потом передал ее маме. Но в спешной эвакуации во время грузино-абхазской войны мама, видимо, не взяла ее с собой в Москву. Во всяком случае, эта пинетка исчезла. Сколько лет незнакомая женщина хранила ее у себя, а у нас, хозяев этой реликвии — свидетельницы мужества, любви, самоотречения, она пропала!

Ризабей был уже очень стар и болен; вскоре после этой встречи его не стало. Но он успел передать мне «весточку» от моего погибшего отца.

Упавшее было настроение за праздничным столом вскоре опять поднялось; пошли «золотые» тосты. Когда гости поднимали тосты за меня, они, все как один, говорили одни и те же слова:

— У тебя в Москве есть все! Но нет там только маленькой Абхазии, где живут родные тебе люди! Не забывай ее!

Ира даже поинтересовалась: «А что это такое у тебя в Москве "всё", которое есть? Как оно выглядит?» И я, целуя ее, отве-

чал: «Много будешь знать — состаришься! А я хочу, чтобы ты всегда была такой же молодой и красивой, как сейчас!»

Застолье продолжалось долго, но и оно кончилось. Нас отвез домой один из родственников, живший в Гудаутах. Как он только мог вести машину после такого количества выпитого вина? Горцы — сильные духом люди! Особенно, если милиция — своя!

Этот же родственник на следующий день повез нас с Ирой на знаменитое озеро Рица и даже дальше, куда мало кто ездит. Дальше — это и выше, а там расположено горное село Авадхара. На окрестных горах лежал снег, я не удержался и полез вверх по склону, чтобы летом подержать в руках настоящий снег. Такое я испытал впервые: внизу — палящая жара, а здесь — ходишь по снегу!

Год спустя это впечатление было еще разительнее: в Болгарии, в ее столице Софии, где я был в командировке, практически на территории города есть гора Витоша. И вот в июле, когда в городе от жары все плавилось, меня повезли на эту гору, где я ходил по снегу. Снег был крупнозернистый, как крупа, и колючий. А внизу, прямо под нами, — изнывающая от жары София.

Дорога на Рицу удивительно красива. От трассы Батуми — Новороссийск в районе Гагр дорога поворачивает направо, идет некоторое время вдоль реки Бзыль. Потом уже начинаются серпантинны в горы. По дороге встречается маленькое, величиной со зрительный зал театра, Голубое озеро. Говорят, что оно необыкновенно глубокое — за сотню метров, этим и голубой цвет объясняют. А может, это просто небо в воде отражается. Хотя и в Рице тоже небо вроде отражается, но вода там серая. Температура воды в Голубом озере — всего 6 градусов. Я не удержался и, быстро раздевшись, полез купаться, несмотря на запрещающие надписи. Но, оказавшись посреди озера, я вспомнил, какая подо мной глубина. От страха я даже приподнялся над водой и, как катер на воздушной подушке, выбросился на берег. После этого случая я не решаюсь заплывать далеко даже в теплое море или озеро. Тут же начинаю представлять, на какой высоте над дном я вишу, и меня буквально выносит на берег.

Раньше этого страха не было, и я лет в четырнадцать даже переплывал залив между Хостой и Кудепстой на Черном море. Несколько километров пути, да и берега не видно, плыл по солнцу. Как уставал, то переворачивался на спину и отдыхал. Не ведал я, какая подо мной глубина, даже в голову это не приходило! Прав, наверное, проповедник Экклезиаст, который говорил, что большие знания — это и большие проблемы. Если точнее, то: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». На какого лешего я всю жизнь только и за-

нимаюсь тем, что умножаю познания? И не сказал бы, что очень скорблю при этом. Видимо, Экклезиаст имел в виду познания гуманитарные, а не технические. А я именно технические познания и приумножаю — вот и веселюсь сдуру!

Но вернемся к дороге на Рицу. Вскоре начинается Юпшарское ущелье — узкий каньон с высоченными отвесными скалами, куда и свет-то проникает с трудом. И в этом ущелье с бешеной скоростью несется горная речка Юпшарá, названная так по имени разбойника, похитившего девушку по имени Рица. Мрачнее места я не видел в жизни. В этом ущелье есть огромный камень, с которого, говорят, пел темнокожий американский певец Поль Робсон — мощнейший бас. Я представлял себе этот голос, сливающийся с гулом сумасшедшей Юпшары́, заполняющей мрачный каньон страшными звуками.

Однажды, несколько лет назад, проезжая с экскурсией по этому ущелью, я заметил впереди автобус и людей, столпившихся над стремниной. Мы высадились и узнали, что буквально несколько минут назад один из экскурсантов случайно упал в Юпшару́. И мгновенно был унесен в ущелье, зажатое между скалами, где и дорога-то отходила в сторону. Искать и спасать несчастного было невыносимо. Экскурсовод и водитель составляли соответствующий акт, а мы отправились дальше. После этого случая мой страх перед Юпшарой превратился в ненависть — почему-то я воспринимал Юпшару не как стихию, а как злобное, беспощадное живое существо, наподобие крокодила или террориста.

ССОРА

Гуляли мы с Ирой и по Новому Афону, на сей раз уже вдвоем. Я водил ее известными мне тропами, в первую очередь, в келью Симона Кананита — апостола Христа. Это того Симона, на свадьбе которого Иисус воду превратил в вино. Симон после казни Христа бежал от преследователей в Колхиду, остановившись там, где сейчас Новый Афон, и поселился в пещере в скалах. Десятки лет он долбил себе келью в скале, прямо над своей пещерой, и выдолбил-таки. Эта келья с круглым отверстием вместо окна священна для христиан. Симон собирал деньги у местного населения на храм, проповедовал учение Христа. Но это население, вернее, худшая его часть, похитила сбережения Симона, а его самого убила самым варварским способом. На берегу бурной, но в отличие от Юпшары, доброй речки Псырцха, есть огромный плоский камень с углублением посреди него. Говорят, что именно на нем дикари убили апостола, камнем

размозжив ему голову, лежащую в этом углублении. Камень-плаха был всего в двухстах метрах от кельи, и, бывая на Псырцхе, я всегда загорал, лежа на нем. Причем голову клал именно в это углубление, представляя себя апостолом, над которым безумный дикарь уже занес смертоносный камень.

Часто приходится слышать: вот вы, абхазы, — дикари воровитые, даже апостола убили, украв у него деньги. А я на это отвечаю, что, во-первых, **мы** — русские, а во-вторых, в те времена абхазы, или, правильнее, абазги, — племя белых людей, жили себе еще в Африке на территории современной Эфиопии. Затем они мигрировали через Красное море, Аравийские пустыни, Сирию, Ливан и так далее на Северный Кавказ. Там и жили, пока не решили, покинув своих братьев — абaziнов, поселиться на теплом берегу Черного моря.

А абхазами в Средние века назывались грузины или какая-то часть их. Царица Тамара-то была «царица Абхазская»! Потом уже абазги из-за труднопроизносимости этого слова были переименованы в абхазов, но сами-то продолжали называть себя по-прежнему — апсуа́. Интересно, что вместе с апсуа прибыли из далекой Африки и негры, решившие, видимо, попытать счастья вместе с белыми. Так и остались они в горных селениях Абхазии, не смешиваясь с белыми. Говорят они по-абхазски, считают себя «апсуа» — абхазами.

Многое из этих сведений взято мной из книги моего деда «История Абхазии». Большевики запретили ее как идеологически вредную. Видите ли, абхазы «просочились» к нам из-за рубежа! А может, еще и завербованы были там Понтием Пилатом или царем Иродом.

Видимо, большевики — сторонники «местного» происхождения абхазов, руководствовались эпосом «Сказание о нартах», где в своеобразной форме рассказывается о происхождении абхазских богатырей — нартов, а от них, по-видимому, всего абхазского народа. А в этом эпосе сказано, что «мать народа» — Сатаней-Гуаша́, как-то белила холсты на берегу реки Кубань. Затем, устав от работы, разделась донага и стала плавать на спине. А на другом берегу реки в это время находился пастух с певучим именем — Зартыжв. Этот Зартыжв, увидев обнаженную даму, получил такое либидо, что стал кидаться в реку, пытаясь ее переплыть. Тем более что Сатаней-Гуаша своими страстными криками призывала его к этому. Но не тут-то было — сильное течение не позволяло влюбленному Зартыжву сделать это. Тогда, по обоюдной договоренности, Сатаней-Гуаша легла на берегу в соответствующей позиции, а пастух точным выстрелом из лука оплодотворил ее. До этого, конечно, проделав кое-какие манипуляции с наконечником стрелы и своим мужским

достоинством. В эпосе, безусловно, об этом сказано несколько аллегорически, но для современного человека тут все понятно. Итак, абхазы не только местного происхождения, но и родоначальники искусственного осеменения, столь «модного» сейчас во всем мире!

Но я считаю «Историю Абхазии» единственно верной. Во-первых, потому что больше «Историй Абхазии» никто не решался писать. Во-вторых, я утверждаю, что «учение моего деда все-таки, потому что оно верно». Если мы семьдесят лет всей страной говорили так про учение «инородца» Маркса, то имею же я право считать истинным учение моего родного деда!

Выходит, что ограбили и убили Симона Кананита не абхазы, или абазги, а дикари, которых эти же абазги прогнали, когда заселялись на территории нынешней Абхазии.

Вот такими притчами и рассказиками потчевал я свою юную подружку, или «пляжную» жену, выражаясь словами злых горских женщин. Мы купались в ледяной Псырцхе, пили за память Симона Кананита, сидя на камне-плахе, и частенько удалялись в заросли колючей ежевики. Нет, не только для того, чтобы полакомиться сладкой ягодой, которую согласно известной песне, «рвали вместе». Еще и для того, например, чтобы сменить мокрые купальные костюмы на сухие...

Как-то мы зашли на Ново-Афонский вокзал посмотреть расписание электричек. Гуляя вокруг вокзала, мы вдруг обнаружили, что идем по улице Гулиа. А я и не знал, что в Новом Афоне есть улица имени моего деда. И эта улица, вернее, ее название, неожиданно помогло мне.

Возле вокзала, прямо на путях двое местных мужиков тянули куда-то за руки русских девушек. Одной удалось вырваться, и она звала вторую:

— Рая, ну что ты? Идешь, или я одна пойду? — и в том же духе.

А эту Раю тянул куда-то местный мужик, внешне похожий на армянина. Рая и не шла с ним, но и не делала попыток вырваться. Второй мужик занял выжидательную позицию, и вся эта группа, стоя на путях, вяло препиралась.

Ира, увидев эту сцену, почему-то вышла из себя.

— Прекратите приставать к девушкам, оставьте их в покое! — крикнула она темным мужичкам, но те только рассмеялись в ответ. — Дикари кавказские, аборигены проклятые! — обругала их Ира, и «дикари» озлились.

Непонятное слово «аборигены» они приняли за страшное оскорбление и в один прыжок оказались перед нами. Я загородил собой Иру и вспомнил весь запас бранных армянских слов. Вдруг несколько калиток на улице имени моего дедушки отво-

рилось, и пять-шесть аборигенов, внешне почти неотличимых от первых двух, угрожающе расположились перед нами полукольцом. Дело запахло избиением. И тут, в безвыходном положении, я решил сыграть на названии улицы, где мы находились.

Я достал свой паспорт, который всегда носил с собой, и раскрыл его на своей фотографии:

— Смотрите на мою фамилию, вы живете на моей улице! Тронете меня или жену — будете иметь дело с моим братом — начальником вашей милиции Иваном Гулиа, или с моим вторым братом — абреком Ленчиком Гулиа.

Армяне, приблизившись, прочли фамилию в паспорте, посмотрели на фотографию и испуганно отошли назад. Им всем был хорошо знаком начальник поселковой милиции Иван. А абрека Ленчика они, к своему счастью, хоть и не знали лично, но слышаны о нем были достаточно. В любой момент абрек со своей дружиной мог спуститься с гор и обложить их данью. Это, конечно, было бы пострашнее брани, которой по-армянски обложил их я.

Мой далекий родственник Ленчик был хорошо известен в Абхазии своими подвигами. Как-то милиционеры обложили данью ресторан, анонимно принадлежащий Ленчику. Они каждый день навевались туда и бесплатно обедали. Так продолжалось года два, после чего милиционеры нарушили какой-то договор. Тогда Ленчик разослал им открытки с сообщением, что в его ресторане милиционеров два года кормили собачьим мясом. «Я всегда знал, что вы — собаки, и два года кормил вас мясом бродячих собак!» — гласило послание.

Еще однажды его заклятые «друзья» милиционеры застали Ленчика в конспиративном домике, где на столе стояло несколько тридцатилитровых бутылей с «контрабандным» спиртом, из которого на подпольном заводе делали коньяк. Ленчик мгновенно опрокинул стол, все бутылки свалились на пол и разбились. Стоя по щиколотку в спирту, он достал зажигалку и пообещал, что при приближении к нему взорвет дом. Милиционеры выбежали наружу, а Ленчик, пьянея от паров спирта, простоял там несколько часов, пока жидкость не испарилась. Потом, как ни в чем не бывало, вышел к милиционерам. Улики испарились, а за битое стекло «калыма» не берут. И милиционеры ушли от него не солоно хлебавши.

Вот с каким героем предстояло иметь дело армянам, если бы они тронули брата абрека или его жену! Толпа тихо разошлась, а двое «зачинщиков» вернулись к своим русским подружкам, которые верно ждали их на путях и безропотно пошли с ними.

Все закончилось «путем», но я попросил Иру впредь, если ей дóроги ее жемчужные зубки, шелковая кожа и сиреневые глаз-

ки, не делать больше замечаний аборигенам. Если, конечно, дело происходит не на улице Гулиа, а сама Ира не находится рядом с «братом» милиционера Ивана и абрека Ленчика!

Все было хорошо и безоблачно. Но я не зря сказал, что Ира была очень начитанна и помнила про Манон Леско. Она и сама была натуральной Манон Леско. Двадцати четырех дней, видите ли, не могла сохранять мне верность!

Я знал, что ей не терпится на танцплощадку, и отпустил ее, а сам, бесясь от ревности, напивался в своей комнате до чертиков. Однажды даже, схватив дубину, раздетый по пояс (для устрашения танцоров мышцами и волосатой грудью), я ворвался на танцплощадку. Там я с трудом нашел Иру, танцующую с каким-то хлюпиком, отнял ее и уволок, погрозив дубиной потенциальным соперникам. Но Ира, используя женскую власть, испросила-таки у меня право ходить на танцплощадку. А я-то следил за ней и обнаружил, что на танцах ее не видно. Это уже было изменой!

Рядом с моей комнатой, с другой от Иры стороны, жила одна в своем «угловом» номере толстая проститутка. Посетители лезли к ней по пожарной лестнице, проходившей рядом с ее окном, по два-три за ночь — последовательно, конечно. По вечерам у нее был тайм-аут, и я, отпустив «мою Манон» на танцы, зашел к толстушке поболтать. Она тут же охаяла мою пассивность, обозвав ее тощей селедкой и сукой. Оказывается, все, кроме меня, знали, с кем еще встречается Ира, и живо обсуждали наши с ней отношения. Они ждали, чем все кончится, и жаждали крови. Так, по крайней мере, поведала мне толстушка легкого поведения.

— Солидный ты мужик, нет бы тебе с солидной бабой связаться, а ты сыкуху какую-то выбрал! — в сердцах высказала мне толстуха-легковуха.

Тут дверь ее комнаты открывается и в ней появляется разъяренная Манон.

— Тебе мало по десять кобелей за ночь, еще и моего мужа захотела оприходовать! — заорала на толстуху Манон и, схватив меня за руку, выволокла из комнаты.

— Ты успел ее трахнуть или нет? — прижав меня к стенке, строго спросила Манон. Я испуганно замотал головой. — У нее же весь венерический букет, нам все про нее в поликлинике сказали! — шипела на меня Манон.

Она затащила меня в мою комнату, Мишка пулей вылетел в коридор. Это очень интересно и ново — акт с разъяренной от ревности женщиной. Я, правда, забыл спросить Манон о «венерическом букете» ее другого любовника. Мы договорились, что Ира больше не будет ходить на танцплощадку, благо до кон-

ца отдыха осталось дня четыре. Но следующим же вечером она опять исчезла. Я заходил на танцплощадку, искал ее, но не нашел. В ярости зашел я к себе в комнату и нажрался водки, но не опьянел, а только задурил себе голову.

— Убью! — решил я. — По-кавказски убью за неверность! И суд меня оправдает!

Я уселся на балконе и стал ждать возвращения Иры. Мне была видна дорожка ко входной двери корпуса. В полночь эта дверь закрывалась, и войти в корпус можно было только по толстухиной пожарной лестнице. Десять часов, одиннадцать, полдвенадцатого. Иры нет. Я почти протрезвел и стал уже волноваться за безопасность моей возлюбленной. Без пяти двенадцать внизу появляется бегущая фигурка девушки. Это была Ира.

Я вошел в комнату и сел за стол. Ира, запыхавшись, вбегает в комнату и — ко мне. Я встал и отстранил ее от себя. Потом, спокойно указав на дверь, тихо и безучастно сказал: «Вон!» Мишка крепко, без задних ног спал и ничего не слышал.

— Ты понимаешь, что говоришь? — вспылила Ира.

— Вон! — повторил я, вывел ее и запер за ней дверь.

Я ликовал — сумел-таки преодолеть слабость, показал свой характер. Утром я выждал, пока Ира уйдет в столовую и, собрав шмотки, сообщил дежурной, что выбываю досрочно. Потом тихо спустился и быстро пошел к выходу с территории дома отдыха. И тут у самых ворот, прямо навстречу мне — Ира.

— Нурбей! — позвала она и остановилась.

Я молча покачал головой и, обойдя ее, зашагал дальше. Думал, что не выдюжу, остановлюсь, но сдюжил. Даже оборачиваться не стал, знал, что она смотрит мне вслед. Дошел до остановки автобусов и сел на ближайший сухумский.

Несколько дней я пробыл в Сухуми без Тамары в компании мамы и старшего сына с женой. У них к тому времени уже был трехлетний сын — мой внук. Внука назвали в мою честь Нурбейем и был он мне полным тезкой — имя, отчество и, естественно, фамилия у нас были одинаковы.

В маленькой Абхазии сплетни расходятся чрезвычайно быстро, и к моему прибытию в Сухуми семья уже была наслышана о моей молодой жене. Зная, что от Тамары это не утаить, я во всем ей признался уже по дороге от поезда домой. Сказал, что черт попутал и что все вышло по-пьянке. А как протрезвел, мол, бросил все и бежал в Сухуми.

Скажу заранее, что Ира уже в сентябре позвонила мне из Киева, покаялась, и мы помирились. А вскоре она заявила в Москву и пришла к нам в гости. Как всегда, у нас был и Саша, почти ровесник Иры. Я их познакомил, они очень смотрелись вместе, и мы оставили их у нас на ночь, причем в отдельной комнате.

Но, как оказалось, зря. Он заявил потом, что она ему не понравилась, а она — что он ей. Но это было после, а весь вечер мы провели весело — выпили и вспомнили наши гудаутские подвиги. Ира в лицах рассказала про соревнования по стрельбе с милиционерами и свою решающую фразу из кухни: «А мой Нурбей не только сильнее ваших мужей, но и метче стреляет!» Рассказала и про то, как старик Ризабей передал мне мою пинетку, которую отец носил на шнурке на шее, как амулет. Уж лучше бы он уж не снимал ее и не передавал той женщине — может, остался бы жив!

Ира снова спросила, что это такое есть у меня в Москве, про что, все как один, гости на съезде гулиевцев говорили: «У тебя в Москве есть все!» И я указал Ире на Тамару и Сашу:

— Вот это все, что у меня есть в Москве, — любимая женщина и талантливый ученик — моя надежда! Разве этого мало?

Но почему-то мой талантливый ученик не произвел впечатления на Иру. А может, это она на него? Ира уехала к себе в Киев, приглашала нас к себе в гости. Хотя и жила она в общезжитии, но все-таки пригласила. Правда, на приглашение откликнулся я один, да и то останавливался не у Иры, а у моего друга Юры. Туда же переселялась на время моего приезда и Ира.

Тамара прощала мне эти маленькие шалости — Ира ей понравилась своей прямоотой, отсутствием комплексов, да и молодостью. Эта симпатия была взаимной: Ира оценила в Тамаре искренность и теплоту, хотя и была на четырнадцать лет моложе ее.

Мы с Тамарой из Сухуми съездили в Тбилиси к моим родственникам в гости. Я показал ей дом, где жил в детстве, двор, с которым связано столько далеких событий. Двор весь порос бурьяном, ужасный туалет был снесен. Меня поразило то, что все окна в доме были закрыты и никто из соседей даже не выглянул. Немыслимая ранее ситуация! Более того, за полчаса, что мы гуляли по двору, никто не прошел в дом и во двор, а также и обратно! Как повымерли все!

Показал я Тамаре и место расстрела демонстрации в 1956 году, памятник Эгнатэ Ниношвили, который защитил меня тогда от пуля своей каменной грудью¹. Тамара поскребла пальцем дырки на этой груди, замазанные цементом. Мы обошли все памятные исторические места Тбилиси: побывали на горе святого Давида, у памятника моему деду в Ортачала, в пантеонах, церквях, ботаническом саду и зоопарке. Гуляли по моей любимой улице Плеханова, переименованной теперь на какое-то грузинское название.

¹ Об этих жутких событиях читайте в книге Н. Гулиа «Русский декамерон, или О событиях загадочных и невероятных». (Рег.)

Но весь Тбилиси был похож на мой старый двор — окна закрыты, соседей нет, «все ушли на фронт». Видимо, это было предвестие упадка Грузии, и Тбилиси в частности, наступившего после развала СССР, распрей и внутренних войн в этой стране.

Из Тбилиси мы все уже в конце августа вернулись в Москву. Купе наше было переполнено стеклянными «четвертями» с восьмидесятиградусной чачей. Мы тщательно скрывали от проводника эти бутылки, которых было не менее десяти. Ведь в них был практически чистый спирт, который горит, как бензин. Коварство спирта в том, что он для своего горения требует почти втрое меньше кислорода, чем бензин, и может сгорать даже в очень спертых помещениях. Известны случаи, когда «проспиртованные» люди, пытаясь закурить, сгорали изнутри. Пары спирта смешивались даже с небольшим количеством кислорода в легких, сгорали там, и человек «выгорал» изнутри. Не балуйтесь спиртом и сигаретами одновременно! Это я как бывший «химик» вам говорю!

СЮЗИ

В 1986 году в конце апреля произошла катастрофа в Чернобыле, и все, кто мог, выехал и вывез своих детей из опасных районов. К нам приехала невестка Юры Дзюбы с его внуком — ребенком. Приехала в Москву на лето и Ира, но остановилась, разумеется, не у нас. Мы украдкой встречались у Мони.

В начале сентября Ира уехала продолжать учебу в Киеве. К новому 1987 году уехали в Киев родственники Юры, и мы почувствовали себя в нашей таганской квартире необычайно просторно. Но уж лучше бы они продолжали оставаться у нас, тогда, может быть, я не совершил бы огромной ошибки в своей жизни. А возможно, так и было нужно Провидению, для того чтобы исполнилось предсказание Голоса. А случилось вот что.

Тамара не реже раза в неделю уезжала к своей матери с дочкой и нередко оставалась там на ночь, а то и на две. И я чаще всего использовал эти моменты, приглашая к себе давних, а то и случайных знакомых.

Наша телепередача «Это вы можете!» была тогда в зените славы. После записей передачи, которые происходили обычно в большой аудитории, чаще всего в студии Останкино или на ВДНХ, у меня оказывалось достаточно новых знакомых дам. Выбрать из них подходящую и пригласить посмотреть чудо-сауну в моей квартире труда не составляло. Бывало, что для этого девушки даже оставляли своего кавалера, с которым пришли на запись. А Тамара же обычно в эти дни уходила к матери, во-пер-

вых, потому что меня не было дома весь вечер, а во-вторых, я сам способствовал этому.

Вечер мы с новой знакомой обычно проводили, как сейчас говорят, в «тестировании» чудо-сауны, заготовленного заранее шампанского, а под конец — и друг друга. Утром мы пили — кто кофе, а кто пиво, и разбегались, иногда даже не обменявшись телефонами.

Конечно же, я читал газеты и слушал сообщения про ужасную болезнь — СПИД, но считал ее пока уделом Африки. Разных там Заиров, Зимбабве, Мозамбиков и так далее. Но, на всякий случай, держал в ящике письменного стола презервативы, хотя в самые ответственные моменты про них забывал. Да и девушки хороши — нет, чтобы самим вспомнить о безопасном сексе, бесстрашные они какие-то! Или влияло то, что мы оба были сильно «тепленькими» и в охотничьей эйфории.

В те годы моя сексуальная жизнь, кроме Тамары, с которой я жил как с женой, и этих спонтанных встреч, сводилась к периодическому посещению еще двух Тамар — Ивановны и Витольдовны. Конечно, не принимая в расчет тех конфиденциальных гостей, о которых я должен умалчивать. Если звонила Витольдовна, которая в очередной раз «прощала» меня, я обычно бросал все и бежал к ней. Даже Тамара-маленькая своими слезами не могла удержать меня от этого. Меня тянуло к Витольдовне что-то такое, чего я до сих пор не могу понять. Ведь я даже сейчас часто вижу ее во сне. Правда, вижу и Олю, и Ивановну, не говоря уже о Тамаре-маленькой. У Витольдовны, как и раньше, не засидишься — хорошо если удавалось ночь провести вместе. Утром мы обычно ссорились и разбегались. Случалось при этом иногда и рукоприкладство, конечно же, с ее стороны.

Звонила иногда Ивановна. Конечно же, она дала «от ворот — поворот» своему жениху. Чаще всего она звонила, если у нее что-то там портилось по электричеству или мебель надо было перетащить. Конечно же, по телефону она мне этого не говорила, а только по приезду, после рюмки-другой. Характер у моей старой подруги испортился, и редкая встреча обходилась опять же без рукоприкладства, но на сей раз с моей стороны. Любила она доводить до белого каления — хлебом ее не корми и мадерой не пои! Но после побоища близость была особенно остра и чувственна.

Вот и весь ограниченный «ассортимент» моих сексуальных утех в Москве — не то что несколькими годами раньше! Ездил я и в Киев к Ире, но это нечасто, хорошо если раз в два месяца на недельку. Правда, в Киев я ездил и летом на отдых.

И вот однажды (пишу, и сам замираю от волнения в ожидании роковой встречи) я возвращаюсь с очередной записи пере-

дачи, причем один. Не все коту Масленица! Еще со студии я позвонил Тамаре, убеждая ее прийти домой, но получил отказ.

Злой и обиженный, я выхожу из метро у Театра на Таганке. Домой не хочется, к тому же мы с моим старшим другом — писателем Василием Захарченко, прилично выпили «на выход». Оглядываю милых дам, стоящих возле выхода метро, и вдруг вижу... негритянку. Высокая, худая, очень темная, с миллионом тонких косичек. Днем бы, да на трезвую голову — испугался! А тут — ничуть!

Подхожу, здороваюсь по-английски и с места в карьер предлагаю: «Лет ас гоу хоум ту ми — дринк э литл! Ай лив ниир!» («Пойдемте ко мне домой, выпьем немного! Я живу близко!») Англичане, простите меня за «инглиш», но я ведь был выпивши! «Виз плежар!» («С удовольствием!») — отвечает мне «красавица южная», и мы в обнимку идем ко мне.

По дороге я обнаружил две вещи: негритянка, которую звали Сюзи, немного пьяна, а к тому же она ни слова не понимает по-русски. Или притворяется. Мы добавили шампанского, я включил сауну. Сюзи была приятно шокирована. После сауны мы допили все, что оставалось, и я забылся.

Утром просыпаюсь от сильной головной боли. Пытаюсь определить, где я. Но потолок так высоко, что я ничего не понимаю. Поворачиваю голову налево, и — о, ужас! — рядом со мной лежит нечто голое, черное, с оранжевыми ладонями и змеями вместо волос.

«Все, — думаю, — я на том свете, или еще хрен знает где!» Оказывается, лежим мы с негритянкой голые прямо на полу, вернее, на паласе, поэтому и потолок так высоко. Понемногу память стала возвращаться ко мне, и я покрылся холодным потом. Негритянка — значит Африка, а Африка — это СПИД! Одна надежда — вдруг мы по-пьянке забыли о «любви».

Бужу мою пассивно как можно аккуратнее и, нарушая все законы языка, спрашиваю: «Милая, у нас была любовь вчера?»

— Оф коурс, дарлинг! («Конечно, дорогой!») — отвечает Сюзи, без тени беспокойства.

— Все пропало! — думаю я, не находя рядом и следа презервативов.

За утренним кофе я спросил Сюзи, откуда она приехала. Она назвала какое-то государство, в котором уж точно была буква «з». То есть в числе самых спидоопасных в Африке!

Я по-быстрому выпроводил Сюзи и принялся названивать в антиспидовую лабораторию Вадима Покровского, что на Соколиной горе. Телефон у меня был давно записан. Связавшись с кем-то из лаборатории, я спросил, когда сегодня можно прийти на обследование.

— В чем проблемы? — спросил меня недовольный мужской голос.

— Да переспал с негритянкой без презерватива! — с досадой доложил я.

— А негритянка-то — наша? — спросил голос.

— В каком смысле «наша»? — не понял я.

— Живет она в СССР или приехала откуда-то? — с раздражением проговорила трубка.

— Приехала из Африки, — ответил я, — страна какая-то с буквой «з». Заир или Зимбабве, а может, Мозамбик!

— Это все плохо! — упавшим голосом ответил телефон. — Все очень плохо!

— Так когда можно на анализ? — забеспокоился я.

— Через полгода, не раньше! — ответил голос. — Когда появятся антитела. У нас другого оборудования нет. Но даже и через полгода антитела могут не появиться, они могут вообще не появиться, а человек — инфицирован! — голос раздражался все больше. — Думать надо было, когда ложитесь с африканкой! — и человек повесил трубку.

Потом, когда я услышал голос Вадима Покровского по телевизору, я понял, что, видимо, по телефону говорил со мной именно он. Положение у меня было аховое. Никаких «концов» Сюзи у меня не было, да если бы и были, что бы я с ней делал? Тамара должна прийти сегодня вечером. Как мне с ней поступать? Жить, как будто ничего не произошло, или признаться во всем? Тем более я Тамаре уже стал все рассказывать про свою личную жизнь. Решил покаяться, все равно я по-пьянке во всем бы признался позже. Ожидаю истерики, упреков, слез. Тамара выслушала мои признания молча, сидя на стуле и опустив глаза в пол.

— Что ж, — наконец подытожила она, — жили вместе, а если надо — и умирать вместе будем. Где ты, там и я! Не надо было тебя одного оставлять, тем более выпившего, тут и моя вина. Жизнь продолжается, а теперь давай выпьем! — резюмировала Тамара.

Другим Тамарам я ни о чем не рассказывал. Как бы невзначай предложил пользоваться презервативами, но был осмеян. Более того, поехал я и в Киев, где продолжал встречаться с Ирой. Ира снова сошлась с мужем, с которым было «разбежалась», но и меня не бросила.

Я не понимал, что творю. Взрослый, достаточно умный человек — и совершает поступки преступника! Ведь было не исключено, что я инфицирован. Тогда, кроме Тамары-маленькой, которая добровольно согласилась так рисковать, я мог погубить еще, как минимум (если не считать конфиденциальные кон-

такты, о которых я здесь не рассказываю), двух Тамар и одну, совсем молодую еще, Иру. И если сторонние сексуальные контакты двух Тамар еще под вопросом (хотя какие тут могут быть вопросы?), то Ира официально живет с мужем. Стало быть, кроме женщин, должны погибнуть и их сексуальные партнеры. А у этих партнеров — свои партнерши, и так далее. И во всем буду виноват один я!

Голова шла кру́гом. Постигание этой страшной истины приходило как-то не сразу, а постепенно, день за днем, неделя за неделей. Я стал читать труды по вирусологии о восприимчивости различных фенотипов к вирусу иммунодефицита человека. Стал изучать симптомы заболевания: сильное похудание, на 10 — 12 килограммов, опухание лимфатических желез, кашель. Анализировал методы задержки перехода латентного периода болезни в активную форму. Прочел в зарубежной научной литературе о пользе укрепления иммунитета холодными обливаниями и моржеванием.

Пока морозов не было, я заполнял ванну холодной водой и ложился туда минут на пять — семь. Советую попробовать эту процедуру, и тогда вам ничего в жизни больше не будет страшно!

В конце июня я решил пойти сдать анализы на Соколиную гору. Вместе с Тамарой мы вошли во двор инфекционной больницы и нашли флигель, куда тянулась длинная очередь. Это и была лаборатория, где брали анализы на СПИД. Мы попытались пристроиться в хвост, но вся очередь тут же обернулась и уставилась на меня.

— Что, скрытой камерой снимать будете? Кто пустил сюда телевидение? — раздраженно заворчала толпа.

Мы все поняли и быстренько ретировались. Меня в очередной раз узнали и совсем не там, где хотелось бы. Тогда я решил изменить свой «имидж» до неузнаваемости: сбрил бороду и длинные, до плеч, волосы. Я поразительно стал напоминать один персонаж, знакомый мне по иллюстрации из учебника латыни. Это был римский меняла — мужчина с бритыми бородой и волосами на голове. Мошенничество и обман были просто прописаны на его лице.

Я вспомнил грузинский термин — «коса», или азербайджанский — «кёса», который означает «безбородый обманщик». Интересно, что нет термина «бородатый обманщик», а термин «безбородый обманщик» можно выразить одним словом! Вот на такого «кёсу» я и стал похож. Никогда не думал, что борода так хорошо скрывает мошеннический тип лица, надо посоветовать нашим олигархам немедленно отпустить бороды!

Что ж, на этот раз в очереди меня не узнали. Мы сдали кровь, результат должен был быть известен через три дня. Я не знал,

куда девать себя все это время. Продумав все варианты, я пришел к выводу, что если анализ будет положительным, я, прежде всего, убиваю Тамару, чтобы не мучилась и не подвергалась позору. Затем убиваю двух других Тamar, из тех же альтруистических побуждений. Еще кое-кого из особо конфиденциальных партнеров. Пока не поймали, еду в Киев и убиваю Иру с ее мужем. После этого, естественно, убиваю себя.

Когда я уже должен был звонить в лабораторию и весь трясся от страха, Тамара спокойно доедала свой обед. Меня взбесило это спокойствие, и я сообщил Тамаре о моих планах в случае положительного анализа. Она очень возмутилась и сказала, что это самоуправство и самодурство, но обед все-таки спешно доела.

Я дозвонился до лаборатории и сообщил номера анализов. Жующий голос лаборанта попросил подождать и замолк. Молчание продолжалось минуту, другую, третью... Я понял: анализ положительный, и лаборант сейчас срочно направляет к нам на дом санитаров, чтобы те силой забрали нас в больницу...

Наконец голос ответил, безразличным тоном сообщив, что анализы отрицательные. Я выдохнул, наверное, кубометра два воздуха, и с ним мое беспокойство. Срочно побежал в ближайшую церковь (Покрова Богородицы, что на Лыщиковой горе) и страстно молился — благодарил Спасителя.

У Тамары отпуск был в августе, и мы решили поехать в Сухуми, благо у меня там родилась внучка Маргарита — надо было взглянуть на нее. А в июле Тамара отпустила меня в Киев к Юре потренироваться в спортгородке в Гидропарке.

Встречаться с Ирой стало трудно — она жила с мужем, снимали квартиру. Он временно прописался в Киеве и подрабатывал там, как мог. Но жили они, по словам Иры, плохо. Юра, видя, что я поселился у него один, не стал никуда уходить, и мы жили вдвоем. Вот и встречались мы с Ирой днем у Юры на квартире, пока он был на работе. А в выходные дни и этого нельзя было сделать.

Как-то мы пошли с Ирой в Гидропарк. Я решил искупаться, но Ира удержала меня от этого — дескать, вода в Днепре радиоактивная. На людях мы решили особенно не появляться, взяли выпивку, закуску и сели в кустах. Я с досады перепил, а тут еще пошел дождь. Ира побежала спасаться от радиоактивных, как она говорила, осадков под мост, а я остался лежать на пляже, на топчане. Она тащила, тащила меня под мост, но я заупрямился и так пролежал под дождем.

На следующий день мы встретились в Пуще-Водице, зашли в чащобу и занялись тем, чем положено заниматься в чащобах. Было жарко, я весь вспотел, а потом тут же искупался в пруду. Вечером у меня поднялась температура, а наутро я попытался

излечиться в терме (сауне с температурой до 140 градусов), что была при бывшем заводе «Большевик». Но мне стало в бане плохо, я даже там упал, разбившись до крови. Вот так скомканно и в неудобствах мы провели с Ирой дней двадцать, а потом я уехал в Сухуми. У меня постоянно держалась невысокая температура, и я начал кашлять.

В Сухуми я уже заболел серьезно, с температурой, и вызванный врач констатировал бронхит. Так и провалялся дома целый август. В Москву вернулся весь больной. На работе меня перестали узнавать, кроме того, что у меня уже не было бороды и волос, я похудел на 12 килограммов. В паху, под мышками и на шее опухли лимфатические узлы и был постоянный кашель. Спать я перестал, и исчез аппетит.

Сейчас я подозреваю, что получил-таки свою долю облучения, когда лежал в Гидропарке под дождем и купался в Пущеводице. Но симптомы легкой лучевой болезни и СПИДа так похожи, что я перестал сомневаться и окончательно поверил, что инфицирован. У меня развился психоз: характерная подозрительность и мнительность. В медицине он получил название «спидофобии», оказывается, такое случается с мнительными людьми частенько.

Мы с Тamarой постоянно ходили сдавать кровь, но я не верил отрицательным результатам. Я стал мрачным, раздражительным, все свободное время лежал, отвернувшись к стене. Но была в этом и польза — я начал моржеваться зимой и регулярно тренироваться, поднимая штангу в зале. Перестал ездить в Киев и встречаться с Ирой, а в Москве прекратил ходить к моим Тамарам — Ивановне и Витольдовне. Имидж мой изменился неузнаваемо — из веселого, бесшабашного бородача, гуляки и по весы, я превратился в мрачного, нелюдимого трезвенника, борца за собственное здоровье и нравственность. Меня перестали узнавать даже в нашей телепередаче — чужой бритый мрачный мужик никак не коррелировал со знакомым веселым и агрессивным профессором.

Я стал снова подумывать о своих страшных кровавых планах. Целые дни я валялся в постели, вынашивая ужасные подробности и постоянно принимая транквилизаторы. И вдруг, не выдержав напряжения, в пустой комнате я возопил: «Господи, когда же это кончится? Когда я умру, долго ли мне еще мучиться?»

И вдруг откуда-то с потолка прозвучал голос, громкий и какой-то неестественный, электронный, что ли. Но это не был голос Буратино, какой был у меня, когда я напророчил смерть генералу Ульянову, — это был низкий баритон, хотя, повторяю, какой-то искусственный, синтетический.

— Успокойся, ты не болен, умрешь ты еще не скоро!

Я не поверил себе и долго мотал головой, пытаясь прогнать возможный сон. Но я не спал, все реакции были нормальными. Что делать? Наверное, уместнее всего сейчас побежать в церковь и помолиться. Я вскочил с постели и помчался в церковь Николая на Болванах, что прямо за метро «Таганская». И, вы не поверите, случилось настоящее чудо! На том же самом месте, что и в прошлый раз, я встречаю... Сюзи! Я узнал ее, я узнал бы ее среди тысячи негритянок, я столько думал о ней все это время!

Подбегаю к ней, окликаю, а она шарахается от меня — не узнает. Я же радикально изменился за это время! Она уже начала звать людей на помощь, но я упрямился и уделит мне хотя бы минутку. Оказывается, она сносно говорит по-русски. Или дурачила меня тогда, или подучила с тех пор.

— Сюзи, — умоляющим голосом говорю я ей, — вспомни меня, я — Ник, я был с черной бородой, мы провели ночь у меня дома. Я так искал тебя (я решил применить хитрость, чтобы вынудить Сюзи сделать анализ крови), оказалось, что я инфицирован ВИЧ. Видишь, как я выгляжу. Я боюсь, не заразил ли я тебя! Тебе надо сделать анализ крови, обязательно!

— Ник, — взволнованно отвечает мне Сюзи, — я очень огорчена твоими проблемами, я полагаю, ты не знал об этом, когда пригласил меня к себе. Но ты не беспокойся за меня — я здорова, я регулярно сдаю кровь на анализ, когда приезжаю с родины сюда, это обязательно. И, кроме того, мы же с тобой не занимались сексом, ты что, не помнишь? Ты же был сильно пьян и сразу же заснул!

— Как, я же спросил тебя утром: «имели ли мы любовь вчера?», и ты ответила: «Конечно, дорогой!»

— Английский надо получше знать! — жестко ответила Сюзи, — ты, видимо, перепутал «йестеди» и «туморроу». Ты меня утром на дурном английском спросил: «Дорогая, будет ли у нас любовь завтра?» Ну а я, чтобы не огорчать тебя, ответила: «Конечно, дорогой!» Успокойся, ты не мог меня заразить! Повторяю, я очень сожалею, что с тобой все так получилось!

Сюзи сама поцеловала меня на прощанье и поспешно ушла.

СУДЬБЫ СВЕРШИЛСЯ ПРИГОВОР...

Я, как пьяный, добрал до церкви, зашел туда, упал на колени и стал отбивать земные поклоны. Там же я обещал Богу, что обязательно обвенчаюсь с Тамарой-маленькой, тем более она — «предпоследняя». А корону над ее головой уговорю нести Тамару Грозную, мою последнюю Тамару!

И я осторожно так, намеками, говорю Тамаре, что хорошо бы наконец узаконить наши отношения. И обвенчаться, чтобы потом, на небе (а я не сомневаюсь, что мы попадем именно туда!) оказаться в одном департаменте. Но Тамара удивленно отвечает:

— А так, что ли, жить нельзя?

— Нет, — говорю, — я не какой-нибудь обормот, чтобы незаконно жить с бабой на стыд всем соседям! А что родственники скажут, какой пример молодым мы подаем? И имею ли я право воспитывать молодежь, если сам незаконно сожительствую?

— Ты что, вдруг моралистом заделался, снова с негритяжкой переспал, что ли? — поинтересовалась Тамара.

— А вот чтобы ни мне, ни тебе nepовaдно было к разврату обращаться, предлагаю обвенчаться в церкви и закрепить наш брак на небесах! Без всяких там Мендельсонов! И я рассказал Тамаре о последней встрече с Сюзь, чем несказанно ее обрадовал.

Как положено, подали сначала заявку в загс. Дали нам пару месяцев на размышление. Я даже возмутился: что, пятнадцати лет, которые мы прожили вместе, мало, еще двух месяцев не хватает? Но закон есть закон!

За эти два месяца я договорился со священником в ближайшей к нам церкви о венчании. Это была маленькая старинная церковь Покрова Богородицы, что на Лыщиковой горе. Священник, как и Тамара, оказался тоже болгаринoм по национальности, и звали его отец Иоанн Христов. Наметили венчание на 11 июня, прямо после загса. Все эти два месяца Тамара шантажировала меня, если что не так — не пойду, мол, за тебя замуж! Но я терпел — намеченное надо было реализовывать непременно! Ведь это — перст судьбы, жди, когда еще все так точно сойдется!

11 июня нас по-быстрому расписали в загсе. «Именем Российской Федерации» нас объявили мужем и женой. Смешно, ей-богу, — почти как «именем революции»! А просто, по-человечески нельзя? Женщина-инспектор уже было собралась нажать музыкальную кнопку, но я прижал ее руку к столу и попросил: «Пожалуйста, нам без Мендельсонов. Мы сейчас в церковь идем!»

— Ну и правильно, — обрадовалась она, — так и надо!

Своим «шафером» я попросил быть преподавателя нашей кафедры Виктора Клокова, с которым успел подружиться. Оставалось уговорить Витольдовну быть при венчании «подругой» Тамары. Она неожиданно легко и быстро согласилась, и я познакомил мою последнюю Тамару с предпоследней. Они давно были знакомы заочно и сразу перешли на «ты».

11 июня 1993 года погода была солнечная, теплая. Прибыли в церковь всей компанией, а там перерыв. Нашли отца Иоанна, тот позвал регента, который как-то «не по-русски» стал торговаться:

— Хор я уже отпустил, теперь нужно всех по телефону вызывать, такси оплачивать!

— Сколько? — коротко спросил Клоков.

Регент назвал сумму, сейчас она будет выглядеть странной и непонятной. Какие-то там большие тысячи, это долларов около ста. Я отдал ему деньги.

Подошел звонарь.

— Звонить будем? — спросил он почему-то Клокова.

— Сколько? — просто, по-русски спросил Клоков.

— Сколько не жалко, — замялся звонарь.

Мало разбираясь в непонятных для меня деньгах, я протянул ему сто рублей. Вполне приличная сумма, но пару лет назад. Звонарь так и остался с вытаращенными глазами.

— Он иностранец, в наших деньгах не разбирается, — пояснил Клоков и дал звонарю тысячу. «Потом отдашь!» — прошептал он мне.

Осталось узнать у самого «главного» — отца Иоанна, сколько подобает заплатить ему. Но спросить об этом у него я не решился — выручил Клоков. Он же и заплатил, не забыв прошептать мне: «Потом отдашь!»

Хор оказался на месте, такси не понадобилось, отец Иоанн позвал помощников, и обряд начался. Помощник принес какие-то короны, но священник строго приказал ему: «Неси царские!»

Принесли «царские» короны — ажурные, большие. Витольдовна — красивая и торжественная, несла корону над головой Тамары; Клоков, чуть не засыпая на ходу, — над моей. Добрый отец Иоанн, давая нам с Тамарой испить вина, налил в чашу столько кагора, что я даже захмелел.

Вот и, выражаясь словами поэта, «судьбы свершился приговор». Я венчаюсь со своей предпоследней Тамарой, а корону над ее головой несет моя Тамара последняя! Ну, это Голосу надо было просто постараться, чтобы его предсказание сбылось настолько точно, просто буквально. Я даже не слышал, чтобы достаточно сложные предсказания когда-нибудь и где-нибудь сбылись настолько точно!

Запел хор ангельскими голосами, зазвонили колокола, отец Иоанн водил нас вокруг аналая — все было очень торжественно. У Тамары даже навернулись слезы на глаза от значительности момента. Отец Иоанн выдал нам свидетельство о венчании, подписанное размашисто — Христов. «Почти Христос!» — простодушно заметил священник.

Меня записали с моих слов Николаем, я пояснил, что так меня крестили. Хорошо, что у Тамары оказалось «легитимное» имя, а ведь могли назвать какой-нибудь «Лениной» или «Октябриной». Тогда опять объясняйся!

Закончив обряд венчания, мы отправились пешком домой, благо идти было минут пять. Клоков отстал немного, а потом, к нашему удивлению, подошел вместе с отцом Иоанном, уже одетым цивильно. Тот перекрестился на огромное распятие, висевшее у нас на стене, и мы сели за стол. Отец Иоанн поначалу пытался поучать меня цитатами из Евангелия. Но видя, что я, подхватывая их, продолжаю наизусть, махнул рукой, и мы принались за вино.

Мне было страшно находиться в такой непринужденной обстановке с таким большим «начальником» — посредником между Богом и нами, грешными. А потом вино сделало свое дело, и мы под конец сидели чуть ли не в обнимку, напевая псалмы царя Соломона.

Но все кончается, кончилось и наше свадебное застолье. Начались будни женатого человека. Поначалу мне казалось, что это невозможно — сохранять сексуальную верность одной женщине. Несколько раз я был очень близок к грехопадению, но либо случай, либо сам Господь Бог предотвращали это.

То в сауне, где все уже было готово к грехопадению, гас свет, и приходилось вызывать электрика. А в сауне третий, тем более электрик, как известно, лишний. То сильно перепивал в номере гостиницы, где был не один, и дама оставалась неопороченной, а я уходил с молитвами благодарности.

А последний случай уж совсем мистический.

Ну, одним словом, так сложились обстоятельства, что я оказался в койке с одной старой (не в смысле возраста, а скорее давности знакомства!) и очень темпераментной подружкой. Той самой, с которой я встречался иногда по субботам, и выходные данные которой я не упоминаю по причине конфиденциальности. Короче, муж ее — мой давний друг, просил не разглашать ее имени. Вот мы с ней и решили, что если мы бывали близки и раньше, то есть до венчания (причем, и Тамара, и муж «дамы икс» знали об этом), то греха меньше. А в самый ответственный момент в этой самой койке я вдруг слепну на правый глаз. Совсем как злодей Савл, он же апостол Павел впоследствии. Только он ослеп сразу на оба глаза, а я — на один, греха, видимо, было все-таки меньше. Моргаю, моргаю — проморгаться не могу. Темнота полная, как после выстрела «световой пушки».

И вот вместо любовных утех — скорая офтальмологическая помощь в клинике, что возле площади Маяковского. Оказалось,

из-за спазма закупорилась артерия, питающая глазной нерв. Постепенно зрение вернулось, а страх-то остался! Правда, через какое-то время он все-таки прошел, и крамольные мысли об этой подруге, да и не только мысли, возобновились.

Но я все недоумеваю — отчего ко мне несправедливость такая? Ведь Господь, еще при изгнании Адама и Евы из рая, обещал людям полную свободу действий. А ответ за все — лишь на Страшном Суде. Почему же Он меня постоянно курирует, как малое дитя? Туда «низя», сюда «низя»! За то — шлепок, за это — подзатыльник! То электрика в сауну пошлет, то слепоту в койку. Никакой жизни! Дал бы возможность, как другим, погрешить вволю, а там уже на Страшном Суде я «оптом» бы за все отчитался!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Друзья и знакомые часто спрашивают у меня: «Вот ты специалист-тамаровед, так скажи, пожалуйста, чем Тамары отличаются от женщин с другими именами? Или, по крайней мере, отличаются ли сами Тамары характерами друг от друга? Ведь говорят, что по имени человека можно определить и характер, и пристрастия, и многое другое, короче говоря, менталитет человека?»

Я подошел к этому вопросу со всей серьезностью, ибо он интересовал меня не меньше, чем моих друзей и знакомых. Поэтому я первым делом ознакомился с данными эзотерики о тайнах имени, о значении имени в жизни человека. Чтобы ответ был «по науке», а не с бухты-барашки.

Воспользовавшись Интернетом, я заглянул в Астроцентр, где раскрываются тайны имен, и вот что узнал об имени Тамара.

ТАМАРА — по-древнееврейски «финиковая пальма». Отсюда произошло еврейское имя Фамарь, хорошо известное нам по Библии.

Далее, как человек, довольно долго проживший в Грузии и неплохо знающий ее язык и историю, я сделал вывод, что это имя, перекочевав в Грузию, изменилось на «Тамар», потому что в грузинском языке нет как буквы «ф», так и мягкого знака. Точнее, первая буква этого имени была не «т», а особая грузинская буква, произносимая как смягченное «т», что-то вроде «th». С такой буквы, например, начинается на грузинском языке название города Тбилиси. Ну а уже в русском языке это «th» преобразилось в «т», да и окончание имени стало соответствовать женскому роду. Так появилось на Руси имя «Тамара».

Кстати, часто, даже в печатных изданиях, утверждается, что имя Фамарь, а от него и Тамара, происходит от названия дерева «смоковница». Так вот, смоковница — это не что иное, как инжир, а на инжире, как известно, не растут финики. И я, не будучи ни древним, ни современным евреем, утверждаю, что имя Фамарь происходит все-таки от пальмы, а не от инжира. Пута-

ница произошла, как я думаю, из-за того, что «инжир», или «винная ягода», по-немецки «Fiege», переключался в русский язык под названием «фига» (в хорошем смысле этого слова!). А фигу у нас стали путать с фиником. Да простят меня филологи, что я отбиваю у них хлеб (с маслом!), но этот вопрос надо было прояснить.

Так вот что говорит Астроцентр о женщинах с именем Тамара:

«Неуравновешенны, артистичны, любознательны, любопытны. Всю жизнь ищут себя, пробуют определить свое призвание, часто нервируя окружающих. Вспыльчивы. Милы. Постоянно играют роль: то очаровательной домохозяйки, то деловой, то экспрессивной женщины. Обожают производить сенсацию своим появлением. Их сексуальные возможности неограниченны. Своим телом они умело пользуются, как инструментом наслаждения. Обладают максимальной эротической возбуждённостью. Неверны, если муж среднего темперамента и возможностей. Испытывают непреодолимую потребность в сильном, изматывающем партнере. Очень любят перемену ощущений, впечатлений, разнообразие обстановки. Путешественницы, с удовольствием обременяющие ближних своими проблемами».

А вот что думают о женщинах с этим именем в эзотерическом центре «Аквилон»:

«Тамарочка с детства не выносит однообразия. Неспособна надолго увлечься игрой, чтением, хотя по натуре своей любознательна, любопытна, всем интересуется, до всего ей есть дело. Артистична, с явным удовольствием выступает перед гостями, чуть повзрослев, участвует в театрализованных представлениях. Она постоянно играет какую-то роль: то послушной и прилежной девочки, то взрослой тети, то персонажа понравившегося ей фильма. Мила, приветлива с хорошо знакомыми ей людьми, к незнакомым относится настороженно. Обязательна, старательна, склонна делать критические замечания ровесникам».

Тамары работают в разных отраслях; из них получаются неплохие руководители.

В семье Тамара — почти всегда лидер. Она самостоятельна, привыкла рассчитывать только на свои силы. Попытки мужа изменить ее приводят к трениям, и, если муж продолжает упорствовать, дело может закончиться разводом. Поэтому часто муж Тамары моложе ее. Бюджетом семьи также распоряжается Тамара, и делает это довольно умело. Упрекнуть ее в неразумных тратах почти невозможно, исключая случаи, когда речь

идет о покупках для детей — здесь она не останавливается перед ценой. Ревнива, поводов ей лучше не давать — испортит настроение и себе, и другим. Вспыльчива, но, повздорив, накричавшись и наплакавшись, быстро успокаивается. Отличается умением хорошо готовить, любит наводить порядок в квартире, привлекая к делу мужа и детей. Большая любительница путешествий, охотно знакомится с новыми людьми».

А теперь послушайте, какими были мои Тамары на самом деле:

Тамара первая — «царица»: экстравагантна, непредсказуема, сексуальный вампир, неверная жена.

Тамара вторая — «идеальная»: спокойна, уравновешенна, точна, педантична, исполнительна, верна слову; в последующем — идеальная жена и мать.

Тамара третья — «домашняя»: дружелюбна, но ленива, достаточно бестолкова, тихая обманщица; в прошлом — мужене-навистница.

Тамара четвертая — «любовь с первого взгляда»: взрывной темперамент, не верна мужчинам, но верна дружбе, выдумщица, оболстительница, душа компании, не дура выпить.

Тамара пятая — «Мэрилин Монро»: романтична, любительница сексуальной экзотики, садомазохизма и любовных приключений.

Тамара шестая — «ревнивица»: умна, начитанна, влюбчива, но необузданно, болезненно ревнива и подозрительна, ревную к женщинам, мужчинам, детям, животным, растениям и т. д., и т. п.

Тамара седьмая — «каланча»: из всех черт характера запомнилась только самозабвенная, буквально, материнская любовь к своей красивой, но инфантильной и неадекватной матери.

Тамара восьмая — «маленькая» (будущая жена): молчалива, замкнута, добра, правдива, искренна; среднего темперамента, но к мужикам равнодушна; как жена — в меру верная.

Тамара девятая и последняя — «грозная»: эстетка, обладающая отменным вкусом, хорошая хозяйка и мать, трудолюбива; при этом — самовлюбленная эгоистка, злопамятна, мстительна, жестока к окружающим, особенно к партнерам-мужчинам.

Заметьте, нет ни одной общей черты характера у всех девяти Тамар! Поэтому авторитетно как истинный тамаровед заявляю: по одному имени составить мнение о характере и человеческих качествах женщины невозможно. Конечно же, речь идет только об имени «Тамара». О других именах судить не берусь,

опыт, к сожалению, невелик, не позволяет набрать достоверной статистики.

Остается надеяться, что свое мнение по затронутому вопросу выскажут наши специалисты-феминисты, начиная с «анфисоведов», «белловедов», «варвароведов» и далее по алфавиту, заканчивая «эдитоведками», «юлиеведками» и «ядвиговедками». Лиха, как говорится, беда — начало! Раз появился «тамаровед», будут и остальные! Так пожелаем же им удачи в их трудной, но общественно-полезной деятельности!

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге и ее авторе	3
От автора	4
Глава первая. Времена доисторические	6
Любовная невезуха	6
Повезло, наконец, повезло... ..	22
Адюльтер	30
Жертвы женского насилия	34
Тучково, улица Любвина	39
Измена и дуэль	47
Тайна исчезновения комсорга и конец любви	53
Непроста директорская любовь... ..	58
Глава вторая. Начало «тамароведения»	64
Тамара первая и Голос с Красной площади	64
Прощание с «царицей Тамарой»	70
Таня, бывшая жена друга	76
Пора сюрпризов	82
Жена приезжает и увозит	86
Полезное соседство	90
Глава третья. Бегство с родины	97
Наташа — грешная моя любовь	97
Болезнь африканского вождя	101
Наташкина квартира	104
Могилевская болезнь	106
Веселенький Новый год	111
Добрый доктор Альф	114
Тамара вторая — идеальная	116
Тамара третья — наша, семейная	126
Мой друг Роман	131
Глава четвертая. Курский соловей	138
Ода профессионализму	138
Тамара четвертая — любовь с первого взгляда	146
Болезнь и страсть	151
Томочка, сиречь Мэрилин	156
Щучья икра	166
Загул	170

Одесса	177
Сексуальный домушник	181
Развод	184
«Абриёбшь аспорт абстазара»	186
Ревность патологическая	189
Сплотимся же под сияющим Магендóвидом!	192
Кобель рыжий и кобель черный	195
Авантюра	201
Испорченная свадьба	206
Глава пятая. Дважды москвич Советского Союза	211
Женушкины нравы	211
Марочка-каланча и ее мама Вика	216
Оля + Моня	224
Тамара восьмая – маленькая	229
Расторгуево	232
Развод, еще развод!	237
Тамара – Оля – Тамара	243
Голубые и внучатый племянник вождя	249
Новый год в Марфино	254
Тамара девятая и последняя	258
Глава шестая и последняя. Закономерный финал	263
Генеральша Лика	263
Перевоплощение	267
Сплошные сюрпризы	272
Мисс Грозная	276
Ночной полет	282
Возврат к предпоследней	284
Кадры редеют	290
Релаксация в Гудаутах	294
Съезд гулиевцев	299
Ссора	303
Сюзи	310
Судьбы свершился приговор... ..	317
Послесловие	322

